

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ИЗВЕСТИЯ УрГУ

ЛИНГВИСТИКА

ВЫПУСК 19

Научное издание

Екатеринбург – 2006

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

Л 59

Редакционная коллегия:

Доктор филологических наук, профессор А.П. ЧУДИНОВ (отв. ред.)

Доктор филологических наук, профессор Т.А. ГРИДИНА

Доктор филологических наук, профессор Н.Б. РУЖЕНЦЕВА

Доктор филологических наук, профессор В.И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Кандидат филологических наук Э.В. БУДАЕВ

Кандидат филологических наук М.Б. ШИНКАРЕНКОВА

Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 19./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2006. – 304 с.

ISBN 5-7186-0131-3

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвистики, обсуждение фундаментальных и прикладных проблем языкознания, а также вопросов взаимоотношения языка, культуры и общества. Два основных раздела посвящены политической лингвистике и лингвокультурологии. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами лингвистики.

УДК 410 (047)

ББК Ш 100

**НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ИЗВЕСТИЯ УрГПУ. ЛИНГВИСТИКА.
ВЫПУСК 19**

Подписано в печать 07.07.2006 г. Формат 60х84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 19,0. Тираж 150 экз. Заказ 1784

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@dialup.uk.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0131-3

© Известия УрГПУ. Лингвистика, 2006

Ural State Pedagogical University

*PROCEEDINGS OF URAL
STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY*
LINGUISTICS

VOLUME 19

Editor-in-Chief

A.P. Chudinov

Editorial Board

T.A. Gridina

N.B. Ruzhentseva

V.I. Tomashpolski

E.V. Budaev

M.B. Shinkarenkova

Yekaterinburg, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н. Москва	Эстрадная политология	8
Бенуа В.Л. Колумбия (США)	Функциональная теория дискурса политической кампании	18
Будаев Э.В. Нижний Тагил	Политические метафоры, которыми живут на Востоке	43
Будаев Э.В., Чудинов А.П. Екатеринбург	Историческая динамика политической метафорики	50
Бэнкс Д. Брест (Франция)	Представляя неприемлемое. Предвыборное обращение Ле Пена во втором туре президентских выборов во Франции в 2002 г.	61
Chaban N. Bain J., Stats K., Крайстчерч (Новая Зеландия), Аделаида (Австралия)	"Political Frankenstein" or "Fiscal Gargantua"? Metaphors of Personification in the Australasian News Reports of the EU Enlargement	76
Ви Л. Сингапур	Нарушение языковой схемы? Экзонормативные метафоры в политическом дискурсе Сингапура	94
Водак Р. Ланкастер (Великобритания)	Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу	107
Друлак П. Прага (Чехия)	Метафора как мост между рациональным и художественным	116
Костылев Ю.С. Екатеринбург	Образ поляка в официальных советских текстах	131
Лассан Э.Р. Вильнюс (Литва)	Лингвистика как ангажированное знание	149
Моисеева Т.В. Москва	Российско-американские отношения как сфера-магнит для метафор со сферой-источником «природа»	161
Мусолфф А. Дарем (Великобритания)	Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн кампф»	167

Нахимова Е.А. Екатеринбург	Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры	186
Сергеева Е.В. Санкт-Петербург	Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В.И. Ленина и И.В. Сталина)	196
Солопова О.А. Челябинск	Образ будущего в политическом дискурсе	210

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Банашек-Шапалова А. Катовице, Польша	Мужчина и женщина русских и польских брачных анкет в интернете: параметры описания в цифрах	216
Кайгородова Н.Г. Екатеринбург	Социокультурные стереотипы в коммуникативном поведении: лингвокогнитивный аспект	224
Ларионова А.Ю. Екатеринбург	Отношения предпочтения в дискурсе: аспекты анализа	234
Лесных Т. Катовице, Польша	Языковые средства реализации социальной роли в художественном тексте.	249
Прокопьева А.А. Екатеринбург	Социоморфная метафора в произведениях В.В. Набокова на русском и английском языке	259
Сергиенко Н.А. Сургут	Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных	264
Червиньски П. Катовице, Польша	Речевая стратегия не- и позиция говорящего в языке второй половины XX века	270
Шустрова Е.В. Екатеринбург	Сфера-источник «человек» в идиостиле Р. Эллисона	289

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ 303

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ 304

CONTENTS

Part 1. POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V.N. Moscow, Russia	Stage Politology	8
Benoit W.L. Columbia, USA	The Functional Theory of Political Campaign Discourse	18
Budaev E.V. Nizhnii Tagil, Russia	Political Metaphors the East Lives by	43
Budaev E.V., Chudinov A.P. Yekaterinburg, Russia	The Historical Dynamics of Political Metaphor	50
Banks D. Brest, France	Presenting the Unacceptable: Le Pen's Electoral Tract for the Second Round of the French Presidential Election 2002	61
Chaban N., Bain J., Stats K. Christchurch, New Zealand; Adelaide, Australia	"Political Frankenstein" or "Fiscal Gargantua"?: Metaphors of Personification in the Australasian News Reports of the EU Enlargement	76
Wee L. Singapore	A Hard Habitus to Break? Exonormative Metaphors in Singapore's Political Discourse	94
Wodak R. Lancaster, UK	Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA	107
Drulák P. Prague, Czechia	Metaphors as bridges between rational and aesthetic	116
Kostylev Y.S. Yekaterinburg, Russia	The Image of a Pole in Official Soviet Texts	131
Lassan E.R. Vilnius, Lithuania	Linguistics as Engaged Knowledge	149
Moiseeva T.V. Moscow, Russia	Russian-American Relations as a Target Domain for Metaphors of Nature	161

Musolff A. Durham, UK	Political "Therapy" by Way of Genocide: Anti-Semitic Conceptual Imagery in Hitler's <i>Mein Kampf</i>	167
Nakhimova E.A. Yekaterinburg, Russia	Intertexts, Precedent Names, Textual Reminiscences, and Metaphors	186
Sergeeva E.V. Saint Petersburg, Russia	Means of Manipulation in Political Discourse (on the Material of Oratoric Works of Lenin and Stalin)	195
Solopova O.A. Chelyabinsk, Russia	The Image of Future in Political Discourse	210

Part 2. CULTURAL LINGUISTICS

Banashek-Shapovalova A. Katowice, Poland	Man and Woman in Russian and Polish marriage advertisements on the Internet: Parameters of Quantitative Description	216
Kajgorodova N.G. Yekaterinburg, Russia	Sociocultural stereotypes in Communicative Behaviour: Lingual-Cognitive Aspect	224
Larionova A.Y. Yekaterinburg, Russia	Relations of Preferences in Discourse: Aspects of Analysis	234
Lesnykh T. Katowice, Poland	Lingual Recourses of Social Role's Realization in the Literary Text	249
Prokopjeva A.A. Yekaterinburg, Russia	Sociomorphic Metaphor in Nabokov's Works	259
Sergienko N.A. Surgut, Russia	A Comparative Analysis of Russian and English Adjectives	264
Czerwiński P. Katowice, Poland	The Communicative Strategy "Ne-" and the Position of Speaker in the Language of the Second Half of XXth Century	270
Shustrova E.V. Yekaterinburg, Russia	Conceptual Domain "Human Being" in Prose of Ralph Ellison	289
List of contributors		303
List of translators		304

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Базылев В.Н.

Москва

ЭСТРАДНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Abstract

Bazylev V. Stage Politology. This article is a result of author's reflection on public political text and the ways of its interpretation. The author proposes an analysis of creation of authentic political reformation text. According to his research pre-revolutionary (1917) political and social problems of the analyzed texts are identical to those existing nowadays. This "speech background" became a basis for creation of political reformation text in Russia during the last century. The author analyzes two problems: 1) what fragments does reformation text consist of? 2) what exactly does it structure outside itself? As a result the author makes the following conclusions. One of the main specific features of reformation thought in Russia is its ideological character, when historic events are seen through ideology. This process was determined by V. Klyuchevskiy and N. Berdyaev in the following way: what is discussed as a scientific hypothesis in the West is taken as absolute truth in Russia. Russian attitude to the past is "non-identified" model for the world. And if we can keep all the richness of traditions then the XXI century will become the first true century of the past in the humanity's culture.

****

(Эстрада – 1) вид искусства; включает т.н. малые формы драматургии, драматического и вокального искусства, музыки, хореографии, цирка и др.; в концертах отдельные законченные номера объединены конференсом или несложным сюжетом (обозрение; как самостоятельный вид искусства сформировалась в конце ХХI века; 2) сценическая площадка (постоянная или временная) для концертных выступлений артистов)

Как-то, кажется это был 2004 год, я краем уха слушал по ТВ передачу, которую вел тогда еще здравствующий А.Бовин. Фоново воспринял словосочетание: эстрадная политология. Записал на листочке бумаги – вдруг пригодится. Конечно же в контексте передачи А.Бовина эти слова, будучи тропом, относились к политическим и околополитическим персоналиям-персонажам, «юрдствующим во Христе». Мне же это словосочетание сегодня пригодилось как отправная словоточка для **размышлений о том, как ныне можно/нужно воспринимать публичный политический / политизированный текст и относиться к нему, какие исследовательские задачи актуальны в этой связи сегодня.**

Публичный политизированный текст в России выступал и выступает в одной из главных своих ролей – местодержателя культуры. Своими коммуникативными тактиками, своей формой текст удерживает общение и благо народа, страны, нации вместе, буквально в месте культуры, в рамках разумно-духовной целостности. И совершенно закономерно, что происходит столкновение текстов,

в котором побеждает тот, кто в состоянии удерживать культурную целостность или предложить такие коммуникативные тактики и такие принципы благополучия, т.е. получения блага, которые представляются субъекту адекватными данной культурной целостности.

Такие столкновения текстов происходят постоянно, в том числе и в микромире культуры, на уровне индивидов, и в макромире культуры, на уровне больших людских общностей, этнорегиональных групп, государств. При этом человек, если он хочет быть «своим» по отношению к культуре, должен принять, выучить и воспроизводить усвоенный текст. В том случае, если он не хочет воспроизводить данный текст, принятый культурой, он провоцирует конфликт на уровне индивидов или на уровне микро-макрообщности.

Политические события в России постоянно демонстрируют, что люди старшего поколения,неважно 60-х годов или 80-х, – те и другие в 2006 году воспринимаются как представители старшего поколения, – остались во многом «советскими» людьми, выбрали традиционный для советской культуры текст, а не те условно говоря «лекции», которые «читала» им либерально-демократическая интеллигенция. Как саркастически заметил в свое время В. Топоров, критикуя либеральных интеллектуалов 90-х, *они в основном разжевывали для массового читателя, зрителя и слушателя сделанное в зарубежной, эмигрантской и диссидентской историографии и политологии, так что порою казалось, что публицистами становились у нас те люди, у которых в застольные годы хватило мужества не уничтожить личную библиотеку тамиздата и самиздата.*

Такие тексты не могли создать и никогда не смогут создать текст реформ – политических, экономических, образовательных, – способный удержать целостность культуры. Ошибка или вина, в зависимости от того, кто оценивает деятельность «говорящего меньшинства» и насколько трагичным для России окажется ее сегодняшнее неустойчивое политическое положение, заключается в том, что **интеллектуальная элита оказывается неспособной создать незаемный аутентичный текст реформации**, чье место и время адекватно отвечали бы современной российской культуре в себе и для себя, то есть феноменологически, для конкретного случая и виртуального множества случаев. *Идей, которые возведут теорию в ранг революционной, обеспечивающей научные прорывы, прорывы мировоззренческие, пока нет. И откуда им появиться, если столько десятилетий человечество занималось только тем, что все свои мысли направляло на хлеб насущный? Все высушено (Евгений Сабуров).* Совершенно ясно, что метатекст реформ, т.е. совокупность политических, идейных, литературных и др. текстов, как западно-восточных, так и созданных в истории государства российского, связанных содержательно с идеологическими настроениями современности, не

смог или пока не смог выстроить вокруг себя культуру новой российской реформации.

Одна из задач, представляющихся мне актуальными в сфере изучения текстов российской власти: проанализировать опыт создания «независимого» **аутентичного текста политической реформации.**

Когда я еще только знакомился с материалами, а они были самые разнородные, – от серьезных исторических исследований до газетных публикаций, – меня удивила и озадачила дореволюционная (1917 г.) социально-политическая проблематика: она подчас дословно совпадала с той, что волнует наше поколение. Конечно, всевозможные совпадения во времени – большой соблазн для «лингвополитолога». Но совпадения могут быть поняты и так, что от прежней исторической ситуации мы унаследовали известную сумму нерешенных проблем, которые все еще живут в недрах общественного сознания и время от времени всплывают на его поверхности, требуя своего разрешения заново и в новых исторических условиях. Проблемы эти таковы: либерализация страны, установление парламентаризма, упорядочивание землепользования и защита частной собственности на землю – особенно остро обсуждается вопрос о ликвидации / сохранении общины, разных формах кооперации, аренды и пр., преимущественное развитие промышленности, необходимое для оттока в города избыточного сельского населения (окончательно эту проблему «решил», как известно, Сталин в 30-е гг.). Ставились вопросы об отмене смертной казни, цензуры, о регистрации обществ и собраний, подчинении бюрократии общественному контролю, о воспрещении в России казенной продажи водки. В 1900 году рассматривался проект об отмене ссылки на поселение в Сибирь в качестве меры предохранения ценной русской окраины от ее засорения нежелательными элементами. Добавим сюда и национальный вопрос, который стоял весьма остро ввиду великодержавной политики царского правительства относительно национальных окраин, особенно таких, как Польша и Финляндия, имевшая свою конституцию. Замечу, что большинство из этих проблем актуальны и сейчас, что как бы связывает воедино российский XX и XXI век. Даже фразеология того периода в ряде случаев совпадает с нынешней. Один либеральный журнал, отмечая рост косвенных налогов и сборов с увеселений, иронизировал: *Как видите, нам живется веселее.* Фраза эта, почти дословно повторенная в 30-е годы по совершенно иному поводу, тем и знаменательна, что служит смысловым знаком связи со старой Россией. Но вот еще один превосходный эпистолярный образец, напоминающий нам совсем близкие годы. *Получили мы с вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, – писал Николай Второй генералу Бобрикову, – и вот выпала для нас тяжелая работа – перестроить это здание или скорее флигель его, для чего, оче-*

видно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке? В ответном письме звучит ответ почто словами современных лидеров: *Мне думается, что нет, не рухнет, лишь бы были применены правильные способы по замене некоторых устаревших частей новыми, по укреплению всех основ надежным способом.* Для решения проблем сельского хозяйства в 1900-е годы создается *Особое совещание*, что читается ныне, после «чрезвычайки», как пародия. А на револьвере, из которого был произведен эсеровский выстрел в харьковского генерал-губернатора, была выгравирована надпись: *Смерть царскому палачу и врагу народа.*

На этом «речевом фоне», или «фоне речей», слагается один из текстов политической реформации в России, оказавшийся наиболее действенным и эффективным на всем протяжении прошлого века. Насколько он был заемным или автохтонным?

Тексты по истории, философии, политэкономии XIX века, как западноевропейские, так и собственные российские, рассматривались как идеальный образец научности, но одновременно подвергались воздействию интерпретации, которая не имела прямого отношения к этому знанию, зарождалась в незнании, в которое любое знание по необходимости вовлечено. Вопросы реформирования экономики, властных структур и пр. оказывались связанными с гетерогенными им проблемами легитимации власти, архитектурой, верой, техниками наказания и пр. В этом присутствовали не аналогии, а гомологии. Оказалось, что не существует единой точки, в которую сходились бы все виды знания и способы его бытования, но все они оказывались пронизанными силами, которые не поддавались рефлексии, что не помешало им стать производящими силами русской культуры в XX веке. От российского «веера культурных практик» начала XX века зависел и марксизм – заемный текст политической реформации в России. Действительно, марксизм явился заемным текстом политической реформации для страны в XX веке. Но надо помнить, что сам «изначальный марксизм» явился результатом игры множества сил, результатом сложной констелляции текстов XVIII–XIX вв. Участники лингвополитических событий XX века приспособили речевой фон эпохи к марксизму с неизбежными при этом издержками. Та самая критика Марксом идеологии как ложного сознания превратилась в значительно более позитивное к ней отношение, местами переходящее в предпочтение идеологии науке. Не случайно в 1929 году родился тезис: *Если мы лишим сознание его знакового идеологического содержания, от сознания ничего ровно не останется.* Наука становится неистинным аспектом социально-идеологического общения. В отличие от монологизма науки, идеология осмысливается как нечто позитивное. Идеология в этой марксистской теории сознания становится как бы инфраструктурой, в отличие от мнения самого Маркса, который

считал инфраструктуру независимой от сознания людей. Делая сознание тотальным, новая концепция приписывает идеологии статус базисного явления, надстройкой над которой является весь план содержания, в том числе инфраструктура в понимании Маркса. Напомню в этой связи принадлежащие тов. Сталину слова, фигурирующие в начале статьи, опубликованной в 1950 году в качестве ответа на вопросы «группы товарищей из молодежи»: *Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение.* Таким образом, первичные практики культуры – в данном случае речевой культуры – начинают работать как сито, пропуская через себя то, что войдет, или не войдет в этот конкретный канон – текст реформации. Полностью речевой и тотально сознательный вариант текста реформации сложится в сталинскую эпоху, его акме придется на 30-50-е годы. Но за ним просматривается большое число автохтонных образований русской культуры, которые легитимируются незначительной частью марковского текста: выпали, например, *азиатский способ производства*, ставший табу; проблематика *превращенных форм*, анализ сознания по независимым от него объективациям; марксов взгляд на русскую культуру и т.д. Стремление к тотальной вербализации, хотя и идет под знаком осознания скрытого, чаще всего цензурирует, вытесняет то, что страшно предъявить на всеобщее обозрение; несмотря на весь наш культ осознанного и словесного наше сознание, вопреки нашей воле, бессознательно воспроизводит старые (в т.ч. сталинские) мифы, клише и стереотипы. Но ведь именно через усвояемые извне идеи и представления в культуру проникают общественные фикции – идеологии. По отношению в Советской России таковым «извне» было все «до 17 года», по отношению к году 2006 таковым «извне» предстает все из эпохи Советской России. Конечно, когда-то и кем-то тексты были выдуманы, они зачастую не являются и не могут, наверное, быть истинно автохтонными, исключая аутентичность традиционного текста, признаваемого за пратекст. Известно, что «Государство» Платона, с которого «писалась» вся европейская культура, восходит в «тексту» Древнего Египта. Затем происходит усвоение, схематизация, выхолащивание индивидуального содержания и, наконец, предстояние в виде некоторых, готовых к массовому использованию универсальных смыслов и жизненных рецептов.

Что же структурирует тест реформации? Это вопрос, за счет синтаксических особенностей русского языка, звучит двусмысленно: но это и хорошо. Смысл первый: из каких фрагментов строится текст реформации? Смысл второй: что он – текст реформации – структурирует/ переструктурирует вне себя самого, вне текста.

Текст реформации структурируют:

- социально-исторические проблемы: Где-то в 1996 году я участвовал во встрече с товарищем В.Шумейко, который в то время был, кажется, спикером Совета Федерации. Там собралось громадное количество писателей, художников. И там он говорил о том, что вся беда в стране в том, что нет идеологии общей. Шумейко говорил: «Это ведь так просто, давайте исходить из опыта русского народа. Что для русского человека самое главное?» Все насторожились: что? А он: «Главное, что духовное превалирует над материальным». Еще у него было два тезиса. Один – что в России важно не богатство, а достаток. А другой я забыл... (Е. Попов);

- проблема самосознания и самоидентификации этноса и культуры: кто мы? откуда мы?: Лжедмитрий II был мошенником, которого не раз секли, и вот он стал русским царем, и при нем довольно долго состоял, поклоняясь ему как царю, митрополит Филарет, тот самый. сын которого стал первым в династии Романовых; и Филарет поклонялся ему, хотя это было какое-то ничтожество, вор, высеченный за свое безнравственное поведение (В. Кожин);

- проблема реалистичной, демократичной и механистичной цивилизации; проблема государственной власти: Я бы сейчас сел и читал Ленина. Ленин оказался единственным человеком, которому на территории нашего государства удалось за несколько лет создать новую идеологию, новую веру. Причем эта идеологическая вера была продифференцирована для разных возрастов, от детей до стариков. И люди шли к цели. Сейчас понятно, что цель была в значительной степени фикцией. Но на пути к этой цели было совершено многое, что требовало духовно подкрепленного единства больших масс людей. И ведь важно: люди были счастливы, потому что они жили во имя определенных идеалов, а такая жизнь осмысленна, она дает уверенность в себе, спокойствие души. Идеалы должны быть. Дети должны знать, кем они хотят быть, должны различать между Плохишем и Кибальчишем... Парадокс в том, что власть в стране на самом деле устроена не так, как она декларируется для населения. Есть политико-экономические группы, имеющие отношение к управлению ресурсами, которые реально и делят власть в России. И в любой стране дело обстоит именно так. Однако есть еще и население, которое живет в этой же стране и которому принадлежат ресурсы страны. И чтобы создать иллюзию причастности населения к собственным богатствам, устраивают кукольный театр институтов власти, парламентов, дум, отчетов чиновников, выборов... И народ думает, что он принимает участие в управлении государством, что он знает персонажей, ответственных за то или иное решение. На самом же деле есть некие кукловоды, которые реально управляют теми, кого мы считаем политиками (А. Ситников);

- проблема разорванности истории и хронологическом несовпадении государственной и личной историй; проблема множественности историй Государства Российского: Дело даже не в географии, не в масштабах страны, сжимающихся на наших глазах. Нам земли хватает для грусти и сегодня. Все дело в том, сумеем ли мы порвать связь времен и снова продолжит то время, которое разорвало

сон. У кого какой был сон: у кого он был печальным, у кого страшным, у кого веселым в 70 советских лет (М. Овчинников);

- проблема революции, т.е. революционного преобразования человека и общества: До революции 1917 года Россия развивалась более динамично, чем другие страны. Был настоящий расцвет и экономики, и культуры.... И вот в обстановке этого неслыханного стремительного развития России с 1893 по 1913 год всем представлялось, наоборот, что мы стоим на месте, все кричали, что мы отстаем... Именно в такой обстановке рождаются революционные идеи. В обстановке скудости люди мечтают только о том, чтобы выжить. Но когда идет бурный процесс улучшения условий жизни – назовите это массовой психологией, как хотите, – людям хочется всего еще больше и сразу. Может быть, это даже не психология, а биология в формах социальных действий... В обстановке экстраординарного развития всем хотелось перемен, всех не устраивала имеющаяся власть (В. Кожин);

- проблема экономической истории: Мир сейчас очень жестко организован, очень четко поделен. Единственной страной, которая в этом переделе участия не принимала, была Россия, потому что она была заслонена «железным занавесом». Но Россия открылась для передела: транснациональные корпорации, мировые финансовые и промышленные элиты получили новую ресурсную и сбытовую территорию. И это территория уже осваивается, не только экономическим способом. Вот пример. Известно, что существуют региональная пресса, региональные средства массовой информации. Они влиятельны. Предвыборные кампании в регионах проводятся через региональные СМИ, никак не через центральные. Так вот, сегодня насчитывается 60 органов региональной печати и электронных СМИ, владельцами которых являются иностранные кампании (Алексей Ситников); Были ли в России чудеса экономические? Да, были. Первое экономическое чудо было в конце 19 – начале 20 века, после реформы Витте, началось энергичное развитие экономики России, очень быстрый переход на европейский уровень производства. И в 70-летие, которое мы прожили под руководством большевиков, чудеса были. Например, в конце 1920-х от миллионов и миллиардов обесценившихся рублей – почти мгновенный переход на твердую валюту, червонец, который конвертировался. Это тоже было чудо. Затем можно говорить о том, с какой скоростью мы сумели организовать военное производство в период войны. Основная часть этого производства была на оккупированном западе страны. А к 1943-1944 году это производство уже было в прежних и даже превосходящих масштабах развернуто за Уралом. Это было настоящее чудо. Другое дело – цена, которую приходилось платить за чудеса (В. Ивантер);

- проблема борьбы: борьбы «за», «против», «во имя» и пр.

Текст реформации структурирует:

- национальное самосознание: Мне кажется, что многие иллюзии и споры кончаются трагическим разочарованием в силу того, что не принимается во внимание русская система ценностей. Самая главная система взаимоотношений – это взаимоотношения между человеком и смертью, то есть Богом, а значит, властью, потому что Бог – это власть последней инстанции. Религия, безусловно, формирует

взаимоотношения между индивидуумом и властью. Поскольку Россия по своей сути сформировалась уже в то время, как она приняла православие, то абсолютно ясно, что русская система ценностей сформировалась под влиянием православия. Взаимоотношения в России с властью всегда, можно сказать, строились по чистой вертикали. Недаром в русской церкви нельзя сидеть, можно только стоять и стоять пять-шесть часов. Это суровая религия, по-моему, во многом определяла и взаимоотношения между личностью и государством. Поскольку взаимоотношения в России между личностью и властью строятся по вертикали, постольку демократические начала или какие-то демократические эксперименты всегда кончались, в общем-то, неудачей. Попытки изменить самое главное, что определяет нацию, систему ее ценностей, ее приоритетов, мне кажется, до сих пор ни разу не удавались. Система ценностей, приоритетов ни разу не изменилась, независимо от строя (А. Доброхотов);

- идеологизированность индивида и общества в целом: Россия всегда была, если хотите, очень рискованной страной. Она всегда была на грани гибели. Именно этим объясняется знаменитая строчка Тютчева «В Россию можно только верить» (эту строчку, как правило, неверно печатают: слово «верить» Тютчев выделил курсивом). То есть Россия - как бы не вполне реальность, потому что она всегда была идеократическим государством, в ней властвовала идея. Православие, самодержавие, народность, идея Третьего Рима... Как только дискредитировалась идея (скажем, она была дискредитирована в результате того, что один за другим погибли все три сына Ивана Грозного, царя, который являлся помазанником Божиим на земле, а в это тогда безусловно верили, тем самым рухнула идея, потому что идея опредмечивалась, воплощалась в Рюриковичах), это приводило к совершенно чудовищным последствиям. То же самое было во время Февральской и Октябрьской революций. Была дискредитирована идея православия-самодержавия-народности. И, наконец, то же самое произошло в 1991 году - дискредитирован очередной комплекс идей. И вот что получилось. Этого не могло быть ни в одной стране - такой мгновенный обвал. Только что была одна из самых могущественных, одна из самых богатых стран в мире, и вдруг она ничего не значит. Хотя, казалось бы, все осталось. Но вынули этот стержень - идею. Но именно потому, что речь идет об идее, Россия и восстанавливается. Вот в Смутное время люди уверовали, что Романов представляет подлинно национальную богоданную власть, и Россия смогла восстановиться после разрушений Смуты (В. Кожин);

- культурологическое отношение к истории: культура - альтернатива истории: Нерв русской культуры - это постоянное анатомирование нас самих, что мы такое - Запад или Восток, в какой степени мы Запад, в какой Восток, являемся мы Евразией или Азией. У этой традиции есть два полюса - положительный и отрицательный. Положительный: непрерывное анатомирование себя на предмет собственной идентичности позволило создать великую русскую культуру. На этом положительном полюсе возникло постоянное прививание к нашему архаическому корню либеральных западных черенков. Другой полюс -

чинопочитание, идущее от того, что мы все же являемся архаическим обществом. Эта традиция – наследие Средних веков. В нашей культуре всегда выстраивался некий деисусный чин (Б. Орлов)... Во многом мои соображения базируются на теории, которая называется «культурологический детерминизм», – теории, которая ставит в прямую зависимость экономическое и политическое развитие той или иной нации от ее ментальности. И мне кажется, что это наиболее плодотворная система мышления сегодня, потому что ни марксизм, ни прагматический капитализм не создали ничего из своей абстрактной идеи человека.

- религиозность индивида и общества: Культурный Древний мир к понятию свободы – к нашему понятию свободы – был на удивление равнодушен. Что волновало древних, так это включенность в систему, в жизнь. Волновало то, получит ли человек свою ячейку, свое место в том или ином сообществе, общине, корпорации. Отсюда и слово «счастье», быть с частью, получить свою долю целого. И отсюда же славянское слово «свобода», потому что оно от праиндийского корня со значением «свое бытие»: я получил «свою часть», получил «свое» и включаюсь в систему «своих». Ключевая семантическая нота здесь – быть среди своих. И свобода всегда толковалась как конкретная связанность с чем-то, привязанность. То, что именуют сейчас, имея в виду российскую ситуацию, «свободой брошенности», в древности быть не могло. И в Средние века человека связывало со «своими» (с единоверцами) церковь. Поэтому церковь была союзницей человека в стремлении к свободе. А государство эту функцию обрело только в XX веке. В XX веке люди сообразили, что государство и человек – это союзники в борьбе за свободу. Это, может быть самое лучшее, чему научил нас XX век. Союз личности и государства – формула сегодняшнего дня (А. Доброхотов); «В Россию можно только верить». То есть речь идет как бы о не вполне реальности. В этой связи приведу слова, написанные одним западным мыслителем в то время, когда Тютчев создал процитированное стихотворение. Вот ведь удивительная вещь, что одновременно с Тютчевым западный, очень умный человек, не любивший, правда, Россию, относившийся к ней, в отличие от Тютчева, подозрительно, написал такие слова: «Россия является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой даже после достижения мировых успехов всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. Ни один из авторов, собиравших ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование». Эти слова Карла Маркса. Чем подобная перекличка объясняется? Россия всегда была государством идеократическим, в нем властвовала идея. Именно власть идеи объясняется духовная высота России. Но, с другой стороны, власть идеи приводила к такому положению, что страна держалась как бы на честном слове. Россия – такая мистическая страна, в которой все время уничтожается идея, но все время и воскресает. «В Россию можно только верить» – это сказано навсегда (В. Кожинев);

- прагматическую концептуализацию истории: Наверное, это банальность, что в России всегда существовал разрыв между писанным

правом и правом обычая. И в спокойные, неконфликтные периоды российского развития формальное право приспособлялось к обычаю за счет лакун и недостатков формального права, а также известных особенностей российской администрации, описанной литературой и фольклором... В то же время мы присутствуем при формировании настоящих, обычных, естественных норм регулирования правовой и экономической жизни. Эти нормы можно охарактеризовать старыми русскими поговорками типа «всяк сверчок знай свой шесток». У нас сформировались государственные квазирыночные «шестки», то есть места, которые определяют возможности – правовые, административные, финансовые, в том числе представляемые государством. Оформились «шестки», оформились люди, их распределяющие, и оформились «сверчки». Идет окончательное распределение «сверчков» по «шесткам». Это и есть российская историческая традиция, если исключить петровские времена, когда бюрократия пыталась возобладавать над правом традиции (М. Леонтьев);

- правовое сознание индивида и общества: Русская мысль опирается на религиозную базу авторитарности – авторитарность не в плохом смысле этого слова, а во всяком. Когда русский человек оценивает власть, будь то князь, царь, император, генеральный секретарь или президент, он знает, что закон можно перепрыгнуть, под закон можно подлезть, закон что дышло. Не закон главное; самое главное, чтобы человек был хороший. Русский смотрит на то, каков человек, и выбор свой делает, исходя из этого фактора. Плюс такой авторитарности можно считать то, что люди остаются людьми, не превращаются в юридические схемы. Минусом же авторитарности являются сами люди, которые добираются до власти: во времена Ивана Грозного, Павла I, Николая II, Иосифа Сталина.... Эти фигуры различны, но их ряд – одно явление, явление одного национально-религиозного обычая в народном мышлении (Е. Левашев);

- интеллектуальный кризис, в т.ч. образовательный: Последний век, век материалистического и механистического созерцания, в значительной мере построен на авторитете науки и на влиянии отдельных научных авторитетов, а они нередко выступают как мифотворцы (И. Шафаревич); В начале века казалось, что с авторитетом будет покончено. Макс Вебер рассуждал о том, что немецкий ученик, приходящий в западную школу, видит в своем учителе не просто учителя, а наставника, вождя, образец жизни. В отличие от немецкого, американский школьник относится к получению знаний как к некоторому обмену. Он отдает за учебу деньги, а учитель ему – знания. Вебер думал, что американская модель должна будет развиваться и победить ... (А. Кобзев);

- кризис власти: В демократическую символику власти органично включено публичное развенчание... Посмотрите на абсолютного монарха Нового времени. Он остается представителем своего народа, но он теряет свою сакральность, и в нем появляется двойственность. Это такой же, как все, человек, который по непонятной логике начинает представлять весь народ. Над царем нависает тень самозванца.... Это маленький человек, маленький, жалкий, обиженный человек, кото-

рый вдруг вознесен на вершину власти. И он, этот маленький человек, никогда не забывает о былом унижении. Удивительный эпизод пересказал кто-то из мемуаристов: Сталин со слезами на глазах смотрел один из классических фильмов Чаплина, где то предстает в роли маленького, обиженного, но очень трогательного человека, и Сталин говорил: «Ведь это фильм про меня» (А. Доброхотов);

Особенностью реформаторской мысли в России, как мы видим, была и остается ее исходная идеологизированность, при которой не идеи «растут из сора» событий, а сами события изменяют свой вид сквозь призму заданной идеологии. Эта сугубая идеологизация заключается, как считал и В.Ключевский, и Н.Бердяев, в следующем: то, что на Западе обсуждается как научная гипотеза, в России принимается за абсолютную истину. Российская ситуация сегодняшнего дня может наводить на печальные мысли. Но если считать, что российское отношение к прошлому, как становится ясно по текстам, не является уже действующей, но пока что «не опознанной» моделью для мира и что богатство традиций сохранится, то нельзя ли решиться на такой афоризм: может быть XXI век станет первым веком среди многих веков человеческой культуры, который будет настоящим веком прошлого?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ажеж К. Человек говорящий. М., 2003.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.
3. Меликов В.В. Введение в текстологию традиционных культур. М., 1999.
4. Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999.
5. Рыклин М. Террорологии. Тарту, 1992.
6. Соколов М.Ю. Поэтические воззрения россиян на историю: в 2-х книгах. М., 1999.
7. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1953.
8. Чередниченко Т.В. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. М., 1999.

© Базылев В.Н., 2006

Вильям Л. Бенуа
Колумбия (США)

Перевод А.М. Стрельникова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ

Abstract

Benoit W. The Functional Theory of Political Campaign Discourse. In this article Professor William L. Benoit represents basic ideas on Functional Theory which is used to analyze political campaign messages in a number of countries. The author introduces a new deeper vision of the electoral process with its axioms and casual connections. It is through Acclaiming, Attacking, and Defending that a candidate moves towards getting most votes. Policy and Character are the two key topics on which campaign discourse occurs. In con-

clusion W. Benoit brings a number of advantages of the functional approach to the study of messages at different political campaigns.

****

Во многих странах проводятся избирательные кампании на право занимать государственные должности. Так, например, предвыборные политические дебаты проходят в Австралии, Канаде, Франции, Германии, Греции, Голландии, Израиле, Новой Зеландии, Шотландии, Южной Кореи, Швеции, Польше, Тайване, на Украине и в Соединенных Штатах. Политическая телевизионная реклама выходит в эфир в Британии, Франции, Германии, Греции, Израиле, Италии, Кореи, Польше, России, Тайване, Турции и Соединенных Штатах. Несомненно, государственный строй различных стран и проводимые в них избирательные кампании имеют ряд отличий. В некоторых странах избиратели голосуют непосредственно за кандидатов; в странах с парламентской формой правления избиратели отдают голоса за политическую партию. Требования к избирателям и правила участия кандидатов и политических партий в выборах также разнятся в отдельных странах. Например, отличием системы правительства в Северной Кореи является то, что президент может избираться на один срок и не может иметь вице-президента [Lee, Benoit 2005]. Следует помнить о данных различиях и их важности. Тем не менее, основная ситуация на выборах – политические кандидаты, партии и организации, пытающиеся убедить большинство избирателей проголосовать за них или представляемые ими политические партии, – является доказательством существования общих черт. Кроме того, в ситуации унифицирования систем массовой информации во всем мире [Hallin, Mancini 2005], можно утверждать и то, что формы сообщений избирательных кампаний начинают все больше походить друг на друга. Политические дебаты и телевизионная реклама, к примеру, регулируются законодательством, но могут рассматриваться скорее как медийные события, а не как аспекты системы правительства.

В настоящей статье описывается функциональная теория дискурса политической кампании, которая может применяться для анализа сообщений избирательных кампаний в США, и, в меньшей степени, в других странах. Очевидно, что данный подход не единственный, однако он заслуживает внимания. Не вызывает вопросов и тот факт, что сообщения политической кампании носят инструментальный характер и направлены на достижение определенной цели (получение политической должности), то есть функциональны по своей сути. Конечно, небольшое количество кандидатов, не имеющих реальных шансов на победу, претендуют на пост в целях саморекламы, но таковых меньшинство. Большинство кандидатов используют предвыборные сообщения для убеждения из-

бирателей проголосовать именно за себя, а не за оппонентов. Анализ языкового материала избирательных кампаний в рамках функциональной теории поможет понять сообщения различных реальных претендентов на государственные посты.

АКСИОМЫ. Функциональная теория дискурса политической кампании основана на 6 исходных положениях, которые подробно представлены ниже. Читатели настоящей статьи, интересующиеся политическими кампаниями, могут судить о соответствии данных положений конкретной ситуации в различных государствах.

1. *Голосование – это акт сравнения.* При голосовании перед каждым гражданином стоит очевидный выбор, а именно: за какого кандидата (или политическую партию) отдать свой голос. Этот выбор между двумя (или более) возможностями, естественно, содержит в себе сравнительное суждение. Неразумно полагать, что все партии или кандидаты одинаково хороши. Возможно также, что избиратель не примет некоторые предложения кандидата или партии, так как среди большинства хороших могут быть и плохие. Каждый избиратель решает для себя, какой кандидат (или партия) представляется ему наиболее *предпочтительным* на основании наиболее значимого фактора.

2. *Кандидаты должны выделяться среди оппонентов.* Первое положение функциональной теории о том, что голосование – это акт сравнения, определяет следующее: если голосование – акт сравнения, то одним кандидатам необходимо сообщить избирателям о том, каким образом они отличаются от других. Если гражданин не видит разницы между двумя кандидатами, у него нет причины предпочитать одного кандидата другому. Это означает, что кандидаты, участвующие в конкурентных избирательных кампаниях, должны четко обозначить свои отличия от оппонентов и донести их до сознания электората.

Однако не стоит полагать, что кандидат на выборную должность должен противоречить своим оппонентам по каждому вопросу. Очевидно, что все кандидаты захотят поддержать оборонную мощь страны, увеличить количество рабочих мест и понизить уровень инфляции. Однако средства достижения данных целей могут быть различными. В связи с этим можно ожидать определенные схожие черты в позициях кандидатов. Но все же, если избирателю необходимы основания для выбора *одного кандидата, а не другого*, кандидаты должны прояснить избирателю хотя бы *некоторые* свои отличия от оппонентов.

3. *Сообщения политической кампании – важная движущая сила для различения кандидатов.* Первые два положения определяют третье: кандидаты используют определенные сообщения в рамках предвыборной кампании для акцентирования своих отличий. Некоторые сообщения попадают к избирателям напрямую:

через речи кандидата, телевизионные передачи, печатные агитационные материалы, теледебаты, материалы интернет-сайтов кандидатов. С другой стороны, часть информации (к которой также относится информация из пресс-релизов) доставляется избирателям посредством СМИ – через новости, освещение кампании журналистами. Не только СМИ, но и другие заинтересованные организации и лица, также распространяют информацию о кандидатах. Однако исследование показывает, что избиратели не всегда могут полагаться на СМИ для получения данной информации. В своем исследовании Пэттерсон и МакКлор (1976) пришли к следующему выводу: в 1972 году в США «в ходе коротких дополнительных выборов, рекламные материалы президентов содержали в себе гораздо больше информации о выборах, чем сообщения телевизионных комментаторов».

Напомним три основных факта, касающиеся освещения предвыборных кампаний: (1) новости выполняют так называемую «функцию швейцара», решая, какие идеи кандидатов донести до избирателей, а о каких умолчать, (2) новостийные СМИ имеют возможность прокомментировать идеи кандидатов, таким образом положительно или отрицательно оценивая последних, и (3) в новостях гораздо большее внимание уделяется вопросам лидерства кандидатов (кто впереди, какова стратегия кампании, ее основные события), нежели политическим позициям кандидатов и их соответствию искомым должностям [Farnsworth, Lichte 2003; Patterson 1980; Robinson, Sheehan 1983]. Итак, избиратели могут получить информацию о кандидатах и их политических взглядах на ряд вопросов не только посредством сообщений кандидатов, но и через новости.

В третьих, многие избиратели получают информацию о кандидатах и их политических позициях от других избирателей в политических беседах [Lenart 1994]. Необходимо пояснить, что я не разделяю идею теории «Лидеров общественного мнения» [Lazarsfeld, Berelson, Gaudet 1948], в соответствии с которой не большое количество людей («лидеры общественного мнения») получают информацию из сообщений кандидатов и затем передают ее другим гражданам. Мне представляется, что любой человек может владеть информацией о выборах, неизвестной для его собеседника, которой они обмениваются в ходе дискуссии на политическую тему. Или, например, сегодня я рассказал своему другу то, что он не знал о предстоящих выборах, а завтра он расскажет мне что-то еще, чего не знал я. Итак, многие избиратели получают информацию о политической кампании, взаимодействуя друг с другом.

Таким образом, избиратели получают информацию о кандидатах и выборах из нескольких источников, а именно: из сообщений самих кандидатов, из освещения кампании в новостях, через со-

общения других людей или групп людей и посредством политических дискуссий. Не забывайте о том, что все перечисленные источники имеют очень сложную структуру: кандидаты могут выступать с речами, участвовать в дебатах, телевизионных политических рекламных роликах, появляться в ток-шоу, создавать страницы в Интернете, а также использовать другие формы сообщений (при этом кандидаты могут делать это многократно). У избирателей есть доступ к телевизионным новостям (по разнообразным широкоэвещательным, кабельным и интернет-каналам), а также к самым разнообразным газетам и журналам. Гражданин имеет возможность обсудить выборы с несколькими различными людьми, каждый из которых обладает определенной информацией и имеет свою точку зрения. Сообщения разных источников могут подкреплять друг друга, противоречить друг другу или относиться к различным темам. Современная избирательная компания разворачивается в сложном медийном окружении, состоящем из сотен тысяч различных сообщений. Каждый отдельный избиратель не способен получить каждое сообщение, однако доступная информация о кандидатах на выборную должность может носить комплексный характер (в частности, чем выше искомая должность, тем больше денег кандидаты затрачивают на кампанию, и тем более выгодной она становится для СМИ). Я также хочу прояснить, что ни в коей мере не предполагаю, что все избиратели (и даже не большинство избирателей) проявляют значительный интерес к выборам или ищут информацию о кандидатах, их взглядах на проблемы, критически оценивают информацию (и источники информации) и упорно работают над принятием рационального электорального решения. Очевидно, что интерес к выборам и активность в поиске информации о них значительно отличается у разных избирателей. Некоторые граждане никогда специально не занимаются поиском информации о кандидатах, а голосуют на основании той информации, которую пассивно получили во время кампании. Тем не менее, сообщения, получаемые в ходе предвыборной кампании, способны информировать и убеждать избирателей, следовательно заслуживают внимание ученых.

4. *Восхваление, нападение и защита – методы создания предпочтительного образа кандидата.* Конечно, кандидатам не достаточно просто отличаться от своих оппонентов; необходимо отличаться и быть и привлекательными для избирателей. Попкин С.Л. (1994) таким образом объясняет это: «Если кандидат обращает взгляды и интересы противников в свои преимущества, ему удается завоевать большинство голосов граждан, относящихся к разным политическим лагерям» [Popkin 1994: 8]. Например, высказывание вроде «Я – единственный кандидат, предлагающий упразднить нашу систему обороны» безусловно выделит кандидата

из ряда конкурентов, однако вряд ли поможет завоевать много голосов. Таким образом, кандидат должен отличаться от оппонентов в положительную сторону и заставить избирателя предпочесть себя.

Исходя из того, что кандидат должен казаться предпочтительным для большинства своих избирателей, вытекают три потенциальные функции сообщений избирательной компании. Во-первых, сообщения кандидата должны *восхвалять* его или, другими словами, повествовать избирателям о его положительных сторонах [Benoit 1997]. Акцентирование желаемых качеств или взглядов кандидата способны представить его в лучшем свете на фоне оппонентов, в частности для тех избирателей, которые высоко ценят данные качества и взгляды. Итак, один из способов повысить впечатление того, что один кандидат предпочтительнее остальных, – это создавать сообщения, восхваляющие, или подчеркивающие его или ее желаемые качества. Конечно, кандидаты зачастую восхваляют одни и те же цели: создание рабочих мест, снижение роста инфляции, защита государственных интересов. Восхваление может представить кандидата в положительном свете, однако может спровоцировать и противоположный эффект.

Вторая функция сообщений, создаваемых в ходе избирательной кампании, – это *нападение* или критика оппонента. Определение слабых сторон, недостатков оппонента способно сделать его менее привлекательным для избирателей (опять же, тех избирателей, которые положительно относятся к тактике нападения). Это означает, что нападение способно повысить *сетевую предпочтительность* нападающего кандидата, путем понижения привлекательности оппонентов: чем хуже выглядят мои соперники, тем лучше кажусь я на их фоне (не забывайте, что на выборах решение принимается на основании сравнения).

Имеется ряд свидетельств, доказывающих, что избиратели скорее склонны положительно воспринимать нападки на предлагаемый кандидатом политический курс, чем на личности [Johnson-Cartee, Copeland 1989], поэтому некоторые нападения могут вызвать результат, обратный желаемому. Результаты другого исследования показывают, что положительная политическая реклама имеет такую же силу воздействия на избирателей, как и отрицательная [Allen, Burrell 2002; Lau, Sigelman, Heldman, Babbitt 1999]. Очевидно, что нападение является одним из способов проведения предвыборной кампании, способным убедить избирателей в предпочтительности кандидата. Тем не менее, данное исследование не подтверждает положение о большей эффективности отрицательной агитации по сравнению с положительной.

Многие избиратели говорят, что им не нравится, когда кандидаты поливают друг друга грязью [Merritt 1984; Stewart 1975]. Но

это не означает, что метод нападения неэффективен: у избирателей может сформироваться предубеждение по отношению к объекту нападения, даже если им не нравится грязные политтехнологии. И тот факт, что большинству избирателей не нравится поливание кандидатов грязью, является слабой стороной метода нападения, чего нельзя сказать о методе восхваления. Используя нападение, можно получить результат, обратных желаемому, при котором избиратели предпочтут нападающему объект нападения. Эта вероятность может привести к тому, что кандидаты будут чаще использовать восхваление, чем нападение. Исследование политических телепередач в преддверии президентских выборов [Benoit 1999] показало, что метод нападения чаще использовали кандидаты с наименьшими шансами на победу. Итак, кандидат может прибегнуть к нападению в том случае, когда начинает отчаиваться, когда ничто кроме этого не поможет обогнать противников.

Третья возможная функция сообщений в рамках предвыборной кампании – это защита или утверждения, отрицающие нападения [Benoit, 1995]. Своевременная и подходящая защита потенциально способна предотвратить дальнейшее поражение от нападков оппонентов и способно вернуть предпочтительность кандидата, частично утраченную в результате нападений. Тем не менее, необходимо знать, что защита имеет ряд возможных недостатков: (1) ответ кандидата на нападение может поставить его в оборонительную позицию на продолжительное время, а кандидату более выгодно предстать перед избирателем нападающим, а не защищающимся; (2) объектом нападков чаще всего являются слабые позиции кандидата, в связи с чем ответная реакция способна обнаружить его некомпетентность. Общая рекомендация кандидатам – как можно больше времени уделять тем темам, в которых они сильны. (3) Кандидат должен уметь сначала определить область нападения, и лишь затем опровергать его. Упоминание о нападении напомнит или сообщит избирателям о подозрительной слабости кандидата.

Необходимо упомянуть, что политики и их консультанты в общем представляют себе обозначенные выше функции сообщений избирательной кампании. Например, в 1972 году, когда президент Никсон переизбирался на второй срок, один из его помощников Х.Р. Холдман посоветовал следующее: «Гораздо сложнее будет заставить проголосовать за вас эти 20 процентов неопределившихся избирателей, если вы будете акцентировать свои положительные стороны. Проще до смерти напугать их МакГоверном и заставить проголосовать против него» [Porkin 1976: 794n]. Итак, Х.Р. Холдман понимал, что Никсон потенциально мог получить голоса, восхваляя себя или нападая на своего оппонента. Другой советник, В. Бреглио, работавший с Рональдом Рейганом во время

успешной кампании 1980 года, объяснил следующее: «Сейчас в ходе избирательных компаний недостаточно приводить доводы, по которым люди должны голосовать за вас. Следует также представить причины, по которым им не следует голосовать за оппонента». Очевидно, что кандидаты, используя функции восхваления, нападения и защиты в своих сообщениях, способны формировать предпочтения избирателей.

Это означает, дискурс кампании по выборам можно исследовать с точки зрения высказываний, имеющих своей целью восхваление кандидата, нападение на оппонента (оппонентов) и защиту кандидата от нападения оппонентов. И хотя данные функции сообщений неодинаково частотны, все они присутствуют в сообщениях избирательной кампании, и кандидаты используют их для повышения своей политической привлекательности.

5. *Дискурс выборов разворачивается вокруг двух тем: политики и личности кандидатов.* В своих попытках выделиться, политики эксплуатируют две основные темы: собственную личность (также часто используется термин «имидж») и/или свои *политические установки* (способы решения политических «проблем»). Одни кандидаты пытаются представить себя компетентными и сильными лидерами. Другие пытаются создать впечатление честных и сострадательных людей. Кандидаты также обсуждают свои предложения на будущее или былые достижения в политике по вопросам образования, рабочих мест, национальной обороны, преступности. В дебатах президентской кампании на Украине 2004 года кандидаты Янукович и Ющенко обсуждали такие политические проблемы, как экономика, заработная плата, цены и пенсии. Политика и личность – 2 основные темы, в рамках которых кандидаты могут пытаться выделить себя из ряда оппонентов.

Некоторые ученые доказывают, что аспект политики гораздо более важен, чем аспект личности. Т.Е. Пэттерсон и Р.Д. МакКлюр пишут, что «из всей информации, получаемой избирателями из СМИ в ходе кампании по выборам президента, знание о политических установках кандидатов является наиболее значимым» [Patterson, McClure 1976: 49]. Подобной точки зрения придерживается и С.Р. Хофстеттер, отмечающий, что «Политические позиции кандидата являются ключевыми элементами, формирующими предпочтения если не всех, то большинства избирателей» [Hofstetter 1976: 77]. Опросы общественного мнения, проведенные в период с 1976 по 2000 год показывают, что подавляющее большинство американских избирателей основываются в своих предпочтениях на политических установках кандидата, а не на оценке его личных качеств [Benoit 2003]. Более того, Бенуа (2003) выявил, что победившие на президентских выборах кандидаты в своих предвыборных сообщениях больше обсуждали свои политические предложе-

ния, нежели акцентировали внимание избирателей на личных качествах. Однако это не означает, что личность кандидата не имеет значения; значительная часть избирателей искренне верят в важность личности кандидата и считают ее наиболее важным фактором принятия электорального решения на президентских выборах. Тем не менее, достоверные факты свидетельствуют о доминировании политических установок кандидата над его личными качествами в ситуации президентских выборов в Америке. И, конечно, если бы избиратели в США или любой другой стране уделяли большее внимание личным качествам кандидата, а не его политическим взглядам, ситуация, возможно, изменилась бы и политики чаще акцентировали бы аспект личности.

6. Кандидат должен получить большинство голосов избирателей, участвовавших в выборах. Несмотря на то, что данное утверждение представляется очевидным, в нем скрывается нечто большее, имеющее значение для политических выборов вообще и президентских выборов в частности. Во-первых, необходимо отчетливо представлять себе, что кандидату нет необходимости убеждать всех и каждого в том, что он предпочтительнее своих оппонентов. Не представляется возможным или необходимым завоевать поддержку каждого гражданина. Позиция политика, например, по вопросу аборт, в одно и то же время поможет ему получить поддержку одних избирателей и вызовет неприязнь у других. Поэтому поддержка избирателей по многим вопросам дихотомична. Так, например, в 2000 году губернатор Буш хотел разрешить некоторым гражданам самостоятельно инвестировать часть отчислений, выплачиваемых в фонд социального страхования, в то время как Вице-Президент Гор был против этого. Этот вопрос разделил избирателей на два лагеря, поэтому кандидаты в президенты не могли надеяться на поддержку абсолютно всех избирателей. Данный пример иллюстрирует положение о том, что кандидату для победы на выборах нет необходимости добиваться поддержки всех избирателей.

Во-вторых, необходимо ясно осознавать, что значимыми на выборах являются голоса тех избирателей, которые приходят на выборы и голосуют. Поэтому кандидату не требуется поддержка *большинства граждан*; ему необходима поддержка *большинства реально голосующих граждан*. Не следует пытаться быть привлекательным для тех, кто не имеет права голосовать, или для тех, кто осознанно не ходит на выборы (хотя, конечно, нельзя быть полностью уверенным в том, кто будет участвовать в голосовании). По этой причине результаты опросов общественного мнения всего лишь свидетельствуют о предпочтениях потенциальных избирателей.

В-третьих, президентские выборы в Америке являются особенными, так как для победы на них кандидату достаточно убедить 270 Выборщиков. Проблема несовершенства института Коллегии Выборщиков активно обсуждалась в ходе президентских выборов 2000 года в Америке. Несмотря на то, что Альберт Гор опередил Джорджа Буша на 500 000 голосов избирателей, Буш выиграл выборы, получив большинство голосов Коллегии Выборщиков [Duchneskie, Seplow 2000]. Значимость Коллегии Выборщиков и правило о том, что победителей не судят, в последнее время заставляет кандидатов в президенты бороться за искомую должность все более энергично и настойчиво (например, вкладывать больше средств в политическую рекламу; планировать больше выступлений и агитационных поездок). Естественно, совершенно другая ситуация складывается в государствах с парламентской формой правления, при которой граждане голосуют не за конкретных кандидатов, а за партии.

Итак, кандидаты в президенты распространяют предвыборные сообщения различными средствами (через выступления, телевизионные передачи, дебаты, почтовые рассылки, выступления по радио, через интернет) в надежде на то, что их информацию получат те, кто уделяет внимание этому средству информации. Восхваление или предоставление информации о достоинствах кандидата (предпочтительных взглядах или качествах) направлено на повышение привлекательности данного кандидата. Нападение, или предоставление информации о недостатках оппонентов (политических или личных) понижает их внешнюю привлекательность. Защита или отражение нападения имеет своей целью восстановление кандидатом своей привлекательности для избирателя.

Три перечисленные функции могут рассматриваться как особая форма экономического анализа: если восхваление убедительно, оно способно повысить результативность кандидата; атаки увеличивают расходы оппонента; а защита снижает уровень предполагаемых затрат. Считаю необходимым прояснить, что избиратели, конечно, не измеряют эффективность приемов восхваления и нападения в числовом формате, как это принято в традиционном анализе. Полагаю, что три обозначенные функции формируют общую оценку кандидатов. Восхваление, будучи убедительным, должно повысить общий политический вес кандидата. Воспринятые публикой нападения на оппонента должны увеличить затраты объекта нападения. Эффективная защита должна снизить предполагаемые затраты защищающегося кандидата. Совокупный эффект множества сообщений, воспринятых избирателем из разных источников и реализующих 3 обозначенные функции, под влиянием личных мнений и ценностей избирателей, должны, в конечном счете, определить их электоральное решение.

Все сказанное выше объясняет, почему основные идеи кандидата должны постоянно повторяться в ходе избирательной кампании. Благодаря повторению кандидаты усиливают силу воздействия сообщений на внимательно следящих за выборами избирателей. С другой стороны, кандидаты распространяют относительно схожие сообщения в надежде на то, что уделяющие мало внимания выборам избиратели рано или поздно поймут ключевые идеи кандидатов.

ПРЕИМУЩЕСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА. Функциональный подход к изучению коммуникации в ходе избирательных кампаний имеет ряд важных преимуществ перед другими подходами. Положения данного подхода, как мы далее увидим, позволяют предвидеть природу сообщений кампании. Политические телевизионные передачи представляют собой наиболее интенсивно изучаемую форму сообщений в ходе кампаний по выборам президента. Таким образом, начну с объяснения преимуществ функционального подхода перед другими подходами на примере политической рекламы. Телереклама, по моему мнению и мнению большинства ученых, исследующих природу политической рекламы, выполняет 2 функции: функцию восхваления (позитивная) и функцию нападения (негативная). Тем не менее, функциональный подход выделяет еще и третью функцию, функцию защиты, которая не принимается во внимание другими исследованиями. Например, одна из телевизионных программ в поддержку вице-президента Ричарда Никсона в избирательной кампании 1960 года началась с того, что было дано пояснение, что данная реклама является чистым примером защиты, ответом на атаку его оппонента: «Президент Эйзенхауэр отвечает на обвинения Кеннеди и Джонсона в том, что за последние 8 лет Америка ничего не достигла». Это сообщение указывает на атаку на Никсона и констатирует, что президент Эйзенхауэр будет на нее отвечать. Далее был показан видеоролик, где президент Эйзенхауэр отметил: «Друзья мои, никогда еще Америка не достигала так много за такое короткое время», полностью опровергая, таким образом, указанное обвинение. В действительности, это сообщение нельзя понять через отнесение его к положительной или отрицательной рекламе, абсолютно ясно, что в нем есть что-то еще. Оно указывает на атаку оппонента и открыто ее отрицает. Таким образом, вычленив функцию защиты, наряду с функциями восхваления и нападения, функциональный подход дает более глубокое понимание сообщения избирательных кампаний.

Во-вторых, в отличие от большинства других исследований, в силу того, что многие телепрограммы содержат множество высказываний, мы не подразделяем рекламные ролики на полностью положительные (относящиеся к восхвалению) или отрицательные

(относящиеся к нападению). Некоторые примеры политической рекламы целиком отрицательны или целиком положительны, но многие являются смешанными по характеру, и эта пропорция не всегда составляет 50/50. Например, Каид и Тедеско (1999) в качестве иллюстрации полностью отрицательной рекламы предлагают следующую выдержку из кампании по переизбранию Била Клинтона в 1996 году: *Ценности Америки. Президент запрещает использование смертоносного штурмового оружия*, Доул и Гингрич голосуют против. *Президент проводит законопроект о разводах*, Доул и Гингрич голосуют против. *Президент настаивает: сбалансированный бюджет, поддержка системы медицинского страхования и детей-инвалидов*; опять – нет. Сейчас Доул подает в отставку, выходит из тупиковой ситуации, которую создали они с Грингричем. *Планы Президента: сбалансированный бюджет, защита системы медицинского страхования, реформа социального обеспечения. Выполним наш долг перед нашими родителями и детьми. Ценности Америки.*

Курсивом выделены высказывания, относящиеся к нападению; примеры восхваления оставлены без выделения. В действительности, даже не смотря на то, что это сообщение представлено как пример негативной / отрицательной рекламы, для выражения положительных идей использовано в 2 раза больше слов, чем для выражения отрицательных (44 к 19). Таким образом, анализируя и классифицируя каждое высказывание в данном объявлении на основании 3 предложенных функций, мы можем более точно сказать, насколько данный пример политической рекламы положительный, отрицательный или защищающий. А это значит, что метод, определяющий данные высказывания как положительные или отрицательные, дает весьма неточное представление о их содержании.

Необходимо отметить, что некоторые ученые при классификации телевизионных программ также используют 3 параметра: положительный, отрицательный, относительный (объявления, которые одновременно являются положительными и отрицательными). Известно, что не в каждой политической рекламе восхваление и нападение представлены в одинаковой степени (в некоторых из них, например, может быть 25% или 10% восхваления и 75% или 90% нападения). Использование 3 параметров при анализе дает более точные данные, чем использование только двух параметров, но мой подход, рассматривающий каждую реплику (тему) как восхваление, нападение или защиту, все же предпочтительнее.

Подобная проблема возникает и при анализе тематики политической рекламы. Не смотря на то, что некоторые рекламные ролики посвящены только 'политике' (политическим взглядам) или только 'личности' (имиджу), большинство телевизионной политической рекламы представляет собой смесь этих двух тем. Некоторые предыдущие исследования классифицировали рекламные

ролики в зависимости от «доминирующей темы». Другие считали количество роликов, в которых упоминалась определенная тема. Отнесение каждой темы или высказывания либо к 'политике', либо к 'личности' представляет более точную оценку содержания сообщений по сравнению с другими подходами.

В-третьих, многие исследования останавливаются на классификации рекламного ролика как относящегося к 'политике' или 'личности'. Наш анализ идет дальше и, в отличие от большинства современных исследований, рассматривает 'политику' и 'личность' с точки зрения их составляющих ('политику' я разделяю на поступки, планы и общие цели; 'личность' – на личные качества, лидерские качества и идеалы). Анализ президентской кампании 1996 года показал, напр., что рекламные ролики Билла Клинтона были более тщательными по сравнению с роликами Боба Доула: Клинтон представлял и свои поступки (достижения), и свои планы (особый вид обещаний в ходе кампании), при этом «нападая» на поступки («промахи») Боба Доула и его планы (особый вид обещаний в ходе кампании). Боб Доул, напротив, представлял свои планы (но редко говорил о собственных поступках) и «нападал» на поступки Билла Клинтона (но редко критиковал его планы). То есть анализ, построенный на рассмотрении поступков и планов, не позволил бы определить разницу в расстановке приоритетов (некоторые исследования, например, теория излюбленной темы [Petrocik, Benoit, Hansen 2003/2004], рассматривают отдельные темы, такие как преступность, образование, рабочие места или национальная безопасность).

В-четвертых, предыдущие исследования в рамках функционального подхода [Benoit, Blaney, Pier 1998; Benoit 2003] обнаружили, что в ходе предварительных выборов у политической рекламы может существовать целый ряд объектов нападения. Так, в ходе предварительных выборов 2004 года рекламные ролики были направлены на снижение привлекательности Президента Буша (и республиканской партии), кандидатов от демократической партии и правящих кругов. Необходимо отчетливо представлять себе, кто является объектом нападения Говарда Дина – Джо Либерман, Джон Кэрри, Дик Гепхард (все демократы) или республиканец Джордж У. Буш. Тем не менее, предыдущие исследования президентских кампаний в рамках других подходов не принимают во внимание объект нападения.

Более того, функциональный подход сочетает в себе анализ функции (восхваление, нападение, защита) и темы ('политика', 'личность'). Некоторые исследования политических телепрограмм обращаются только к теме или только функции, но никогда не рассматривают их одновременно. Кроме этого, исследование таких форм, как дебаты или устные выступления кандидатов, не затра-

гивает тему сообщений в ходе избирательных кампаний. Таким образом, функциональный подход к исследованию политических избирательных кампаний дает более полное представление о сообщениях в ходе избирательной кампании, чем другие подходы.

И, наконец, функциональный подход применялся для исследования таких видов сообщений в ходе избирательной кампании, как политические телепрограммы, дебаты, выступления по радио, интернет сайты, речи на съездах партий по выдвижению кандидатур на пост президента (речи принятия, директивы на избирательную кампанию), а также освещение избирательной кампании в новостях. Мы также начали применять функциональный подход для исследования избирательных кампаний не только на пост президента США, а также для изучения политических избирательных кампаний в других странах. Большинство исследований избирательных кампаний строится на анализе сообщений телевизионных программ и дебатов в ходе всеобщих выборов. Но исследование с позиций функционального подхода позволяет проникнуть в сущность различных выступлений в рамках избирательной кампании. Удивительно, что исследовательские подходы, предложенные для анализа сообщений телепрограмм (позитивные, негативные; 'политика', 'личность') редко использовались для изучения, например, дебатов или речей в ходе внутрипартийных выборов. Наше исследование систематично, оно применяет одну и ту же методику для анализа различных сообщений, позволяя, таким образом, делать сравнения, не ограничиваясь рамками одного СМИ.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ФАКТЫ. *Относительно постоянная частотность трех функций.* Как было сказано ранее, согласно функциональному подходу у тактики восхваления нет недостатков, у тактики нападения – один недостаток, у тактики защиты – три. Таким образом, можно предположить следующее:

1. Кандидаты будут использовать тактику восхваления чаще, чем тактику нападения, а тактику нападения чаще, чем тактику защиты. Исследование различных форм сообщений в рамках ряда президентских избирательных кампаний в США подкрепляет это предположение. Данные в Таблице 1 показывают, что 68% всех высказываний – восхваления, 30% – нападения, 3% – защита. Тактика восхваления по частотности варьируется от 49% до 85%, нападения – от 15% до 51%, защиты – от 0% до 8% от общего числа высказываний. Частотность этих 3 функций значительно отличается друг от друга, а соотношение по частотности соответствует нашему предположению во всех видах выступлений, кроме одного (политическая реклама по радио, где нет значительной разницы по частотности между восхвалениями и нападениями). Это возможно в силу того, что аудитория радиослушателей более однородна по составу, чем аудитория других СМИ, что по-

звolyет кандидатам демонстрировать свое нападение тем, кто к нему наиболее восприимчив.

Это соотношение остается верным и для предвыборных телевизионных роликов кандидатов на другие должности (местное управление, пост губернатора, в Палату представителей США и в Сенат США). 69% высказываний относятся к восхвалению (вариации по частотности 61% – 72%), 31% – к нападению (27%-38%) и менее чем 1% высказываний относятся к защите (0.5%-2% см. Таблицу 2). Данные статистики по непрезидентским дебатам в США выявляют следующее соотношение 3 функций: 65% – восхваление, 29% – нападение, и 5% – защита (Таблица 3). Исследование телевизионных программ и дебатов в других странах (большинство проведено не в рамках функционального подхода, и, таким образом, не включает функцию защиты) также обнаруживает это же базовое соотношение: 75% – восхваление и 25% – нападение (Таблица 4). И в заключении, исследование политических дебатов в других странах (Таблица 5) подтверждает то же самое базовое соотношение: восхваление – 54%, нападение – 48%, защита составила 8% от общего количества высказываний. Иногда встречаются исключения (в ходе выборов 2004 года на Украине нападение было более частотным, чем восхваление), однако, данное соотношение устойчиво сохраняется на протяжении ряда лет, вне зависимости от уровня искомой должности, формы сообщения и страны. Таким образом, данные подтверждают, что описанное выше частотное соотношение 3 основных функций предвыборных сообщений является их атрибутивным свойством.

Функциональный подход позволяет также сделать предположение о сравнительной частотности обсуждения 2 тем предвыборного дискурса: 'политика' и 'личность'. Большинство избирателей в США считают, что при голосовании 'политика' является более важным фактором чем 'личность' [Benoit, 2003]. Исследования Бенуа (2003) показывают, что те кандидаты на пост президента США, которые в ходе своей кампании уделяют 'политике' больше внимания чем 'личности', имеют более высокие шансы на победу, нежели их оппоненты. Так как кандидаты отслеживают мнение избирателей, и большинство избирателей в США считают, что в президентской избирательной кампании 'политика' важнее 'личности', функциональный подход делает предположение о том, что:

2. *Кандидаты на пост президента будут больше говорить о 'политике', чем о 'личности'.* Таблица 6 показывает, что в каждой описанной форме сообщений в ходе избирательных кампаний на пост президента США, 'политика' (54%-78%) обсуждается чаще, чем 'личность' (22%-46%); среднее соотношение – 67% к 33%. То же самое обнаруживается и при анализе телевизионных программ в ходе избирательных кампаний в США на другие должности ('по-

литика' – 57%, 'личность' – 43%) (Таблица 7). В непрезидентских дебатах в США, 'политика' также более частотна, чем 'личность': 72%-28% (Таблица 8). В целом, в ходе избирательных кампаний за пределами США 'политике' уделяется большее внимание – 59% к 41%. В двух странах соотношение примерно равное (Израиль 1992, Корея 2002); в трех странах 'личность' более частотна, чем 'политика' (Греция 1996, Тайвань 2000, Турция 1995), как показано в Таблице 9. И, наконец, 'политике' предавалось больше внимания чем 'личности' (78% к 22%) в политических дебатах за пределами США (Таблица 10). Подобные исключения возможны в силу 2 причин: избиратели в других странах считают 'личность' более важной по сравнению 'политикой', а кандидаты строят свои выступления в соответствии с представлениями избирателей, либо кандидаты неправильно интерпретировали предпочтения избирателей. Какими бы не были причины, необходимо помнить, что соотношение 'политики' и 'личности' за пределами США не так устойчиво.

Показав, что основные идеи функционального подхода могут быть применены не только для анализа сообщений президентских выборов в США (но и для избирательных кампаний разного уровня в США, и для избирательных кампаний в других странах), в целях экономии места я хочу кратко осветить другие темы в оставшейся части статьи. Коммуникацию можно представить как процесс со своим источником, контекстом и средствами. Функциональный подход изучил каждую из этих переменных в контексте избирательных кампаний, и я кратко представлю результаты проделанной работы.

Источник сообщений в ходе избирательных кампаний. В американской политике доминируют две партии, Демократическая партия и Республиканская партия, и, не смотря на то, что кандидаты, конечно, принимают во внимание и предпочтения избирателей и происходящие исторические события, партии имеют отчетливые различия. Было обнаружено, что это также влияет на сообщения в ходе избирательной кампании на пост президента. Бенуа (2004) обнаружил, что, хотя практически все кандидаты говорят о 'политике' больше чем о 'личности', демократы обсуждают 'политику' даже чаще, а 'личность' – реже, чем республиканцы. Для демократов характерно оправдывать правительственные решения проблемами, что означает, что для них естественно уделять больше внимания 'политике'. Республиканцы выступают за сокращение правительства, и, в действительности, в предвыборном дискурсе говорят о 'политике' меньше. То есть необходимо исследование природы дискурса политических партий в других странах с точки зрения функционального подхода.

Другим аспектом источника является то, что говорит, сам кандидат или кто-то другой (анонимный ведущий, 'простой гражданин',

общественная фигура, поддерживающая кандидата). Бенуа показывает, что на съездах партий по выдвижению кандидатов на пост президента, речи-директивы на избирательную кампанию (представляемые не кандидатами) чаще реализуют тактику нападения, чем речи самих кандидатов. Бенуа отметил, что в предвыборных телевизионных программах президентской кампании, в случае если говорит кто-либо, но не сам кандидат, нападение более частотно. Бенуа также отмечает, что сообщения, спонсируемые политическими партиями, чаще реализуют тактику нападения, чем сообщения, спонсируемые самими кандидатами. В целом отмечается, что сами кандидаты стремятся реже, по сравнению с другими источниками, использовать тактику нападения в своих сообщениях в ходе избирательной кампании. Можно предположить, что если чрезмерно использовать нападение (вспомним, что многим избирателям не нравится поливание грязью), то это повредит самому нападающему. Тем не менее, это исследование выделило 2 основных способа влияния источника на сообщения кандидатов.

И, в заключении, исследование в рамках функционального подхода начало сопоставлять сообщения самих кандидатов и сообщения других источников, например, журналистов. Исследование президентских дебатов [Benoit, Hansen, Stein 2004] показывает, что их освещение в программах новостей более негативно, чем дебаты являются сами по себе. И, конечно же, новости одержимы освещением самой гонки (кто лидирует, стратегия кампании, события в ходе кампании). Более подробно об освещении кампании в новостях см Robinson, Sheehan 1983, Farnsworth, Lichter 2003, Benoit, Stein, Hansen 2005.

Контекст избирательной кампании. Исследование в рамках функционального подхода рассмотрело 2 контекстуальные переменные в избирательном дискурсе. В США кандидаты на пост президента должны сначала победить в ходе внутрипартийных выборов до того, как у них появится реальный шанс на финальную победу. Эта часть выборного процесса называется предварительные выборы. Бенуа отмечает, что в предварительных выборах на пост президента США меньше, чем в ходе всеобщих выборов, используется нападение и больше – восхваление. Таблица 1 показывает, например, что телевизионные программы в период предварительных выборов содержат больше восхваления и меньше нападения, чем телепрограммы во время всеобщих выборов (это же характерно и для дебатов и брошюр прямой адресной рассылки). Это возможно в силу 2 причин. Во-первых, члены одной политической партии (состязующиеся в предварительных выборах), скорее всего, характеризуются большим согласием, чем члены разных политических партий (состязующиеся в выборах). Таким образом, кандидаты в ходе предварительных выборов обсуждают меньше раз-

личий в политических программах. Во-вторых, кандидат, победивший в предварительных выборах, нуждается в поддержке других кандидатов своей партии и избирателей, которые предпочли других кандидатов. Именно это побудило Дж. Кэрри к тому, чтобы он не слишком часто использовал нападение против Дениса Кукинича, Джо Либермана и других кандидатов от Демократической партии. Таким образом, этап избирательной кампании влияет на частотность актуализации тактики нападения.

Бенуа отмечает, что в ходе предварительных выборов 'политике' уделяется больше внимания чем 'личности' по сравнению со всеобщими выборами (необходимо помнить, что большинство кандидатов даже в ходе предварительных выборов уделяют больше внимания 'политике'; здесь имеется в виду, что в ходе всеобщих выборов 'политике' уделяется еще больше внимания. См. Таблицу 6). Еще раз повторим, что у кандидатов от одной партии, которые соревнуются в ходе предварительных выборов, меньше различий в политических программах. И более этого, кандидаты в выборах (например, Президент Буш и Сенатор Кэрри в 2004; вице-президент Гор и губернатор Буш в 2000, президент Клинтон и Сенатор Доул в 1996) более известны, чем кандидаты предварительных выборов (например, Денис Кукинич, Кэрл Мосли-Браун или Эл Шарптон в 2004). Это значит, что у кандидатов есть основания проводить больше времени, представляя себя избирателям (уделяя больше внимания 'личности' в ходе внутрипартийных выборов). Таким образом, этап избирательной кампании влияет также и на тему предвыборного дискурса.

Вторая контекстуальная переменная – это срок пребывания в должности. Во многих странах (но, например, не в Южной Корее) президенту, канцлеру или премьер-министру позволено избираться на второй срок. Президент США может переизбираться один раз. Тем не менее, вице-президент обычно претендует на пост президента, после того, как президент отслужил два срока, и вице-президент обычно баллотируется, как кандидат с опытом в президентстве (интересно, что вице-президент Дик Чейни сказал, что он не будет баллотироваться на пост президента в 2008 году, когда закончится второй срок президента Джорджа У. Буша). Бенуа отмечает, что подобные кандидаты уделяют больше внимания восхвалению и меньше – нападению по сравнению с соперниками. Ключевое отличие между этими двумя группами кандидатов заключается в том, что, не смотря на то, что и те, и другие обычно имеют опыт пребывания в выборной должности, только один кандидат имеет опыт пребывания в той должности, которой добивается. В отличие от сенаторов, например, президенты имеют опыт административной работы. Президенты, в отличие от губернаторов, имеют опыт ведения внешнеполитической деятельности и

поддержания национальной обороноспособности. Поступки таких кандидатов осуждаются больше, чем поступки других претендентов, но внимание, конечно же, уделяется различным аспектам. Подобные кандидаты презентуют свои прошлые поступки (успехи) чаще, чем дискредитируют своих соперников (отмечая их неудачи), и наоборот. Таким образом, тот факт, имеет ли кандидат опыт пребывания в должности, на которую в данный момент баллотируется, также влияет на природу предвыборного дискурса.

Средства и источники информации. Хочу также кратко осветить потенциал средств и источников информации. Таблица 1 показывает, что президентские дебаты в Америке характеризуются большим количеством защиты, чем любой другой источник информации, представленный в таблице. Это, должно быть, происходит по нескольким причинам. Функциональный подход предполагает, что дебаты обладают тремя потенциальными недостатками, и кандидаты сравнительно редко прибегают к защите. Хотя один недостаток не имеет отношения к дебатам: все те, кто смотрят дебаты, отмечали случаи нападения и последующей защиты. А это значит, что в отличие от прочих средств агитации, кандидат, использующий защиту во время предвыборных дебатов, не беспокоится по поводу того, что он или она напугает избирателей или сообщит им о своем недостатке: аудитория только что стала свидетелем нападения. И хотя кандидаты на пост президента заранее готовятся к дебатам, бывает сложно устоять перед соблазном ответить на нападение соперника. Другие формы сообщений, такие как телепрограммы, не предполагают наличие оппонента и его нападений, на которые необходимо отвечать. Эти сообщения тщательно написаны, и в них отсутствует защита. Но в пылу дебатов кандидаты могут не удержаться от того, чтобы не ответить на нападение, даже не смотря на то, что защита имеет ряд недостатков. Данные изыскания показывают, что сообщения, представленные разными средствами, различны.

Функциональная теория исследований дискурса избирательных кампаний была разработана и первоначально применена для изучения президентских выборов в США. Тем не менее, она использовалась для изучения избирательных кампаний на должности разного уровня как в США, так и за их пределами. Необходимо помнить, что между избирательными кампаниями в разных странах существуют значительные различия. Как было отмечено выше, в Южной Корее не может быть кандидата, который имеет опыт пребывания в избираемой должности, так как на пост президента можно избираться только на один срок, и в стране нет поста вице-президента. Исследования политических дебатов в Израиле [Benoit, Sheaffer 2006] не обнаружили различий между кандидатами, имеющими опыт президентства и кандидатами, не имеющими

такового опыта. Хотя в 1984 разница при подсчете голосов была незначительная, и лидер каждой из партий в течение двух лет занимал пост премьер-министра в промежутке между выборами 1984 и 1988 гг.. А это значит, что в 1988 их фактически можно было называть кандидатами с опытом пребывания в должности.

Очевидно, что различные формы сообщений, включая выступления кандидатов, телепрограммы, дебаты, а в последние годы и веб-страницы, используются во всем мире в ходе выборов. Функциональный подход позволяет понять природу этих сообщений. Также очевидно, что необходимо продолжать работу над расширением этого подхода, чтобы лучше понимать сообщения, помогающие избирателям выбирать лидеров своих стран.

Таблица 1.

Функции дискурса кампании по выборам президента США

	Восхваление	Нападение	Защита
Телевизионная политреклама в ходе предварительных выборов (1952-2004)	4123 (72%)	1544 (27%)	56 (1%)
Дебаты в ходе предварительных выборов (1948-2004)	12525 (64%)	6084 (31%)	818 (4%)
Брошюры в ходе предварительных выборов (1948-2004)	7776 (85%)	1361 (15%)	7 (0.08%)
Речи после победы на предварительных выборах (1952-2004)	2193 (77%)	652 (23%)	20 (1%)
Ключевые выступления кандидатов (1960-1996)	474 (50%)	463 (49%)	12 (1%)
Телевизионная политреклама в ходе всеобщих выборов (1952-2004)	3454 (59%)	2339 (40%)	71 (1%)
Дебаты в ходе всеобщих выборов (1960, 1976-2004)	4050 (57%)	2501 (35%)	604 (8%)
Брошюры в ходе всеобщих выборов (1952-2000)	8036 (70%)	3393 (39%)	48 (0.4%)
Политреклама на радио в ходе всеобщих выборов (1972-1992, 2000)	429 (49%)	454 (51%)	0
ВСЕГО	43060 (68%)	18791 (30%)	1636 (3%)

Таблица 2.

Функции политической рекламы на телевидении в ходе непрезидентских выборов в США

	Кол-во передач	Восхваление	Нападение	Защита
Выборы в Сенат США 1980-2000	541	2355 (66%)	1145 (34%)	22 (0.6%)
Выборы в Палату Представителей 1980-2000	438	1905 (68%)	867 (31%)	15 (0.5%)
Выборы в Конгресс США 1998	29	114 (61%)	68 (37%)	4 (2%)

На пост губернатора 1974-1998	488	1444 (72%)	544 (27%)	16 (0.8%)
Местные выборы 1998-2000	70	279 (71%)	111 (28%)	5 (1%)
ВСЕГО	1566	6097 (69%)	2735 (31%)	62 (0.7%)

$\chi^2(df=2) = 6169.24, p < .0001$

Бенуа (2000), Брззил и Бенуа (2001), Пьер (2002)

Таблица 3.

Функции непрезидентских политических дебатов в США

	Восхваление	Нападение	Защита
Дебаты выборов в Сенат США 1998-2004	1803 (61%)	848 (29%)	297 (10%)
Дебаты губернаторских выборов США 2000-2004	3007 (68%)	1309 (30%)	94 (2%)
ВСЕГО	4810 (65%)	2157 (29%)	391 (5%)

$\chi^2(df=1) = 4034.35, p < .0001$

Дебаты выборов в Сенат: Бенуа, Брззил и Эйрин (2006).

Дебаты губернаторских выборов: Эйрин, Бенуа и Брззил (2006).

Таблица 4.

Функции политических телепередач в других странах

	Восхваление	Нападение	Защита
Франция 1988	75%	25%	—
Германия 1992	68%	32%	—
Италия 1992	85%	15%	—
Великобритания 1992, 1997	69%	31%	—
Израиль 1992	58%	42%	—
Корея 1963-1992	67%	33%	—
Польша 1995	93%	7%	—
Турция 1995	89%	11%	—
Греция 1996	71%	29%	—
Россия 1996	72%	28%	—
Тайвань 1996	81%	19%	—
Промежуточный итог†	75%	25%	—
Тайвань 2000	63%	35%	3%
Корея 2002	72%	27%	1%

*Эти примеры включают в себя также рекламу в газетах.

†Ченг (2000), Кейд (1999), Кейд и Хольтц-Бача (1995), Ли и Бенуа (2004); Тэк, Кейд и Ли (1997), Уэн, Бенуа и Ву (2004)

+ Процент телепередач согласно данным авторов, переведенный в количество передач для статистического анализа по формуле: $\chi^2(df=1)=146.84, p<.0001$.

Таблица 5.

Функции политических дебатов в других странах

	Восхваление	Нападение	Защита
Франция, 1988, 1995	716 (61%)	386 (33%)	66 (6%)
Израиль, 1984, 1988, 1992, 1996, 1999	165 (50%)	124 (38%)	38 (12%)

Южная Корея, 1997, 2002	1044 (55%)	668 (35%)	180 (10%)
Тайвань, 2004	320 (49%)	303 (46%)	35 (5%)
Украина, 2004	256 (43%)	290 (48%)	52 (9%)
ВСЕГО	2501 (54%)	1771 (38%)	371 (8%)

$\chi^2(df=2) = 1514.06, p < .0001$

Бенуа и Клюковский (2006), Бенуа и Шифер (2006), Бенуа, Уен и Йу (2006), Чой и Бенуа (2006).

Таблица 6.

Функции дискурса кампании по выборам президента США

	Политика кандидата	Личность кандидата
Телевизионная политреклама в ходе предварительных выборов (1952-2004)	3066 (54%)	2601 (46%)
Дебаты в ходе предварительных выборов(1948-2004)	12734 (78%)	5875 (22%)
Брошюры в ходе предварительных выборов(1948-2004)	5660 (62%)	3424 (38%)
Речи после победы на предварительных выборах (1952-2004)	1558 (55%)	1287 (45%)
Ключевые выступления кандидатов(1960-1996)	509 (54%)	410 (46%)
Телевизионная политреклама в ходе всеобщих выборов(1952-2004)	3581 (59%)	2212 (41%)
Дебаты в ходе всеобщих выборов(1960, 1976-2004)	4885 (75%)	1666 (25%)
Брошюры в ходе всеобщих выборов(1952-2000)	8742 (76%)	2687 (24%)
Политреклама на радио в ходе всеобщих выборов (1972-1992, 2000)	474 (57%)	409 (43%)
ВСЕГО	41209 (67%)	20571 (33%)

Таблица 7.

Темы телевизионных передач непрезидентских выборов в США

	Кол-во передач	Политика кандидата	Личность политика
Выборы в Сенат 1980-2000	541	1930 (55%)	1570 (45%)
Выборы в Палату Представителей 1980-2000	438	1403 (51%)	1370 (49%)
Выборы в Конгресс 1998	29	120 (66%)	62 (34%)
Губернаторские выборы 1974-1998	488	1308 (66%)	666 (34%)
Местные выборы 1998-2000	70	229 (59%)	161 (41%)
ВСЕГО	1566	4990 (57%)	3829 (43%)

$\chi^2(df=1) = 152.84, p < .0001$

Benoit (2000), Brazeal & Benoit (2001), Pier (2002)

Таблица 8.

Темы непрезидентских политических дебатов в США

	Политика кандидата	Личность политика
Дебаты выборов в Сенат США 1998-2004	1813 (70%)	794 (30%)
Дебаты губернаторских выборов США 1994-2004	3166 (73%)	1150 (27%)
ВСЕГО	4979 (72%)	1944 (28%)

$\chi^2(df=1) = 1328.64, p < .0001$

Дебаты выборов в Сенат: Бенуа, Брэзил и Эйрин (2006)

Дебаты губернаторских выборов: Эйрин, Бенуа и Брэзил (2006)

Таблица 9.

Темы политических телепередач в других странах

	Политика кандидата	Личность политика
Франция 1988	100%	0
Германия 1992*	31%	69%
Германия 1994	69%	31%
Италия 1992	71%	29%
Великобритания 1992, 1997	88%	12%
Израиль 1992	50%	50%
Корея 1992**†	65%	35%
Польша 1995	66%	34%
Турция 1995	33%	67%
Греция 1996	42%	58%
Россия 1996	58%	42%
Промежуточный итог‡	59%	41%
Тайвань 2000	32%	68%
Корея 2002	50%	50%

* Эти примеры включают в себя также рекламу в газетах.

† Данное исследование также включает в себя третью категорию – комбинацию – которая не представлена здесь.

Кейд (1999), Кейд и Хольц-Баха (1995), Ли и Бенуа (2004); Тэк, Кейд и Ли (1997), Уэн, Бенуа и Ву (2004)

‡ Процент телепередач согласно данным авторов, переведенный в количество передач: $\chi^2(df=1)=47.42, p<.0001$.

Таблица 10.

Темы политических дебатов в других странах

	Политика кандидата	Личность политика
Франция, 1988, 1995	981 (89%)	121 (11%)
Израиль, 1984, 1988, 1992, 1996, 1999	222 (77%)	67 (23%)
Южная Корея, 1997, 2002	1443 (84%)	269 (16%)
Тайвань, 2004	372 (60%)	251 (40%)
Украина, 2004	333 (61%)	213 (39%)
ВСЕГО	3351 (78%)	921 (22%)

$\chi^2(df=1) = 1381.1, p < .0001$

Бенуа и Ключковский (2006), Бенуа и Шифер (2006), Бенуа, Уэн и Йу (2006), Чой и Бенуа (2006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Airne D., Benoit W. L. 2004 Illinois U.S. Senate debates: Keyes versus Obama. *American Behavioral Scientist*. 2005a. Vol. 49, 343-352.
2. Airne D., Benoit, W. L. Political television advertising in campaign 2000 // *Communication Quarterly*. 2005b. Vol. 53.
3. Airne D., Benoit W. L., Brazeal L. M. A functional analysis of gubernatorial political debates. Unpublished manuscript. 2006.
4. Allen M., Burrell, N. The negativity effect in political advertising: A meta-analysis // *The persuasion handbook: Developments in theory and practice* / J. P. Dillard & M. Pfau (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2002.
5. Benoit P. J. *Telling the success story: Acclaiming and disclaiming discourse*. Albany: State University of New York Press, 1997.
6. Benoit W. L. *Accounts, excuses, apologies: A theory of image restoration strategies*. Albany: State University of New York Press, 1995.
7. Benoit W. L. *Seeing spots: A functional analysis of presidential television advertisements from 1952-1996*. New York: Praeger, 1999.
8. Benoit W. L. *A functional analysis of political advertising across media*, 1998. *Communication Studies*. 2000. Vol. 51.
9. Benoit W. L. Presidential campaign discourse as a causal factor in election outcome. *Western Journal of Communication*. 2003. Vol. 67.
10. Benoit W. L. Political party affiliation and presidential campaign discourse. *Communication Quarterly*. 2004. Vol. 52.
11. Benoit W. L. (in press). *Communication in political campaigns*. New York: Peter Lang.
12. Benoit W. L., Brazeal L. M., Airne D. A functional analysis of U.S. senate debates, 1998-2004. Unpublished manuscript. 2006.
13. Benoit W. L., Blaney J. R., Pier P. M. *Campaign '96: A functional analysis of acclaiming, attacking, and defending*. New York: Praeger, 1998.
14. Benoit W.L., Hansen G. J., Stein K. A. Newspaper coverage of presidential primary debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. Vol. 40.
15. Benoit W. L., Klyukovski A. A functional analysis of 2004 Ukrainian political debates. Unpublished manuscript. 2006
16. Benoit W. L., McHale J. P., Hansen, G. J., Pier P. M., McGuire J. P. *Campaign 2000: A functional analysis of presidential campaign discourse*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003.
17. Benoit W. L., Pier P. M., Brazeal L. M., McHale J. P., Klyukovski A., Airne D. *The primary decision: A functional analysis of debates in presidential primaries*. Westport, CT: Praeger, 2002.
18. Benoit W. L., Sheaffer T. A functional analysis of Israeli Prime Ministerial debates. Unpublished manuscript. 2006.
19. Benoit W. L., Stein K. A., Hansen G. J. Newspaper coverage of presidential debates // *Argumentation and Advocacy*. 2004. Vol. 41.
20. Benoit W. L., Stein K. A., Hansen, G. J. *New York Times coverage of presidential campaigns, 1952-2000* // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2005. 82.
21. Benoit W. L., Wen W-C., Yu, H-T. A functional analysis of 2004 Taiwanese political debates. Unpublished manuscript. 2006.
22. Brazeal L. M., Benoit W. L. A functional analysis of Congressional television spots, 1986-2000 // *Communication Quarterly*. 2001. Vol. 49.

23. Chang C. Political advertising in Taiwan and the U.S.: A cross-cultural comparison of the 1996 presidential election campaigns // *Asian Journal of Communication*. 2000. Vol. 10.
24. Choi Y. S., Benoit, W. L. A functional analysis of French and South Korean political debates. Unpublished manuscript. 2006
25. Duchneskie J., Seplow S. Gore's vote lead totals 540,435 // *Philadelphia Inquirer*. 2000, December 15.
26. Farnsworth S. J., Lichter S. R. The nightly news nightmare: Network television's coverage of U.S. presidential elections, 1988-2000. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003.
27. Hallin D. C., Mancini P. Comparing media systems: Three models of media and politics. New York: Cambridge University Press, 2004.
28. Hofstetter C. R. Bias in the news: Network television coverage of the 1972 election campaign. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1976.
29. Johnson-Cartee K. S., Copeland G. Southern voters' reactions to negative political ads in the 1986 election // *Journalism Quarterly*. 1989. Vol. 66.
30. Kaid L. L. Comparing and contrasting the styles and effects of political advertising in European democracies // *Television and politics in evolving European democracies* / L. L. Kaid (Ed.). Commack, NY: Nova Science, 1999.
31. Kaid L. L., Holtz-Bacha C. Political advertising across cultures // *Political advertising in Western democracies* / L. L. Kaid & C. Holtz-Bacha (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
32. Lau R. R., Sigelman L., Heldman C., Babbitt P. R. The effectiveness of negative political advertising: A meta-analytic assessment // *American Political Science Review*. 1999. Vol. 93.
33. Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign (2nd ed.). New York: Columbia University Press, 1948.
34. Lee C., Benoit, W. L. A functional analysis of presidential television spots: A comparison of Korean and American ads // *Communication Quarterly*. 2004. Vol. 52.
35. Lee C., Benoit W. L. A functional analysis of the 2002 Korean presidential debates // *Asian Journal of Communication*. 2005. Vol. 15.
36. Lenart S. Shaping political attitudes: The impact of interpersonal communication and mass media. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.
37. Merritt S. Negative political advertising: Some empirical findings // *Journal of Advertising*. 1984. Vol. 13.
38. Patterson T.E. The mass media election: How Americans choose their president. New York: Praeger, 1980.
39. Patterson T.E., McClure R.D. The unseeing eye: The myth of television power in national politics. New York: Putnam, 1976.
40. Petrocik J.R., Benoit W.L., Hansen, G.L. Issue ownership and presidential campaigning, 1952-2000 // *Political Science Quarterly*. 2003-2004. Vol. 118.
41. Pier P.M. He said she said: A functional analysis of differences between male and female political campaign messages. Unpublished dissertation, University of Missouri. 2002.
42. Popkin S.L. The reasoning voter: Communication and persuasion in presidential campaigns (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1994.

43. Popkin S.L., Gorman J., Smith J., Phillips C. Comment: toward an investment theory of voting behavior: What have you done for me lately? // American Political Science Review. 1976. Vol. 70.

44. Robinson M.J., Sheehan M.A. Over the wire and on tv: CBS and UPI in campaign '80. New York: Russell Sage, 1983.

45. Stewart C.J. Voter perception of mud-slinging in political communication // Central States Speech Journal. 1975. Vol. 26.

46. Tak J., Kaid L.L., Lee, S. A cross-cultural study of political advertising in the United States and Korea // Communication Research. 1997. Vol. 24.

47. Wen W.C., Benoit W.L., Yu T.H. A functional analysis of the 2000 Taiwanese and U. S. presidential spots // Asian Journal of Communication, 2004. Vol. 14.

© Вильям Л. Бенуа, 2006

P.S. Оригинал статьи размещен на сайте www.cognitiv.narod.ru.

Будаев Э.В.
Нижний Тагил

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ ЖИВУТ НА ВОСТОКЕ

Abstract

Budaev E. Political Metaphors the East Lives by. The article deals with Asian political metaphors in comparison to the Western traditions of metaphorical conceptualization of political reality. Despite the intercultural isomorphism of metaphorical models, there exists a number of Asian peculiarities. It is argued that while metaphorical masculinization of "Other" dominates Western political communication, metaphorical feminization of "Other" prevails in Asian political discourse.

****

Современный метафорический анализ политического дискурса относится к одним из наиболее активно развиваемых методов когнитивной и политической лингвистики, направленных на исследование ментальных представлений, которые лежат в основе категоризации политического мира. Политические метафоры отражают и воспроизводят доминантные для определенного общества культурные ценности и оппозиции, которые оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию (Баранов А.Н., Берхо Д., Джонсон М., Лакофф Дж., Х. де Ландтсхеер, Мусолфф А., Рорер Т., Цинкен Й., Чудинов А.П. и др.).

При рассмотрении исследований по политической метафорике в государствах Востока можно выделить 2 аспекта. Первый аспект связан с выводами об изоморфизме концептуальных картин мира и архетипичности метафорических образов, используемых в политической коммуникации.

Действительно, метафоры, распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером может

служить монография Дж. Вэй [Wei 2001], в которой проанализированы основные метафорические модели тайваньского политического дискурса. В Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и др. Выводы автора вполне сопоставимы с результатами похожих монографических исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов России, США и государств Европы [Charteris-Black 2004a, 2004b; Musolf 2000, 2004; Santa Ana 2002; Чудинов 2001, 2003].

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении метафор в политическом дискурсе Сингапура. В частности, Л. Ви [Wee 2001] показал, что разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмыслялось в метафорах супружеских отношений, что является довольно устойчивым фреймом для концептуализации политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе России, Великобритании, Германии, Польши и других стран [Будаев 2006; Чудинов 2001; Zinken 2002].

Метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией рассмотрены в монографии И. Насальски [Nasalski 2004]. Как показывает польский исследователь, египетские метафоры отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического своеобразия. Со спецификой политической метафорики в странах Востока связан второй аспект рассматриваемого вопроса.

Эта специфика вызывает особый интерес, поскольку, (1), служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, (2) – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле».

Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или Владимира Красное Солнышко (собирательный образ древнерусского князя).

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Особенно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Одна из самых распространенных метафор в политическом дискурсе Западных стран для представления врага или чужого – это метафора насильника [Bates 2004; Lakoff 1991; Rohrer 1995; Keen 1986; Чудинов 2001]. Согласно инференциям этого метафорического сценария нужно защитить слабую и подвергающуюся насилию женщину. В политическом дискурсе стран Запада доминирует тактика метафорической маскулинизации «чужого», направленная на активизацию императива противодействия аморальному врагу. Согласно метафорической логике такого описания мира политики, враг-насильник силен, представляет опасность для цивилизованного общества, поэтому нужна максимальная мобилизация ресурсов для сохранения традиционных культурных ценностей и восстановления справедливости.

Иначе гендерный аспект проявляет себя в метафорах исламских государств. Например, как показывает Р. Сайгол (2000), зна-

ние о том, что женщина физически слабее мужчины, используется в современном пакистанском политическом дискурсе для метафорического представления «чужого», особенно часто Индии (традиционного соперника Пакистана). В представлении пакистанцев их государство – это взрослый мужчина-мусульманин, а Индия – это женщина. Следовательно, враг слаб и не способен оказать серьезное сопротивление, а поэтому в случае военного конфликта он будет легко повержен. Для акцентирования этого гендерного образа активно используются и другие языковые средства. Как показывает Р. Сайгол, подбор и интерпретация фактов согласуется с доминирующим метафорическим образом. Например, метафорическая феминизация Индии сопровождается указанием на тот факт, что в некоторых районах Индии до сих пор существуют «неправильные» и «отвергнутые всем миром» матриархальные семьи, в которых женщина – глава семьи, а дочери наследуют имущество. Индийским мужчинам не хватает маскулинности, они не могут справиться со своими женщинами и не представляют собой серьезной военной силы.

В другом исследовании Р. Сайгол (2003) показано, что в период правления Айюб Хана (1958-64), «плохое прошлое» Пакистана связывалось с бесплодием и стерильностью, а грядущий прогресс и интеграция пакистанского общества ассоциировались с возмужанием, сексуальной потенцией и «мужским характером», что в частности проявилось в военном конфликте с Индией. Как показывает автор, устойчивость гендерных стереотипов при осмыслении мира политики во многом связана с их воспроизводством в образовательном дискурсе, с формированием подобных представлений у подрастающего поколения.

Другим примером гендерной специфики политической метафоры Востока могут служить материалы, изложенные в диссертации Э. Билгин [Bilgin 2004]. Как показывает Э. Билгин, в турецкой культуре Османского периода доминировала метафора чужого как женщины и соответственно Запада как женщины. Согласно этой метафоре, вестернизация Турции рассматривалась как ее феминизация, а гендерная парадигма осмысления мира стала способом сохранения культурных традиций и противостояния западному влиянию. Напр., в представлении османской элиты, молодежь, перенимавшая западный образ жизни, перенимала «женские привычки», представляла собой угрозу «отеческой власти» и символизировала «демаскулизацию» Турции [Bilgin 2004: 63-108].

Э. Билгин показывает, что и в современной Турции политические оппоненты во многом опираются на традиционные ценности. После революции М. Кемаля в турецкой политике наблюдается противостояние исламистов (сторонников сохранения традиционных ценностей) и кемалистов (приверженцев продолжения курса

на модернизацию Турции). В дискурсе исламистов по-прежнему активно используется тактика феминизации Запада и его материалистического и механистического мира в противовес одухотворенному, «дефеминизированному» и коллективистскому Востоку [Bilgin 2004: 217]. Показательно, что гендерная модель играет важную роль и в дискурсе кемалистов, которые настаивают на продолжении модернизации турецкого общества и опираются на программу расширения прав женщин. В дискурсе кемалистов активно используется метафора «Отца и дочерей», сменившая традиционную оттоманскую метафору «Отца и сыновей». Вместе с тем «идеализированные дочери» кемалистского дискурса подвергаются дефеминизации и десексуализации, становятся «товарищами по оружию» в политической борьбе.

Вполне закономерно, что культурные метафорические стереотипы сохраняются и у иммигрантов из исламских государств. В этом отношении показательно исследование Б. Кэндела [Candel 2005], в котором показано, что среди метафор, используемых британскими и шведскими мусульманами, значимое место занимает концепт «недостаточной маскулинности» европейского ислама.

Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе исламских государств доминирует тактика *метафорической феминизации «чужого»*, направленная на дискредитацию и умаление качеств политического оппонента, что контрастирует с метафорическими средствами концептуализации чужого в политическом дискурсе стран Запада и России.

Разумеется, Восток – это не только исламские государства и при обращении к другим его субрегионам обнаруживаются другие культурно обусловленные концептуальные особенности.

К примеру, китайские метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами торговой сделки, но с моральным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками [Wei 2001: 63-64, 66-68].

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а меняющуюся в зависи-

мости от экстралингвистической действительности концептосферу. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Пример имманентных причин изменения метафорики приводит Э. Рингмар [Ringmar 2005], рассмотревший метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом, но и в хронологическом измерении. В Японии до конца XIX века императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи.

Примеры своеобразной интерпретации метафор «западного происхождения» обнаруживаем у Дж. Вэй. Исследователь прослеживает, как в нарративе «Выборы мэра Тайпэя» кандидаты боролись за пост с помощью метафор пищи и наименований собак. Популярный в местный кругах кандидат называл имеющего американское образование оппонента *пиццей* и *guibingou* («дорогая иностранная собачка»), связывая эти концепты с удаленностью претендента на пост мэра от насущных проблем. Себя же он позиционировал как *дворняжку* и *baozi* (популярный в народе вид сдобной булочки) [Wei 2001: 62-63].

Довольно интересны наблюдения Дж. Вэй относительно традиционной китайской цветовой символики и ее взаимодействия с новообразованиями в политической метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75-77].

Помимо своеобразия в концептуальных картинах мира, политическая метафорика Востока характеризуется спецификой, связанной с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна публикация Дж. Лакоффа, посвященная вопросу о метафорическом оправдании первой войны в Персидском заливе [Lakoff 1991]. Во время ближневосточного кризиса 1991 года американская администрация использовала метафорическую «сказку о справедливой войне», согласно которой Доблестный Спаситель (США), спа-

сают Невинную Жертву (Кувейт) от Жестокого Злодея (Ирака). В арабском мире была популярна другая метафора: война между Кувейтом и Ираком – это семейное дело, следовательно, старший брат (Ирак) имеет полное право наказать младшего брата (Кувейт), и всякое вмешательство чужаков в семейные дела совершенно бессмысленно.

Указанная работа Дж. Лакоффа начинается фразой *Metaphors can kill* (Метафоры могут убивать). Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она, действительно, играет довольно значимую роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайней мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте исследование политической метафористики, особенно в иных культурах, содержит в себе определенный гуманистический смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Будаев Э.В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Известия УрГПУ. Лингвистика / УрГПУ. Екатеринбург, 2006. Вып. 18.
2. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / УрГПУ. Екатеринбург, 2003.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / УрГПУ. Екатеринбург, 2001.
4. Bates B. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // Communication Studies. 2004. Vol. 55. № 3.
5. Bilgin E. An analysis of Turkish modernity through discourses of masculinities. A thesis for the degree of doctor of philosophy in political science. Ankara, 2004.
6. Candel B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric. MA Dissertation. University of Surrey, 2005.
7. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke, 2004b.
8. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004a.
9. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. New York, 1988.
10. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-I.htm> – 1991.
11. Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago, 1988.
12. Musolf A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.
13. Musolf A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. Munich, 2000.
14. Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. Wiesbaden, 2004.

15. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf – 2005.
16. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 2.
17. Saigol R. Becoming a Modern Nation: Educational Discourse in the Early Years of Ayub Khan (1958-64). Monograph № 3 (Monograph Series of Council of Social Sciences). Islamabad, 2003.
18. Saigol R. Symbolic Violence: Curriculum, Pedagogy and Society. Lahore, 2000.
19. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin, 2002.
20. Wee L. Divorce before marriage in the Singapore–Malaysia relationship: The Invariance Principle at work // *Discourse and Society*. 2001. Vol. 12. № 4.
21. Wei J. M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. Lanham, 2001.
22. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2006

Будаев Э.В., Чудинов А.П.

Екатеринбург

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

Abstract

Budaev E., Chudinov A. The Historical Dynamics of Political Metaphor. This article deals with two aspects of political metaphor dynamics: the archetypal stability and the unsteadiness of political images. The archetypal stability is reflected in political metaphors, which transcend culture, time, and geography. The unsteadiness becomes apparent in historical changeableness of political metaphors in a certain society.

****

Становление современной теории политической метафорологии было тесно связано с необходимостью изучения сложного взаимодействия между языком, когницией и политическими событиями конца XX века. Актуальность решения вопросов, связанных с феноменом политической метафоры, обусловила повышенное внимание исследователей к метафорике в современном политическом дискурсе [Будаев, Чудинов 2006].

Вместе с тем эпизодически появляются публикации, в которых рассматриваются метафоры, характерные для иных политических периодов. Так, в диссертации Л. А. Шадаевой [2004] детально проанализирован корпус текстов речей и высказываний А. Линкольна за период с 1832 по 1865 гг. Автор выяснил, что картина мира А. Линкольна может быть представлена в ряде стереотипов, среди которых выделяются архитектурная метафора и метафоры Библии. Для знаменитого Президента метафора служит важнейшим

средством аргументации, она представляет собой языковой инструмент создания А. Линкольном ведущих речевых стратегий.

О.Н. Кондратьева [2003] обращается в своей статье к политическим метафорам, которые использовались почти пять столетий назад в переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. Это исследование показало, что еще в публицистике XVI века активно использовались зооморфные метафоры с ярко выраженным агрессивным прагматическим потенциалом.

В диссертации А.А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления образа СССР и России в американском политическом дискурсе со второй половины XX века до начала нового столетия, автор выделяет при этом два основных исторических периода – советский и постсоветский. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми использовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы метафорического представления остаются стабильными и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [Пшенкин 2006]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала: так, метафоры со сферой-источником «Бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, для американцев относиться к политике как к бизнесу – это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгащей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [Пшенкин 2006, Чудинов 2003].

В статье З. Ковечеса [Kövecses 1994] проанализированы метафоры в книге французского политолога Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (1835). Традиционно считалось, что А. де Токвиль положительно относился к американской демократии. Вместе с тем З. Ковечес отмечает, что, несмотря на внешне позитивную оценку, политолог многое не одобрял, о чем свидетельствует доминантная метафора А. де Токвиля – американская демократия – это страстный человек.

Ряд исследований посвящен изучению политической метафорики середины XX века в Латинской Америке. Так, в исследовании Д. Софера рассмотрены метафоры в корпусе писем колумбийцев своему президенту за период 1944-1958 гг. [Sofer 2003], а в статье Д. Берхо проанализирована аргентинская политическая метафорика 1936-1952 гг. [Berho 2000].

На фоне публикаций по метафорическому представлению современной иммиграции в США выделяется статья Дж. О'Брайена

[O'Brien 2003]. Исследователь проанализировал метафоры в дебатах начала 1900-х, посвященных вопросу об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в нач. XX в. для концептуализации иммиграции использовались образы природных стихий, войны, животных, труднопереваряемой пищи – образы, которые фиксируют современные американские исследователи той же сферы-мишени в современной политической коммуникации [Hardy 2003; El Refaie 2001; Santa Ana 1999; Valk 2001].

Такой ракурс рассмотрения позволяет получить ответы на вопросы о динамике метафорических систем и проследить, как эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации. В наиболее общем виде исследователь политической метафорики в исторической перспективе может столкнуться с двумя взаимодополняющими свойствами системы политических метафор: **архетипичностью** и **вариативностью**.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафорики послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в XX веке, но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована М. Осборном в теории архетипичных метафор [Osborn 1967a; 1967b; 1977].

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. Так, Дж. Харрис [Harris 1998] показал, что в эпоху королевы Елизаветы и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сто лет спустя в риторике Адольфа Гитлера [Perry 1983; Rash 2005], и в современном политическом дискурсе, в котором морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах [Каслова 2002; Муране 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001; Шмелева 2001; Adamson et al. [http; Luoma-aho](http://Luoma-aho) 2002 и др.]. Конечно, сфера-мишень для морбиальных метафор варьируется в различ-

ные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи, в разных странах.

По мере накопления практических исследований становилось очевидным, что политическая метафорика обладает диахронической вариативностью. В 1977 году М. Осборн, основатель теории о неизменных архетипичных метафорах, опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов [Osborn 1977]. М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX веков, он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX веке речные и океанские метафоры были очень распространены (что подтверждается и другими исследователями [см., напр.: Miller 2003])

Архетипичность политической метафорики получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафорики.

Вариативность системы политических метафор имеет в современной метафорологии два ракурса рассмотрения. В первом случае внимание исследователей привлекают корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (а также степенью их яркости, образности). Во втором случае рассматриваются факты доминирования отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для первого направления послужила работа К. де Ландтсхеер [Landtsheer 1991], в которой с помощью методов контент-анализа было доказано, что между частотностью метафор

и общественными кризисами существуют взаимозависимость. Исследовав голландский политический дискурс за период 1831-1981 гг., К. де Ландсхеер удалось показать, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory). В очередном исследовании К. де Ландсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период.

Исследования в этом направлении проводились и в российской лингвистике. Так, А.Н. Баранов во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» [1994] отметил, что метафоричность политического дискурса существенно возросла в период перестройки и снизилась в постперестроечный период. В другой работе А.Н. Баранов [2003] на основе методики контент-анализа подтверждает положение о том, что метафора является важным инструментом формирования множества альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Исследователь доказывает связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом на примере лингвистического мониторинга политических метафор периода августовского дефолта 1998 года.

Второе направление в изучении вариативности политической метафорики определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации.

Как показывают исследования этого направления, даже самые устойчивые и укоренные понятийные области претерпевают с течением времени изменения: доминируют или отходят на второй план. Например, А. Харви [Harvey 1999] проследил историю политической метафоры «Государство – это организм» и показал, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры

использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. Политическую антропоморфную метафору использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Благодаря усилиям российских лингвистов достаточно отчетливо прослеживается динамика советско-российской политической метафорики второй половины XX века. В советскую тоталитарную эпоху доминировали метафоры войны, во времена Л.И. Брежнева милитарные метафоры уступили место метафорам родства, архитектурные метафоры – отличительный признак эпохи перестройки [Баранов, Караулов 1991; 1994], а метафоры из сфер-источников «Театр», «Секс» и «Криминальный мир» – яркая примета периода президентства Б.Н. Ельцина [Чудинов 2001]. В российском политическом дискурсе начала XXI века особенно заметна активизация метафор из сферы-источника «Монархия» [Каслова 2003; Чудинов 2003]. При этом метафорическая модель «Россия – это монархия» оказалась очень продуктивна не только в российской прессе, но и в СМИ Германии [Санцевич 2003], Великобритании [Будаев 2004], Франции [Шаова 2005].

Смена метафорики особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работы американского ученого Р.Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафорики в период демократизации общества. В публикации «The Discursive Origins of Russian Democratic Politics» автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. Следует, однако, учитывать, что под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотноситель-

ным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отделяется от народа).

Для подтверждения этой теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для его исследования послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Р.Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистической элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т.п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*). Р.Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры, ориентационные метафоры горизонтального расположения (*левые, правые, сторонники, противники*). К примеру, с появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества. Исследователь провел важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отме-

чает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процесс демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р.Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии может служить монография Збигнева Хейнтзе, в которой помимо исследования изменений в польском политическом языке конца XX века рассматриваются закономерности эволюции политических метафор в их связи с изменениями в польском обществе [Heintze 2001].

Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свержать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему в первые годы переходного периода З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Так, А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры «европа – это дом / строение» за последнее десятилетие XX

века на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

Динамика политических метафор прослеживается и на примере более короткого временного интервала. Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan 2004] рассмотрели концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако на первом референдуме ирландский народ проголосовал против изменения конституции, что не замедлило отразиться в метафорах немецкой прессы. До проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и метафорически представлялись в немецкой прессе как любовные отношения. После референдума метафоры любовных отношений исчезли, но появились негативные криминальные образы.

В исследовании Н.М. Чудаковой убедительно показано, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор со сферой-источником «Неживая природа». Так, в 70-ые годы (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой – чужой». В начале 90-ых годов (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI века появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, свя-

зано с повышенным вниманием к традиционным фундаментальным ценностям русского народа [Чудакова 2005].

Как показывает данный обзор, исследование политической метафоры в исторической перспективе свидетельствует о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. В первом случае имеется в виду относительная стабильность метафорических систем течение многих десятилетий, веков и даже тысячелетий. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
4. Будаев Э.В. Монархическая метафора как средство концептуализации политической действительности в британской прессе (на примере России, Грузии и Латвии) // Перевод и межкультурная коммуникация / Институт международных связей. Екатеринбург, 2004.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
6. Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
7. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дисс. ... к.ф.н. Екатеринбург, 2003.
8. Кондратьева О.Н. Зооморфная метафора в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским // Известия УрГПУ. Лингвистика. Том 11. Екатеринбург, 2003.
9. Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Известия УрГПУ. Лингвистика. Т. 8. Екатеринбург, 2002.
10. Пшенкин А.А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: Автореферат ... к.ф.н. Барнаул, 2006.
11. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) : Дисс. ... к.ф.н. М., 2003.
12. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90 гг. XX века: Дисс. ... к.ф.н. Екатеринбург, 1998.
13. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) : Дисс ... к.ф.н. Екатеринбург, 2005.

14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) : Монография / УрГПУ. Екатеринбург, 2001.
15. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / УрГПУ. Екатеринбург, 2003
16. Шадаева Л.И. Когнитивные и дискурсивные особенности метафоры в аргументативе современного английского языка (на материале текстов речей А. Линкольна): Автореф. ... к.ф.н. Иркутск, 2004.
17. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Дисс. ... к.ф.н. Екатеринбург, 2005.
18. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Известия УрГПУ. Лингвистика. Екатеринбург, 2001. Т. 7.
19. Adamson T., Johnson G., Rohrer T., Lam H. Metaphors we ought not live by: Rush Limbaugh in the Age of Cognitive Science // <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/rush.htm>
20. Anderson R. D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson /AFHRChapter.htm> – 2001.
21. Berhó D. L. Working Politics : Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.
22. El Refaie E. Metaphors we discriminate by : Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3.
23. Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. Washington, 2003.
24. Harris J. G. Foreign Bodies and the Body Politic: Discourses of Social Pathology in Early Modern England. New York; Cambridge, 1998.
25. Harvey A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor // Contemporary Review. 1999. Vol. 275. Issue 1603.
26. Heintze Z. Język polityki w okresie transformacji // jp.bigweb.pl/index.php – 2001.
27. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 1.
28. Kövecses Z. Tocqueville's Passionate "Beast": A Linguistic Analysis of The Concept of American Democracy // Metaphor and Symbol. 1994. Vol. 9. No. 2.
29. Landtsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
30. Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics. 2002. Vol. 7. № 3.
31. Miller C. Ship of State: The Nautical Metaphors of Thomas Jefferson. Lanham, 2003.
32. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. Vol. 21. № 3.

33. O'Brien G. V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // *Metaphor and Symbol*. 2003. Vol. 18. № 1.
34. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967a. Vol. 53.
35. Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // *Western Speech*. 1967b. Vol. 31.
36. Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // *Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63.
37. Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // *Central States Speech Journal*. 1983. Vol. 34.
38. Rash F. Metaphor in Adolf Hitler's *Mein Kampf* // *metaphorik.de*. 2005. № 9.
39. Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.
40. Sofer D. O. El Pueblo and La Rosca: A Political Dialogue in Colombia, 1944-1958: Ph.D. Dissertation. Austin, 2003.
41. Valk I., van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990–1997) // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.
42. Vertessen D., Landtsheer C., de. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006

Дэвид Бэнкс

Брест (Франция)

Перевод А.А. Прокопьевой

ПРЕДСТАВЛЯЯ НЕПРИЕМЛЕМОЕ. ПРЕДВЫБОРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ЛЕ ПЕНА ВО ВТОРОМ ТУРЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ В 2002 Г.

Abstract

Banks D. Presenting the Unacceptable: Le Pen's Electoral Tract for the Second Round of the French Presidential Election 2002. This article analyses the *profession de foi* of the extreme right National Front candidate for the second round of the 2002 French presidential election. The analytical framework used is that of Systemic Functional Linguistics. The document contains intertextual links which are surprising given the political stance of the candidate. He makes great use of vocatives which have high interpersonal but low ideational value. Use of negative imperatives treats the reader as a potential Affected rather than as an Actor. Grammatical metaphor gives some content the status of presupposition. The document as a whole is an appeal with little overt content.

****

1. Введение. В апреле 2002 года президентские выборы во Франции закончились с результатом, вызвавшим большое удивление и получившим резонанс далеко за пределами Франции. Для

того чтобы понять, что случилось, необходимо знать некоторые детали довольно своеобразной французской выборной системы. Она предусматривает два тура. Чтобы пройти первый тур, кандидаты должны получить 200 подписей членов избирательной коллегии (*grands électeurs*), большинство из которых занимают выборные должности мэров и сенаторов. Они могут отдать свою подпись в пользу одного из кандидатов; однако это не предполагает необходимости голосовать за этого кандидата, а всего лишь означает признание законности его выдвижения. Так, например, некоторые подписавшиеся отдают свои голоса кандидату с крайними взглядами на основании демократического права этого кандидата выдвигаться. После первого тура два кандидата, набравшие наибольшее количество голосов, проходят во второй тур, который проводится две недели спустя. В 2002 году в первом туре были представлены 16 кандидатов. Это было самое большое количество кандидатов за все время проведения президентских выборов во Франции.

Во Франции распространено мнение (или существовало до 2002 года), что можно проголосовать за понравившегося кандидата в первом туре, даже если он не имеет шансов на победу, поскольку во втором туре всегда есть возможность проголосовать за лидирующего кандидата. Это означает, что количество голосов, отданных за главных кандидатов, сокращается, т.к. часть их электората выбирает менее популярных кандидатов в первом туре. В результате в 2002 году во втором туре выборов оказались представлены Жак Ширак, президент Франции, ищущий переизбрания, и Лионель Жоспен, лидер партии социалистов. Как известно в настоящее время, число голосов Жоспена сократилось до такой степени, что он оказался на третьем месте после крайне правого кандидата Национального фронта Жана-Мари Ле Пена. Таким образом, французским избирателям пришлось во втором туре выбирать между правым и крайне правым кандидатом.

Особенностью французской демократической системы является получение каждым избирателем за счет государства предвыборного обращения каждого кандидата (*profession de foi*). В этой статье я хочу рассмотреть обращение крайне правого кандидата Ле Пена, представленное во втором туре президентских выборов. Я рассмотрю интертекстуальные аспекты данного документа, после чего проанализирую использование Ле Пенем обращения, наклонения и темы; и, наконец, использование грамматической метафоры, особенно номинализации и придаточных предложений.

В обращении Ле Пена находится относительно немного текстовой информации. Главный текст содержит 404 слова; в документе также имеется 4 «мини-текста», самый длинный из которых состоит из 41 слова, один из них, длиной в 34 слова, подписан

женой Ле Пена, Жани Ле Пен. Для сравнения, предвыборное обращение Жака Ширака значительно длиннее и составляет 1100 слов. Мои наблюдения, кроме специально отмеченных, базируются на основном тексте документа Ле Пена в 404 слова (полный текст на французском языке находится в Приложении 1, перевод на русский язык в Приложении 2).

2. Аналитическая модель. Большинство моих наблюдений проводится в терминах системной функциональной лингвистики [см. Halliday 1994, Banks 2005a]. Я полагаю, что выбор теоретических оснований – это во многом вопрос личных предпочтений; несомненно, что существует множество подходов к анализу текстов подобного типа. Наиболее очевидным альтернативным вариантом является критический дискурсивный анализ [см. Fairclough 1995, 2001]. Данный подход ни в коей мере не противоречит системной функциональной лингвистике, они вполне сопоставимы. Фэрклоу следующим образом выразил свое отношение к работе Халлидея: «Из всей существующей литературы, посвященной анализу текста, я ссылаюсь главным образом на системную функциональную лингвистику, лингвистическую теорию и связанные с ней аналитические методы Майкла Халлидея...» [Fairclough 2003: 5]. Тем не менее, он отмечает некоторые различия: «...направления критического дискурсивного анализа и системной функциональной лингвистики совпадают не полностью, причины этих различий являются различные цели...» [Fairclough 2003: 5]

Именно различные цели приводят к тому, что две теории противопоставлены друг другу как минимум по двум направлениям. Первое из них – это разделение стилистики и лингвистического анализа. Критический дискурсивный анализ находится ближе к стилистике, в то время как системная функциональная лингвистика – ближе к лингвистическому анализу. Второе направление связано с качественными и количественными параметрами. Критический дискурсивный анализ тяготеет к качественному анализу, а системная функциональная лингвистика отдает предпочтение количественным измерениям. По данным двум направлениям я отдаю предпочтение системной функциональной лингвистике. Тем не менее, нельзя отрицать, что, исследования на базе критического дискурсивного анализа, могут привести к заключениям, сходным с приведенными в данной работе. Как было сказано выше, выбор во многом зависит от личности. Все, что я здесь сказал, относится *mutatis mutandis* и к другим сравниваемым подходам, например, Ван Дейка 1977, 2002 и Фаулера 1996.

Согласно системной функциональной лингвистике, каждый текст содержит три типа значения, известных как семантические метафункции. Это идеациональная метафункция, интерперсональная метафункция и текстуальная метафункция. Идеациональ-

ная метафункция представляет окружающий мир; на уровне предложения это выражается в процессе, участниках, вовлеченных в процесс, и связанных с ним обстоятельствах, если таковые имеются. Интерперсональная метафункция представляет комплекс отношений между говорящим и аудиторией, а также между говорящим и его сообщением. Следовательно, наклонение и модальность – это лингвистические феномены, которые следует рассматривать в связи с данной метафункцией.

Текстуальная метафункция представляет способы структурирования сообщения; на уровне предложения она включает тематическую структуру и структуру информации; за границами предложения она выражается при помощи когезии. В качестве примера я хочу проанализировать следующее предложение из текста: *Vingt ans durant vous avez subi toutes les fautes et les malversations des politiciens.* («Двадцать долгих лет вы терпели промахи и злоупотребления политиков»). Далее следует частичный анализ в терминах структурной лингвистики:

Vingt ans vous avez subi toutes les fautes et les malversations des politiciens

Обст: время	Возд.	Про:мат.	Инстр.
Остаток	Накл.	Остаток	
Т: глав.	Рема		

Процесс закодирован глаголом *avez subi* («быть подверженным»). Этот глагол предполагает действие физического характера, следовательно, представляет собой пример материального процесса (Про:мат.). Первый участник закодирован грамматически как Подлежащее (в СФЛ функциональные названия общепринято пишутся с большой буквы), *vous* («вы»), и является объектом, над которым совершается действие, следовательно, выполняет семантическую функцию подверженного воздействию (Возд.). Второй участник закодирован как Дополнение, *toutes les fautes et les malversations des politiciens* («промахи и злоупотребления политиков»), выражающее способы выполнения действия и, следовательно, выполняет функцию инструмента (Инстр.).

Повествовательность предложения обеспечивается порядком следования Подлежащего *vous*, за которым следует Личный глагол *avez*; это составляет элемент Наклонения, затем следует оставшаяся часть предложения (Остаток). Обстоятельство времени *Vingt ans durant* («Двадцать долгих лет») выступает начальным пунктом говорящего, представляя, таким образом, главную Тему (Т: глав.), остаток предложения является Ремой. Очевидно, что это весьма незначительная часть анализа данного предложения, но я наде-

ую, что это позволит представить общую идею о форме, которую может принимать системный анализ.

4. Интертекстуальность. Согласно Халлидею, текст – это не изолированная сущность, имеющая начало и конец, который отрывает ее от остального мира. Обычно текст существует в некотором пространстве, где он следует за предыдущими текстами и влияет на последующие. Так, каждый текст – это элемент в гораздо большей сети текстов, которые, соединяясь, образуют супертекст. Халлидей отделяет литературные тексты, как единственный вид, способный достигнуть определенного уровня независимости: «Текст в нормальной последовательности событий это не что-то, что имеет начало и конец. Обмен мнениями – это длительный процесс, включенный во все виды человеческого взаимодействия; он структурирован, но в то же время неделим, и все, что можно в нем заметить – это определенная периодичность, с которой чередуются пики и провалы текстуры – тесно связанные моменты с моментами относительно слабой продолжительности. Дискретность литературного текста нетипична для текстов в целом» [Халлидей 1978: 136-137].

Таким образом, текст Ле Пена это, прежде всего, часть большой совокупности, представляющей собой комплекс текстов французской выборной системы. В то же время этот текст носит отголоски других, не входящих в этот комплекс. Например, первые слова главного текста в данном документе, *J'ai fait un rêve* («У меня есть мечта»), вызывают в памяти многих читателей начальные слова знаменитой речи Мартина Лютера Кинга (*I have a dream*).

Мини-текст, написанный женой Ле Пена также интересен с этой точки зрения: *Mon mari est l'homme le plus intègre que je connaisse. Tolérant et généreux, je l'ai toujours vu s'occuper plus des autres que de lui. il [sic] est la force tranquille dont la France a besoin.* («Мой муж – самый честный человек из всех, кого я знаю. Он терпимый и щедрый, и я всегда видела, что он заботится о других больше, чем о себе. Он – та спокойная сила, которая нужна Франции».)

Выражение *la force tranquille* («спокойная сила») была выборным девизом бывшего президента-социалиста Франсуа Миттерана. Эти слова настолько известны, по крайней мере, во Франции, что их использование не может быть случайным. Для французского избирателя употребление этого выражения крайне правым кандидатом может показаться в лучшем случае странным и неуместным; но, скорее всего, будет воспринято как оскорбление и высмеивание политической системы. Для поддерживающих Ле Пена это может быть отражением того факта, что Ле Пен считает свою социальную политику левой. Как гласит один из его предвыборных лозунгов: *Socialement de gauche, économiquement de droite, nationalement*

de France («Социально левый, экономически правый, национально французский»).

Еще один пример интертекстуальности, возможно, менее очевидный, находится в следующем отрывке: Vous, les ouvriers et les ouvrières de toutes les industries ruinées par l'Europe de Maastricht. Vous, les artisans, les commerçants et les entrepreneurs persécutés par le fisc. Vous, les fonctionnaires et les représentants des forces de l'ordre, bafoués par un État que vous vous acharnez à défendre. Vous, les agriculteurs et les pêcheurs aux retraites de misère, acculés à la ruine et à la disparition. Vous, les parents qui tremblez pour vos enfants, même à l'école. Vous qui avez désormais peur de sortir le soir dans la rue. Vous, les retraités qui peinez à joindre les deux bouts. («Вы, рабочие и работницы предприятий, разоренных Европой Маастрихта. Вы, торговцы, мелкие и крупные предприниматели, преследуемые налоговиками. Вы, государственные служащие и представители правопорядка, униженные тем государством, которое вы самоотверженно защищали. Вы, земледельцы и рыбаки с нищенскими пенсиями, обреченные на разорение и вымирание. Вы, родители, опасющиеся за своих детей даже в школе. Вы, боящиеся теперь выходить на улицу по вечерам. Вы, пенсионеры, с трудом сводящие концы с концами»).

Думаю, что в этом отрывке слышны отголоски знаменитого:
Heureux les affligés, car ils seront consolés,
Heureux les affamés et assoiffés de justice, car ils seront rassasiés, ...
Heureux les artisans de paix, car ils seront appelés fils de Dieu,
Heureux les persécutés pour la justice, car le Royaume des Cieux est à eux.

(«Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими
Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»).

(Перевод, использованный в данной работе, взят из "Jerusalem Bible", опубликованной Les Editions du Cerf для французской версии, и для русской версии использован ресурс <http://www.bible-center.ru>)

Это слова Христа, известные как Заповеди Блаженства из Евангелия от Матфея (Мф. 5, 5-6, 9-10). Так мы можем сказать, что этот крайне правый кандидат пытается связать свою предвыборную кампанию с Франсуа Миттераном, Мартином Лютером Кингом и Иисусом Христом!

5. Обращения. Интерперсональная метафункция связана с особенностями языка, представляющими связи говорящего как с дискурсом, так и с его аудиторией. Использование обращения представляет собой связь второго типа; т.е. оно помогает наладить отношения между говорящим и теми, кому он адресует свою речь. В анализируемом тексте Ле Пен активно использует обращения. Пример, уже обсуждавшийся ранее в связи с интертекстуальностью, (см. Приложение 1, где он выделен черной рамкой) состоит из повторяющихся обращений.

В данном отрывке нет ни одного главного глагола. Глаголы выполняют только функцию определения при номинативной груп-

пе. Этот отрывок состоит из 101 слова, что составляет 25% текста. Если добавить другие случаи использования обращения в тексте (подчеркнутые в Приложении 1), общее количество составит 139 слов или 34% текста. Данный отрывок не имеет явного содержания, а поскольку предложение – это средство передачи информации, данный текст ничего не сообщает, по крайней мере, на уровне предложения. Любая информация, которая может содержаться в данном тексте, переводится на следующий, более высокий уровень. Например, большинство вербальных элементов представляют собой причастия прошедшего времени, выступающие в функции прилагательных определений с группами существительных; так они поднимаются с уровня предложения до уровня группы.

Таким образом, этот отрывок, при отсутствии какой-либо структуры предложения, состоящего из глагола, выражающего процесс и его участников, представляет собой вербальную жестикуляцию; кандидат вербально помахал читателям, на самом деле ничего не сказав, поскольку на уровне предложения значение отсутствует. Ле Пен кричит своим избирателям, но ничего при этом не сообщает. Присутствующее значение находится на уровне намеков и предположений.

6. Наклонение и тема. Наклонение также составляет интерперсональную метафункцию системной модели. Если исключить только что рассмотренную часть текста, состоящую из вокативных форм, остается 18 предложений и одна изолированная номинативная группа. Эта группа, *Le rêve d'une France retrouvée dans laquelle il ferait, à nouveau, bon vivre*, («Мечта о вновь обретенной Франции, в которой будет опять хорошо жить») представляет собой повторение и расширение дополнения первого предложения в тексте, *J'ai fait un rêve pour chacun d'entre vous* («У меня есть мечта для каждого из вас»). Из 18 оставшихся предложений текста 13 являются повествовательными и 5 – повелительными. Таким образом, довольно высокий процент (28%) составляют предложения в повелительном наклонении. Это следующие 5 предложений:

n'ayez pas peur
ne vous laissez pas piéger
ne vous absteniez pas
votez
ne vous laissez pas manipuler
(«не бойтесь»
«не позволяйте себя обмануть»
«не воздерживайтесь (от голосования)»
«голосуйте»
«не позволяйте собой манипулировать»)

Сам факт, что предвыборное призывание содержит большое количество повелительных предложений, не удивителен. Цель

кандидата – убедить избирателя действовать, предпочтительно в пользу кандидата, путем голосования за него. Что удивительно в данном случае, это не количество повелительных высказываний, а тот факт, что 4 из 5 содержат отрицания. Таким образом, в тексте существует сильное невербальное указание, но указание отрицательное. Текст, вместо того, чтобы рассматривать читателей как потенциальных действующих лиц и призывать их к активным действиям, предполагает, что читатели – это те, над кем осуществляется действие. Обычное указание (призыв избирателя совершить некоторое действие) в данном случае сведено к попытке призвать избирателя противостоять тем силам, которые воздействуют на него.

В тексте находится 17 Тем, на одну меньше, чем предложений, т.к. в одном случае две части сложносочиненного предложения содержат одинаковую Тему.

Chers compatriotes, si vous vous êtes abstenus ou si vous avez voté pour un autre candidat, au deuxième tour, ne vous abstenez pas et votez pour moi, le seul candidat qui peut faire changer les choses. («Дорогие соотечественники, если вы воздержались, или голосовали за другого кандидата, не воздерживайтесь во втором туре и голосуйте за меня, единственного кандидата, способного что-либо изменить»).

Здесь представляется более логичным принять множественную Тему *Chers compatriotes, si vous vous êtes abstenus ou si vous avez voté pour un autre candidat* («Дорогие соотечественники, если вы воздержались или проголосовали за другого кандидата») в качестве темы двух последующих повелительных предложений, чем предполагать, что во втором предложении Тема опущена. В любом случае два повелительных предложения имеют общее Обстоятельство *au deuxième tour* («во втором туре»).

Детальный анализ тем находится в Приложении 3. В тексте встречается 14 простых Тем, т.е. они являются главными Темами, и 3 множественных Темы. Две из них имеют, помимо главной, интерперсональную Тему, а третья – текстуальную Тему. Тематические части двух предложений с интерперсональной Темой следующие:

<i>Vous, Françaises et Français, quelle que soit votre race votre religion ou votre condition sociale,</i>	<i>je</i>
Т: интерп.	Т: глав.

(«Вы, француженки и французы, каковы бы ни были ваша раса, религия или социальный статус, я...»)

<i>Chers compatriotes</i>	<i>si vous vous êtes abstenus ou si vous avez voté pour un autre candidat</i>
Т: интерп.	Т: глав.

(«Дорогие соотечественники, если вы воздержались или проголосовали за другого кандидата»)

Предложение с текстуальной Темой – предпоследнее в тексте, и тематический материал очень простой:

et	Je
T: текст.	T: глав.

(«и я...»)

Необходимо отметить, что два случая интерперсональной Темы представлены (снова) обращением. Более того, три главные Темы выражены отрицательным императивом:

N'ayez pas
 Ne vous (laissez)
 Ne vous (laissez) pas
 («Не будьте
 Не позволяйте себя
 Не позволяйте себя»)

Так как порядок слов во французском языке требует постановки возвратного местоимения перед лексическим глаголом, разумно считать, что сам глагол формирует часть главной Темы в этих предложениях.

Существует три маркированных главных Темы, т.е. главные Темы в этих случаях выполняют грамматическую функцию, отличную от подлежащего. Две из них – это Обстоятельства времени, а третье – это придаточное предложение условия, функционирующее как Обстоятельство.

При рассмотрении оставшихся 11 Тем, которые являются не-маркированными главными Темами в тексте, выяснилось, что одна из них – это пример *La France* («Франция»), а 10 – примеры *je* («я»). Поскольку Тема – это пункт отправления говорящего при составлении высказывания, очевидно, что наиболее предпочитаемый пункт отправления Ле Пена – это он сам. В письменном дискурсе структура информации обычно немаркирована, поэтому Данное часто проецируется на Тему [Халлидей 1994]. Так, в тексте Ле Пен принимает себя как Данное, что представляет собой известное или распространенное знание для его адресатов, и в то же время, как пункт отправления для сообщения, которое он хочет передать.

7. Номинализация и придаточные предложения. Мы убедились, что четверть текста состоит из сегментов, не имеющих главного глагола. Но, конечно, глаголы – это не единственный способ, которым автор может представить процесс в тексте. Процесс может скрываться под видом номинализации; в этой форме он представляет пример грамматической метафоры, т.е. использования несоответствующей части речи [Халлидей 1994]. Существительные, как правило, используются для выражения сущностей (физических или абстрактных). Номинализация процесса интересна тем, что она придает процессу некоторые качества сущности; он стано-

вится более похожим на вещь. Возможно именно поэтому номинализация широко используется в научном дискурсе [Бэнкс 2001]. В тексте Ле Пена имеются примеры номинализированных процессов, но они немногочисленны и встречаются в основном в начале текста:

J'ai fait un **rêve** ... (Выделение жирным шрифтом мое) («У меня есть мечта»)

... les vieilles **divisions** de la gauche et de la droite ... («... устаревшее деление на левых и правых»)

... toutes les **fautes** et les **malversations** des politiciens. («... все промахи и злоупотребления политиков»)

С другой стороны, существует разновидность грамматической метафоры, которая широко представлена в тексте. Действительно, множество причастий прошедшего времени выполняют функцию прилагательного; таким образом, процесс становится качеством сущности. В тексте такие выражения принимают форму сокращенного придаточного предложения и выступают как Определения главных членов:

... une France **retrouvée**. («... вновь обретенная Франция»)

... les industries **ruinées** par l'Europe de Maastricht. («... предприятий, разоренных Европой Мaaстрихта»)

... les entrepreneurs **persecutés** par le fisc. («... предприниматели, преследуемые налоговиками»)

... les fonctionnaires et les représentants des forces de l'ordre **bafoués** par un Etat que vous acharnes à défendre. («... государственные служащие и представители правопорядка, униженные тем государством, которое вы самоотверженно защищали»)

... les agriculteurs et les pêcheurs ... **acculés** à la ruine et à la disparition. («... земледельцы и рыбаки... обреченные на разорение и вымирание»)

Последовательность этих процессов реализована в виде грамматических метафор, представляющих качества сущностей. Предложение как таковое может иметь меру истинности; оно может быть истинным или ложным, либо оно может быть модализованным. Однако это не относится ни к существительным, выражающим сущности, ни к прилагательным, выражающим качества; они не могут иметь меру истинности. Сокращенные придаточные предложения выполняют функцию прилагательных, значит, они находятся в том же положении: они не имеют меры истинности. Сам факт того, что они стоят в этой форме, делает их фактом; истинность этих высказываний предполагается в качестве аксиомы. Читатель может отрицать истинность предложений, но он не может «отрицать» истинность аксиомы.

По выражению Фэрклоу (2003), это будут предполагаемые допущения; т.е. то, что встречается в данном случае: предприниматели преследуются налоговиками, государственные служащие и полицейские унижаются государством, землевладельцы и рыбаки

обречены на разорение и вымирание и т.д., принимается как существующий факт. Для Фэрклоу это будет считаться уменьшением диалогичности путем принятия общего основания.

Полные придаточные предложения вызывают такой же эффект, если они используются как определения и функционируют как прилагательные, являясь тем самым аксиомами. Такие случаи более многочисленны в тексте:

... vous, dont on refuse d'entendre la voix. («вы, чьи голоса они не хотят слушать»)

Vous, les parents qui tremblez pour vos enfants, même à l'école. («Вы, родители, опасющиеся за своих детей даже в школе»)

Vous qui avez désormais peur de sortir le soir dans la rue. («Вы, боящиеся теперь выходить на улицу по вечерам»)

Vous, les retraités qui peinez à joindre les deux bouts. («Вы, пенсионеры, с трудом сводящие концы с концами»)

... cette chance historique qu'elle a de se redresser ... («этот исторический шанс, и она сможет, наконец, встать с колен»)

... ceux qui souffrent. («те, кто страдает»)

... le seul candidat qui peut faire changer les choses. («единственный кандидат, способный что-либо изменить»)

В каждом из этих случаев придаточное предложение выражает качество предшествующего понятия и содержит аксиому, придавая высказыванию стабильность и уверенность, в отличие от главного предложения, чья истинность всегда может быть поставлена под вопрос.

8. Заключение. В этой статье я попытался выделить некоторые аспекты текста путем применения лингвистического анализа. Это не означает, что эти пункты не могут быть выделены другим путем, но показывает, что то, что может быть замечено интуитивно, имеет основания в языке документа. Я показал, что документ содержит интертекстуальные связи, которые удивительны при определении политической позиции кандидата. Я указал на важность использования обращения, стратегии, при которой не сохраняется стандартная структура предложения и которая позволяет автору делать вербальные жесты, не имеющие содержания на уровне предложения и переносящие смысл на уровень предположения.

Использование отрицательного императива предполагает рассмотрение читателя как субъекта, над которым совершается действие. «Я» Ле Пена представляет собой важную Тему и один из его излюбленных начальных пунктов. Использование номинализированных процессов, а также сокращенных и полных придаточных предложений привносит в текст содержание, которое читатель вынужден воспринимать в качестве аксиомы.

В целом, читатель, который, конечно, является избирателем, сталкивается с текстом, содержащим мало существенного, это призыв без содержания, кроме того, которое можно найти в виде

предположений. Сторонники Ле Пена могут, конечно, возразить, что его программу легко найти где угодно, например, в его предвыборном обращении для первого тура голосования.

Тем не менее, несомненным остается тот факт, что данный документ, представляющий собой последнюю попытку крайне правого кандидата получить поддержку электората в своей предвыборной кампании, является большим и пустым призывом, лишенным каких бы то ни было деталей его избирательной платформы. Если большинство французских избирателей посчитало его кандидатуру неприемлемой, то, возможно, дополнительной причиной, укрепившей мнение, которое и до того существовало, был тот факт, что для второго тура Ле Пен представил упаковку, ничего не содержащую внутри; все, что Ле Пен предложил французскому электорату, была обертка без подарка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Banks D. The Reification of Scientific Process: the development of grammatical metaphor in scientific discourse // *Language for Special Purposes, Perspectives for the New Millennium* / Mayer, F. (ed.). Vol. 2. Tübingen: Gunter Narr, 2001.
2. Banks D. Introduction à la linguistique systémique fonctionnelle de l'anglais. Paris: L'Harmattan, 2005a.
3. Banks D. Le packaging de l'inacceptable: un tract de Le Pen pour l'élection présidentielle 2002 // *Aspects linguistiques du texte de propagande*. / Banks D. (ed.). Paris: L'Harmattan, 2005b.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The critical study of language. London: Longman, 1995.
5. Fairclough N. Critical Discourse Analysis as a Method in Social Scientific Research // *Methods of Critical Discourse Analysis* / Wodak R. & M. Meyer (eds.). London: Sage, 2001.
6. Fairclough N. Analysing Discourse, Textual analysis for social research. London: Routledge, 2003.
7. Fowler R. Linguistic Criticism / 2nd. ed. Oxford: Oxford University Press, 1996.
8. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic. The social interpretation of language and meaning. London: Arnold, 1978.
9. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / 2nd. ed. London: Arnold, 1994.
10. van Dijk T.A. Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London: Longman, 1977.
11. van Dijk T.A. (2002): Political Discourse and Political Cognition // *Politics as Text and Talk. Analytical approaches to political discourse* / Chilton P.A. & C. Schäffner (eds.). Amsterdam: John Benjamins.

Приложение 1

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕКСТ *PROFESSION DE FOI* ЛЕ ПЕНА.

J'ai fait un rêve pour chacun d'entre vous. Le rêve d'une France retrouvée dans laquelle il ferait, à nouveau, bon vivre.

N'ayez pas peur de rêver, vous, les petits, vous, les exclus, vous, les jeunes, vous, les victimes du Système, vous, dont on refuse d'entendre la voix.

Ne vous laissez surtout pas piéger par les vieilles divisions de la gauche et de la droite. Vingt ans durant, vous avez subi toutes les fautes et les malversations des politiciens. Vingt ans durant, ils vous ont menti sur l'insécurité, le chômage, l'immigration, sur l'Europe et sur le reste.

Vous, les ouvriers et les ouvrières de toutes les industries ruinées par l'Europe de Maastricht. Vous, les artisans, les commerçants et les entrepreneurs persécutés par le fisc. Vous les fonctionnaires et les représentants des forces de l'ordre, bafoués par un État que vous vous acharnez à défendre.

Vous, les agriculteurs et les pêcheurs aux retraites de misère, acculés à la ruine et à la disparition.

Vous les parents qui tremblez pour vos enfants, même à l'école. Vous qui avez désormais peur de sortir le soir dans la rue. Vous, les retraités qui peinez à joindre les deux bouts.

Vous, Françaises et Français, quelle que soit votre race, votre religion ou votre condition sociale, je vous demande de donner à la France cette chance historique qu'elle a de se redresser enfin.

Homme du peuple, je serai toujours du côté de ceux qui souffrent. Orphelin de guerre, j'ai connu le froid, la faim, la pauvreté, j'ai été travailleur manuel puis chef d'entreprise. Jeune député, j'ai combattu en Algérie, avec le contingent.

Je veux redonner fierté et cohésion à notre grand peuple français. La France peut et doit devenir le centre d'un monde francophone, économique, social, culturel et politique de quatre cent millions d'hommes.

Chers compatriotes, si vous vous êtes abstenus ou si vous avez voté pour un autre candidat, au deuxième tour, ne vous abstenez pas et votez pour moi, le seul candidat qui peut faire changer les choses.

Ne vous laissez pas manipuler par les médias ou par les politiciens.

Je ne vous ai jamais caché la vérité, même quand elle n'était pas agréable à entendre.

J'ai toujours respecté mes engagements et je continuerai à le faire demain.

J' n'ai qu'une ambition : la France et les Français !

Приложение 2.

Перевод текста Приложения 1.

У меня есть мечта для каждого из вас. Мечта о вновь обретенной Франции, в которой будет опять хорошо жить.

Не бойтесь мечтать, вы, малые, вы, отверженные, вы, молодые, вы, жертвы системы, вы, чьи голоса они не хотят слушать.

Не позволяйте обманывать себя давно устаревшим делением на левых и правых. Двадцать долгих лет вы терпели промахи и злоупотребления политиков. Двадцать долгих лет они лгали вам об угрозах, безработице, иммиграции, о Европе и обо всем остальном.

Вы, рабочие и работницы предприятий, разоренных Европой Маастрихта. Вы, торговцы, мелкие и крупные предприниматели, преследуемые налоговиками. Вы, государственные служащие и представители правопорядка, униженные тем государством, которое вы самоотверженно защищали.

Вы, земледельцы и рыбаки с нищенскими пенсиями, обреченные на разорение и вымирание. Вы, родители, опасющиеся за своих детей даже в школе. Вы, боящиеся теперь выходить на улицу по вечерам. Вы, пенсионеры, с трудом сводящие концы с концами.

Вы, француженки и французы, каковы бы ни были ваша раса, религия или социальный статус, я прошу вас дать Франции этот исторический шанс, и она сможет, наконец, встать с колен.

Человек из народа, я всегда буду на стороне тех, кто страдает. Осиротев во время войны, я познал холод, голод и нужду, я был простым рабочим, а затем главой предприятия. В молодые годы меня отправили в Алжир, где мне довелось воевать в составе французского контингента.

Я хочу вернуть гордость и сплоченность великому французскому народу. Франция может и должна стать экономическим, социальным, культурным и политическим центром франкоговорящего мира для четырехсот миллионов людей.

Дорогие соотечественники, если вы воздержались, или голосовали за другого кандидата, не воздерживайтесь во втором туре и голосуйте за меня, единственного кандидата, способного что-либо изменить.

Не позволяйте средствам массовой информации или политикам манипулировать вами. Я никогда не скрывал от вас правды, даже когда слушать ее не было приятно.

Я всегда сдерживал обещания, и намерен их сдерживать завтра.

У меня только одна цель: Франция и французы!

Приложение 3

Темы

N'ayez pas

T: глав.

Ne vous (laissez)

T: глав.

Vingt ans durant

T: глав.

Vingt ans durant

T: глав.

Vous, Françaises et Français, quelle que soit votre race votre religion ou votre condition sociale,	je
T: интерп.	T: глав.

Homme du peuple, je
T: глав.

Orphelin de guerre, j'
T: глав.

j'
T: глав.

Jeune député, j'
T: глав.

Je
T: глав.

La France
T: глав.

Chers compatriotes	si vous vous êtes abstenus ou si vous avez voté pour un autre candidat
T: интерп.	T: глав.

Ne vous (laisser pas)
T: глав.

Je
T: глав.

J'
T: глав.

et	je
T: текст.	T: глав.

Je
T: глав.

© David Banks, 2006

P.S. Оригинал статьи и перевод размещен на сайте
www.cognitiv.narod.ru

Chaban N., Bain J., Stats K.

Крайстчерч (Новая Зеландия), Мельбурн (Австралия)
**“POLITICAL FRANKENSTEIN” OR “FISCAL GARGANTUA”?:
METAPHORS OF PERSONIFICATION IN THE AUSTRALASIAN
NEWS REPORTS OF THE EU ENLARGEMENT**

Аннотация

Чабан Н., Бэйн Дж., Стэтс К. «Политический Франкенштейн» или «финансовый Гаргантюа»? Метافоры персонификации при освещении расширения Евросоюза в новостях стран Австралазии. В настоящем исследовании на основе методологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона анализируются концептуальные метафоры в СМИ Австралии и Новой Зеландии за два месяца 2004 года. Как показал анализ материала, доминирующие метафоры в СМИ обеих стран относятся к сферам-источникам «Клуб» и «Семья». Также регулярно использовались метафоры болезни и романтических отношений. Авторы отмечают распространенность метафор со сферами-источниками «Игра» и «Покупки» в новозеландских СМИ и метафор со сферами-источниками «Театр» и «Пробуждение» в СМИ Австралии.

****

Introduction. Fully understanding the European Union (EU) is believed to be a key problem facing the EU and its citizens. Jean-Christophe Filori, spokesman for the Commissioner for Enlargement, for example, has argued that «[t]he problem is that the EU is not understood, and there is a need to bridge the gap between the EU and its citizens». Margot Wallström, EU Commission Vice-President, reiterated this idea, identifying the lack of a “common narrative” about the very nature of Europe: “the real problem in Europe is that there is no agreement or understanding about what Europe is for and where it is going”. To address the issues of the EU’s “democratic” and “communication deficits”, a new communication strategy, also known as «Plan-D» (where “D” stands for dialogue, debate, and democracy), has been devised by EU policy-makers. Yet, «the D-Plan» has neglected one key avenue for a better understanding of the EU, namely, an account of the Union’s external images and perceptions. Arguably, seeing oneself through the eyes of Others may be instrumental in identifying the Self. Consequently, this paper is intended as an information breakthrough for EU scholars, decision-makers and the general public interested in the EU’s external images and their implications for the Union’s developments and interactions worldwide.

Average European citizens are believed to know little about the EU of which their countries are members, apart from what they read in the press or watch on television news, and it is argued that this ignorance is likely to be greater amongst outsiders. In Australasia – the EU’s ‘Other’ that is the focus of this paper – the majority of information on the EU comes solely from the news media. Using the cognitive tool of conceptual metaphor (understood in the tradition of George Lakoff and

Mark Johnson), this paper considers a case study of the EU's enlargement images in the media discourses of two Australasian countries – Australia and New Zealand. The abundant metaphors located in the media discourses of the two countries are arguably employed by the local media to chisel the images of the EU as an important foreign counterpart to Australasia. Vivid, powerful and effective, the metaphorical categorisations of this distant Other are believed to accentuate some of its conceptual dimensions, and neglect others in order to persuade the local news audience of a certain image of the EU.

This paper investigates a particular case in the news media representations of a significant Other – the conceptual metaphor of *personification*. This conceptual metaphor is observed to underlie a significant number of linguistic metaphors located in the news texts of Australia and New Zealand reporting the EU in general, and EU enlargement in particular. This paper argues that the conceptualisation of the enlarging EU in the public Australasian discourses is influenced by the metaphorical categorisation of *personification* which cements a specific imagery and its long-lasting evaluations. It is assumed that the images resulting from the dominant metaphoric categorisation – which are widely and frequently disseminated by mass media in a variety of forms – have serious and genuine implications for the world of foreign affairs, at both the general public and regional policy-maker levels. According to Joep Leerssen, «though the belief is irrational, the impact of that belief is anything but unreal».

THE METAPHOR OF PERSONIFICATION. In the words of Sofia Broström, “images are extremely rich and cohesive units of information which convey all their information at once and which are not easily taken apart”. The qualitative analysis of imagery happens through studies of literal and metaphorical representations, with metaphorical categorisations being particularly compelling in cases where the recipients of information do not have strong opinions beforehand. With most foreign affairs issues seemingly remote, invisible, unattainable, and, thus largely irrelevant, metaphorical thought is argued to be most commonly used by the general public in comprehending international politics. Thus, to show how the complex foreign policy concept of the “EU enlargement” is expressed in the Australasian public discourses, this paper has systemically scrutinised the use of the figurative linguistic device of metaphor by the producers of international news in the region.

Claimed by Jacques Derrida to be central to philosophy and thought, the metaphor became a “star of discourse in the XXth century”. Theories investigating the phenomenon of metaphor have abounded since this time. This paper employs a “cognitive approach”, and more specifically the notion of “conceptual metaphor”, in defining and understanding metaphors, as articulated by George Lakoff and Mark John-

son. In this approach, the conceptual metaphor is a complex process in which 'webs' of associated meanings from a source domain are mapped onto other 'webs' to highlight features of a second 'web', the target domain. This mapping routinely and transparently invokes and reassigns the cognitive structures of source domains, with the logical and cultural entailments of the conceptual correspondences being automatically transferred [. For example, the abstract subject of LOVE (*target*) is often understood in terms of the very concrete subject matter of WAR (*source*): "He is known for his many rapid *conquests*", "She *fought* for him, but his mistress *won out*", "He *fled from* her *advances*", "She is *besieged* by suitors", etc.. The conceptual mapping that is applied to the given *source-target* pairings produces a *conceptual metaphor* – in the example above it was the conceptual metaphor LOVE IS WAR. In other words, conceptual metaphors are "semantic mappings that take the form of TARGET DOMAIN IS/AS SOURCE DOMAIN". These mappings are argued to motivate and frame everyday written and spoken metaphoric linguistic expressions.

Many thinkers, including the prominent pairing of Lakoff and Johnson have highlighted this structuring aspect of conceptual metaphors. In this regard, the notion of conceptual metaphors parallels the notions developed in previous research, namely "fertile metaphors", "constitutive analogies", "scientific paradigms", and "root metaphors". The structuring aspect of the conceptual (or "root") metaphor was described by Pepper: "A man desiring to understand the world looks about for a clue to its comprehension. He pitches upon some area of common-sense fact and tries if he cannot understand other areas in terms of this one. This original idea becomes then his basic analogy or root metaphor. He describes as best he can the characteristics of this area, or, if you will, discriminates its structure. A list of its structural characteristics becomes his basic concepts of explanation and description. We call them a set of categories. In terms of these categories he proceeds to study all other areas of fact whether uncriticized or previously criticized. He undertakes to interpret all facts in terms of these categories."

Systematic accounts of clusters of linguistic metaphors reveal the metaphors on the conceptual level. The latter underlie the former, providing mental structures to interpret a phenomenon under categorisation. This paper limits its analysis to the conceptual metaphors of *personification* and their structures tracked in Australasian news texts reporting EU enlargement. The paper uses the definition of the metaphors of *personification* formulated by Lakoff and Johnson; that is, metaphors in which the physical object is specified as being a person.

Metaphors of *personification* have been a focus of scholarly attention through out history. They were observed by the Roman rhetorician

Quintilian as far back as the 1st century AD, when he stated that the metaphor could transfer from the inanimate realm to the animate. Much later, Lakoff and Johnston adopted and developed the notion of *personification* in their theory of conceptual metaphors, noting that *personification* metaphors allow us to "comprehend a wide variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics, and activities." The aspects of human existence are countless, and thus the cognitive process of metaphoric categorisation in terms of *personification* is extremely diverse. Clusters of linguistic metaphors produced by this conceptual metaphor could describe, for instance, some culturally salient phenomena typical for the socialisation of individuals (e.g. war, family life, romance, etc), or they may closely relate to the metaphors embodying universal aspects of human/bodily experience (e.g. physical and emotional well-being of an individual as well as body-sustenance).

Raymond Gozzi (1999) and George Lakoff (1991) have both argued that the metaphor A STATE IS A PERSON is one of the major metaphors underlying foreign policy concepts. When described by this particular metaphor, states are seen as having inherent dispositions and this leads to the description of states as "peaceful or aggressive, responsible or irresponsible, industrious or lazy." We extrapolate that not only individual states, but other international entities (e.g. the EU, the United Nations, the World Trade Organization, etc.) could be conceptualised as a 'person' engaged in social relations within a world community. This study clearly recognises that the EU is not a state; nevertheless, it registers that the media and political discourses inside and outside the Union extensively compare the EU to a state in their literal and metaphorical categorisations. Indeed, Manners and Whitman claimed that the EU is generally addressed and understood by its external partners in a capacity similar to that of a state. This perception is attributed to the EU's complex and globally unprecedented identity case. Trapped between supranational ambitions and intergovernmental negotiations, run by an assemblage of wide-ranging political institutions, it is difficult to comprehend by both journalists reporting the EU to internal and external audiences and by the local and international news consumers. Correspondingly, the metaphorical categorisations located in this study often describe the EU as a 'person' who lives in a 'neighbourhood' and has 'neighbours', 'friends' and 'enemies', it participates in social interactions, i.e. 'club', 'family' or 'romantic relations', and activities, i.e. 'war', 'competition', 'schooling', 'gambling', etc. Such conceptualisations are familiar and immediately recognised, thus their use in media discourses make a difficult subject easily and readily consumable by journalists and audiences alike.

Conceptual metaphors are believed to have their own structures which are used in persuasive discourses – namely those of the media

or politics – to imply certain conclusions and to affect emotions. Arguably, metaphors of *personification* are exceptionally powerful in this context. These metaphors assist news audiences to comprehend and interpret the complex and vague concepts of international politics (the EU in our case) in familiar, everyday terms, that is, in terms of human interactions and existence. Ultimately, metaphors of *personification* may not only provide a way of thinking about complex concepts and actors of the foreign policy, but also a way of acting towards them. Media descriptions of international activities in terms of actions performed by states as ‘real’ personalities prompts news audiences to both form the images of their countries’ Others and attach emotional attitudes to those images in the most efficient way. In emergency situations, those emotive predispositions may lead to audiences’ direct feedback to the policy-makers involved in foreign affairs (e.g. anti-war protests arising after the appearance of revealing images in the media as happened in the Vietnam War and the more recent Iraq War; Muslim public protests happening around the world after the publication of a caricature on religious matters; public actions in Russia following a 24-hour television newscasts of the images of the Beslan tragedy; charity initiatives occurring around the globe after the broadcast of the devastating Asian Tsunami impact; etc.).

Two leading research questions guide the investigations of this paper:

RQ1: What images of the enlarging EU were conveyed to the general public by means of the conceptual metaphor of *personification* in Australian and New Zealand news media discourses?

RQ2: How did the deep conceptual structures of *personification* metaphors contribute to the categorisations of the EU in the two Australasian public discourses and what are their envisioned consequences for the EU’s dialogue with Australia and New Zealand?

DATA. This paper performs a discursive inter-textual analysis of the dominant and secondary distribution metaphorical categorisations framed by a conceptual metaphor of *personification* employed in the Australian and New Zealand news texts reporting EU enlargement. The *dominant* metaphors were defined as those which were used with relatively greater frequency and which appeared in a greater variety of forms. In contrast, metaphors that appeared less frequently, and with less variety of expression, were labelled as metaphors of *secondary distribution*.

Australia and New Zealand are two neighbouring OECD countries in the Pacific. Both countries feature numerous historic and cultural links to Europe in the past and in the present; namely, extensive connections with the UK, a dramatic history of involvement in the two World Wars in Europe, and perceptible European profiles of immigration and tourism. In addition, both countries have substantial economic links to

the EU – the 25-member EU is among the top three leading trading partners for both countries, and is one of the largest investors in the Australasian economies. Yet, despite this commonality of associations with the EU, the Australian and New Zealand political attitudes towards the EU differ. The Australian government's alignment with the US position in international politics sometimes opposes the EU's international stance, which is, in contrast, often supported by the New Zealand government. The most visible examples of the differing international stands of the two Australasian countries are their actions towards the Kyoto Protocol ratification and the war in Iraq (two international areas in which the EU and the US are seen to have opposite positions also). In addition, some internal policies of the two Pacific nations echo the internal developments of the USA (in the Australian case) and the EU (in the New Zealand case). These policies primarily relate to state welfare (New Zealand shares welfare concerns typical for some EU states) and human rights issues (Australia, for example, did not support the linking of human rights and trade in a Framework Agreement with the EU that was ultimately aborted in 1997). With these two differing political paradigms at play in Australasia, this paper attempts to identify and compare the metaphoric categorisations of *personification* employed by the reputable, main-stream news media of the two countries to present EU enlargement.

The largest and the most contentious accession in EU history of the eight ex-communist countries and two small Mediterranean states into the Union on May 1 2004 was, inevitably, the most visible EU event reported in 2004 in both Australia and New Zealand news media. Drawing on the results of the project entitled *Public, Elite and Media Perceptions of the European Union in the Asia Pacific Region: A Comparative Study*, this paper content-analysed ten newspapers in the two countries and four prime time newscasts on Australia's and New Zealand's most popular television networks in the 'acute' period of EU enlargement coverage – April-June 2004. Enlargement was found to be a prominent issue across the entire year; this 'acute' period centers in on the actual event, as well as including some of the pre-enlargement promotion and post-celebration analysis.

The five New Zealand newspapers were found to have published 53 news items on the subject of EU enlargement in April-June 2004. The Australian sample published 102 articles on the topic during this period. In both countries these figures constituted almost 9% of the total coverage of the EU in 2004. The television sample was 9 news items for New Zealand (or 41% of all monitored television news on the EU in 2004) and 5 for Australia (or 33% of all monitored television news).

Four comprehensive sets of metaphoric expressions located in the print media were compiled – 219 metaphorical instances from New Zealand newspapers, 36 from New Zealand television news, 616 from

Australian newspaper articles, and 31 from Australian television news covering the various aspects of the EU enlargement. Linguistic metaphors clustered around the conceptual metaphor of *personification* constituted approximately 38% of sampled metaphors in Australia and 32% in New Zealand. The television news sample of metaphors featured personification categorisations in 58% of all metaphoric examples in Australia and 47% in New Zealand.

RESULTS. METAPHORS OF PERSONIFICATION: DOMINANT DISTRIBUTION. Arguably, the personification metaphors were operational in cementing two media frames of the enlarging EU in the Australasian news media. Both of these frames were conceptually grounded in a socio-cultural experience of human groupings, more specifically, CLUB and FAMILY. The former concept was introduced through the EU-15 descriptions as “a *cultural club* of Christian or post-Christian nations”; or as “*Club Euro*” with the new member states – the ‘newcomers’ – seen to be entering, arriving, being admitted or taken in. The latter concept was extensively introduced in metaphors of “the larger European *family*” into which the new member states were integrated.

Club. In the scenario “CLUB”, the old EU-15 members were represented as picky rich members of a highly selective and exclusive club, while the new members were described as poor newcomers begging for access. The old members of the EU-15 were often depicted as a “*rich man’s club*” of “*privileged, highly affluent countries*”. This ‘club’ was conceptualised as a desirable space that new members “*crave*” to enter and would patiently wait in a “*queue*” or on a “*list*”, “*lining up*” to access the so-called “*garden of Europe*”. Before they “*qualify*” or are deemed “*fit*” for such membership, outsiders were heard “*banging on the door*”. As such, they were seen to be disrupting “the cosy days of a close and like-minded European *club*” while the “*senior*” members and “*old timers*” (e.g. Germany, France, UK) were inside “*fretting*”.

While the new member states were involved in a “*struggle to be admitted*”, the old EU-15 was depicted as a door keeper. In an exclusive space, metaphors of doors have the potential to be both positive (opening) and negative (closed). In the Australasian media, the latter was by far the more prominent version. The EU was seen as opening its doors to the new members - “*but not too far*”. Rather than “*welcoming* [entrants] with open arms” they were seen as “*welcoming them with the door half open*”. Occasionally an inclusive space, “*welcom[ing]*” and “*throw[ing] open its doors to newcomers* from Eastern Europe”, the EU was more frequently painted as an exclusive space, or as a heavily guarded “*fortress*” looking for any opportunity to “*restrict*” or “*deny*” access to the newcomers – actions which caused one

commentator to ask if the EU would “ever be *willing to open its doors*” to 60 million of Turkish Muslims.

Family. Just as the conceptual metaphor of EU as a CLUB encompasses an inherent duality – some members being inside while others are kept out – the scenario “FAMILY” contains a similar ‘internal opposition’. More specifically, the old EU-15 members were often conceptualised as older, wiser and richer relatives in this ‘family’, dichotomised to their younger, poorer distant ‘cousins’ of the new member states who sometimes lacked sophistication. The former were seen in the position of accommodating the new relatives in the “European *common house*”. The Australian news presented the accession of the Eastern European states as their “return to [the] European *family*”. The new member states were seen to be “*returning home*” after “*wandering in the east*”. Images of a family were reinforced by the images of a warm and welcoming space and indeed, there was “joy as east [*came*] *in from cold*”. Members were seen to be welcomed back with fervour, as they were “*embraced*” by their older cousins.

With the “*youthful* political systems” of the prodigal new member states however, there was an implied need for a parental figure. Some European politicians auditioned for this role -- former German chancellor Helmut Kohl was labelled as “one of the *fathers* of European reunification” while French President Jacques Chirac “*berated*” the new nations in a parental fashion for their backing of the United States and Britain in Iraq conflict.

The newly reunited relations were not, however, a close knit family. In fact, it was suggested that “when the leaders of the new 25-nation EU posed for their next ‘*family photo*’ even experienced diplomats [would] struggle to put names to some of the faces.” They were described as “a *motley collection* of the good, the bad and in some cases the ugly.” This “*family*” must have surely been disappointed to learn that their family ‘inheritance’ was little more than a “series of territorial and ethnic disputes”.

Similarly to the Australian news, New Zealand reports also extensively framed enlargement in terms of family relations. While New Zealand television reporting showed the warm welcome that the new member states received – to the extent that parties were thrown in their honour – newspaper commentators were more wary, instead predicting that future problems awaited the “enlarged European Union *family*”. References to the EU as a family invoked descriptions of the new member states as the “*poorer cousins*” vying for a place at an already-overcrowded “*table*”. “*Anything but a happy family*”, the EU-15 was seen welcoming the new member in a “*chilly manner*”. Fretting over the possibility of a flow of migrants from the Eastern European countries, EU-15 governments “*hastily erected restrictions against the incoming*

members of their European **family**". Commentators also predicted that future problems awaited the "enlarged European Union **family**".

The members of the newly expanded EU 'family' was described by both Pacific countries' media as having a variety of physical problems. The old member states were implicitly compared to geriatrics in need of a boost of energy, which many believed could be provided by the 'youthful' new member states. The "**old timers**" themselves suffering from economic "**sclerosis**" and "political **paralysis**", were seen to be in need of "**revival**", "**resuscitation**" and a "**boost**". The new member states were considered to be an "**infusion of new blood**" and "**energy**" "**invigorating**" and "**strengthening**" the EU. The impact of EU's largest expansion was seen to "**inject some much-needed energy**" into the EU zone economies" -- a "**lifeline**" "**strengthening**" the Union as a whole and its new members individually.

Yet, the Australian media prognosis was not completely positive. In the opinion of the Australian media "more **pain** lies ahead" for the EU member states. The EU was described as "**weak** economically, and **weak** on the world stage" and said to be "**suffering from growing pains**" as a result of the enlargement. These sufferings were exacerbated by the fact that enlargement coincided with "the final **throes of a painful** debate about the Union's new constitution". The enlargement process was sometimes portrayed as a premature baby – "the **birth** of the world's biggest trading bloc" had come "**too soon**". This creature was sometime seen as ugly and even artificially conceived – the EU was compared to "political **Frankenstein**".

Moreover, the Eastern European newcomers were shown as suffering from "all sorts of **hangover problems** of the communist era" immediately after independence. After a "**shock therapy**" treatment by market-oriented reforms, the eight ex-communist states have "**gradually revived** their economies". For example, Bulgaria was once dubbed the "**sick man** of Europe", but in its progress towards joining the EU it was seen to be slowly revived. Slovakia's pre-enlargement economic reforms were shown as causing the state to **degenerate**, but timely speeded-up reforms stopped the destructive process. But they were also learning that "there's still **a lot of pain** associated with joining the EU". Moreover, the older EU members seemed to possess a contagious disease, threatening to "**infect** the new with their political squeamishness and discord".

New Zealand news focused mostly on the enlargement outcomes for the EU-15, and its diagnosis was largely gloomy. Old member states were seen as most likely to "**suffer** from Enlargement" in terms of rising unemployment and an overloaded social-welfare system. Their prosperity was seen as being "**at threat, haemorrhaged** by an exodus of jobs to the East". Pre-enlargement support for enlargement on behalf of the established members was seen as "**fading fast**"; the EU-15 was

giving birth to a baby which was "**premature** and far too big a bite". With the old members' economies perceived as weak, the fear of excessive immigration could cause Europe to "miss out on its biggest chance for a **shot of energy** in years". Moreover, with 10 "**fledgling**" new members incorporated in to the EU body, it was feared that the enlarged Union would wind up in "**paralysis**".

Metaphors of well-being include images of food and consumption which, it transpired, were intimately related to human well-being. The EU was compared to a "fiscal **Gargantua**", yet, even with this vast size, "**digesting** the latest batch of members" was likely to take the EU some time. If it recovered from its most recent meal, the Union's possible future consumption of Turkey would be the "**toughest of all to digest**", although some also thought that Russia promised "the **biggest and most indigestible lump** that the EU might ever try to **swallow**". Thus, the huge task of integrating the 10 new members was predicted to "**dampen any appetite**" for further growth.

While the future of Europe was "**not a pretty sight**" according to some Australian observers, others felt that the enlargement had given the EU a "**new face**" worth celebrating. Enlargement was "dramatically **altering the profile** of the union". This "**changing face** of Europe" was seen likely to result in "considerably **enhanced**" business environments and market opportunities. After its "**facelift**", it was suggested that the EU might be able to find work on the global catwalk, acting as a model for other "regional power blocs in Asia, the Pacific, South America and Africa".

In the past, Australia was said to be "in a **ménages à trois**" with America and Asia, while Europe could not even "**get in the bedroom**". It had been hard for Europe to "**get a look-in**" under the shadow of Asia, but now Europe had become "too big" for Australia "**to ignore**". The made-over "newest EU **debutants**" with their business potential were "**wetting** the corporate **lips** of Australian business". The new member states were seen as becoming an "even **closer and a more attractive partner** for Australia in political, economic and cultural domains". Little wonder then that Australian politicians like foreign minister Alexander Downer and shadow foreign minister Kevin Rudd were on a post-enlargement mission to "**court** Europe".

The scenario of romantic relations was also used to describe the attitudes between old and new member states. Prior to the enlargement, the Central and Eastern European states were portrayed as pursuing romantic relations with a sometimes reluctant EU. The Australian press reporting enlargement employed the metaphor of romantic relations abundantly. Proclamations such as "Europe's **getting reunited**" and "[t]oday, Europe **unites**", implied the celebration of marriage, or re-marriage, as the case may be. Keen to consummate the union and start a family, the new members were looking into

"**adopting** the euro". Moreover, the EU was honouring its commitment to Russia as it entered a new affair with Eastern and Central Europe. Russia, however, was left with conflicting feelings, yearning to be included in Europe's wide embrace and fearing being left behind.

The new members were said to "have **embraced** the free market more enthusiastically than their western colleagues" with Hungary in particular a very keen suitor for the EU. It was said to be "follow[ing] its **heart back** into Europe", and promoted itself as a "**stable partner**" whose "**enthusiasm**" for the EU was hard to miss. In the Polish case, the EU private sector was on a romantic prowl, "**eyeing up the lucrative** opportunities presented by Poland's large, educated workforce and a growing economy". Yet, this European affair was not presented in the Australian media as a smooth one. Europe's ability to "find **enthusiasm** for new prospects, and **curiosity about each other**" was questioned by some observers. While the new member states were "determined to maintain their **partnership** with the EU", the old member states were less committed to the relationship. The EU-15 was shown "**warmly embracing**" the leaders of nine of the new EU members but "**giving a cold shoulder** to the 10th, Cyprus"; the Czech Republic was noted to have "endured a **strained relationship** with Europe" in the past. On-going political instability in the new members made them "**difficult** negotiating partners". The newcomers were also noted to be partners of "**unequal standing**" -- *The Economist* was cited by an Australian newspaper as saying "it will be decades before the new entrants become **as rich as their partners** to the west". The wannabe-states were sometimes seen as engaged in romantic squabbles with each other en-route to joining the EU. For example 2007-enlargement candidates, Bulgaria and Romania, were seen as "**lobbying for divorce**" -- Bulgaria wanting its negotiations to be "**decoupled** from Romania".

The New Zealand press did not prioritise this metaphor of romantic relations, but once the metaphor was used, it presented the relations mostly in negative terms. Before enlargement, the poor and politically unstable Eastern European states were "**kept at arm's length**" from the old EU. After enlargement, "**new strains**" between the rich west Europeans and the poorer east Europeans were observed. The EU 'Casanova' was seen not as giving kisses but instead "**empty promises**".

This problematic relationship was marked by "**rows**" and "**spats**", "**squabbling** over budgets and subsidies" and "**tackling** looming disputes over power and money" in what seemed like an "**endless bunfight**" despite the recent reunion. While the EU is often said to be using 'carrots' as incentives to encourage the necessary reform for full membership, here it was said to be "**taunting**" the new member states with the promise of full unification. There was also in-fighting within the new member states as a result of the enlargement and even Russia

was getting in on the act, "**dig[ging] in its heels** over the conditions of the sizeable Russian communities in Latvia and Estonia."

As a result, the Union's new parts and its old were reported as having "**mixed feelings** about what this change will mean for them and for Europe". Even though some commentators observed that "**joy has given way to apprehension** and even **hostility**" on the part of both the old and new member states, it was predicted in Australian reports that "**enthusiasm** should vastly outweigh" the anxiety. Accompanying enlargement, "**anxiety**" was seen as inevitable. For some smaller new member states (e.g. Malta), the enlargement invited fears about being "**overwhelmed**" or "**wiped out**" by a larger Europe. For other larger newcomers (e.g. Poland), enlargement resulted in a feeling of being "**betrayed** by the EU's decision to postpone the full extent of subsidies for new members for 10 years".

In many of the older EU states, the reunification of the continent brought a "**fear**" of migrants from the former communist states. This fear resulted in a public "**hysteria**" about the inability of the old EU government to restrict access to public housing and benefits for newcomers. Naturally, several existing EU members were observed to be in a "**grudging**" mood -- many of those states became "**much less confident**" about enlargement.

Images of relations coloured intensively with effects and emotions were among the most visible categorisations in the New Zealand reports of the enlargement. It was dominated by images of mutual fears ruling the relations between old and new member states. The mood of the citizens in the 15 established EU nations towards enlargement was either "**indifferent** or **afraid**" – enlargement inspired "**more angst** than **euphoria**". Possible immigration from the new member states put various old member states (e.g. the UK and Ireland) in a state of "**hysteria**" for months. To "**calm frayed nerves**", the Geneva-based International Organisation for Migration (IOM) was reported to be releasing a series of studies on the impact of EU enlargement on both accession and existing members of the union. The citizens of the EU-15 were seen "**spooked by hysteria** over a migration **wave**". New states were shown as being similarly uneasy about the outcomes of enlargement, albeit for different reasons. Populist politicians in Eastern Europe were seen to be "**stirring up worries**", and, as a result, myths about EU excesses turned into "**scare stories**".

The dominant metaphors of *personification* then, encompassing the images of the EU as a club and as a family, were found to be riddled with oppositions and contradictions. In 'Club' Euro – a club renowned for its exclusivity and selectiveness – the richness and maturity of the old members was contrasted with the youth and poverty of the newcomers. This contrast was emphasised by the depictions of doors being half opened or left closed, symbolising the restrictive nature of an

elite club, as well as the guarding role of the 'seasoned' members in the admission process. In the European 'family', these parallels and contrasts continued in the dichotomy between the youthful vigour of the new members – sometimes bringing with it a lack of sophistication and gaucheness – and the older (and wiser, it was assumed, yet lacking energy and enthusiasm) parental figures of the existing EU-15 member states. The relations between the two family parts were often strained and at many times deteriorated into fighting and bickering.

METAPHORS OF PERSONIFICATION: SECONDARY DISTRIBUTION. The dominant metaphors of *personification* of 'club' and 'family' were supported by some occasional metaphors which added extra 'flavour' to the image of the 'social' activities of the enlarging EU in the European 'community'. In New Zealand those occasional metaphors of personification were *enlargement as a shopping pastime*, *enlargement as a game*, and *enlargement as intellectual/scientific activity*. For example, new EU members were seen as being busy while "welfare **shopping**". Enlargement was also presented as a game in which new members were seen as both "**gaining** something, but also at the same time **losing** something." In this game, the EU "face[d] daunting **challenges**" to raise the newcomers' economic standards to those of Western Europe. In addition, the enlarging EU was seen as embarking on its "most ambitious political **experiment**". Tony Blair was cited as comparing the accession of ten new members to a "**catalyst** for change" within the EU. Post-enlargement immigration was also described like a difficult task to which Brussels should "**come up with a solution** quickly". If the solution was not found, it was thought that the EU could squander what should be the economic opportunity of the decade.

Similarly to New Zealand press, Australian newspapers viewed the accession of ten new members as a scientific/research/schooling activity in which enlargement was seen as "**catalyst** for sudden progress on economic and strategic challenges" and a new "**chapter**" in European history. New member states were compared to the elements of the "**complex jigsaw**" of the EU. The image of shopping also surfaced – the enlarged EU was seen as a "**one-stop-shop** for doing business in 25 diverse economies".

In contrast to the New Zealand discourse, the Australian media visibly profiled enlargement as a dramatic performance on the stage – the shift of EU borders eastward and southward was "**dramatic**", the risks of investment in central European countries was "**dramatically** reduced", and the world's political geography was going through the "most **dramatic** redrawing" since the fall of the Berlin Wall. The success of the new member states was seen as depending on how they "**perform** as EU members compared with the way they **performed** outside it". Some newcomers, for example, Estonia, were labelled as an "**outstanding performer**" among the EU transition economies. Slovakia's

"**role** on the international **scene**" was also seen as becoming more important. A new, bigger EU, was sometimes seen as a showbiz promoter, "**promoting** a more peaceful world... [as well as] a more democratic one".

Australian newspapers also introduced a metaphorical image complementary to the metaphor of well-being and sustenance – the metaphor of awaking from the sleep. Enlargement "**awoke**" the EU to the realities of a long list of political, economic and social challenges; new member states were "**waking up** from the big Soviet **sleep**"; and the removal of many tariffs and barriers to foreign investment in the new Eastern European countries was "**awakening** the interest of overseas firms".

While the imagery created by the dominant metaphors of *personification* were notably conflictual in nature, the secondary metaphors were more light hearted and congenial. Metaphors of enlargement relating to shopping, game playing, stage performing and other intellectual and scientific pursuits arguably differed from the 'split-and-clash' images accompanied by the negative connotations found with the dominant enlargement metaphors of the EU as a club and as a family. Yet, the secondary metaphors, due to their relatively low frequency in the news texts, do not provide a true balance to the dominant ones, and thus, the resulting categorisations do not counter the images of intense opposition that the latter induce. Nevertheless, both clusters provide key imagery of the EU as a person acting in everyday environments, making the complex political concept of enlargement at once recognisable and comprehensible.

DISCUSSION. This paper examined a particular case of metaphorical categorisation at work – the conceptual metaphor of *personification* in a persuasive discourse of news media. This analysis operated on the assumptions that foreign news discourses feature abundant linguistic metaphors, and that the conceptual metaphors of *personification* underlie a significant part of the metaphorical corpus found in the news texts. Correspondingly, this research located several prolific clusters of surface metaphors framed by the conceptual metaphor of *personification* in the Australian and New Zealand news reporting EU enlargement.

Lakoff and Johnson observed that "personification is a general category that covers a very wide range of metaphors, each picking out different aspects of a person or ways of looking at a person." What unites those categorisations is that, with their help, we can understand complicated phenomena (foreign policy notions included) on the "basis of our own motivations, goals, actions, and characteristics." Arguably, the conceptual metaphor of *personification* described EU enlargement, a complicated and controversial European development, in familiar and 'user-friendly' terms for the international audiences outside the Union.

The metaphor of *personification*, being common and recognisable, carries strong contextualised emotional connotations and results in powerful pragmatic implications. The media images of nations and international bodies (the EU in our paper) as "real personalities" involved in various – predominantly conflicting – relations outline the network of connections in the world "neighbourhoods". In this study, the expanding EU was prominently described in terms of human associations -- club and family -- with their members pictured as being involved in complex relations, interacting with each in a feisty way, experiencing mixed emotions and having health problems.

The employed metaphorical categorisations highlighted the conflicting, dramatic and negative aspects of enlargement using the familiar everyday scenarios of 'club' and 'family'. That was observed on both *macro-* and *micro-levels*. The former level is the level of the concepts' definition -- the concept of a club represents an association of people based on selective membership and common interests opening its doors for a chosen few; in contrast, notions of family represent the unconditional and accommodating welcoming of all members. The latter level of the clashing imagery was observed within the frames' scenarios. Both metaphors -- ENLARGING EU AS CLUB and ENLARGING EU AS FAMILY-- implicitly separated the old and new Member States into clearly differing and opposing roles. For example, the old states were seen as older, wiser, richer relatives or members of a club in the position of authority able to admit or deny the access to the common European house of the poorer and younger new Member States. The EU-15 members had a choice to greet the newcomers in either a welcoming or a chilly manner; while the new EU were striving to join the association by any means. The EU-15 Member States were described as old and weak, while the ten newcomers were pictured as youthful and energetic. In addition, the 'family' frame brought to the foreground the dramatic aspects of battered relations, poor health and emotional discomfort for both new and old members.

Raymond Gozzi argued that the role of the metaphor is to promote some aspects of the phenomenon being described, while at the same time, pushing other aspects back into the shadows, to be ignored and forgotten. Arguably, commercial imperatives, dictating to news media a preference for negativity and conflict, turn the image of the outside world (the EU in our case) into a matrix of opposing and conflicting elements with a negative charge to them. The alternate positively-loaded imagery (equally possible within the 'club' or 'family' frames) was not dominant in the monitored news texts in both Australasian countries. While accounting for the most prominent categorisations motivated by the conceptual metaphor of *personification*, this paper also aimed to illuminate those aspects downplayed or ignored by the news makers. Metaphors are not, as Richard Bailey suggests,

immutable, and, ideally, critical news makers and news consumers should be able to challenge those established, re-cycled and 'ready-to-wear' images.

It is true, however, that 'haute-couture' metaphors are not likely to be featured on a regular basis in daily news media texts. The limitations in news production, including news writers' skills, the news readers' preference for familiar and recognisable images, as well as their resistance to re-categorise already established mental structures. These limitations make the inclusion of the less-known imagery in news discourse be more difficult. Yet, the perpetuation of the negativity and conflict in the 'prêt-à-porter' media imagery of EU enlargement threatens to leave a long-lasting imprint in public opinion and thus contributes to the creation of a stereotype. Stereotype here is understood as a group concept held by one social group about another which is used frequently to justify certain discriminatory behaviours. Gozzi alerts us to the knowledge that the conceptual metaphors of *personification* may "provide a misleading sense of purpose and unity to the complex manoeuvrings of foreign policy and diplomacy, which are after all, the resultants of many conflicting groups and interests."

Historically, economically and culturally, the ten newcomers to the EU do not share much in common with Australia and New Zealand. Although both countries have experienced immigration from the ten new EU Member States, the numbers of immigrants (compared with other European countries) are low. Ideological differences between the two OECD Pacific states and eight ex-communist countries of Central and Eastern Europe have obstructed more intense political, economic and cultural exchanges during the Cold War years. In trading terms, neither Australia nor New Zealand has prioritised their links with the eight formerly socialist states. Malta and Cyprus are two exceptions in this case – as members of the Commonwealth they have traditionally enjoyed greater links to Australia and New Zealand.

With the degree of personal interaction and interpersonal communication of Australians and New Zealanders with the EU newcomers being low, the news media remains a leading source of information on the EU. Arguably, the imagery highlighted in this paper is likely to influence public attitudes of both Australia and New Zealand towards their countries' interactions with an enlarging EU. The image of the EU member states, for example, as selective and snobbish members of an exclusive club, protective and watchful of their association, conveys the idea that any outsider might have difficulties in accessing 'fortress Europe' should the need arise. Likewise, the images of a squabbling family render the idea that there is potential for outsiders to get caught up in the internal EU fights.

Yet, the controversy discovered in *micro-* and *macro-level* of metaphorical framing implies that there is an ambivalent background to the

public perception. The 'family' of the EU was still sharing its 'common house', occasionally opening doors, embracing newcomers, and throwing celebrations in their honour. The ten EU newcomers were seen being full of enthusiasm, energy and vigour, arguably able to revive the old EU. Moreover, the controversial twist to the metaphorical imagery allowed the Australasian media discourses to communicate the message that the EU still matters to the Pacific region. Although the EU-25 members were portrayed as being physically unwell, they were not featured as carrying any infectious disease that was dangerous for outsiders. A bigger EU was sometimes seen as weak, deprived of energy or in pain, but in no way was it shown to be transmitting those ills outside the Union. The expanded EU may have been depicted as engulfed in negative emotions of fear and panic, but those emotions were not projected onto the outsiders. Moreover, the EU's make-over attempts were registered to be appreciated by the outsiders (Australia and New Zealand in our case). It is not surprising that the images of romantic relations entered the EU enlargement news in the domestic context.

CONCLUSION. The EU's current preoccupation with creating its own "brand" (foreseen as to be instrumental in successful communication of its policies to its citizens) has neglected the contribution of external public opinion to the 'branding' process. This paper aimed to highlight the peculiarities of the EU's imagery created outside the Union's borders. It also attempted to alert the stakeholders about the stereotypes of a newly enlarged EU currently being cemented around the world. The paper scrutinised two cases – Australian and New Zealand news media representations of EU enlargement by means of the conceptual metaphor of *personification*. The dramatic and potent imagery resulting from this conceptualisation, as well as the pragmatic implications arising from the use of these images in the regional public discourses, prompts the need for a systematic and regular account of the EU's representations worldwide. Without this, the EU's public diplomacy, "the current Cinderella of the EU's global engagement", runs the risk of never making it to the 'ball' of international affairs.

BIBLIOGRAPHY

1. Abrams, Meyer H. *The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition*. New York: Oxford University Press, 1953.
2. Bailey, Richard. "Conceptual Metaphor, Language, Literature and Pedagogy." *Journal of Language and Learning*. 2003. Vol. 1, No. 2.
3. Boulding, Kenneth E. *The Image: Knowledge in Life and Society*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956.
4. Broström, Sofia. *The Role of Metaphor in Cognitive Semantics*. Lund University Cognitive Studies, 31 LUHFDA/HFKO-3003-SE. Lund: Lund University, 1994, 38.

5. Burgess J. Unease about Poland's EU Entry // *Otago Daily Times*, May 3, 2004.
6. Burke K. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. 2d rev. ed. New York: New Republic, 1965.
7. Chaban N., Holland M. (eds). *The EU Through the Eyes of the Asia-Pacific: public perceptions and media representations* NCRE Research Series No.4. University of Canterbury: NCRE, 2005.
8. de Gouveia, Phillip Fiske and Hester Plumridge. *European Infopolitik: Developing EU Pubic Strategy* (London: The Foreign Policy Centre, 2005), 10.
9. de Vreese, Claes H. "Communicating Europe." *Foreign Policy Centre/British Council Next Generation Democracy Pamphlet*. <<http://www.network-europe.net>> (October 4, 2005).
10. Glynn D. Love and Anger: the Grammatical Structure of Conceptual Metaphors // *Style*. 2002. Vol. 36(3).
11. Gozzi R. *The Power of Metaphor in the Age of Electronic Media*. Cresskill, NJ: Hampton Press Inc, 1999.
12. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions* / 2d ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
13. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago, 2003.
14. Lakoff, George. *Metaphor in Politics*. An Open Letter to the Internet. 1991 <<http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-l.htm>> (August 12, 2004).
15. Leary D. E. Naming And Knowing: Giving Forms to Things Unknown // *Social Research*. 1995. Vol 62(2). Database: Academic Search Premier
16. Leerssen J. National identity and National Stereotype, 1998. www.hum.uva.nl/images (August 3, 2005).
17. Manners I., Whitman R. G. Towards Identifying the International Identity of the European Union: A Framework for Analysis of the EU's Network of Relationships // *European Integration*. 1998. Vol. 21.
18. Meyer C. Political Legitimacy and the Invisibility of Politics: Exploring the European Union's Communication Deficit // *Journal of Common Market Studies*. 1999. Vol. 37(4).
19. Pepper, Stephen C. *World Hypotheses: A Study in Evidence*. Berkeley: University of California Press, 1942.
20. Sain ley Berry P. In Search of European Brand // *Euobserver*. 2006. May 5. <www.EUobserver.com> (May 7, 2006).
21. Santa Ana O. 'Like an Animal I was Treated': Anti-Immigrant Metaphor in US Public Discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10(2).
22. The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. "1870s–1940s: Refugee Groups" <<http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Refugees/2/en>> (June 15, 2006).
23. The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. "Central and South-eastern Europeans" <<http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/CentralAndSouth-easternEuropeans/5/en>> (June 15, 2006).
24. Wallström M. *Communicating a Europe in Stormy Waters: Plan D*, SPEECH/05/396, June 28, 2005a.

25. Wallström M. Interview for EurActiv Slow progress on communication strategy due to Commission's internal problem <<http://www.euractiv.com/Article?tcaturi=tcm:29-137597-16&type=Interview>> (6 April 2005)

26. Wallström M. Speech, Presented By The Director-General Of Dg Press, Mr Jorge De Oliveira E Sousa Commission de la Culture et de l'éducation (CULT) Lundi, 14 Mars 2005, 15:00 h, Bruxelles, PHS, P5B001.

27. Whirman R. Global Europe 02: New Terms of Engagement. The Foreign Policy Centre, 2005.

28. Wikipedia, "Stereotype" <<http://en.wikipedia.org/wiki/Stereotype>> (June 15, 2006).

© Jessica Bain, Katrina Stats, Natalia Chaban, 2006

Лайонел Х. Э. Ви

Сингапур

Перевод С.Л. Кушнерук

НАРУШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СХЕМЫ? ЭКЗОНОРМАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СИНГАПУРА

Abstract

Wee L. A hard habitus to break? Exonormative metaphors in Singapore's political discourse. This paper is focused on a number of metaphorical expressions that are suggestive of a Singaporean habitus. It reveals the differences depending on whether these expressions are used «politically» or «non-politically». The tendency to look outside of Singapore towards prominent Western institutions and individuals for legitimacy proves to be a deeply exonormative habitus.

****

1. Мысль П. Бурдьё (Pierre Bourdieu) об отказе от независимой лингвистики [Thompson 1991: 4] в пользу модели, которая в обязательном порядке обращается к вопросам власти, конфликта и социального неравенства [Lareau 2003: 275], получает заметное развитие в данной работе при анализе политического дискурса. В центре внимания работ П. Бурдьё (1973, 1977 a, b, 1990, 1991) находится понятие о том, что личность приобретает *схему поведения в сфере*, где признаются специфичные формы *капитала*.

Схема поведения – совокупность отношений к обществу, которые человек подсознательно приобретает. Как таковые ценности, точки зрения, являющиеся составной частью схемы поведения, обычно не подвергаются сознательному осмыслению. Разумеется, любая схема поведения неизбежно усваивается в контексте определённого социального окружения или сферы деятельности. В этом плане схема поведения человека отражает социальные условия, при которых она создаётся. Ещё более дискуссионной является идея П. Бурдьё о том, что человек всю жизнь будет стремиться продолжить следы ранее возникших схем поведения, оказывая

воздействие на основные формы возможных последующих социальных траекторий.

Это безупречно подводит нас к мысли о капитале. П. Бурдьё указывает на то, что существуют различные формы капитала: экономический (т.е. материальные богатства), символический (престيج или честь) и культурный (особое мастерство, знания). Своего рода двигателем большинства видов социальной активности является желание деятелей аккумулировать различные формы капитала в зависимости от сфер, в которых они вступают в конкуренцию. Напр., в сферах литературы или живописи художники (деятели) могут ставить цель преобразовать умение рисовать (культурный капитал) в известность (символический капитал), и, в конечном счёте, – в деньги (экономический капитал). Социальная жизнь понимается как совокупность многочисленных пересекающихся и иерархически упорядоченных сфер, поскольку отдельная сфера деятельности редко существует изолированно или является абсолютно независимой. В этом смысле живопись подвержена влиянию других сфер, таких как образование, бизнес или политика [Thompson 1991: 16]. Однако чем более независимой является сфера, тем большей способностью к установлению собственной логики регулирования она обладает, определяя, кроме всего прочего, релевантные виды капитала, обратимость различных его форм, а также цели, на которые деятели должны быть ориентированы. И наоборот, чем выше степень её зависимости, тем с большим сопротивлением может протекать реорганизация, либо она объединит позиции с доминантной или более влиятельной сферой. Это приводит П. Бурдьё к предположению о том, что политика представляет самую влиятельную сферу («сфера власти») в любом обществе, так как она является «источником иерархически выстроенных отношений власти, которые структурируют все другие сферы» [Jenkins 1992: 86].

В рамках дискурса выбор говорящими языковых средств можно рассматривать как показатель лингвистической схемы поведения, то есть предрасположенность к использованию специфических высказываний, особенно, если их употребление связано с воплощением общепринятых культурных сценариев [Goddard 1997; Wierzbicka 1994, 1998] или моделей [Quinn 1991]. Поскольку окружение, в которое попадает языковая единица в той или иной сфере, находится в большой зависимости от имеющегося у продуцента типа капитала [Bourdieu 1977 а, 1991], говорящий часто модулирует свою языковую деятельность соответствующим образом. Последнее замечание представляет особый интерес в контексте жизни Сингапура, где правительство традиционно оказывает сильнейшее влияние на многие аспекты его существования. В последнее время Сингапур на самом деле характеризуют как «государст-

во-няньку» («nanny state») [Mauzy, Milne 2002: 35]. Ли Куан Йю (Lee Kuan Yew), первый премьер-министр Сингапура, сказал следующее: *Мы бы не были там, где находимся сейчас, не осуществили бы экономический прогресс, если бы не вмешивались в личные дела каждого – кто твой сосед, как ты живёшь, какие звуки издаёшь, как плюёшь и где плюёшь, на каком языке говоришь... Коренные социальные и культурные изменения привели нас к этому.*

Эти слова наводят на мысль о том, что один и тот же речевой оборот, вложенный в уста политика и не политика (Термин «политический дискурс» может употребляться в широком смысле, в отношении к любому дискурсу, в котором имплицитно присутствует борьба за социальные ресурсы. Однако в данной статье я использую термин в узком смысле, в отношении к дискурсам, продуцируемым конвенциональными политиками, такими как правительственные чиновники, либо не политиками, которые мотивированы необходимостью отвечать на заявления, сделанные политическими деятелями.), будет проявлять любопытные отличия, поскольку политические лидеры находятся в более приоритетной позиции, имея возможность «вмешиваться», чтобы достигнуть желаемых «социальных и культурных изменений».

В настоящей статье, таким образом, я хочу сфокусировать внимание на ряде метафорических высказываний, которые заставляют размышлять о схеме поведения сингапурцев, а также выявить интересные отличия в зависимости от «политического» или «неполитического» характера использования речевых оборотов, с учётом того, что политический деятель обладает сравнительно большим символическим капиталом. В них обозрима проявленная тенденция рассматривать американские общественные институты и людей как источники метафорического переноса (то есть референтные модели) таким образом, что, вслед за ними, метафорические мишени (Лакофф (1993), а также Холиоук (Holyoak) и Тагард (Thagard) (1995) используют термины «источник» и «мишень». Джентнер (Gentner) и её коллеги (2001) предпочитают «основание» и «мишень», а Глаксберг (Glucksberg) и его группа употребляют термины «средство» и «тема» (1999). В настоящей работе я использую «источник» и «мишень») (то есть местные аналоги) приобретают как культурный, так и символический капитал. Следовательно, выход за пределы Сингапура и обращение к видным общественным институтам и деятелям Запада для собственного обоснования формирует серьёзную экзонормативную схему поведения.

2. Экзонормативные метафоры в дискурсе Сингапура.

Примеры метафорических высказываний в (1), приведённые ниже (См. [Wee 2006a, b], где детально рассматриваются теоретические основания приведённых примеров с точки зрения взаимодействия метафоры, культуры и процессов познания), встречаются в дискурсе Сингапура для описания национально-культурной объективной реальности в терминах инोकультурного (американского) бытийного дискурса. Примеры (1 а-д) взяты из различных газет и радио передач, высказывания (1 е-и)

приводятся из иных описаний без указания времени создания и конкретных текстовых источников.

(1) а. [«The New Paper», 8 мая 2004 г. Статья посвящена возможному избраннику нового ведущего для *Singapore Idol*. В настоящее время ведущим *American Idol* является Райан Сикрест (Ryan Seacrest)]: ... средства массовой информации ранее указывали на ди джея «Perfect 10» Дэниэля Онга (Daniel Ong) как возможную местную версию Райана Сикреста. б. [«City Weekly», 31 июля 1998]: Сингапурский Элвис (Elvis), Уилсон Дэвид (Wilson David), играет, поёт и танцует в новой постановке музыкальной драмы театра «Action Theatre». в. [Реплика Брайана Ричмонда (Brian Richmond), ди джея радио, в передаче «Завтрак с Брайаном» (*Breakfast With Brian*), 6 августа 1998 г.]: Сингапурский Ричард Маркс (Richard Marx) – Шон Де Мелеу (Shawn De Mello). г. [Рекламный ролик (12 августа 1998 г.) очередной серии документального фильма *In Formal* анонсирует сенсационный материал о молодом местном игроке в гольф, который описывается как: Сингапурский Тайгер Вудс (Tiger Woods). д. [«Today», 13 октября 2004]: Статья о Расселе Вонге (Russel Wong), местном фотографe, называет его «азиатским Ричардом Аведоном» (Richard Avedon). е. Популярного (ныне покойного) певца Рахима Хамида (Rahim Hamid) в неформальных кругах зовут сингапурским Натом Кингом Коулом (Nat King Cole). ж. Хо Па Вилла (Haw Pa Villa) – сингапурский Диснейленд (Disneyland): Хо Па Вилла – тематический парк с персонажами из китайской мифологии – описывается как наша версия Диснейленда с очевидной целью привлечь больше посетителей. з. *Siglap* (Siglap) – сингапурский Сан Франциско: В последних новостных сообщениях об общественных фондах, чья работа направлена на дальнейшее развитие частных жилых кварталов, район «Сиглап» характеризуется как сингапурский Сан Франциско, что указывает на холмистый ландшафт и высокую плотность населения. и. Популярная певица Мелисса Сайдек (Melissa Sidek) описывается как сингапурская Тина Тёрнер (Tina Turner).

Подобные примеры имеют широкое распространение в дискурсе Сингапура – их можно встретить в радио передачах, телевизионных программах, газетах. Обращение к ним свидетельствует о том, что сингапурцы, работающие в СМИ, стремятся представлять своих соотечественников и общественные институты в терминах соответствующих американских, особенно в публичных заявлениях. Элвис Пресли, конечно, является легендой американского рок-н-ролла. Менее легендарный Ричард Маркс – другой американский певец. Тайгер Вудс – самый известный и успешный игрок в гольф и т.д.

Тенденция к использованию американского бытийного дискурса как источника метафоризации предполагает высокую степень культурной экзонормативности, когда существование национально-культурной реальности оправдано в той мере, в какой оно является интерпретацией американского бытия. Становится очевидным, что в Сингапуре, по крайней мере, существуют повторяющиеся метафоры, которые последовательно используют американские

источники для характеристики сингапурских мишеней. Такие высказывания предполагают наличие особой манеры речи, характерной для *национального дискурса* в языковом сообществе Сингапура. Это условие приобретает значимость, поскольку нет оснований полагать, что подобные высказывания регулярны в неформальном дискурсе отдельной личности. Другими словами, они не употребляются простыми сингапурцами в повседневном межличностном общении, а используются публичными людьми (например, диджеями или журналистами) при обращении к широкой аудитории.

Существование особой манеры речи, или языковой схемы очевидно, если сравнить примеры (1) с другими возможными высказываниями. Самыми распространёнными речевыми оборотами в примерах (1) являются «*Сингапурский X*», «*X Востока / Азии*», где X – переменная, означаемым которой может стать символ инокультурного происхождения. Другие возможные схемы, например в (2), оказываются менее востребованными.

(2) а. *X местного пошиба* (*The poor man's X*). б. *Наш ответ X* (*Singapore's answer to X*). Схема (2а) может использоваться для диффамации метафорической мишени, которая качественно уступает источнику, обозначенному X. В примере *John is the poor man's Elvis Presley* (Джон – Элвис Пресли местного пошиба) предполагается, что Джон – невыразительный вариант американского прототипа. Схема (2б) призвана демонстративно отстаивать, что мишень обладает такими же достоинствами, как источник. Пример *John is Singapore's answer to Elvis Presley* (Джон – это наш ответ Элвису Пресли) означает, что Джон ни в малейшей степени не хуже, а возможно даже лучше оригинала.

В сравнении с этим реализация прагматического потенциала метафор в примерах (1), главным образом, связана с необходимостью прорекламировать и превознести национально-культурную реальность, выгодно сопоставив её с американской, которая всё же считается образцовой. Языковые схемы в примерах (2) менее востребованы, чем в (1), что свидетельствует, в целом, о благосклонном отношении сингапурцев к американской культуре.

3. Метафоры в политической и неполитических сферах. Примеры (1) не относятся к политике, так как распространяются СМИ с целью прорекламировать местных знаменитостей или достопримечательности. Рассмотрим теперь схожие метафорические высказывания, встречающиеся в речевой практике сингапурских политиков.

(3) а. [Заявление, сделанное местным политическим деятелем Индержитом Сингхом (Inderjit Singh), в известиях программы *In Parliament*, 3 августа 1998]: *Мы должны стремиться стать Силиконовой долиной Востока*. б. [*The Strait Times*, 1 февраля 1997]; *На прошлой неделе заместитель премьер-министра Тони Тэн (Tony Tan) повторил мысль*

премьера Гоха Чока Тонга (*Goh Chok Tong*) о намерении сделать Сингапур Бостоном Востока. Неся ответственность за два университета [Национальный университет Сингапура (*the National University of Singapore*) и Технологический университет Наньянга (*the Nanyang Technological University*)], он подчеркнул важность превращения Сингапура в центр совершенства высшего образования.

Силиконовой долиной, конечно, называют часть Калифорнии, известную технологически инновационной компьютерной индустрией. Бостон ассоциируется с учебными заведениями, признанными за высокое качество обучения и исследований, – Гарвардским университетом (*Harvard University*) и Технологическим институтом Массачусетса (*Massachusetts Institute of Technology*).

Возникает ряд любопытных отличий, если сравнить примеры (3) с примерами (1). Во-первых, прослеживается разница в типах учреждений / людей, которые метафорически представлены. Высказывания (1) связаны со спортом и развлечениями, в то время как (3) затрагиваются экономические и образовательные вопросы, хотя это, очевидно, нельзя рассматривать как строгое классификационное отнесение.

Во-вторых, обнаруживается разная модальность. Высказывания (1) описывают местные общественные институты / людей в терминах западной культуры, указывая на «эпистемическую модальность» (*epistemic modality*). В данном случае они просто демонстрируют убеждение говорящего в том, что описания соответствующим образом отражают конкретные свойства, присущие местным мишеням. В примере (1б) *Сингапурский Элвис (Elvis), Уилсон Дэвид (Wilson David), играет, поёт и танцует...* предполагается, что Уилсон Дэвид уже имеет сходство с источником метафоры. В сравнение, примеры (3) указывают на «деонтическую модальность» (*deontic modality*), которая, выражает желательность или необходимость, накладывая на объекты характеристики требование следовать примеру западных моделей. Так, в примере (3а) предполагается, что Сингапур ещё не стал «Силиконовой долиной Востока», и, следовательно, «должен стремиться стать». Похожим образом, в примере (3б) премьер-министр хочет «сделать» Сингапур «Бостоном Востока».

В-третьих, отличия модальностей предопределяют разность реакций восприятия сингапурских мишеней метафоризации. Как утверждалось, высказывания неполитического характера просто описывают общественные институты / людей в терминах американских источников. В данном случае, мишень метафоризации может делать выбор принять или отклонить прикреплённую характеристику. Например, в 2004 году в Сингапуре проводился *Singapore Idol* – местный вариант американского конкурса мастерства *American Idol*. Это незамедлительно вызвало умозрительные заключе-

ния о том, какой из наших судей соответствует какому из числа более известных американских. Примеры (4) иллюстрируют то, как местный судья Дик Ли (Dick Lee) без стеснения отверг сравнения с Полой Абдул (Paula Abdul), предложив вместо этого провести аналогию с Рэнди Джексон (Randy Jackson) (В конкурсе *American Idol* работают три судьи – Саймон Коуэлл (Simon Cowell), Пола Абдул (Paula Abdul) и Рэнди Джексон (Randy Jackson)). Обратим внимание на то, что Дик Ли просто отказывается от выбора конкретного судьи из *American Idol*, он не поднимает более существенный вопрос, почему в принципе должно проводиться сравнение с американским прототипом. Сама по себе схема экзонормативности возражений не вызывает.

(4) Один коллега сказал, что Дик Ли это Саймон, другой, назвав Дика «впечатлительным парнем», настаивал, что он Пола. И что в итоге? Певец, композитор и продюсер в электронном интервью заявляет «*Today*», что он в большей степени Рэнди.

В противоположность этому, сингапурские мишени не могут просто отклонить или опротестовать сравнения с американскими источниками, когда подобные высказывания исходят от политических деятелей. Как уже отмечалось, высокий влиятельный статус правительства означает, что типичной реакцией местных общественных институтов, которым предписано следовать примеру американских источников, – при отсутствии основательных контраргументов – станет принятие соответствующих мер, направленных на достижение желаемой цели. В качестве подтверждения, детально рассмотрим попытку правительства реформировать местные университеты.

4. Реформирование университетов. Примеры (36) иллюстрируют, что тогдашний премьер-министр Гох Чок Тонг стремился сделать Сингапур «Бостоном Востока», предлагая организовать деятельность двух местных университетов [Национальный университет Сингапура (the National University of Singapore) и Технологический университет Наниянга (the Nanyang Technological University)] по модели Гарвардского университета (Harvard University) и Технологического института Массачусетса (Massachusetts Institute of Technology) (Хотя открытых заявлений премьер-министр не делал, ему присваивается точка зрения, согласно которой НУС развивается по модели Гарварда, ТУН – соответствует ТИМ. Например, в (5) ср.: «Национальному университету Сингапура» (НУС) и Технологическому университету Наниянга (ТУН) необходимо стать азиатскими Гарвардом и ТИМ». Здесь не хватает слова «соответственно». Частично причиной может быть то, что в названиях ТУН и ТИМ присутствует слово «технологический»). Чтобы убедиться в том, что университеты не могут просто отказаться от позиции премьер-министра, а призваны сделать всё возможное для её претворения в жизнь, обратимся к освещению данного вопроса в местной прессе.

(5) [*The Straits Times*, 29 января 1997, курсив мой – Л. У.]: Гарвард и Технологический институт Массачусетса (ТИМ) не просто символические арки, за которыми лежит та самая цель... В действительности, известные во всём мире университеты Бостона славятся по ряду направлений не только серьёзными достижениями научно-исследовательской работы, но олицетворяют высокое качество образования. Национальному университету Сингапура (НУС) и Технологическому университету Наньянга (ТУН) необходимо стать азиатскими Гарвардом и ТИМ, если Сингапур претендует на звание Бостона Востока в эпоху, когда международный центр экономики смещается в восточном направлении к азиатско-тихоокеанскому региону... НУС и ТУН должны действовать в чётко обозначенном направлении. Приспособление к новым формам обучения в ответ на происходящие изменения может быть недоступной роскошью для некоторых других стран, для Сингапура, щедро располагающего человеческими ресурсами, это обязательное условие. Концентрация лучших сил в университетах позволяет им увидеть перспективы будущего, задачи и способы их решения. НУС и ТУН не меньше, чем цитадели, которые должны выдержать испытание в поддержке качества экономической жизни Сингапура.

Отметим, что высказывания (5) не ставят под сомнение справедливость видения премьер-министра. Примеры скорее демонстрируют охотное согласие с высказанной позицией и принятие того, что НУС и ТУН на самом деле обязаны заимствовать эти модели («необходимо стать азиатскими Гарвардом и ТИМ», «НУС и ТУН должны действовать», «обязательное условие»). Невыполнение соответствующих действий представлено не только как нанесение ущерба НУС и ТУН, но общему экономическому благополучию Сингапура («должны выдержать испытание в поддержке качества экономической жизни Сингапура»). Здесь мы находим подтверждение о высоком символическом капитале, которым обладает политический деятель, такой как премьер-министр Сингапура. Томпсон отмечает следующее [Thompson 1991: 1]: ... *взаимозаменяемые лингвистические средства могут выражать отношения власти... Мы осознаём, что люди говорят с разной степенью влияния..., что некоторые слова, произносимые в определённых обстоятельствах, имеют силу воздействия и убеждения, которая не возникла бы в иных условиях...*

Позиция, обозначенная премьер-министром, создаёт обязательное условие следовать примеру Гарварда и ТИМ и предполагает соответствующую реакцию со стороны глав НУС и ТУН. И поскольку у них нет права отказа от заявленной политической позиции, единственным возможным выходом является обсуждение деталей реализации метафоры. Вопрос нельзя недооценивать, так как условия оказывают влияние на выработку критериев, которые лежат в основе оценки того, удалось ли местным учреждениям соответствовать американским моделям. Они также предопределяют

меры, обоснованно принимаемые институтами для выполнения установки.

В примерах (7-9) из интервью с Лимом Пином (Lim Pin) и Чам Тао Суном (Cham Tao Soon), тогдашними вице-канцлером НУС и президентом ТУН, вскрываются трудности соответствия ожиданиям, вызванным метафорическими сравнениями (*The Straits Times*, 1.02.1997. Приняты следующие сокращения: **Ж** – журналист, **Л. П.** – Лим Пин, **Ч. Т. С.** – Чам Тао Сун.

Ср. (7), где журналист задаёт вопрос, как можно устранить существующие различия между местными и американскими университетами (по числу аспирантов). В ответ Чам Тао Сун предполагает, что данное несоответствие можно преодолеть, поощряя проведение исследований (в прикладных науках). Ответ Лима Пина носит более сдержанный характер. Говоря о государственных обязательствах университетов, он советует осторожно делать упор на научные исследования, чтобы не пренебречь необходимостью выпуска специалистов в достаточном для обслуживания экономики количестве. В ответе Пина имплицитно содержится представление о глобальной несовместимости государственных обязательств местных университетов и независимости, которой пользуются Гарвард и ТИМ. В дискурсивном плане интересно то, что идея несовместимости представлена, скорее, имплицитно, чем эксплицитно.

(7) **Ж:** *В наших университетах большинство сингапурцев не учатся в аспирантуре. В Гарварде и ТИМ более двух третей студентов – аспиранты. Правомерно ли говорить о том, что наши университеты становятся видными центрами проведения научных исследований, если многие аспиранты набираются из числа иностранцев?*

Ч. Т. С.: *Нам приходится признать, что с населением в три миллиона человек мы не имеем критической массы, чтобы производить много аспирантов. У нас также нет местных вдохновителей науки и развития. ... Нам следует убеждать сингапурцев в том, что прикладные науки это путь к высшей ступени.*

Л. П.: *Нам также нужно помнить о том, что мы университеты, играющие общенациональную роль. Мы должны выпускать студентов, чтобы отвечать требованиям национальной экономики.*

В примерах (8) фокус внимания перемещается на подготовку студентов. Лим Пин признаёт, что существуют принципиальные отличия в структурах учебных планов, но высказывает предположение о возможности их устранения за счёт продления программы до четырёх лет.

(8) **Ж.:** *Как учебный план студентов в наших университетах соотносится с Гарвардским?*

Л. П.: *В Гарварде первый курс закладывает общие основы... Только со второго курса студенты начинают специализацию. С большими расходами связано установление такой системы, но я бы согласился внедрить её в НУС при условии четырёхлетнего курса обучения для получения основной степени.*

По ходу дискуссия сосредоточилась на специфических различиях (аспирантура, учебный план студентов). В примерах (9) рассуждения снова смещаются на общий уровень, когда журналист просит сделать заключительное заявление, чтобы завершить интервью. Лим Пин и Чам Тао Сун попадают в несколько неудобное положение, пытаясь высказать имеющиеся точки зрения по поводу сравнений с Гарвардом и ТИМ без видимого несогласия.

(9) Ж.: *Итак, сколько времени потребуется НУС и ТУН, чтобы быть как Гарвард и ТИМ?*

Л. П.: *Мы не можем быть Гарвардом. Мы не можем стать его точной копией и не нужно пытаться это делать. Гарвард – закрытое учебное заведение, тогда как наш университет имеет общенациональное значение... Но мы можем стремиться стать азиатским Гарвардом в том смысле, чтобы считаться основным образовательным центром в регионе.*

Ч. Т. С.: *Университеты с мировым именем существуют на протяжении веков. Нужно около сотни лет, чтобы достичь подобного уровня. В университетах Сингапура конъюнктура более «универсальна». Ежегодно мы принимаем 20% от общего набора студентов. Если посмотреть на зачисления в Гарварде и ТИМ, эта цифра составляет 1%.*

Последовательно проанализируем их ответы. Как показывают примеры (9), Лим Пин пытается обсудить условия того, в каком смысле НУС можно рассматривать как вариант Гарварда. Он делает это, вновь возвращаясь к теме, заявленной в (7). НУС – государственный университет с общенациональными обязательствами, такими как подготовка выпускников в количестве, достаточном для обслуживания экономики. С другой стороны, Гарвард – закрытый университет, который имеет возможность принимать только самых способных абитуриентов. Однако, понимая, что идея может быть легко интерпретирована как отказ от метафоры, Лим Пин хочет уверить журналиста в том, что он, ни в малейшей степени, не против использовать модель Гарварда. Это ведёт Пина к весьма запутанному ответу, который включает в себе противоречие. Сначала он пытается не согласиться с тем, что гарвардская модель подходит («*Мы не можем быть Гарвардом*»; «*Мы не можем стать его точной копией и не нужно пытаться это делать*»), в продолжение он принимает идею о том, что «*мы можем стремиться стать азиатским Гарвардом*». Возникает противоречие, т.к. заявить, что предмет является элементом категории, значит признать его членство в данной категории. Так, нельзя доказать, что предмет это яблоко, и одновременно не признать, что это фрукт. Также нельзя заявлять о том, что НУС может стать «*азиатским Гарвардом*», вместе с тем отрицая его возможность быть «*Гарвардом*».

По-видимому, из-за причастности к запутанному ответу Пина, Чам Тао Сун даже не старается открыто углубляться в метафорические сравнения в своём собственном. Он попросту утверждает,

что нужно время, чтобы стать университетом с мировым именем («около сотни лет»). Он также отмечает, что процент набора студентов от общего числа значительно выше в местных университетах. Поскольку Сун делает упор на то, что сравнения с известными в мире вузами ни в ближайшем, ни в далёком будущем нереальны, имплицитно предполагается, что разница между местными университетами и их американскими аналогами непреодолима. Подобным образом его комментарий по поводу процента зачисляемых студентов является повторением точки зрения, высказанной Л. Пином в отношении общенациональных обязательств.

Примеры в (7-9) наглядно демонстрируют что, хотя и Лим Пин, и Чам Тао Сунн неизменно стремятся привлечь внимание к отличиям между местными вузами и американскими моделями, никто из них не желает открыто отстраняться от проведённых аналогий.

Двумя годами позже, говоря о заслугах правительства в речи на собрании в день национального праздника (National Day Rally), премьер-министр признал различия между НУС и ТУН, с одной стороны, и Гарвардом и ТИМ, с другой. Тем не менее, как видно из примеров (10), за Гарвардом и ТИМ настойчиво закрепляется роль источников метафорического переноса. Всё больше укореняется тенденция обращаться к Америке за референтными моделями.

(10) [1999, речь в день национального праздника, *курсив мой – Л. У.*]; НУС и ТУН – государственные университеты. На них лежит ответственность принимать всех сингапурцев, прошедших по конкурсу... Вместе они набирают 8000 студентов. Для поднятия собственного уровня НУС и ТУН должны систематически зачислять одарённых студентов из региона. Несмотря на то, что по уровню академического мастерства они не могут сравниться с Гарвардом и ТИМ, они могут следовать их примеру и пытаться привлечь самых способных студентов из Азии.

5. Заключение. Сфера образования не является независимой, что наглядно видно, когда речь идёт о государственных университетах, таких как НУС и ТУН. Это означает, что они, в большей степени, чем закрытые вузы, подвержены политическому влиянию, в особенности исходящему от высших чиновников. Однако сама сфера политики Сингапура лучше постигается через анализ её широких связей с миром [Wallerstein 1983, 2001; Blommaert 2003: 612].

В этом отношении видение премьер-министра того, что НУС и ТУН должны следовать примеру Гарварда и ТИМ, понятно как часть национальной программы, один из пунктов которой предусматривает управление, так называемыми, «силами глобализации». Существует общая тенденция в политическом дискурсе рассматривать глобализацию как неизбежный феномен, который не оставляет любому правительству иного выбора, как вырабатывать стратегию для управления её последствиями [ср. Flowerdew 2002].

В случае с Сингапуром характерное присвоение правительством экзонормативно-ориентированной метафоры, предполагающей внесение изменений в деятельность местных университетов, – часть проекта *Singapore 21 Vision*, который имеет целью сформулировать национальную программу, способную подготовить страну выдержать вызов XXI века. Тогдашний министр образования Тео Чи Хин (Teo Chee Hean) высказался так: (11) [конференция Singapore 21, 21 ноября 1998]: *Первым элементом нашего видения является Сингапур как Центр реализации возможностей, один из крупнейших в мире городов следующего столетия. Мы видим Сингапур как город мирового значения, имеющего связи с другими всемирными центрами академического совершенства. Мы видим появление здесь таких учреждений как INSEAD и John Hopkins Medical School, которые выдвинут Сингапур на первый план по научным исследованиям и образованию в ключевых областях. Мы видим наши университеты как вузы мирового класса, предоставляющие всем сингапурцам возможности взять курс на непрерывный процесс познания и самосовершенствование.*

Я, конечно, не беру ответственность заявлять, что только американские национально-культурные реалии используются как модели культурной референции. Вероятнее, нужно говорить о Западе в целом как образце. Вместе с тем представляется, что феномен, который мы называем «глобализация», ассоциируется с «Американизацией» [Cameron 2000: 77; Ritzer 1996]. По причине этого не удивительно, что одной из основных стратегий Сингапура в ответ на глобализацию становится выявление успешных американских учреждений и создание собственных по их моделям. В мировом контексте американские институты обладают высокой степенью культурного и символического капитала [ср. Said 1994].

Главенство американской культуры на мировой арене позволяет предположить, что экзонормативность, о которой шла речь в данной статье, характерна не только для Сингапура. С возможными отличиями в способах манифестации она предположительно проявляет себя в других обществах. Так, экзонормативность может не иметь статуса языковой схемы, либо получать выражение в более демонстративных формах, как, напр., в (26) или, подчинённая иным внутривнутриполитическим условиям, не находить широкого распространения в политическом дискурсе. Дальнейшие исследования найдут ответы на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Blommaert J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // Journal of Sociolinguistics. 2003. Vol. 7(4).
2. Bourdieu P. Cultural reproduction and social reproduction // Knowledge, education and cultural change / R. Brown (ed). London: Tavistock, 1973.
3. Bourdieu P. The economics of linguistic exchanges // Social Science Information. 1977a. Vol. 16.
4. Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge: Polity, 1977b.

5. Bourdieu P. The logic of practice. Cambridge: Polity, 1990.
6. Bourdieu P. Language and symbolic power. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
7. Cameron D. Good to talk? London: Sage, 2000.
8. Flowerdew J. 2002. Globalization discourse: A view from the East // Discourse & Society. Vol. 13(2).
9. Gentner D., Bowdle B. F., Wolff P., Boronat C. Metaphor is like analogy // The analogical mind: Perspectives from cognitive science / Gentner D., Holyoak K. J., Kokinov B. N. (eds.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001.
10. Glucksberg S., McGlone M. S. When love is not a journey: What metaphors mean // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31.
11. Goddard C. Cultural values and 'Cultural scripts' of Malay (Bahasa Melayu) // Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 27(2).
12. Holyoak K., Thagard P. Mental leaps: Analogy in creative thought. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
13. Jenkins R. Pierre Bourdieu. London: Routledge, 1992.
14. Lareau A. Unequal childhoods: Class, race, and family life. Berkeley: University of California Press, 2003.
15. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / A. Ortony (ed.). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
16. Mauzy D. K., Milne R. S. Singapore politics under the People's Action Party. London: Routledge, 2002.
17. Quinn N. The cultural basis of metaphor // Beyond metaphor: The theory of tropes in anthropology / J. W. Fernandez (ed). Stanford: Stanford University Press, 1991.
18. Ritzer G. The McDonaldization of society: An investigation into the changing character of contemporary social life. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1996.
19. Said E. Culture and imperialism. New York: Vintage Books, 1994.
20. Thompson J. B. Editor's introduction to Pierre Bourdieu, Language and symbolic power. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1991.
21. Wallerstein I. Historical Capitalism. London: Verso, 1983.
22. Wallerstein I. Unthinking Social Science / 2nd ed. Philadelphia, Pennsylvania: Temple University Press, 2001.
23. Wee L. Proper names and the theory of metaphor // Journal of Linguistics. 2006a. Vol 42.
24. Wee L. The cultural basis of metaphor revisited // Pragmatics and Cognition. 2006b. Vol. 14(1).
25. Wierzbicka A. "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication // Language contact and language conflict / M. Pütz (ed). Amsterdam: John Benjamins, 1994.
26. Wierzbicka A. German 'cultural scripts': Public signs as a key to social attitudes and cultural values // Discourse & Society. 1998. Vol. 9(2).

© Lionel Wee, 2006

P.S. Оригинал статьи размещен на сайте www.cognitiv.narod.ru.

Рут Водак
Ланкастер (Великобритания)
Перевод О.А. Солоповой

ВЗАИМОСВЯЗЬ «ДИСКУРС – ОБЩЕСТВО»: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К КРИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

Abstract

Wodak R. Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA. While reviewing relevant recent research, it becomes apparent that cognitive approaches have been rejected and excluded from Critical Discourse Analysis by many scholars out of often unjustified reasons. This article argues, in contrast, that studies in CDA would gain significantly through integrating insights from socio-cognitive theories into their framework. Examples from my own research into the comprehension and comprehensibility of news broadcasts, Internet discussion boards as well as into discourse and discrimination illustrate this position. However, I also argue that there are salient limits to cognitive theories which have to be taken into account, specifically when proposing social change via rational/cognitive insights. Examples from recent political debates on immigration and from the election campaign in the US in 2004 serve to emphasize these arguments.

****

1. *Пролог.* В настоящей статье мне бы хотелось показать, какое влияние социо-когнитивные теории оказывают на мои исследования, а также очертить потенциальные перспективы применения когнитивного подхода в рамках критического дискурс-анализа. Несмотря на то, что в последнее время я не занималась проблемами дискурса и когнитивистики, принципы, модели, «эвристические метафоры» (Конрад Элих и Эрон Сайкурэль убедили меня в том, что квазитеоретические понятия, используемые для «объяснения» социальных явлений, используются в метафорическом значении; в частности это относится к «habitus» (П. Бурдьё) и «стратегии» (используемой лингвистами в разных значениях; [см. также Wodak, 2004c]) (личная беседа с К. Элихом и Э. Сайкурэлем). Мы все чаще объясняем сложную проблему, называя ее *habitus* или стратегия, поскольку данные термины суггестивны: ничего не объясняя, они классифицируют явление на основе имплицитных и эксплицитных предположений. Однако следует понимать, что метафорическое выражение на внешнем уровне не обязательно соответствует концептуальной метафоре на когнитивном уровне) социокогнитивного подхода осознанно и неосознанно использовались мною в работе, являясь основанием для многих теоретических выкладок и положений. Следует также обратиться к проблематике моих исследований ранних лет, в которых уделяется внимание анализу когнитивных структур. В частности, наибольшее влияние на мои исследования оказали теории Т. ван Дейка и Дж. Лакоффа.

Обращаясь к моим первым работам в области дискурса и когнитивной лингвистики, выполненным практически тридцать лет назад, начну с тривиального, но, тем не менее, необходимого аргумента, доказывающего положения, выдвинутые в данной статье.

Несмотря на уверенность человека в том, что нельзя «заглянуть» в сознание другого (в «черный ящик»), (практически) каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам. Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия как «коллективная память», «воображаемое сообщество» есть неотъемлемые категории когнитивных процессов [Halbwachs 1985; Anderson 1988; Confino 1997; Wodak et al. 1999; Heer et al. 2003; Musolff 2004].

Кроме того, даже в повседневной жизни мы постоянно на собственном опыте убеждаемся, как мы неизбежно и чаще всего автоматически сводим сложности жизни к определенным ментальным моделям, общеизвестным истинам, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие [Luhmann, 1984]. Будучи носителем определенной культуры, человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию (см. Kunda (1999), исследование которого посвящено культурному знанию). Таким образом, когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик [см. подр. Wodak, Meyer, 2001; Wodak, 2004a], поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера. В своем недавнем исследовании В. Коллер [Koller 2005], занимаясь, с одной стороны, традиционным исследованием метафор, с другой – фокусируя внимание на социальной стороне дискурса, указывает на новые возможности использования когнитивной теории в критическом дискурс-анализе. В заключении исследователь верно отмечает, что даже если когнитивные процессы можно изучить лишь опосредованно (критика, выдвинутая в работе Chouliaraki and Fairclough [1999], те же положения являются истинными и в отношении идеологии: «Лингвисты должны осознавать, что любое исследование когнитивных схем выражает себя в новых когнитивных схемах, так же как любое исследование идеологии всегда идеологизировано» [Koller 2005: 220]. Продолжая дискуссию об «идеологии», Р. Дирвен [2005], исследует характерные особенности нацистской идеологии «высшей и низшей расы». Интегрируя теорию Т. ван Дейка (1998) и недавние исследования

метафорического моделирования [Hawkins 2001], автор различает два типа «идеологий» (в широком и узком смысле). Он приходит к выводу, что «когнитивная лингвистика предлагает анализ критической оценки "идеологии", а не идеальные способы ее концептуализации» [Dirven et al., 2005].

Однако следует отметить, что большинство когнитивных исследований в области критического дискурс-анализа (за исключением работ Т. ван Дейка) сведено к изучению метафорических единиц в традициях теории когнитивной метафоры в узком и широком смысле (см. литературу выше). Поэтому мне бы хотелось указать на другие области научного анализа, в которых *существует* связь между дискурсом и когнитивным подходом.

2. *Нерешенные проблемы? Взаимосвязь «дискурс – общество».* Взаимосвязь «язык – общество» имеет огромное значение для развития теории дискурса в целом и критического анализа в частности. Однако данная проблема недостаточно разработана, именно с ней связаны основные трудности многих исследований [Fairclough, Wodak 1997; van Dijk 2003, 2005; Wodak 2001; Weiss, Wodak 2003; Chilton 2004].

«Критические лингвисты» в большинстве своем согласны с тем, что осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом наиболее полно и естественно достигается при сочетании лингвистического и социального подходов. Несмотря на это, в большинстве работ когнитивный подход исключается из дискурс-анализа, считается неуместным.

Безил Бернштейн и Уильям Лабов, основоположники социолингвистики, осознав этот факт более 30 лет назад, предложили новые подходы, известные как теории «различия» и «недостатка». Однако социологические, лингвистические и когнитивные категории невозможно сопоставить непосредственно, поскольку они зависят от «различных горизонтов» (в терминах Хассерла: имеют расхождения в *Horizontgebundenheit*).

Например, в общественно-политическом контексте термин «representation» (представлять политическую партию, группу и т.д.) имеет более широкое значение, чем в лингвистических исследованиях (семантический термин, единица, вербально или визуально обозначающая что-то), и абсолютно в ином значении используется в когнитивистике («социальные представления» – фреймы, когнитивные ориентации в ситуации общения, структуры знаний определенной социальной группы [см. Moscovici 2000]).

Аналогично понятие «institution» используется в различных значениях в дискурс-анализе и социологии (лингвисты часто не проводят различие между терминами «institution» и «organization», тогда как социологи трактуют «institution» как набор абстрактных правил и законов общественной жизни, а «organization» как кон-

кретное учреждение [см. Giddens 2000]). Вследствие этого требуется теория-«посредник», сочетающая социологические, когнитивные и лингвистические категории.

До настоящего времени в критическом дискурс-анализе единой теории подобного плана не существовало. Можно говорить о теоретическом синтезе концептуальных подходов, предлагаемых различными школами, свидетельством чему являются исследование Л. Чаулиараки и Н. Фэрклафа [Chouliaraki, Fairclough 1999], *дискурсивные формации* М. Фуко, *habitus* П. Бурдьё, *регистр* М. Холлидея и *языковой код* Б. Бернштейна [Lemke 1995]. Безусловно, синтез подходов не является ни монистической моделью теории, ни «более верным», чем те теории, концептуальные идеи которых он вбирает в себя. В основном он рассматривается как «концептуальный прагматизм» (Mouzelis), фокусируя внимание скорее на «критериях утилитарности, чем истины» [Mouzelis 1995: 9].

Цель прагматического подхода состоит не столько в том, чтобы составить конечный список пропозиций и обобщений вне контекста, сколько в том, чтобы связать вопросы формирования новой теории и концептуализации с теми проблемами, которые подлежат анализу. В этом смысле, исследователи должны задаваться вопросом: «Какие концептуальные подходы уместны для исследования данной проблемы и данного контекста?», а не – «Нужна ли подобная теория?»

Пытаясь ответить на эти вопросы, обратимся к проблеме «взаимосвязи дискурса и общества» (т. е. *посредничества*) с точки зрения когнитивной лингвистики. Подобная попытка весьма успешно предпринята в исследованиях Т. ван Дейка. Положение о том, что *дискурсивный контекст* требует адекватной интерпретации, общепризнано и ведет к интеграции когнитивных теорий в критическом дискурс-анализе. В последнее время в работах «критических лингвистов» в фокусе внимания находятся понятие «контекста» (в значении «общества» или «социальных практик»), разработка «*контекстуальной модели*» [van Dijk 2001; PanagI, Wodak 2004; Wodak, Weiss 2004]. В результате этих исследований актуальными стали проблемы, связанные со «знанием». Как мы понимаем / декодируем высказывания в контексте? Почему один и тот же текст или высказывание воспринимается по-разному различными группами слушателей / авторов / зрителей? Зависит ли это от их когнитивных / концептуальных фоновых (уже имеющихся) знаний? Итак, мы прошли долгий путь со времен Б. Бернштейна и У. Лабова!

3. *Модели производства и понимания текста / дискурса.* Пытаясь ответить на эти важные вопросы, в последние десятилетия исследователи критического дискурс-анализа занимались проблемой взаимосвязи «дискурс – общество», используя разнообразные

когнитивные модели для объяснения «*понимания и восприятия текста*» [van Dijk, Kintsch 1983; Lutz, Wodak 1987; Wodak, 1996; O'Halloran 2003]. Все вышеперечисленные работы базируются на когнитивных стратегиях, в основе которых лежат ментальные процессы декодирования текста (Следует отметить, что такие термины как «стратегия, ментальная / ситуативная модель, контекст, эпизодическая / долговременная память, фрейм, схема, сценарий» и другие используются в социальной науке в различных значениях. Из-за ограничений в объеме статьи, я не могу представить обзор многочисленных работ по данной тематике и подробно остановиться на этих понятиях. Я рекомендую читателям литературу, в которой вышеупомянутые термины рассматриваются в значениях, используемых в данной статье: [Schank, Abelson 1977; van Dijk, Kintsch 1983; Van Dijk 1984, 2003, 2005; Wodak 1996; Moscovici 2000; Reisigl, Wodak 2001; Lakoff 2004]). Кроме того, я не принимаю во внимание тот факт, что недавно вновь был затронут дискуссионный вопрос о биологической/социобиологической природе когнитивных/лингвистических концептов и теорий [Chilton 2005], поскольку, на мой взгляд, еще не приведены убедительные аргументы и эмпирические результаты их подтверждающие).

В исследовании, посвященном восприятию и пониманию новостей [Lutz, Wodak 1987], мы эмпирически доказали, что при получении новой информации из радиопередач, понимание направляют *ментальные репрезентации*, именно *ментальные модели* способствуют связи вновь полученной информации с уже известной. По причине различных убеждений и систем знаний тексты новостей понимаются и запоминаются избирательно, что зависит от когнитивных фреймов определенной социальной группы. Данные выводы были получены в результате эксперимента: мы попросили группу людей изложить наиболее важную информацию после прослушивания текстов новостей [Wodak 1987]. Новостные события в изложении опрашиваемых всегда были связаны с их личным опытом, а комментарии к ним – с собственным видением их дальнейшего развития. Это объясняет, почему люди приходят к различным умозаключениям, получая одну и ту же информацию. Пересказ новостей в значительной степени также зависел от фоновых знаний, мнений и предвзятых стереотипов, т.е. информация была сформулирована в рамках существующих в сознании говорящих моделей отображения стереотипной ситуации [Wodak 1996].

В данной работе нами предложена модель производства и понимания текста, которая включает несколько параметров: знание и опыт (т.е. когнитивные структуры: фреймы, схемы и сценарии [см. Schank, Abelson 1977]), влияющие на производство и декодирование дискурса, жанров, текстов, авторы и целевая аудитория которых имеют возрастные, гендерные, социальные и другие различия. Кроме того, мы рассматриваем производство и понимание текста как рекурсивные процессы, для которых характерна не только постоянная обратная связь с ментальными моделями, хранящимися в кратковременной и долговременной памяти, но и обновление этих моделей.

Процессы обновления информации неразрывно связаны с систематическими, сознательными и подсознательными стратегиями (в настоящее время, мы бы назвали этот процесс отбором релевантной информации, хотя определение «релевантности» субъективно [Sperber, Wilson 1986]). Результаты нашего исследования наталкивают на мысль о *когнитивной связи между языком / дискурсом и обществом*.

Еще одно междисциплинарное (этнографическое и критическое) исследование посвящено изучению особенностей коммуникативного поведения пациентов, пытавшихся покончить жизнь самоубийством [Wodak 1986]. Нами было отмечено, что мужчины и женщины, так же как и пациенты различного социального статуса, излагают свои проблемы в абсолютно разных жанровых формах: для пациентов-женщин характерно использование «наратива», для мужчин – менее персонифицированные способы повествования. Пациенты из рабочего класса описывают произошедшие события фрагментарно, тогда как рассказы более образованных пациентов логично выстроены. Существенные различия в выборе жанров определили процесс лечения и стиль общения между врачами и пациентами. Более того, во время лечения изменились и сами жанры: когда насущные проблемы отошли на второй план, о них рассказывали в менее заинтересованной форме, которая сочетала в себе элементы различных жанров. В результате эмоционального и медицинского воздействия изменились *фреймы* (жизненный опыт) и *схемы* (структурированные модели опыта и знаний).

В настоящей статье, я вновь пытаюсь связать дискурс и общество посредством когнитивного подхода к производству текста. Будучи социолингвистом по образованию, я была заморожена статистическими данными о существенной зависимости между гендером и социальным статусом с одной стороны, производством и пониманием текста – с другой. Использование когнитивных концепций в социолингвистике оказалось инновационным (см. также Cicourel, 1969, 2002), оно позволило развить ранние, иногда наивные предположения о непосредственных связях между социальными «переменными» и лингвистической реализацией.

4. *Двигаясь дальше: исследование дискурсов сексизма, расизма, ксенофобии и антисемитизма.* В книге Т. ван Дейка «*Prejudice in Discourse*» (1984) предложена социо-когнитивная модель, в соответствии с которой автор объясняет (вос)производство стереотипов и предубеждений сочетанием целого комплекса когнитивных процессов, наиболее важный из которых – хранение опыта индивида как *ситуативной модели в краткосрочной и долгосрочной памяти*. Этот теоретический подход может быть интегрирован с моим собственным исследованием в этой области, сфо-

кусированном на интертекстуальности. Оно включает в себя детальную разработку исторического «измерения» и трехсторонней методологии (*дискурсивно-исторический подход* [Reisigl, Wodak 2001; Wodak 2001, 2004b]).

Помимо желания объяснить, почему воспроизводство и восприятие событий, высказываний и т.п. связано с предрассудками, мне также хотелось бы остановиться на том, каким образом подобные предубеждения становятся широко распространенными, как и почему в конкретные периоды времени они привязаны к определенным идеологиям в заданном социополитическом контексте. Именно здесь теории, основанные на коллективной памяти и коллективном опыте, должны быть подтверждены релевантными эмпирическими результатами.

Например, антисемитские убеждения имеют различные исторические корни в Австрии, Германии, Франции и Италии. Они зависят от сложных исторических и социополитических факторов и событий (религия, индустриализация, национал-социалистическая идеология и т.д.). У этих стереотипов многовековая история. В настоящее время самые различные стереотипы («синкретический антисемитизм») не только присутствуют в сознании рядовых граждан, но и намеренно используются в политических целях в дискурсе элит [Pelinka, Wodak 2002; Wodak 2004b].

В исследовании, посвященном «делу Уолдхейма» в 1986 [Wodak и др. 1990; Mitten 1992) и более поздних работах, где анализируется дискурс дебатов по этой проблеме (в различных жанровых формах: в газетах, ток-шоу на телевидении, в новостном дискурсе телевидения и радио, в разговорах на улице и т.д.), нам удалось установить происхождение некоторых стереотипов, реализующихся в имплицитных и эксплицитных антисемитских высказываниях официальных лиц при обращении к аудитории, и наоборот. Собранный материал показывает, что некоторые термины были «приспособлены» к новым контекстам, их эксплицитные расистские/антисемитские смыслы легко превратились в понятные для говорящих/читающих/слушающих намеки, основанные на коллективном знании. Значение и использование «East coast», по-видимому, аллюзия на «могущественных еврейских лобби в Нью-Йорке», – явный тому пример. Вначале этот термин эксплицитно использовался в словосочетаниях, выражающих антисемитские настроения автора, затем в австрийском дискурсе стал употребляться самостоятельно, вне контекста. В терминах когнитивной лингвистики выражение «East coast» приобрело статус концептуальной метафоры, фрейма. Данное исследование является дальнейшим развитием дискурсивно-исторического подхода, который включает в себя когнитивные теории последних лет [Reisigl, Wodak 2001].

Таким образом, стереотипы и предубеждения проявляются и возрождаются к жизни в метафорах, аналогиях, намеках и рассказах. Подобные культурные фреймы трудно изменить, что и объясняет неудачную попытку рационального «просвещения» [Horkheimer, Adorno 2002]. Системы предубеждений также объясняют широко распространенный феномен «антисемитизма без евреев и антисемитов» Bunzl и Marin (1983) и Marin (2000): человек может никогда не встречаться с евреями и не иметь отрицательного опыта взаимодействия с ними, но иметь о них негативное суждение. Опросы общественного мнения говорят о том, что антисемитские настроения более сильны и распространены, в том случае, если отсутствуют контакты с представителями данной социальной группы. Представления, предположения и воображение, основанные на фольклоре и предрассудках, передаваемых из поколения в поколение, хранятся как ментальные модели и коллективные установки. То же самое касается гендерного, этнического неравенства, неравенства сексуальных меньшинств.

Кроме того, ситуативные модели интегрируют и подпитывают предрассудками каждое новое событие. Даже если это событие означает нечто совершенно иное, оно автоматически обрабатывается как антисемитское. Новый опыт взаимодействия искажен, приспособлен и интегрирован с предыдущими ситуативными моделями, хранящимися в коллективной памяти. Например, «позитивный» анекдот о еврее или турке обычно расценивается как исключение, поскольку противоречит схеме, тогда как «негативный» опыт предоставляет собой «доказательство или свидетельство» для уже имеющихся антисемитских убеждений [Wodak, Matouschek 1993].

5. *Изменение фреймов?* Джордж Лакофф в своей последней книге *Don't Think of an Elephant!* (2004), анализирует «формирование фреймов» как средство политической пропаганды. Он исследует избирательные кампании Джорджа Буша и Джона Керри в США (2004), и утверждает, что команда Буша достигла успеха, так как первой смогла задать рамки избирательной гонки. Основная причина неудачи Керри состоит в том, что он лишь реагировал на повестку дня, выдвинутую Бушем, не предлагая встречных проблем, которые могли бы направить дебаты в иное направление. Для каждого «критического лингвиста» данный вывод, безусловно, интересен: автор утверждает, что определение новой повестки дня может заставить электорат поверить другой программе.

Более подробно останавливаясь на теоретических положениях и эмпирических результатах, изложенных выше, следует отметить, что если системы убеждений существуют на когнитивном и эмоциональном уровнях, имеют исторические корни, то изменить фреймы – учитывая, что это больше, чем внешнее изменение язы-

ка – оказывается очень сложно. Системы убеждений и идеологий должны быть переформулированы и заменены другими. Исследования, посвященные расизму, гендерной дискриминации, антисемитизму показывают, что подобные изменения – если они вообще возможны – займут долгое время, их результатом станет коренное перерождение («катарсис»), которое позволит заменить существующие ментальные репрезентации и долговременные ситуативные модели новыми.

Два следующих ниже примера подтверждают данное положение: Центром избирательной кампании в США в 2004 году были дебаты относительно «ценностей». Определение ценностей было предложено лагерем Буша: к их числу Буш относит традиционные семейные ценности, типичные гендерные роли (кампания против однополых браков), религию, национализм, патриотизм и т.д. Лагерь Керри не смог сделать акцент на «ценностях», хотя, безусловно, проблемы социального благосостояния, национального здравоохранения, борьбы с бедностью и финансирования образования многими избирателями рассматривались как законные позитивные ценности. Фрейм «ценности» был «присвоен», колонизирован; возможность обсуждения иных ценностей более не рассматривалась. Что дальше: создать новый ярлык? Придумать новые коллективные установки, новые когнитивные фреймы? Новую концептуальную метафору? Принципы, предложенные Дж. Лакоффом (2004) представляют собой риторические правила, следуя которым можно выиграть политические дебаты, но они не решают проблемы «восстановления территории» и семантического поля ценностей.

Второй пример касается еще одного интересного семантического процесса, который наблюдается в настоящее время: сплав двух различных понятий «иммигранты» и «беженцы». В дебатах по проблеме иммиграции в страны Евросоюза эти два понятия смешены и вербализированы как «нелегалы; нелегальные иммигранты; нелегальные беженцы; лица, ищущие убежища; экономические иммигранты; экономические беженцы; лица, не имеющие законных оснований на предоставление убежища» и т.д. В средствах периодической печати, в лозунгах, листовках и других материалах пропаганды [Baker, McENERY 2005] они часто используются в одном тексте и даже абзаце, подразумевая одно и то же явление. Таким образом, две ранее различные семантические группы воспринимаются одинаково: любой въезд в страну (например, в Великобританию, это пример из британских СМИ) считается «нелегальным». Данная стратегия используется для оправдания и легитимации меньшего числа иммигрантов и просителей политического убежища [Van Leeuwen, Wodak 1999; Wodak, an Dijk 2000] (Подтверждение приведенных в статье результатов – проект ЕС КСЕНОФОРМ, в котором

исследуются проблемы дискриминации иностранцев в области образования, предоставления работы и жилья, репрезентации в периодической печати на территории восьми стран ЕС). Кроме того, эти ярлыки тянут за собой целый шлейф метафор, например, «наводнить», «затоплять» и др. [Reisigl, Wodak 2001]. Однако для (вос)производства данного контекста используются не только метафорические фреймы, но и ситуативные модели. Листовки, распространяемые британской национальной партией (BNP) в 2004, сочетали в себе визуальные, текстовые, риторические, прагматические, семантические и аргументативные лингвистические стратегии и приемы, в конечном счете, нацеленные на производство дискурса ксенофобии (Из-за ограниченного объема статьи, невозможно привести подробные примеры дебатов в СМИ, письменных жанров (листовки, постеры, лозунги) избирательной кампании в Великобритании 2005 года. Недавно проблема иммиграции была вновь затронута партией консерваторов. Однако нынешние дебаты интертекстуально связаны со многими тенденциями прошлых дебатов, например, в текстах правых и крайне правых сил (листовка, упомянутая выше). Я благодарна Елене Семино за лекцию «Метафоры в политическом дискурсе» (Ланкастер, 15.02.2005 года), в которой приведены некоторые важные примеры)

Приведенные примеры показывают, что социокогнитивные модели объясняют феномены в разных областях исследования. Эти примеры также доказывают что, с одной стороны, только внешнее изменение языка будет неэффективным, с другой – для обоснования долгой, порой «вечной» жизни предрассудков следует принимать во внимание глубинные когнитивные концепты (Adorno, 1973/1950). Короче говоря, такие сложные явления как расизм, антисемитизм, и т.д. можно объяснить, лишь опираясь на междисциплинарные теории. Не решив фундаментальной проблемы взаимосвязи «дискурс – общество», я надеюсь, что мои аргументы «за» интегрирование когнитивного анализа как части этой сложной проблемы окажутся важным шагом вперед.

© Рут Водак, 2006

P.S. Оригинал статьи размещен на сайте www.cognitiv.narod.ru.

Петр Друлак

Прага, Чехия

Перевод О.А. Ворожцовой, Э.В. Будаева

МЕТАФОРА КАК МОСТ

МЕЖДУ РАЦИОНАЛЬНЫМ И ХУДОЖЕСТВЕННЫМ

Abstract

Drulák P. Metaphors as Bridges Between Rational and Aesthetic. In this essay Petr Drulák merges the sharp boundary between the rational inquiry of the world and its aesthetic experience. The author makes a survey of the history of the question proving that since Plato these two approaches have been looked upon as radically opposing. However, his analysis states that both scholarly discourse and aesthetic experience cannot do without metaphors.

More than that, his research on European integration and on war suggests that the very same metaphors may underlie both kinds of thinking. Thus, as acknowledged by Petr Drulák, the dialogue between rational and aesthetic is not only possible but also enriching to both kinds of experience.

****

В западном обществе традиционно проводится чёткая граница между рациональным познанием мира и его художественным переживанием. В то время как первое относится исключительно к царству науки, второе проявляется в искусстве. Традиционно воззрения учёных рассматривались не только как несовместимые с взглядами представителей искусства, но и всегда ставились на первое место, расценивались как единственный источник значимой информации о мире. В отличие от науки искусству, в лучшем случае, отдавалось должное за способность проникать в суть вещей, но в тоже время искусство постоянно критиковалось за то, что сбивает с верного пути и наносят вред истинному знанию.

Показательны в этом отношении труды Платона и Аристотеля. Платон критически относился к художественным достижениям своего времени, которые он рассматривал как очень несовершенные попытки копирования чувственной реальности, которая сама является всего лишь плохой копией истинной сущности вещей. По Платону истинная реальность доступна только на основе рационального абстрагирования, которое даёт универсальную истину. С другой стороны – ни что не является настолько далёким от истины, как копия копии, созданная художниками [Plato 595-608]. Этот платонический идеал познания, основанного на рациональном абстрагировании и направленного на универсальное объективное знание, которое несовместимо с особенностями и чувственностью художественного переживания, является ещё одним из мифов современной науки и рациональности.

Даже несмотря на то, что Аристотель ценил искусство несколько больше чем Платон, его подход к художественному осмыслению мира остался ограниченным. С одной стороны, он высоко ценил художественное озарение, заявляя, что поэзия ближе к истинному пониманию, чем история (Aristotle). С другой стороны, Аристотель предупреждал против загрязнения рационального познания поэзией, с её чувствами и образным языком. В этом отношении он развил идею Платона о рациональном познании. Платоническая наука, которая может открыть вневременные причинные законы вселенной, стала оказывать наиболее сильное влияние с началом развития естественных наук в XVII веке. В дальнейшем убеждение в существовании объективного знания о мире распространилось и на социальные науки. Это убеждение отдавало предпочтение объективной точке зрения на общественные науки, сформулированной на основе естественных наук, по сравнению с

субъективной точкой зрения гуманитарных наук, углубляя таким образом пропасть между рациональным и художественным.

Тем не менее, именно успех естественных наук привёл к серьёзным сомнениям в возможности существования неизменного знания универсальных законов. Сначала теория относительности Эйнштейна показала что, считавшееся солидным научным знанием в любое время может быть поставлено с ног на голову. Но, что важнее, квантовая теория лишила науку уверенности, которая раньше ассоциировалась с научным знанием, таким образом, привнося концептуальные скрытые смыслы, которые противоречат тому, что обычно считается нормальным или рациональным.

Современная философия науки отреагировала на это и повернулась от платонического варианта определённого вневременного знания к признанию того, что знание обременено временем и социальными условиями. Карл Поппер (1959/2002), ярый критик платонического идеала общества, начал этот поворот, отрицая идею подтверждения гибких универсальных законов, и, замещая её идеей опровержения гибких гипотез, подтверждённых доказательствами, которые, скорее всего, когда-то будут опровергнуты. С этой точки зрения наука больше не может давать вечные истины, она может лишь давать более или менее обоснованные гипотезы об устройстве мира. Последователи Поппера сделали притязания науки на объективность ещё более относительными, указав на социальную роль сообщества учёных в определении того, что является истинным, а что – нет, показав, что объективного знания, которым можно абсолютно объективно проверять теории, нет как такового, так как знания всегда зависят от теории [Kuhn 1962, 1993; Lakatos, Musgrave 1970].

Тем не менее, среди последователей Поппера именно Пол Фейерабенд пришёл к наиболее радикальным выводам, утверждая, что научная практика не должна быть ограничена традиционными методологическими принципами, основанными на объективистских идеалах, которые не могут стимулировать плодотворные исследования [Feyerabend 1993/1975]. В этой связи Фейерабенд [2004] также оспорил традиционное разделение науки и искусства как способов познания мира, указывая, что фактически они тесно взаимосвязаны. Он показал, что и в науке, и в искусстве существует набор несопоставимых парадигм, например, романский стиль vs. готический стиль в искусстве или физика Аристотеля vs. физика Галилея в науке, которые создают свои собственные относительные реальности, различия между которыми нельзя охватить понятиями прогресса, верификации или истинности.

Таким образом, Фейерабенд отрицает традиционное превосходство платонического абстрактного знания над художественным переживанием частного. По мнению исследователя, поэзия раз-

мышляла над индивидуальной идентичностью и общественными законами задолго до психологии и социологии, которые всё ещё во многом отстают от поэзии. Похожим образом он показывает, что законы формальной логики были открыты еще в классической трагедии. Фейерабенд предлагает заменить традиционное доминирование абстрактного знания на открытость общества множеству способов познания мира, как универсальных, так и частных, полезное знание из которых должно извлекаться демократическим выбором, а не диктатурой абстрактно-рационалистический догм.

Метафоры

Фейерабенд проникательно критикует самопровозглашённую объективность и истинность абстрактного рационализма, приходя к выводу, что наука и искусство, в действительности, не очень отличаются друг от друга. Тем не менее, он не предлагает никакого механизма, который бы сделал возможным диалог между этими, вероятно, близкими способами освоения мира. Более того, его настойчивое утверждение о несоразмерности различных научных и художественных методов познания, может привести к выводу о том, что подобный диалог вообще невозможен, так как каждый способ познания ограничен своей реальностью со своим собственным языком. Это ставит под сомнение саму возможность демократического выбора полезного знания, предложенного Фейерабендом, потому что никакой диалог, который мог бы подготовить почву для такого выбора, не может состояться между самодостаточными областями знания.

Рассмотрев мысли Фейерабенда о том, что наука и искусство близки друг к другу, а также его доводы об особенностях различных способов освоения мира, я пришёл к выводу, что можно найти общее основание, сближающее и позволяющее сравнивать рациональное и эстетическое. Это общее основание – метафоры, без которых не может обойтись ни один способ освоения мира. В то время как значение метафоры в искусстве неоспоримо, её распространение на рациональное познание, возможно, не настолько очевидно. Отсюда следует, что необходимо краткое обсуждение роли метафоры в науке, и шире, самого понятия метафоры.

Метафору традиционно рассматривают как «приём осмысления чего-либо в терминах чего-либо ещё» [Burke 1945: 503 цит. по Сатертон 1999а: 13]. Она связывает два различных явления, выявляя их сходства и идентичность. Лакофф и Джонсон [1980], чья теория метафоры взята за основу в данном исследовании, рассматривают метафоры, и как риторические фигуры, и как способ мышления. В их понимании метафоры объединяют две концептуальные сферы – сферу-источник и сферу-мишень, делая возможным понимание сферы-мишени в терминах сферы-источника. Другими словами, то, что мы знаем о сфере-источнике также относит-

ся и к сфере-мишени, так как метафора устанавливает формальную идентичность между ними, заявляя, что «А – это В». Это определение метафоры также включает в себя аналоговое мышление.

Удивительно высока степень зависимости от метафор абстрактных и в основном опирающихся на математику естественных наук. История естественных наук полна примеров того, как неожиданные метафоры значительно углубили наши знания о мире и стали частью традиционного образа мыслей [Duhem 1974 цит. по Bourdieu et al. 1991:194-195]. Например, Гюйгенс, рассматривая СВЕТ как ЗВУК, ввел понятие световой волны, что сделало анализ света более доступным для понимания. Рассматривая ЭЛЕКТРИЧЕСТВО как ТЕПЛО, Ом смог применить детально разработанное знание о последнем для изучения неизведанной области первого. На практике эти метафоры едва заметны, так как научная процедура заключается в использовании набора уравнений, разработанных для анализа сферы-источника (звук, тепло), при изучении сферы-мишени (свет, электричество).

Эта, на первый взгляд, нейтральная и объективная процедура заставляет нас забывать о том, что сама правомерность переноса знания заключается в определённой метафоре. Метафоры не только привносят в теории новое понимание явлений, иллюстрируя, таким образом, мощнейший механизм *ars inveniendi* [Bourdieu et al. 1991: 5], но и дают саму возможность для логического построения и объяснения теорий. Таким образом, эти «научные метафоры» [Bourdieu et al. 1991: 55] – сердце теорий, их суть «без которой теории были бы абсолютно бесполезны, и не заслуживали бы своего гордого имени» [Campbell 1967; цит. по Bourdieu et al. 1991: 196].

Что истинно в абстрактном мире естествознания, тем более истинно в области социальных наук. Даже базовые концепты, используемые в рациональном познании социума, неизбежно метафоричны [Lambourn 2001]: государства обычно метафорически представляются как ЛЮДИ, которые принимают решения, обладают органами, вступают в отношения, страдают от болезней, имеют настроение. Гораздо больше метафор предлагается для осмысления общества. Среди них наиболее часто используются концепты ОБЪЕКТА, движимого основанными на физических законах силами, СЕМЬИ или БОКСЁРСКОГО ПОЕДИНКА.

Важно, что едва ли какое-либо определение такого запутанного концепта как общество может обойтись без метафорической связи с менее запутанным и более знакомым понятием. В этой связи Де Ман (1978/1984) удачно демонстрирует неизбежность метафорического языка, показав, что Дж. Локк, несмотря на его низкую оценку образного языка, сам зависит от метафор. Похожим

образом Де Ман указывает на неотъемлемую и непризнанную роль метафор в работах Кондильяка и Канта. Также Платон, несмотря на его резкую критику образного языка поэтов, сам использует метафору, вводя образ пещеры, для того, чтобы выразить одну из своих важнейших идей [Lakoff, Johnson 1980].

Над повсеместностью метафоры и в рационалистском, и в этическом дискурсе размышляют многие учёные [Ricoeur 1975; Lakoff, Johnson 1980]. В этой связи особенно важна революционная работа Лакоффа и Джонсона. Исследователи не только рассматривают метафору как основу нашего мышления и поведения, но также предлагают когнитивный метод образной рациональности [Lakoff, Johnson 1980: 210], в полной мере согласующийся с центральным местом метафоры в их теории. Предполагается, что этот метод разрешит противоречия между тем, что они называют объективизмом и субъективизмом. В то время как объективизм относится к научному рациональному познанию, которое доминирует в западном мышлении, субъективизм представлен индивидуальным опытом, состоящим из чувств, эмоций и воображения, которым романтизм уделяет особое внимание, и которые чаще всего находят выражение в искусстве [Lakoff, Johnson 1980: 202-206].

Лакофф и Джонсон утверждают, что образно-рациональный метод, основанный на метафоре, может связать сущностные свойства и объективизма и субъективизма, позволив избежать крайностей обоих подходов. С субъективистской точки зрения метафоры в большей степени отражают личностное эмоциональное переживание мира, чем дают его беспристрастное отражение, они часто являются средством для индивидуального воображения, связывая между собой различные концепты неожиданным образом. Согласно объективизму понимание метафор, в частности, и языка, в целом, возможно благодаря их связи с коллективным, общественным опытом, который в некоторой степени объективен, хотя это и не абсолютная универсальная объективность, а объективность, связанная с определённым культурным целым.

Более того, конкретные метафоры могут быть рациональным путём выведены из более абстрактных концептуальных связей. Например, из абстрактной метафоры – ОБЩЕСТВО – это ЧЕЛОВЕК можно вывести такие метафоры: «Европа больна», «Россия чувствует себя униженной», «Польшу подвели» и т.д. В итоге, несмотря на то, что метафоры могут быть субъективны и эмоциональны, они являются частью квази-объективного общественного опыта и могут быть рационально выведены из абстрактных моделей.

Таким образом, образная рациональность метафор представляет идеальное основание для сведения воедино рационального познания и художественного переживания. В настоящее время метафоры обычно рассматриваются либо применительно к науке

[Lakoff, Nunez 2000], либо применительно к искусству [Lakoff, Turner 1989]. но редко на примере и научных и художественных работ одновременно, что позволило бы объединить оба способа познания мира в рамках одного теоретического подхода. Именно такая попытка предпринимается в данной работе. Во-первых, исследование показывает, что научное осмысление европейской интеграции основано, по большому счёту, на 3 абстрактных концептуальных метафорах. На следующем этапе эти метафоры сравниваются с метафорами, обнаруженными на плакатах об европейской идентичности, выполненных студентами, изучающими прикладное искусство. Во-вторых, в работе анализируются метафоры войны в произведениях Э. Юнгера и в современных научных исследованиях войны.

Европейская интеграция

Европейскую интеграцию, которую в настоящее время представляет ЕС, анализируют с разнообразных точек зрения [Rosamond 2000]. Неизбежно, каждая из этих точек зрения построена посредством абстрактных метафор, которые определяют институциональные основания ЕС. Удивительно, но, несмотря на разнообразие, большинство теорий европейской интеграции можно представить лишь тремя метафорами: ЕС – это КОНТЕЙНЕР, ЕС – это РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ, ЕС – это ДВИЖЕНИЕ [Druľák 2004]. Каждая из этих трёх метафор представляет устоявшееся научное течение в осмыслении ЕС.

Метафора КОНТЕЙНЕРА подразумевает, что ЕС как единство – это зафиксированное целое, которое функционирует как государство. Это предполагает фундаментальную схожесть или даже идентичность между внутренним порядком одного государства и внутренним порядком ЕС. В этом случае говорят о «европейском доме» или «европейской независимости». На метафоре КОНТЕЙНЕРА основываются несколько научных школ, изучающих ЕС. *Федералисты* утверждают, что в целях предотвращения ещё одной войны и достижения высоких результатов экономического и технологического развития, Европа стремиться стать европейским государством, которое заменит существующую межгосударственную систему [e.g. Burgess 1989; Rosamond 2000: 20-31]. Похожая точка зрения предлагается в *сравнительной политике*, согласно которой политика ЕС развилась в систему, которая в большей степени напоминает внутреннюю политику демократического государства, нежели систему международных отношений, следовательно, более продуктивно изучать ЕС посредством теорий и понятий сравнительной политики, чем с точки зрения теории международных отношений [Nix 1994, 1996]. Наконец, согласно теории *европейско-го конституционализма* система законов ЕС ближе к системе за-

конов федерального государства, чем к международному законодательству.

Метафора РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ подразумевает, что ЕС – это взаимодействие между отдельными сущностями, которые постоянно ищут взаимные компромиссы. Метафора *равновесных контейнеров* соотносится с традиционной метафорой *баланса силы*, которая формирует международное сознание с XVI века [Sheehan 1996]. В этой связи говорят о «балансе силы» или «состязании национальных интересов» внутри ЕС. В настоящее время метафора РАВНОВЕСИЯ лучше всего выражена в работах Андрию Моравшика, представителя течения, поддерживающего либеральное взаимодействие нескольких правительств (*liberal inter-governmentalism*) [Moravcsik 1998]. Можно утверждать, что ключевые концепты этого течения напрямую связаны с ключевыми концептами традиционного осмысления международных отношений в рамках метафоры «баланса силы». Более этого, эта метафора свидетельствует о мудрости, приобретённой европейскими дипломатами, которые рассматривают ЕС как арену для борьбы состязующихся национальных интересов.

Метафора ДВИЖЕНИЯ не предполагает наличие зафиксированных, постоянных деятелей. ЕС в этом случае понимается как текучая субстанция, главной чертой которой является постоянное изменение. Таким образом, часто говорят о «постоянном заключении договоров» или о «торможении поезда». Эта идея лежит в основе *неофункционального подхода* [e.g. Haas 1958; Schmitter 1996], в котором внимание концентрируется на процессе интеракции, а не на его результатах. Несмотря на то, что неофункционализм больше не является доминирующим течением в осмыслении Европы, некоторые современные влиятельные теории опираются на наследие неофункционализма. В рамках теории *европейского правительств* [Christiansen 1997; Jachtenfuchs 1997; Joergenssen 1997; Joerges 2002; Kelstrup 1998; Marks, Hooghe, Blank 1996] ЕС концептуализируется как ДВИЖЕНИЕ в дискуссиях о децентрализованном правлении или о процессе становления европейской конституции. *Институционалистские* подходы также внедряют метафору ДВИЖЕНИЯ [Armstrong, Bulmer 1998; Checkel 1999; Pierson 1998]: исторический институционализм пытается предложить «скорее движущуюся картинку, чем фотографию» процесса интеграции [Pierson 1998: 30], социологический институционализм изучает когнитивные и нормативные изменения [Checkel 1999]. Наконец, *конструктивисты* основываются на предположении о том, что «социальные сущности по своей природе подвержены изменениям» [Christiansen et al. 1999: 538] и, таким образом, высоко оценивают «трансформационный аспект» неофункционализма.

Даже несмотря на то, что метафоры КОНТЕЙНЕРА, РАВНОВЕСИЯ и ДВИЖЕНИЯ были рассмотрены на примере теорий европейской интеграции, они, с таким же успехом, относятся к художественному осмыслению Европы. Хорошим примером является недавняя выставка плакатов на тему европейской идентичности [Drulák 2006]. Выставка, организованная Чешским Советом по Международным Отношениям весной 2006 года, проделавшая путь из Праги через Варшаву в Брюссель, собрала около 170 плакатов молодых художников из 8 стран ЕС.

Каждый плакат пытался отобразить идею европейской идентичности наиболее убедительным образом. Примечательно, что большинство плакатов можно осмыслить посредством трех описанных выше метафор.

Большая часть плакатов основана на метафоре КОНТЕЙНЕРА. Европейская идентичность изображается как кувшин, фигура человека, отпечаток человеческого тела (обычно отпечаток пальца или стопы), разноцветный клубок или дерево, вершина которого представляет собой карту Европы. Особенно показательны географические карты, на которых Европа представлена как единое целое, имеющее одну форму и один цвет, то есть то, что чаще всего выражает метафора КОНТЕЙНЕРА. С другой стороны, хрупкость европейской конструкции представлялась посредством образа Европы как замка из песка.

И всё же хрупкость чаще ассоциируется с метафорой РАВНОВЕСИЯ. На самом деле многие плакаты, связанные с этой метафорой, изображают Европу как действительно хрупкую конструкцию: стопка тарелок, стаканов, картонный домик. Эта метафора также реализуется посредством отпечатков пальцев и стоп. То есть, в то время как метафора КОНТЕЙНЕРА подчёркивает, что это один отпечаток, метафора РАВНОВЕСИЯ приводит несколько отпечатков, количество которых часто соответствует количеству членов ЕС. Похожим образом метафора РАВНОВЕСИЯ проявляется в изображении карты, но в отличие от карт, связанных с метафорой КОНТЕЙНЕРА, на этих плакатах присутствует разнообразие цвета и форм, что соотносится с членами ЕС. РАВНОВЕСИЕ также может быть выражено семантически, когда из букв разных алфавитов составляются надписи, относящиеся к Европе и европейской идентичности. Примером может служить победивший плакат с надписью "evrópeāñ idēnt'ity", где различные части Европы символически представлены знаками различных алфавитов, а их равновесие представлено чётким значением надписи «европейская идентичность».

Даже несмотря на то, что метафору ДВИЖЕНИЯ нелегко запечатлеть на статичной картинке, некоторые плакаты в этом преуспели. Движение было представлено пружиной, надписью «Европа»

на отъезжающей машине, руками, указывающими в определённом направлении или пальцами, сходящимися в одну точку вдаль. Движение также может быть выражено контрастирующими политическими и культурными символами. Так один плакат показывает, как оливковая ветвь изменяется в свастику, которая затем превращается в серп и молот и, в конце концов, преобразуется в золотые звёзды Европы. Похожим образом другой плакат показывает, как символы ЕС разъедают и уничтожают коммунистические символы.

Но всё же ряд плакатов не подпадают ни под одну из этих трёх метафор. В этом отношении они обогащают наше понимание, приводя альтернативные метафоры, которые, среди прочего, проводят ассоциативные связи между ЕС и ПОТРЕБЛЕНИЕМ, ОТНОШЕНИЯМИ С ТУРЦИЕЙ, или ПУСТОТОЙ. Плакаты, относящиеся к ПОТРЕБЛЕНИЮ по большей части играют со словом «Европа», представляя его как логотип Coca Cola, или помещая его на вывеску рядом с китайским рестораном, или составляя его из букв логотипов модных продуктов. Отношения с Турцией обычно выражаются посредством игры между европейскими звёздами и турецким полумесяцем. И в заключении, идея пустоты выражается через изображение людей с закрытыми лицами или без лица.

Война

Война – это один из ключевых вопросов, который изучается в рамках дисциплины «Международные отношения». В действительности, этот предмет традиционно определяется как изучение войны и мира между государствами. Следовательно, недостатка в теоретическом осмыслении войны в научной литературе нет. Большая часть этого рационального познания войны концентрируется на поисках возможных причин войн, пытается ответить на вопрос, почему войны начинаются. Сделав обзор современной литературы [Diehl 2005], я пришёл к выводу, что большая часть этих объяснений может быть представлена одной из следующих пяти метафор войны: ВОЙНА – это ИГРА, УРОЖАЙ, НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, КЛЕЙ, ЗАКОН.

Метафора ИГРЫ объясняет войну как преднамеренное столкновение государств, которые ведут себя как рациональные субъекты. Каждый из них точно определился со своей ставкой в конфликте и старается увеличить её за счёт других. Эта очень влиятельная точка зрения типична для *реалистической* традиции международного мышления от Фукидида до Клаузевица и Кеннета Волца [Waltz 1979]. Эти теории концентрируют внимание на стратегическом взаимодействии между государствами, моделируемом посредством математической *теории игр* [Fearon 2005], что в ещё большей степени подводит под войну рациональное основание.

Метафора УРОЖАЯ представляет войну источником материальной наживы отдельных людей или правящих групп. В отличие от предыдущей метафоры, метафора УРОЖАЯ не отражает взаимодействия с другими участниками конфликта, а концентрирует внимание на материальной выгоде. С этой точки зрения государства вступают в войну, потому что ожидают от неё выгоды [Vueno de Mesquita 2005]. Также элиты могут стратегически объединяться и провоцировать войны ради получения материальной выгоды [Fearon, Laitin 2005].

Очень противоречивая группа основана на метафоре НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ, согласно которой войны – результат случайных неудач и непонимания. Создана богатая литература, посвященная изучению *неправильного восприятия действительности*, анализу неспособности тех, кто принимает решения, правильно оценивать угрозы и возможности, чьи ошибки впоследствии приводят к войне. Такие ошибки восприятия возникают из-за психологических факторов, институциональных факторов или нехватки информации. Кроме этого, несчастные случаи могут происходить из-за такого институционального устройства, которое предрасполагает к совершению таких ошибок как во внутренней политике (например, исследователи *бюрократической политики* указывали на неуклюжие стандартные официальные процедуры, порождающие бюрократическую инертность [Allison 2005]), так и на международной арене (например, *идеалисты* обвиняют практику секретной дипломатии в развязывании Первой Мировой войны).

Согласно метафоре КЛЕЯ войны усиливают международные связи враждующих сторон, что и является основной причиной начала войны. Леви говорит о «гипотезе козла отпущения», которая лежит в основе этих *отвлекающих внимание* теорий войны [Levy 2005b]. Мотивы для того, чтобы найти «козла отпущения» противоречивы и варьируются от экономической эксплуатации, предложенной *марксистами*, до предотвращения внутренних политических конфликтов, как предлагают *социологи*, и достижения культурной гомогенности, как полагают *культурные антропологи*.

Наконец, метафора ЗАКОНА подразумевает, что война – неизбежная часть человеческого существования. Это может быть либо закон природы, согласно которому люди сражаются за природные ресурсы [Homer-Dixon 2005], такие как еда, вода, стратегические ресурсы, либо закон культуры, согласно которому культурные нормы делают ожесточённый конфликт неизбежным. Культурологи расходятся по вопросу об онтологическом статусе культурных норм. В то время как *примордиалисты* приписывают им ту же объективность, которой обладают законы природы, *конструктивисты* указывают на то, что они конструируются дискурсами, а, следовательно изменчивы [Fearon, Laitin 2005]. Тем не менее, оба подхода

сходятся в том, что эти нормы оказывают решающее влияние на индивидов и могут привести к войнам.

Несмотря на то, что количество попыток рационального познания войны велико, ещё более многочисленны попытки её художественного осмысления. Война становилась сюжетом эпосов, стихов, романов, симфоний и живописных полотен с незапамятных времён, собирая, таким образом, сокровищницу военных метафор. Обзор этих метафор не уместится и в целой книге, не говоря уже об этом кратком эссе, поэтому я сконцентрирую внимание только на одном авторе, литературное осмысление войны которым наиболее значимо.

Эрнст Юнгер – один из величайших немецких писателей XX века. Он пережил Первую Мировую войну солдатом, и размышления о своём опыте выразил в ряде известных книг. Юнгер не пытается изучать причины войны рациональными методами. Вместо этого он стремится донести до читателей то, через что ему пришлось пройти на войне. Однако его метафоры войны в целом такие же, как и описанные выше, но он развивает их в таких направлениях, которые довольно неожиданны с рационалистской точки зрения. Недавнее исследование выделило группу обобщенных метафор, на которых основано его повествование о войне [Verboven 2003]. Юнгер метафорически представляет войну как ПРИРОДУ, СПЕКТАКЛЬ, ПРОИЗВОДСТВО, ТРАНСФОРМАЦИЮ, СВЯЗЬ и ИГРУ.

Метафора ПРИРОДЫ внедряет в повествование о войне слова, обозначающие природные явления, такие как природные условия (дождь, гроза, ветер), движение воды (течёт, волны), катастрофы (землетрясения, извержение вулкана, ураган). Это метафора соответствует теоретической метафоре ЗАКОНА, в частности ЗАКОНА ПРИРОДЫ. Обе метафоры акцентируют безразличную и неизбежную природу войны.

Метафора СПЕКТАКЛЯ представляет войну как концерт или драму, которая ставится в театре. Таким образом, Юнгер говорит о мелодии войны, о танце огня, пейзаж описывается как сцена, занятая актёрами, играющими роли солдат. Авторы, композиторы и режиссёры спектакля невидимы, они *vis major* (Бог, император, судьба), они не подвластны ни одному участнику спектакля. Снова пробуждается идея неизбежности, но в этот раз она скорее культурная, чем природная. Следовательно, метафора ЗАКОНА опять применима здесь, но теперь это ЗАКОН КУЛЬТУРЫ.

Метафора ПРОИЗВОДСТВА выражается в словах, обозначающих промышленные и сельскохозяйственные процессы, а также лексических единицах, обозначающих экономический обмен. Таким образом, битвы представлены как *железодельательные заводы*, каски *растут из земли вспаханной огнём*, военные операции

стоят много крови. Эта метафора в значительной степени пересекается с описанной выше метафорой УРОЖАЯ, так как обе представляют войну как процесс, который создает добавленную стоимость.

Метафора ТРАНСФОРМАЦИИ выражена в коренных изменениях солдат, материала и пейзажа, особенно солдат, которые превращаются в отравленных животных, животных одичавших от войны. Солдаты описываются как пчёлы, влетающие в улей; как варвары, которыми управляют только инстинкты, и которые теряют над собой контроль вместе со здравым смыслом. В некоторой степени эта метафора пересекается с научной метафорой КЛЕЯ. В обеих метафорах человеческая индивидуальность теряется, растворяется в массе, которой можно манипулировать. Таким образом, формируется нечто новое – «новая раса» борцов по Юнгеру.

Метафора СВЯЗИ концептуализирует войну как обмен информацией. Таким образом, перестрелки сравниваются со спором, а солдаты посылают врагу железные приветствия. Метафора СВЯЗИ хорошо соотносится с описанной выше метафорой ИГРЫ, так как она связана с подачей сигналов, что является частью игры.

Метафора ИГРЫ связывает войну с играми и спортом, в которые играют солдаты. Солдаты либо играют в какую-либо неопределенную игру, где есть враг, либо они испытывают удачу, играя в кости или жонглируя. Существует очевидная связь между этой метафорой и научной метафорой ИГРЫ, хотя последняя в некотором смысле уже по объему, так как она относится только к стратегическому взаимодействию между рациональными субъектами деятельности.

Выводы

С незапамятных времён в западной культуре царит противоречие между разумом и чувствами, наукой и искусствами, объективным и субъективным. Даже несмотря на то, что каждый полюс этих дихотомий представил нам важные знания как о природе, так и об обществе, что запечатлено в великих произведениях искусства и научных работах, полюса этих дихотомий традиционно рассматриваются как непримиримые и несоразмерные.

Изучив недавние достижения научной теории познания, я считаю, что это не совсем так. Ни научный дискурс, ни художественный опыт не могут обойтись без метафор. Более того, как показывает наше исследование европейской интеграции и войны, одни и те же метафоры лежат в основе обоих видов мышления. Метафоры, полученные из теоретического осмысления Европы и войны, можно использовать для понимания художественного осмысления Европы и войны. И наоборот, метафоры, лежащие в основе художественных работ о войне и Европе, могут обогатить наше теоретическое понимание этих явлений.

Существуют, по крайней мере, два способа, которыми художественные метафоры могут внести вклад в рациональное познание. Во-первых, они часто показывают нам неожиданные скрытые смыслы метафор, которые до этого были установлены теоретически. Например, художественное переживание намного успешнее выражает идею хрупкости Европы, понимаемой как РАВНОВЕСИЕ, по сравнению с рационалистическим вариантом этой метафоры. Таким же образом художественное переживание войны как игры напоминает нам, что концепт игры намного шире, чем просто стратегическое взаимодействие рациональных субъектов, на которое ссылаются большинство рационалистических пользователей игровой метафоры.

Во-вторых, они вводят новые метафоры, которые ещё не вошли в рационалистическое мышление. Легко всплывающее в памяти представление ЕС как ПУСТОТЫ ещё не подвергнуто тщательному теоретическому анализу. Мы также ещё не очень много знаем о рациональном изучении представления ЕС как в первую очередь ограниченного своими границами, а также его характеристики через его отношения с «другими», такими как Турция. В тоже время художественному осмыслению войны и ее психологического и социального воздействия на людей не хватает рациональной проработанности.

Подведём итоги. Возможно, есть веские причины разграничивать рационалистские и художественные работы как два различных способа осмысления мира. Тем не менее, нет причин рассматривать их абсолютно несоразмерными, неспособными на диалог. Наоборот, примеры по европейской интеграции и по войне подтверждают, что такой диалог, обогащающий оба способа познания мира, возможен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Allison G. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // War / Diehl P. F. (ed.). Vol. III. London: Sage, 2005.
2. Aristotle. Poetics. Praha: Svoboda, Czech translation.
3. Bueno de Mesquita B. An Expected Utility Theory of International Conflict // War / Diehl P. F. (ed.). Vol. III. London: Sage, 2005.
4. Bourdieu P., Chamboredon J.-C., Passeron J.-C. The Craft of Sociology: Epistemological Preliminaries. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991.
5. Burgess M. Federalism and European Union: Political Ideas, Influences and Strategies in the European Community, 1972-1987. London: Routledge, 1989.
6. Cameron L. Operationalising "metaphor" for applied linguistic research // Researching and Applying Metaphor / Cameron L., Low G. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
7. Campbell N. R. Foundations of Science: The Philosophy of Theory and Experiment. New York: Dover Publications, 1967.

8. Checkel J. T. Social construction and integration // *Journal of European Public Policy*. 1999. Vol. 6(4), special issue.
9. Christiansen T. Reconstructing European Space: From Territorial Politics to Multilevel Governance // *Reflective Approaches to European Governance* / Joergenssen K. E. (ed.). London: MACMILLAN, 1997.
10. De Man P. The Epistemology of Metaphor // *Language and Politics* / Shapiro M. J. (ed.). Oxford: Basil Blackwell, 1978/1984.
11. Diehl P. F. (ed.). *War*, Vol. I-III. London: Sage, 2005.
12. Drulák P. Metaforické plakáty Evropy // *Mezinárodní politika*. 2006. No 4.
13. Drulák P. Metaphors Europe lives by: language and institutional change of the European Union. Working Paper, Department of Social and Political Sciences, Florence: European University Institute, EUI Working Paper SPS No. 2004/15.
14. Duhem P. *The Aim and Structure of Physical Theory*. New York: Atheneum, 1974.
15. Fearon J. D. Rationalist Explanations for War // *War* / Diehl P. F. (ed.). Vol. II. London: Sage, 2005.
16. Fearon J. D., Laitin D. D. Violence and the Social Construction of Ethnic Identity // *War* / Diehl P. F. (ed.). Vol. II. London: Sage, 2005.
17. Feyerabend P. *Against Method*. London: Verso, 1993/1975.
18. Feyerabend P. *Wissenschaft als Kunst* / Czech translation. Praha: Ježek, 2004.
19. Haas E. *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950-1957*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958.
20. Homer-Dixon T. F. On the Threshold: Environmental Changes as Causes of Acute Conflict // *War* / Diehl P. F. (ed.). Vol. III. London: Sage, 2005.
21. Jachtenfuchs M. The Governance Approach to European Integration // *Journal of Common Market Studies*. 2001. Vol. 39(2).
22. Joergenssen K. E. Introduction: Approaching European Governance. // *Reflective Approaches to European Governance*. Joergenssen, Knud Erik (ed.). London: MACMILLAN, 1997.
23. Joerges C. The Law in the Process of Constitutionalizing Europe. EUI Working Paper LAW, 2002/4, San Domenico: European University Institute, 2002.
24. Kelstrup M. Integration Theories: History, Competing Approaches and New Perspectives // *Explaining European Integration* / Wivel A. (ed.). Copenhagen: Copenhagen Political Studies Press, 1998.
25. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
26. Kuhn T. S. *Metaphor in science* // *Metaphor and Thought* / Ortony, Andrew (ed.). Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
27. Lakatos I., Musgrave A. (ed.) *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
28. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press, 1980.
29. Lakoff G., Turner M. *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Chicago University Press, 1989.
30. Lakoff G., Núñez R. *Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being*. New York: Basic Books, 2000.

31. Lambourn D. Metaphor and its Role in Social Thought // International Encyclopedia of Social & Behavioral Sciences. Elsevier Science Ltd., 2001.
32. Levy J. Misperception and the Causes of War: Theoretical Linkages and Analytical Problems // War / Diehl P. F. (ed.). Vol. III. London: Sage, 2005a.
33. Levy J. The Diversionary Theory of War: A Critique // War / Diehl P. F. (ed.). Vol. III. London: Sage, 2005b.
34. Marks G., Hooghe L., Blank K. European Integration from the 1980s: State-Centric v. Multi-level Governance // Journal of Common Market Studies. 1996. Vol. 34(3).
35. Moravcsik An. The Choice for Europe: Social Purpose & State Power from Messina to Maastricht. London: UCL Press, 1998
36. Pierson P. The Path to European Integration: A Historical-Institutionalist Analysis // European Integration and Supranational Governance / Wayne S., Sweet A. S. (eds). Oxford: Oxford University Press, 1998.
37. Popper K. The Logic of Scientific Discover. 14th Printing. London: Routledge, 1959/2002.
38. Plato. Republic / Czech translation. Praha: Svoboda,
39. Ricoeur P. La métaphore vive. Paris: Éditions du Seuil, 1975.
40. Rosamond B. Theories of European Integration. London: MACMILLAN, 2000.
41. Schmitter P. C. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories. // Governance in the European Union / Marks G. et al. (ed.). London: Sage, 1996.
42. Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory. London: Routledge, 1996.
43. Verboven H. Die Metapher als Ideologie: Eine kognitiv-semantische Analyse der Kriegsmetaphorik im Frühwerk Ernst Jüngers. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 2003.
44. Waltz K. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley, 1979.
45. Weiler J. H. H. The Constitution of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

© Петр Друлак, 2006

P.S. Оригинал статьи размещен на сайте www.cognitiv.narod.ru

Костылев Ю.С.

Екатеринбург

ОБРАЗ ПОЛЯКА В ОФИЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ТЕКСТАХ

Abstract

Kostylev Y. The Image of a Pole in Official Soviet Texts. The article deals with the image of a Pole on the basis of Soviet texts of the era of conflict of 20th c. The texts analyzed are documents of the Soviet authorities or ones authored by people of convergent views and opinions. A conclusion is drawn that the documents are formative of the attitude of Russians towards Poles, the latter being treated as enemies. The documents allude in large measure to the stereotype of a Pole, already existing in common consciousness. They also make use of images of other enemies, entrenched in texts and associated with other nations, states and political orientations.

Язык политической сферы привлекает в настоящее время внимание многих лингвистов. Наиболее часто внимание исследователей привлекает язык текстов, созданных в современный период: 90-е гг. XX в. – начало XXI в. Создаются словари [Баранов, Караулов 1991] и учебные пособия [Чудинов 2003], издаются монографии и коллективные сборники работ [Современная политическая лингвистика 2003], посвященные проблемам современной политической лингвистики. Очевиден интерес к вопросам языка политической сферы советского периода, к механизмам создания сферы идеологием этого времени [Купина 1995].

Мы видим интерес и к другой проблеме – отражению и формированию языкового стереотипа в тексте, в частности, – этническому стереотипу. Появляются работы, посвященные функционированию стереотипов представителей различных народов и в разных языках – можно обратить внимание на появление коллективных сборников [Поляки и русские 2000] и подборки в журналах широкого гуманитарного профиля [Славяноведение 2004].

Естественно, что этностереотип может функционировать и в политическом тексте – тогда он становится одним из инструментов воздействия на адресата таким образом, чтобы через него влиять на политическую обстановку в государстве. А.П. Чудинов пишет: «Целевой признак политического характера текста – это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны <...> иначе говоря, для политического текста характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти» [Чудинов 2003: 8]. В такой ситуации использование этностереотипа (традиционного или культивируемого) особенно эффективно служит формированию определенного отношения к представителю какой-либо национальности.

Существует ряд текстов, авторство и очевидная, в связи с этим, целеустановка которых позволяет определить функцию использования этностереотипа именно в таком ключе – влияние на политические воззрения адресата. Такими текстами можно считать тексты массовой печати российского (советского) государства в разные периоды его существования. Создание и использование образа врага (поляка) в этих текстах и стало предметом исследования данной работы.

Рассматривались исторические документы, относящиеся к периодам вооруженного противостояния советского государства с Польшей в три исторических периода: 1. период гражданской войны и иностранной военной интервенции в России, 2. эпоха малых

войн и локальных военных конфликтов конца 1930-х-начала 1940-х годов, 3. период военных действий конца второй мировой войны.

Выбор этих эпизодов объясняется тем, что именно во время вооруженных столкновений наиболее ярко выражается позиция военных и политических властей по отношению к представителям государства-противника. Очевидно, что до того, как некоторое государство не приобрело статус противника, и взаимодействие с ним не стало занимать достаточно большого места в общественно-политической жизни страны, наличие «официального» языкового стереотипа, вырабатываемого, фактически, искусственно, не требуется, не оправдывается прагматически и потому создание этого образа не происходит настолько целенаправленно и активно, как в период войны. Говоря о сущности стереотипа, Е. Бартминский, например, пишет: «Подчеркнем, что понятия изначально отвечают требованиям научного мышления, поддаются верификации на основании опыта, стереотипы, наоборот, включаются в опыт, являясь в достаточно большой степени независимыми от него; что в понятиях доминирует интеллектуальный компонент, в стереотипах – эмоциональный; что стереотипы устойчивы к изменениям, понятия же открыты изменениям, поддаются модификациям в соответствии с развитием знания; что, наконец, социальная функция понятия имеет познавательный характер, функция стереотипа – интегративный и охранный <...> нет смысла искать его в стилях, стремящихся к объективизму и интеллектуализации, прежде всего в научном и официально-деловом, которые предполагают собственно интеллектуальные, а не эмоциональные способы упорядочения мира» [Бартминский 2005: 160]. Очевидно, что именно в период войны восприятие представителя чужой страны становится предельно эмоциональным, и языковые формы его описания приобретают не познавательную, а собственно характеризующую функцию. Идея о ином – более эмоциональном и стереотипизированном – восприятии действительности во время войны поддерживается многими учеными – историками, психологами, социологами. Так, например, американский психолог Л. Лешан говорит о совершенно ином, чем в мирное время, – «мифическом» – типе сознания, преобладающем в условиях вооруженного противостояния и характеризующемся предельной стереотипизацией восприятия действительности: «Эти две реальности – “мифическая” и “сенсорная” отличаются по структуре, и эта разница непреклонно приводит к отличиям в мыслях и поведении. «Мифическая» реальность характеризует общество во время войны, когда все понятия делятся на белое и черное, и нет промежуточных оттенков» [Лешан 2004: 5]. Естественно, что стереотипы сознания должны проявляться в стереотипах языковых, причем языковые стереотипы военного времени будут наиболее полно соответствовать своему

определению, поэтому стереотип, выработанный в условиях вооруженного противостояния искусственным, отчасти, образом, в пропагандистских целях, и представляет как таковой, на мой взгляд, наибольшую ценность и, с другой стороны, отражает функционирование стереотипа именно в политическом тексте достаточно наглядно.

В качестве источника материала использовались тексты массовой печати, т.е. тексты, предназначенные для достаточно широкого круга читателей и отражающие установку авторов на идеологическое воздействие на адресата: публикации центральных и фронтовых газет и журналов, газет отдельных видов вооруженных сил; тексты сборников Политуправления армии; приказы по войскам; тексты агитационных плакатов, листовок и т.п.; опубликованные в печати речи руководителей государства и армии.

В отдельных случаях в качестве материала для сравнения с основной массой исследуемых текстов приводятся тексты, созданные носителями военной и государственной власти, не предназначенные для публикации и широкого распространения.

Рассматривались тексты, хронологически относящиеся не только к конкретному историческому эпизоду, по поводу которого эти тексты были созданы, но и более позднего времени, так как очевидно, что способы описания и характеристики противника оставались практически неизменными на протяжении всей советской эпохи.

Анализ средств создания образа производился путем рассмотрения того, какими специфическими чертами и характеристиками наделялись противники в описываемый исторический период.

Эти элементы отражают достаточно полно образ врага в текстах описываемого периода и позволяют увидеть, как именно представляли себе противника авторы текстов и, следовательно, какой образ формируется в совокупности текстов эпохи. Для уточнения лексического значения слов, при помощи которых создавался образ врага, использовался «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (далее ТСУ). Выбор именно этого словаря связан с тем, что создание его (1935–1940 гг.) относится как раз к периоду локальных военных конфликтов конца 1930-х гг., а от времени других рассматриваемых в работе столкновений его отделяет всего 10–15 лет, так что можно предположить, что именно этот словарь наиболее точно и полно раскрывает значение той или иной лексики, присущее ей в это время.

Образ поляка в советских официальных текстах, посвященных советско-польской войне 1919–1921 гг. Советско-польская война 1919–1921 гг. фактически стала первой войной Советской России с внешним врагом, выступавшим как самостоятельная военная и политическая сила, так как английские, амери-

канские и японские десанты, принимавшие участие в гражданской войне на Севере и Дальнем Востоке против Красной Армии, были сравнительно немногочисленными, действовали совместно с белыми войсками и, по-видимому, не оказали значительного влияния на ход войны. Войско Польское под командованием Юзефа Пилсудского представляло собой достаточно грозную силу, для борьбы с которой советское правительство вынуждено было создать новый Западный фронт и привлечь часть войск Юго-Западного фронта. Польские войска всего за 2 месяца смогли занять Западную Украину и Западную Белоруссию и в конечном счете победить в этой войне.

Естественно, что отношение к такому сильному противнику должно было очень четко отразиться в пропагандистских текстах. В качестве таких текстов для данного периода можно рассматривать плакатные лозунги, приказы, речи и статьи политических и военных деятелей, предназначенные для широкого адресата, причем хронологически относящихся не только к этому, но и более поздним временам, так как очевидно, что однажды сформированный официальный образ противника и эпохи оставался в целом неизменным на протяжении всего советского времени (Так, статьи энциклопедий и словарей, или тексты песен, например, создавались в основном уже после войны, однако они реализуют характеризующие Польшу и поляков того периода модели, созданные в период войны). Приказы по войскам, плакатные лозунги, статьи центральных газет этого периода рассчитаны на широкую аудиторию, при этом, очевидно, что главной целью построения данных текстов является создание определенного образа противника.

Материалом исследования стали выпуски «Окон РОСТА», приказы по войскам и воззвания представителей военной и административной власти, выпускавшиеся в виде плакатов, листовок и статей в периодической печати, статьи энциклопедий, а также публикации газеты «Известия» за апрель-сентябрь 1920 г. При этом, в ряде случаев приводятся контексты из оперативных приказов, донесений, сборников лекций Академии Генерального Штаба (Здесь прежде всего имеется в виду книга М. Н. Тухачевского «Поход за Вислу», представляющая собой курс его лекций по вопросам советско-польской войны 1919–1921), то есть текстов не являющихся материалом для данного исследования в силу отсутствия у них такой характеристики как массовость. Делается это с целью сравнения образа врага в текстах с разными целеустановками – пропагандистской и аналитической.

К началу войны с Польшей советская республика существовала уже два года и имела опыт пропагандистской борьбы как с внутренним противником, так и с внешним, представленным на тот момент практически всеми иностранными государствами.

Основным инструментом пропагандистского аппарата стало создание клише, относящихся к той или иной стране, политической силе или военному противнику. Одним из таких клише стала, например, модель «относительное прилагательное + топоним», созданный для характеристики государства в целом (напр., *капиталистическая Франция, боярская Румыния, позже – империалистическая Япония* и др.) Очевидно, что именно такая модель использовалась широко потому, что само имя *Советская Россия* построено по этой модели, и позиционировав себя таким образом, Россия стала так же определять и свое окружение, помещая в основу характеристики страны признак, отличающий ее от *советской* России. При этом однажды прикрепленное к названию государства прилагательное повторялось неизменно, подобно некоему постоянному эпитету, название страны крайне редко употреблялось без определения, что закрепляло восприятие страны именно и только как «капиталистической», «боярской», «империалистической» без концентрации внимания на прочих, нежелательных в пропагандистском отношении признаках. Очевидно, что использование таких шаблонов не только отражало, но и формировало определенное отношение к называемому объекту.

Примечательно, например, то, что даже в стилистически нейтральных текстах противник назывался *белополяком*, а Польша – *белой, белогвардейской и т.п.*: «Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и бело-польских армий, бурлила и клокотала» (М. Тухачевский «Поход за Вислу»); «Блокада белогвардейской Польши» («Известия» 21.07.1920.). Таким образом, устанавливалась ложная смысловая связь польских войск с белым движением, к которому армии Пилсудского не имели никакого отношения. Употребление таких определений можно объяснить желанием использовать достижения пропагандистского аппарата даже при создании стилистически нейтральных лексем, фактически терминов, так как прилагательное *белый* в политическом смысле к тому времени приобрело устойчивый негативный оттенок, а значит, имело большую эмоциональную силу, чем изобретенная по абсолютно новой модели единица, и могло более успешно использоваться при создании образа врага. Естественно, что и в агитационно-пропагандистских текстах (лозунги, плакаты, приказы по войскам) эта модель эксплуатировалась весьма активно: «Лезут, в дрожь вгоняя аж, на Коммуну паны. Да оборвут об штык об наш белые жупаны» (Окна РОСТА) (Очевидно, что прилагательное *белый* здесь имеет значение чисто политическое, так как реально польские мундиры белыми не были); «Разнузданные, совершенно небывалые насилия и зверства<...> польские белогвардейцы учинили в оккупированных областях»; «Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушающий удар» (из приказа Л. Троцкого). При этом, как мы видим, в некоторых из та-

ких текстах специфика употребления модели заключается только в несколько большей образности, объясняемой тем, что подписи «Окон РосТА», например, являлись в том числе и художественным произведением. В остальном же формы употребления данной модели аналогичны тем, что мы видим в стилистически нейтральных текстах.

Для характеристики противника в этой войне использовались также следующие наименования: *паны*, *шляхта*, *ляхи*, *вельможи*, *наемники*, *банкроты*. При этом наиболее частотной является лексема *паны* и ее производные: «Чем кончится панская затея»; «На помощь панам – последние резервы маршала Фоша» (с плаката), «Украинцев и русских клич один – да не будет пан над рабочим господин!»; «Быть под панским сапогом нам готовит лях-то» (Окна РосТА.); «...Сознание грозности положения и необходимости во что бы то ни стало отстоять Советскую Россию от польских панов» (М. Тухачевский «Поход за Вислу»); «И паны уже начали сознавать, что они затеяли опасную игру» («Известия» 23.05.1920). Несколько реже встречается собирательное наименование противника «шляхта»: «Уходящая шляхта в бессильной злобе динамитом Антанты взрывает города» (с плаката); «...Побежит от нас бегом выдрванная шляхта. Шляхта ждет конец такой.. Ладно, ждите больше!» (Окна РосТА.); «Крестьянство в первое время относилось к нам с подозрением под влиянием агитации ксендзов и шляхты» (М. Тухачевский «Поход за Вислу»). Правительство Польши получает наименование польско-шляхетское: «Польско-шляхетское правительство сосредоточило на своем фронте значительные силы» («Известия» 15.05.1920).

Лексемы *паны* и *шляхта* и производные от них являются наиболее частотными в рассматриваемых текстах. Особенностью данных лексем является то, что они двояко характеризуют противника – с национальной и классовой точек зрения. Шляхта – дворянство, классовый враг рабочего и крестьянина, как и паны – господа. (Ср. в ТСУ: Пан. 1. Польский помещик. Война с панами. Король и паны за него. (Пушкин); Шляхта. Польское мелкопоместное дворянство.) При этом и *шляхта*, и *пан* являются национально специфичными лексемами. Можно предположить, что популярность этих лексем вызвана тем, что они одновременно создают образ и классового и национального врага, тем самым как бы вдвое усиливая ненависть к противнику. Прочие лексемы встречаются гораздо реже, это можно объяснить тем, что в них актуализируется лишь один аспект образа врага – классовый (*вельможи*), либо национальный (*ляхи*): «Вельможные громилы» (с плаката); «Быть под панским сапогом нам готовит лях-то» (Окна РосТА.). В лексемах *наемники* и *банкроты* выражается, по-видимому, мысль о подчиненности польского правительства мировому (конкретно – французскому) капиталу: «... Великий поединок решит судьбу русского народа и польских наемников» (из приказа М. Тухачевского); «Необходимо отучить правительство польских банкро-

тов играть с нами в прятки» (из приказа Л. Троцкого). Эти идеи не получили развития, возможно, из-за того что рядовым бойцам на фронте геополитический аспект отношений с противником был неинтересен, поэтому развивать их не имело смысла с пропагандистской точки зрения.

При этом, хотя и достаточно редко, возникают характеристики врага, которые в более поздние периоды станут весьма активно использоваться при описании противника. Так, польское правительство может называться кликой: «*Польская правящая клика*» («Известия» 10.05.1920), его действия авантюрой: «*Польская авантюра и французская реакция*» («Известия» 13.05.1920), а польские войска бандитами, бандой и т. п.: «*Зверства польских банд*» («Известия» 13.05.1920); «*Польские банды отступили*» («Известия» 18.05.1920).

Существуют, однако, особые группы нейтральных и пропагандистских текстов, в которых к противнику не применялось каких-либо клише и особых языковых формул. К нейтральным текстам такой группы относятся оперативные приказы и донесения высшего командного состава Красной Армии, не предназначенные для прочтения в войсках, детальное исследование подобных текстов не входит в задачи данной работы, но и эти тексты дают некоторое представление о специфике создания образа врага в этот период: «*Поляки настолько широко развили свои операции в Латгалии, что это заставляет... сомневаться в том, что наступление поляков основывается лишь на искренней помощи Латвии<...>. Успех польского наступления может иметь более крупные последствия*» (из донесения С. Каменева В. И. Ленину); «*По всей линии Юго-Западного фронта поляки оказывают весьма сильное сопротивление*» (из донесения И. В. Сталина В. И. Ленину) и др. У авторов этих текстов не было никаких пропагандистских целей, документы эти были большей частью секретными и естественно, что противник в них по традиции именовался лексемой, обозначающей его национальность, либо просто *противником*, причем частотность лексем *поляк* (и производных) и *противник* приблизительно равна и ситуации, в которых они употребляются, схожи, ср. например: «*Поляки продолжают на всем фронте Правобережной Украины отступать под натиском наших войск*» и «*На всем фронте атаки противник сбит и преследуется нашими частями*» (из донесения М. Н. Тухачевского главному). Стоит, наверное, заметить, что модели, связывающие противника с белым движением, мировым капиталом или с определенным классом, по-видимому, к этому времени еще не закрепились в сознании командующих РККА настолько, чтобы использовать их в оперативных документах, так как образ противника в это время – в ходе военных действий – еще только формировался.

Более интересным отсутствием клише кажется в пропагандистских текстах массовой печати. Так, сочетание только «*польский фронт*» используется в оперативных документах и статьях энциклопедий, но так-

же и в плакатных лозунгах, например, призыв: «*На польский фронт!*» встретился в двух выпусках Окон РосТА. При этом единственный раз встретившаяся форма *белопольский фронт* использовалась в БСЭ – 40. Это можно объяснить тем, что изначально эта форма является оперативным термином и, появившись на плакатах, она просто не успела видоизмениться, но к 1940 г. система характеристик противника уже сложилась, и сочетание *белопольский фронт* появилось в энциклопедии (Это нельзя признать удачным, так как произошло смешение оперативного и политического понятий, что вызывает ощущение неуместности прилагательного *белопольский* в данном контексте). Другой случай отсутствия клише мы видим в приказе Л.Д. Троцкого по войскам Западного и Юго-Западного фронтов, касающемся негуманного отношения красноармейцев к военнопленным: «...Польская буржуазная печать <...> обвиняет наши победоносные красные войска в жестоком обращении с польскими военнопленными»; «*Польские солдаты сами являются бессильными жертвами польской и англо-французской буржуазии*»; «...Наш долг поэтому требует от нас принимать польских солдат как заблуждающихся или обманутых братьев», но здесь же: «...Польская буржуазная печать...»; «Все эти факты способны <...> затемнять сознание красноармейцев и толкать их на путь неосмысленной мести по отношению к отдельным legionерам – невольникам польской буржуазии и шляхты»; «Разнузданные, совершенно небывалые насилия и зверства... польские белогвардейцы учинили в оккупированных областях». Цель автора данного текста очевидна – представить дело так, будто красноармейцы борются не с представителями конкретной национальности, а с мировым капиталом, буржуазией, так что пленный противник перестает быть врагом, но становится жертвой мирового капитала, «обманутым братом»: ведь, столкнувшись близко с бойцами Войска Польского, красноармейцы увидели, что далеко не все поляки – представители «шляхты». Так что здесь видна некоторая непоследовательность и отступление от общих принципов характеристики поляков, вызванная, по-видимому, своеобразием повода, по которому был создан текст. Во всяком случае, примеры отсутствия клише в рассматриваемых текстах носят единичный характер.

Шаблоны-характеристики Польши как государства несколько отличаются от характеристики собственно поляков, то есть наряду с рассмотренными выше прилагательными, отражающими идею связи Польши с белым движением, и прилагательными-производными от лексем *пан* и *шляхта*, используются и некоторые другие определения. В нейтральных, чисто информационных текстах Польша как государство чаще всего определяется следующими прилагательными: *панская*, *буржуазно-шляхетская*, *буржуазно-помещичья*. Например: «*Война между панской Польшей и рабоче-крестьянской Россией*» (под таким заголовком выходила серия статей в «Известиях» на протяжении всего периода активных действий на советско-польском фронте) «*Было совершенно очевидно, что даже в случае полного разгрома панской Польши классовая война прекратиться не*

могла» (М. Тухачевский «Поход за Вислу»); «*Ланская Польша явилась нападающей стороной...*»; «...Удар наносился не только со стороны *буржуазно-шляхетской Польши*» (БСЭ-40); «Польское *буржуазно-помещичье государство*» (ЭС М. 1953). При этом в пропагандистских текстах упоминание государства Польша встречается крайне редко и используется без каких-либо определений, (напр.: «А за этой за войной быть Коммуне в Польше!» (Окна РОСТА) – встречается единственный раз). Отсутствие определений можно объяснить тем, что, говоря о Польше как о стране, автор касается вопросов геополитических – бесперспективных с точки зрения пропаганды, потому и нет нужды разрабатывать какие-либо формы характеристики объекта (Интересно, что и существительное *поляки* лишается определений и каких-либо характеристик на одном плакате: «К России с миром тянется рукой, а *полякам* винтовки подает другой», где речь идет о деятельности Лиги Наций. Автор касается темы чисто политической, потому, возможно, обходится здесь без дополнительных характеристик противника. Следует заметить, что это – единственный встретившийся бесспорно агитационный текст, в котором упоминается конкретная политическая организация). В информационных и аналитических текстах, ориентированных на несколько иную аудиторию, автор может коснуться и геополитических, и экономических тем, поэтому мы и можем видеть, как негативные характеристики перемещаются в экономическую область.

При этом следует заметить, что чисто экономическая характеристика *буржуазно-помещичья* появляется в текстах, созданных после Второй мировой войны (ЭС – 1953 г.), а определение *ланская*, обладающее большей экспрессивностью, присуща текстам периода советско-польской войны и 1940 г., что объясняется высокой степенью остроты отношений Польши и России в эти периоды и, соответственно, желанием в одном случае достичь возможно большего для информационного текста пропагандистского эффекта, а в другом – следовать соображениям политкорректности. Кроме того, использование определения *буржуазно-помещичья* позволяет не актуализировать национальную составляющую образа, которая при характеристике страны не обязательна и даже невыгодна в пропагандистском отношении, так как, если на фронтах мы сражаемся с врагами – «шляхтой» и «панам», то внутри Польши существуют и «правильные» с точки зрения советской власти поляки – члены тайных коммунистических организаций и Польревкома, которые борются не против Красной Армии, а против своего «буржуазно-помещичьего» правительства.

Таким образом, можно сказать, что в период советско-польской войны 1919–1921 гг. советским пропагандистским аппаратом были созданы образы поляка и Польши, которые просуществовали достаточно долго – практически до исчезновения Советского Союза и разрушения советской идеологической системы. Главные черты этого образа, которые встречаются в советской

массовой печати заключаются в следующем: 1) соединение в образе черт национальных и классовых с использованием лексем с негативной экспрессией типа *пан*, *шляхта* и т.п.; 2) последовательное проведение мысли о том, что советское государство ведет войну не с поляками, а с *буржуазией*, *помещиками* и т. д.; 3) приписывание полякам-врагам и их армии черт криминальной структуры, выражающееся в лексемах типа *банда*, *бандит*; 4) подчеркивание малой эффективности действий польского правительства в силу его немногочисленности и непродуманности политики, выражающееся в использовании лексем типа *клика*, *авантюра* по отношению к правительству Польши и его политике;

Несмотря на то, что этот образ был достаточно противоречив, использование его часто было логически непоследовательным и зачастую он не соответствовал реальной действительности (национальный компонент образа то актуализировался, то вовсе исчезал, правительство Пилсудского формально было социалистическим, а не *буржуазно-помещичьим*, а *белополяки* не имели никакого отношения к белому движению). Во всяком случае, явно видно, что пропаганда этого периода придерживалась, в основном, линии классовой, а не националистической, так что вряд ли можно согласиться с утверждением, например Л. Вышчельского: «Пропандистская акция, направленная на то, чтобы, по замыслу большевиков, ослабить моральное единство польского народа и его вооруженных сил, достигла апогея к началу польского наступления на Украине. С этого момента в пропаганде начали появляться элементы национализма» [Вышчельский 2004: 10]. Как видно из приведенного выше материала, главной особенностью советской пропаганды этого периода было использование элементов не национализма, а напротив – пролетарско-крестьянского интернационализма. При этом нельзя не заметить противоречия высказывания Л. Вышчельского не только текстовому материалу, но и самому себе, поскольку «элементы национализма» вряд ли могли «ослабить единство польского народа и его вооруженных сил», заявив о противостоянии всего русского народа всему польскому народу. Надо полагать, что такая линия, будь она избрана советской пропагандой, наоборот привела бы к сплочению поляков, что не явно не входило в планы советских пропагандистов.

Будучи искусственно созданным, образ поляка этого периода, тем не менее, переключался, например, в художественную литературу, которую нельзя назвать официальной или пропагандистской (ср., напр.: «...*Всякий боец <...> с геройским духом рубает подлую шляхту...*» (И. Э. Бабель «Конармия») и, надо полагать, в обыденное сознание. Модели, испытанные в период этой войны, использовались и в дальнейшем для характеристики как поляков, так и других врагов в разные периоды существования советского государства.

Образ поляка в текстах периода советского похода в Западную Белоруссию и Западную Украину. По результатам Рижского мирного договора 1921 г., официально завершившего советско-польскую войну 1919-1921 гг., к Польше отходили украинские и белорусские земли до линии р. Збруч — Ровно — Сарны — Луинец — западнее Минска — Вилейка — Диена с многочисленным украинским и белорусским населением. Учитывая вхождение в состав СССР в 1922 г. Украины и Белоруссии, естественно, что советское правительство искало возможности присвоения и земель, отторгнутых Польшей. Такая возможность появилась с началом второй мировой войны в сентябре 1939 г. Согласно советско-германскому пакту о ненападении, Советский Союз получал право на занятие территорий бывшего польского государства до так называемой линии Керзона, установленной еще в период гражданской войны. Существование новой советско-германской границы было подтверждено Договором о дружбе и границах между СССР и Германией.

Этот эпизод советской истории кажется наиболее сомнительным с точки зрения морали, так как Советский Союз здесь предстает соучастником гитлеровской агрессии, получившим немалые территории в ходе совместных советско-германских действий против Польши. Конечно же, такую позицию надо было обосновать средствами пропаганды, что и попыталась сделать советская массовая печать в этот период. Рассмотрим, какие языковые средства она использовала для этого. В качестве материала для исследования в этой главе использовались публикации газеты «Правда» за сентябрь-октябрь 1939 г и тексты некоторых плакатов.

Во время этой войны советская пропаганда частично использовала опыт гражданской войны.

Снова Польша в большинстве случаев называется *панской*: «Общеизвестно, что панская Польша лишала население Западной Украины и Западной Белоруссии жизненно необходимых продуктов» («Правда» 4.10.1939). Здесь мы снова видим характеристику Польши по социальному признаку, закрепившуюся в период советско-польской войны 1919-1921 гг. и отлично знакомую адресату. Основными наименованиями поляков, против которых ведутся боевые действия, также остаются лексемы, характеризующие врага по социально-классовому признаку *паны*, *шляхта*, *помещики* и их производные: «Никогда уже на нашей земле не будет панов и помещиков» («Правда» 19.09.1939); «Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная Армия, освободившая трудящихся Западной Белоруссии от помещиков» (с плаката). Редко возникает известная также по временам гражданской войны характеристика *ясновельможный*, описывающая врага в том же ключе: «В честь приезда такой ясновельможной

особы <...> было создано собрание местных рабочих» («Правда» 13.10.1939).

В пропагандистском плане ситуация осложнялась тем, что война велась за земли, населенные украинцами и белорусами, в отношении которых осознавалась не только классовая и социальная, но и этническая связь с народами Советского Союза, так что советской пропаганде приходилось оперировать еще и идеей национального родства, которая не всегда сочеталась с идеей пролетарского интернационализма (Неоднозначность подходов к этому вопросу отражена, например, в различных вариантах текста известной песни «Украина золотая, Белоруссия родная»: «Мы идем за советскую родину // Нашим классовым братьям помочь» и: «Мы идем за великую родину // нашим братьям и сестрам помочь», где в первом из приведенных вариантов мы видим актуализацию социальной составляющей образа союзника, а во втором – сугубо национальную, подчеркивающую кровное родство с освобождаемыми народами. Несмотря на то, что тексты песен в данной работе специально не рассматриваются, так как не имеют однозначно выраженной установки на идеологическое воздействие на адресата, эти тексты являются показательным примером того, насколько прочно в сознании и языке закрепляются образы и приемы, созданные пропагандистским аппаратом). Этим можно объяснить то, что для характеристики Польши в этот период совершенно исчезает определение *белая* по отношению к Польше, а квазиэтним белополяк уходит на периферию словоупотребления в текстах (ср.: «От него белополяки поскорей уходят прочь...» «Вася Теркин на фронте») – этот текст был создан несколько позже – в период советско-финской войны 1939-1940 гг., где употребление лексемы *белополяк* было поддержано широко используемой лексемой *белофинн*, созданной по тому же образцу. Идея отделения группы поляков по политическому признаку в качестве *белых* казалось несостоятельным с точки зрения пропаганды, так как *пан*, *шляхта* и *помещики* могут угнетать и украинских и белорусских крестьян, а существование *белополяка* должно подразумевать наличие политически оформленной оппозиции внутри Польши, что снижало бы ценность национального фактора при ведении агитационной работы. В этом факте мы уже видим некий поворот пропагандистской мысли от способов характеристики врага по классовому признаку к включению в агитационный арсенал идеи и этнического отличия от врага.

Для обозначения врага появляется лексема, не встречавшаяся в текстах периода гражданской войны, но реализующая те же идеи – сочетание национального и классового признаков – *магнат* (ср. в ТСУ: Магнат. 2. в Польше и Венгрии – крупный помещик): «*Великая правда о том большом историческом значении, какое значение имеет освобождение одиннадцати миллионов трудящихся, доселе угнетаемых польскими магнатами*» («Правда» 21.09.1939). Появление этой лексемы можно объяснить развитием созданного ранее образа врага с учетом возросшей подготовки адресата, способного теперь вос-

принять новые средства обозначения противника, используемые в уже известном ключе.

Увеличение веса национальной составляющей в создаваемом образе врага выражается и в использовании лексем *поляк*, *польский*, *Польша* без какого-либо определения, при этом, в качестве врага выступает именно «просто» *поляк*: «Спасибо товарищу Сталину за освобождение Белоруссии от польского ига» («Правда» 21.09.1939); «Ремонтируют автомобили, брошенные поляками при бегстве» («Правда» 1.10.1939).

Сохраняется уже испробованная в годы гражданской войны идея неравенства польского народа польским властям, хотя она и сдает свои позиции: «Сам польский народ не унижен ни в чем, то – панское втоптанно зная» («Правда» 18.09.1939); «Население Польши брошено его незадачливыми, несостоятельными правителями на произвол судьбы» («Правда» 19.09.1939). Во всяком случае, здесь польский народ уже не предстает участником событий, на которого направлены действия Красной Армии, как мы видим это в текстах, относящихся к другим государствам и другим историческим эпизодам, а просто не составляет единого целого со своим правительством.

Исключительно широко представлены способы характеристики сил, противостоящих СССР как несостоятельных, действующих вопреки здравому смыслу. Для развития образа в этом направлении используются лексемы *незадачливый*, *несостоятельный* (что мы видим и в приведенном выше тексте), *неразумный*: «... ввергнутые благодаря его [*польского правительства*] неразумию в пучину войны» («Правда» 19.09.1939); «Незадачливые правители панской Польши немало потрудились, чтобы скрыть от населения правду о Советском Союзе» («Правда» 2.10.1939). Все это представляет врага как слабого, неспособного эффективно противостоять Советскому Союзу.

Очень активно создается «криминальный» сегмент образа. Очень часто враг называется *бандитом*, *грабителем*, а регулярные (в том числе, сугубо офицерские) части противника – *бандами*: «Осуществить свою угрозу польским бандитам не удалось» («Правда» 3.10.1939); «Убедившись, что выхода нет, польская банда сдалась» (о стычке с польскими летчиками «Правда» 3.10.1939); «Трудящиеся Западной Украины не раз подымались против панов-грабителей» («Правда» 1.10.1939). Такие характеристики применяются для указания на агрессивность противника, преступность его действий, но вместе с тем – на его слабую организованность. Можно увидеть противоречие, вызванное использованием подобных лексем в отношении польских войск и стремлением представить врага одновременно грозным и неорганизованным – именование *поляков* с одной стороны *офицерами*, т.е. основными членами организованной регу-

лярной структуры – армии, с другой стороны, название их же бандой.

Встретилось употребление лексемы *военщина*, известной адресату по столкновениям с японцами на Хасане и у Халхин-Гола: «Польская *военщина* решила воспрепятствовать нашему продвижению и отстоять город» («Правда» 19.10.1939). Малое распространение этой лексемы во время похода 1939 г. можно объяснить тем, что изначально позиция польских военных представлялась адресату менее активной, чем в случае с Японией из-за меньшей боеспособности польских войск и меньшей угрозы, которую эта *военщина* несла Советскому Союзу в представлении адресата. Однако и здесь она реализует идею агрессивности противника, оправдывающей нападение на него.

Еще один элемент образа врага, характеризующий его в классовом аспекте – отношение к крестьянам выражен в лексеме *поработитель* (в отношении крестьян): «Народы Западной Белоруссии и Западной Украины освободились от ярма польских панов, от ненавистных *поработителей*» («Правда» 2.10.1939).

Таким образом, мы видим, что в период похода в Западную Белоруссию и Западную Украину образ врага-поляка в советской массовой печати, в общем, разрабатывается в следующих направлениях: 1) образ врага создавался не только в социальном, но и в национальном аспекте при помощи лексем *пан*, *магнат*, *шляхта* и т. п., причем именно национальный аспект становится более значимым, чем в период советско-польской войны 1919-1921 гг. путем употребления лексем *поляк*, *польский* и т. п. без каких-либо определений и социальных характеристик, 2) в связи с этим исчезала четкая однозначная связь противника с белым движением внутри России, хорошо известным адресату текста, в том числе, и по опыту предыдущей советско-польской войны, 3) подчеркивалась преступная сущность действий врага, нарушающего не только законы установленные обществом, но и законы здравого смысла и логики при помощи лексем *неразумный*, *незадачливый* и т. п. с одной стороны, и лексем *банда*, *бандит*, *грабитель* с другой.

Образ поляка в текстах периода операции «Багратион» и Висло-Одерской операции 1944 г. Вступив на территорию Польши в 1944 г., Советская Армия столкнулась не только с сопротивлением вооруженных сил стран Оси, но и с активным противодействием некоторой части польского населения. Это было вызвано несогласием некоторых поляков с новым социальным и государственным устройством, которое предполагалось установить в Польше после второй мировой войны по советскому образцу. Вдохновителем такого противодействия стало польское эмигрантское правительство, оказавшееся в Лондоне еще в начале войны по причине занятия территории Польши немецкими и советскими

войсками. Основной военной силой, боровшейся с Советской Армией с польской стороны стали различные военизированные организации – Армия Крайова, Корпус Безопасности и им подобные. В отношении этих поляков советской пропагандой и был создан новый образ врага-поляка.

Учитывая то, что в этот момент велась война с Германией – гораздо более мощным, чем поляки противником, неудивительно, что советская пропаганда обращала мало внимания на врагов-поляков. Определенную роль здесь сыграло и то, что боевые действия на польской территории велись под лозунгом освобождения братского польского народа, и концентрация внимания на эпизодах борьбы именно против поляков была, конечно же, нежелательна. Но вовсе не обратить внимания на эти эпизоды было невозможно, и центральная пресса вынуждена была освещать события, связанные и с таким противостоянием, создавая образ очередного врага.

В качестве источника материала для этой главы использовались публикации «Правды» за август-сентябрь 1944 г.

Следует отметить, что в рядах польских военизированных организаций против Советской Армии сражалось сравнительно небольшое число поляков. Естественно, что большая часть населения Польши была политически пассивной и не присоединилась ни к Армии Крайовой, ни к просоветской Первой дивизии имени Костюшко под командованием Зыгмунта Берлинга. Но к Советской Армии, освобождавшей Польшу от немецкой оккупации, население Польши, очевидно, испытывало некоторые симпатии, а потому социальная база польского эмигрантского правительства была достаточно мала. Это не могло не отразиться на образе поляка-врага, и уже знакомая нам идея немногочисленности врага и обреченность его действий на провал реализовалась в текстах этого периода достаточно широко и с большим основанием, чем прежде.

При создании образа врага использовались средства уже знакомые нам как по образу поляка более ранних периодов, так и по образам других врагов. Но сейчас на первый план выходит характеристика врага как *авантюриста*, становясь ведущим и едва ли не единственным способом создания образа: «Ялчин (Ялчин – журналист турецкой газеты «Хабер», отстаивавший политические позиции польского эмигрантского правительства) в роли адвоката польских эмигрантских авантюристов» («Правда» 19.08.1944); «Пускаясь на авантюру в Варшаве (Речь идет о восстании в Варшаве в августе 1944 г., начатом под руководством Тадеуша Бур-Коморовского и при поддержке польского эмигрантского правительства), польское эмигрантское правительство преследовало лишь политические цели» («Правда» 3.09.1944); «Полковник Тарнава (Тарнава – командир польского Корпуса Безопасности – военизированной антисоветской организации), касаясь причин, вызвавших разрыв с группой авантюристов из АК (Армии Крайовой), сообщил...» («Правда» 3.09.1944).

Польское эмигрантское правительство и поддерживающие его поляки называются также *кликой*, а его политика *антинародной*: «Корпус безопасности <...> до событий в Варшаве находился в составе так называемой Армии Крайовой, состоящей из сторонников польской эмигрантской *клик*» («Правда» 3.09.1944); «Новое доказательство провала *антинародной* политики польской эмигрантской *клик*» («Правда» 3.09.1944). Подобные характеристики реализуют уже знакомую нам идею отделения врагов от собственного народа и его малочисленность, а значит – несостоятельности его деятельности и обреченность ее на провал. При этом, широкое использование определения *реакционный* по отношению к эмигрантскому правительству характеризует его действия не только как антинародные, но и как стоящие на пути прогресса и естественного развития событий.

Снова эксплуатируется, причем очень активно идея *безумия* врага, несостоятельности его в интеллектуальном плане, при этом, идея *безумия* в текстах объединяется с идеей *провокационной* деятельности врага, вплоть до того, что авторами текстов создается устойчивое сочетание *безумцы и провокаторы* такое объединение призвано усилить пропагандистский эффект уже широко использовавшихся по отдельности лексем *безумец* и *провокатор*, синтезировав идеи интеллектуальной несостоятельности врага и его злонамеренной подстрекательской деятельности. Таким объединением более явно подчеркивается безуспешность этого подстрекательства и отсутствие реакции на него со стороны создателей и адресатов текстов, в которых враг характеризуется подобным образом: «Только авантюристы, притом до крайности неумные, могут думать, что можно добиться успеха путем восстания плохо вооруженных людей» («Правда» 19.08.1944); «Это и есть то, что "почти больше, чем *безумие*". Это – подлая *провокация*». («Правда» 3.09.1944). Именованние участников Варшавского восстания *жертвами провокации* в одном из приведенных выше текстов снова реализует мысль о различии интересов польского народа и эмигрантского правительства.

Деятельность врага может характеризоваться и как подлая, как мы видели в приведенном выше тексте от 3 сентября или в тексте: «*Подлыми маневрами стремились агенты Армии Крайовой сорвать съезд крестьянской молодежи*» («Правда» 3.09.1944). Такое обозначение также указывает на слабость врага, неспособного действовать прямо, не прибегая к *подлостям* или *провокациям*.

Интересно употребление определения *фашистский* по отношению к врагу-поляку, крайне редко встречающееся в текстах: «Это прежде всего авторы затеи, принадлежащие к *фашистской группе Соснковского*» («Правда» 3.09.1944). В самом использовании этого определения мы видим стремление использовать образ, связан-

ный в сознании адресата со всем самым опасным и страшным, а малую его частотность можно объяснить тем, что адресат, даже будучи включенным в свертхтекст советской пропаганды, понимает несостоятельность подобных характеристик по отношению к полякам.

Итак, в период боевых действий на территории Польши 1944 г. мы можем видеть новый поворот образа врага-поляка в советской массовой печати, характеризующийся следующими элементами: 1) практически исчезают как классовая, так и национальная составляющие образа врага, известные нам по периодам советско-польской войны 1919-1921 гг. и похода в Западную Белоруссию и Западную Украину 1939 г., что объясняется пафосом освобождения всей Польши независимо от социально-экономической или национальной принадлежности представителей польского народа. То есть весь польский народ освобождается Советской Армией от внешнего врага, а не какая-то его часть от собственных *панов и шляхты*, или представители другой национальности от *польского гнета*. Польский народ представляется в целом монолитным, которому противостоит небольшая группа людей, обозначаемых лексемой *клика*, которая ведет *антинародную* политику; 2) деятельность этой группы представляется *авантюрной* и *провокационной*, то есть, обреченной на неудачу и преследующей цели не собственно освобождения Польши, а склонения Советского Союза и польского народа к нежелательным для них действиям; 3) при этом ненавязчиво подчеркивается связь этой группы с общим врагом при помощи характеристик типа *фашистский*; 4) широко эксплуатируется известная ранее идея интеллектуальной несостоятельности врага, что опять же говорит об обреченности его действий на неудачу.

Таким образом, мы видим явную эволюцию образа поляка в течение периода 1919-1944 гг. При сохранении некоторых черт этого образа – таких как малочисленность врага и его противопоставленность собственному народу – мы видим и некоторые коренные изменения в образе. Так, идея интеллектуальной неполноценности врага появляется только с 1939 г. это можно объяснить тем, во-первых, что советская пропаганда в 1930-х гг. явно становится менее терпимой к противнику, более эмоциональной и может позволить себе обратить внимание на *безумие* врага, т.е. фактически допуская прямые оскорбления противника, во-вторых, именно в 1919-1921 гг. поляки представляли наибольшую опасность для советского государства, и подчеркивание его глупости могло послужить не мобилизации, а наоборот расслаблению адресата текста, так как враг предстал бы перед ним гораздо менее слабым, чем он являлся на самом деле, хотя нельзя не признать, что характеристика врага как слабого, неспособного оказать сопротивление, по-

беда над которым представляется делом ближайшего будущего является одним из основных направлений работы пропагандистского аппарата во все времена. Но наиболее значимым в эволюции образа поляка кажется все же именно изменение взгляда на него от классовых позиций к национальным, и далее утрата этим образом и классовых, и национальных черт.

© Костылев Ю.С., 2006

Лассан Э.Р.

Вильнюс (Литва)

ЛИНГВИСТИКА КАК АНГАЖИРОВАННОЕ ЗНАНИЕ

Abstract

Lassan E. Linguistics as Engaged Knowledge. The author says about revelation of "beliefs" in political discourse and different ways of penetration in "the inmost recesses of life" of politicians. One of this ways is the search of key-words, showing cognitive conditions of a person. These key-words can include rational knowledge as well as true preferences, intentions and beliefs. As an example the author analyzes how key-words "justice" and "order" function in Russian, Lithuanian and German political discourse. In the end the author notes that all said above can give linguistics the status of a science that can diagnose political condition and the condition of political mind. Linguistics can make conclusions about sincerity of the speaker, about the sources of ideas and ethical character of discourse in general. This induces the linguist to axiological activity. If the text is close to some entity of texts that express negative ideology (fascism, Stalinism), then the task of a scientist will be to speak about it and warn the society about "dangerous" facts. In this case linguistic knowledge becomes engaged: by judging some texts it plays a role in agitation the society "for" or "against" one or other politician.

***

Современная лингвистическая наука, как никогда ранее, может считаться прикладной – не только в смысле создания норм орфографии или совершенствования лексикографических описаний, но в смысле изучения того, что может способствовать главной цели наук, связанных с человеком – познанию самого человека, ибо именно объектом лингвистики – языком – пронизаны, согласно Лакану, все уровни человеческой психики, включая и его бессознательное.

Политическая лингвистика, или анализ языка политики, имеет, на мой взгляд, приоритет перед «другими» лингвистиками в области значимости своего прикладного характера, ибо показывает «всякую власть и как то, что она есть, и как то, чем она кажется [Барт 1983: 317]. Далее – дело тех, кто хочет знать о своей власти сокровенное или довольствуется ее видимой стороной.

Говоря об изображении власти «такой, какая она есть», не могу не сказать об «ангажированности» лингвистических знаний. Выражение, как известно, принадлежит П.Бурдье, призвавшему ин-

теллектуалов не оставаться в стороне от критики неолиберальной политики, ибо ситуация в мире может измениться таким образом, что обладатели «чистого» знания почувствуют вину за его неиспользованность [Бурдые 2002: <http>]. Думается, сказанное относится в полной мере к лингвистам: обнаружение истоков идей, выраженных в дискурсе, «верований», в которых пребывает говорящий, порой не отдавая себе в этом отчета, позволяет прогнозировать деятельность политических субъектов, строящуюся в соответствии со стереотипами политического поведения, уже явленного их предшественниками, находившимися в русле тех же верований. «Ангажированность знаний» есть нечто близкое стратегиям критической лингвистики с той разницей, что «критические лингвисты» действуют после того, как текст свершился, показывая заложенное в нем злоупотребление властью, результатом которого становится «вживление» стереотипов неравенства определенных групп, а «ангажированные лингвисты» стремятся предупредить о последствиях доверия тому или иному политическому лозунгу, деятелю, вербализованной установке.

Почему я сегодня говорю о выявлении «верований» как предмете и цели анализа политического дискурса? Сошлюсь на работу Ортеги-и-Гассета «Идеи и верования», где, в частности, сказано следующее. Интеллектуализм тяготеет к тому, чтобы считать самым эффективным в жизни сознательное начало. Ныне мы убеждаемся в противоположном – в том, что больше всего влияют на наше поведение скрытые основания, на которых покоится интеллектуальная деятельность, все то, чем мы располагаем и о чем именно по этой причине не думаем. Итак, вы уже догадались о серьезной ошибке тех, кто желая составить представление о жизни человека или эпохи, пытается судить о них по сумме идей данного времени, иными словами, по мыслям, не проникая глубже, в слой верований, того, чем человек располагает. Но составить перечень того, чем человек располагает – вот это действительно изначально бы ...осветить тайники жизни [Ортега-и-Гассет 1991: <http>].

Каковы же возможные пути проникновения в «тайники жизни» политических субъектов?

Разумеется, весьма плодотворным является вычленение метафор, в терминах которых субъект осмысляет мир. Видимо, концептуальные метафоры можно считать формулами, в которые укладываются «верования» субъекта текста. Вместе с тем можно говорить и о другом пути – вычленении слов-ключей, вскрывающих собственно когнитивные состояния субъектов дискурса, включающие как его рациональные знания, так и его подлинные предпочтения, намерения, «верования».

Приведу эту, касающийся употребления своеобразного слова-ключа к «тайным» установкам говорящего. Это – вводное слово

к *сожалению*, создающее образ говорящего как личности, испытывающей определенные эмоции по поводу того или иного положения дел. Так, высокий государственный деятель России (обозначим его X) в 1998 г. произнес фразу, из которой должен был следовать вывод о его приверженности ценностям демократического устройства, которое, тем не менее, не может быть применено в России: «...Механический перенос модели демократического общества с Запада в Россию, к *сожалению*, не срабатывает». Прежде чем перейти к анализу использования вводного слова *к сожалению* в политическом тексте, предложу лингво-прагматическую характеристику его употребления в речи. Этот оборот создает особый тип речевого акта – экспрессив, цель которого – «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей» [Серль 1979: 183]. В принципе искренность/истинность речевого акта с подобным оборотом может зависеть от четырех обстоятельств: 1) истинности основной части (пропозиции): *перенос западной модели демократии действительно не срабатывает*; 2) неистинность пропозиции: *перенос западной модели на самом деле срабатывает*; 3) искренность вводного оборота: *говорящий действительно сожалеет*; 4) неискренность употребления вводного оборота: *говорящий прибегает к этикетным формулам, чтобы создать видимость чувств, обеспечивающих представление о его предпочтениях. На самом деле говорящий не переживает эти чувства*. Искренность/неискренность говорящего сказывается на дальнейших моделях речевого взаимодействия со слушателем: если говорящий искренен, возможен диалог по поводу обозначенной в пропозиции ситуации; если говорящий неискренен, он постарается отказаться от ведения диалога, в ходе которого ему приходится имитировать определенные чувства. Неискреннее употребление оборота открывает возможности для определенной манипуляции сознанием слушающего, т.е. для внедрения в его сознание недостаточно адекватного образа говорящего. Однако заключить о неискренности употребления вводного оборота *к сожалению* позволяет только тщательный анализ всего контекста употребления этого вводного слова. Так, приведенная выше фраза X – «...механический перенос модели демократического общества с Запада в Россию, к *сожалению*, не срабатывает» – продолжается конкретной иллюстрацией, имеющей целью подтвердить введенный тезис: «Вот вам нынешний яркий пример – ситуация в Карачево-Черкессии. Выборы прошли по вполне демократическому «стандарту». Во Франции и Англии все бы и закончилось, а в Карачево-Черкессии не работает. Сразу пошел межэтнический конфликт» (Труд № 181). Вводный оборот *к сожалению* относится к пропозиции, утверждающей неприемлемость западной модели демократии для России, и рисует говорящего «человеком, сожалеющим» по этому поводу, т.е. искренно желающим противоположного положе-

ния дел. Вместе с тем следующая фраза-иллюстрация показывает, что тезис, содержащийся в первом предложении, требовал сужения, т.к. в тексте речь идет о всей России, а иллюстрация касается отдельного места, не являющегося к тому же прототипическим для концепта России. Таким образом, использование оборота позволяет представить говорящего лицом, вынужденно отказывающимся от желаемого им положения дел в силу объективных причин, хотя сами эти причины не формулируются – адресату предоставляется инициатива их генерализации на основе предложенной иллюстрации.

Произведенное говорящим расширение тезиса побуждает думать, что его не устраивает точная формулировка тезиса: «...не срабатывает в определенных частях России», имплицитно вывод «в других частях России срабатывает». Умолчание вывода может свидетельствовать о нежелании признать осуществимой ситуацию, сторонником которой говорящий, благодаря использованию оборота к *сожалению*, пытается себя представить. К чести говорящего следует отметить, что он говорит о «механическом переносе модели западной демократии» Однако непроговаривание специфики демократии «в отдельных частях России» склоняет адресата к мысли о неприемлемости демократической модели для России вообще. Для сравнения: «В нынешней России существует запрос на демократию, но преимущественно не в ее либеральной версии, а в другом, более соответствующем культурной специфике России варианте...» (www.yabloko.ru).

Нужно сказать, что анализ оборота к *сожалению* в речи государственных мужей был проделан автором в 2000 г. Искренность речевого акта в рассматриваемом случае позволяла думать о возможности продолжения разговора с властью о демократических преобразованиях в стране, неискренность превращала высказывание в директивное – побуждение к свертыванию демократизации избирательной системы. Автор склонялся к мысли, что, пусть неосознанно, Х стремился представить себя сторонником демократических преобразований, хотя его «верования» не совпадали с декларируемыми. Читателю судить, соответствуют ли сделанные некогда выводы о политических предпочтениях крупнейших политических деятелей России событиям последних лет.

Позволю себе обратиться к более поздней эпохе политической жизни, когда на смену именам ценностей периода, именуемого демократическим, пришли иные имена. Причем произошло это в разных странах, но лексика политических лозунгов совпала.

Одна из политических партий Литвы сравнительно недавно решила изменить название и избрать своим политическим «брендом» выражение «за порядок и справедливость». Говорю «бренд» практически без иронии – так или иначе политическая борьба есть

пропаганда, другими словами, продажа электорату своих политических установок. Предполагаемая смена наименования заставила вспомнить предвыборные лозунги «партии власти» в России – победившая «Единая Россия» регулярно обозначала в программных документах свои базовые установки именно выражением «порядок и справедливость». Естественно, к моменту прихода «Единой России» к власти слова «свобода» и «демократия», ключевые для дискурсов эпохи Б. Ельцина, были (как и стоящие за ними неясные сущности) порядком скомпрометированы в сознании общества, потрясенного обрушившимся на него огромным имущественным неравенством, бездомными детьми и ураганом преступности. Может быть, поэтому лидер «Единой России», Б. Грызлов открыто сформулировал смену общественных ориентиров в обращении, по духу напомнившим революционные воззвания: «Обращение IV съезда Политической партии «Единая Россия» к гражданам России». В документах партии власти, появившихся в период, озаглавленный соответствующим обращением, провозглашаются новые идеологические установки, формулируемые следующим образом: «Порядок и справедливость – вот стержневые основы нашей политики». Сегодня этот лозунг использует партия опального литовского экс-президента. Что ж, ценности, сформулированные как основополагающие, не могут не быть приняты сознанием, действительно истосковавшимся по чувству уверенности в завтрашнем дне, но тем, кто знает, что может имплицироваться содержанием понятий «порядок» и «справедливость», кто осведомлен о контекстах употребления таких лозунгов в определенные политические эпохи, установки, выраженные таким образом, представляются не столь привлекательными. Обратимся к анализу понятий, имена которых используются сегодня в названии одной из популярных партий Литвы, опираясь на разработку соответствующих понятий в лингвистике и философии. Принято считать, что понятие «справедливость» играет огромную роль именно для русского сознания. Тем не менее нельзя не сказать, что начиная с 70-ых годов прошлого века в среде западных либералов достаточно широко дискутируется вопрос о концепциях справедливости как базовой основе общества. В этой связи нельзя не упомянуть известную книгу американского философа Дж. Роллза «Теория справедливости», где автор, в частности, говорит: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы. <...> Конечно, далеко не все существующие общества вполне упорядочены в этом смысле, **потому что весьма спорно, что справедливо и что несправедливо** (выделено мною. – Э. Л.). Люди расходятся в

том, какие именно принципы должны определять основные условия соглашения в обществе». Дж. Роллз видит цель предпринятого труда в том, чтобы **разработать теорию справедливости** [Роллз 1995: 19]. А до тех пор, пока эта теория не выработана, как ее следует понимать?

Попытаюсь резюмировать сказанное о «справедливости» в лингвистической и культурологической литературе (естественно, основные акценты понимания «справедливости» касаются трактовки этого понятия русским сознанием). Само понятие «справедливости» связывается прежде всего с идеей распределения благ (равного распределения), и для него существенны такие смысловые блоки, как субъект распределения, объект распределения (тот, кто получает), ресурс распределения – то, по какому принципу происходит распределение ресурса. «Справедливость» предполагает, что некий «судья» принимает решение в ситуации, которая касается распределения благ или наказаний, и говорящий или другой субъект оценки характеризует это решение как адекватное ситуации, **справедливое**, выступая вторым судьей ситуации. Подобная характеристика «справедливости», если она провозглашается идеологической установкой власти, побуждает задаться вопросом: кто берет на себя роль «судьи второго порядка?» («А судьи кто?») Ведь справедливость основана не на холодном рассудке и беспристрастности, а на некотором нравственном чувстве, в силу чего одни и те же вещи, рассматриваемые с разных сторон, могут казаться одним людям справедливыми, а другим – нет. Торжество справедливости приравнивается обычно к восстановлению равенства. Не могу отказать себе в удовольствии привести фрагмент из книги детского писателя Г. Остера «Ненаглядное пособие по математике», где в пародийной задаче иллюстрируется понимание справедливости как равенства: *У старшего брата 2 конфеты, а у младшего 12 конфет. Сколько конфет должен отнять старший у младшего, чтобы справедливость восторжествовала и между братьями наступило равенство?* Поскольку понятие «справедливости» неочевидно, а справедливость «плюралистична и рациональна» (исходя из определенной точки зрения, можно легко обосновать «справедливость» тех или иных вещей и, следовательно, существует множество «справедливостей»), это слово, считают лингвисты, является типичным элементом социальной демагогии.

Разделяя сказанное другими лингвистами, мне хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если понятие «справедливости» связано с идеей существования двух судей – распределяющего блага и оценивающего «справедливость» распределения, – то согласуется ли внедрение «справедливости» как государственного принципа с установкой на сокращение бюрократ-

тического аппарата, провозглашаемое в свое время и «Единой Россией», и сегодня партией экс-президента Литвы? Говоря об использовании имени «справедливость» в политических декларациях, еще раз подчеркну:

✓ смысловая неопределенность понятия «справедливость», возможность его различных толкований делают слово инструментом социальной демагогии, с одной стороны, с другой – не позволяют ясно представить путь внедрения ценностной установки с таким именем в деятельность государственных и общественных структур – обозначим такой способ определения политической стратегии как «непрозрачный»;

✓ названные выше смысловые блоки понятия «справедливость» побуждают предположить, что внедрение «справедливости» как принципа деятельности государственного механизма усиливают иерархическую организацию этого механизма: в нем предполагается место для субъекта распределения благ («судьи» первого порядка), от которого зависит адресат распределения, и место для «судьи» второго порядка, оценивающего, насколько «справедливо» осуществлено распределение. Такая иерархическая структура «справедливости» как принципа деятельности предполагает увеличение количества «судей» из числа государственных мужей. В таком случае текст, декларирующий осуществление принципа «справедливости» и одновременное сокращение государственного аппарата, оказывается внутренне противоречивым;

✓ имя *справедливость* (*социальная справедливость*) активизирует в сознании тексты предшествующей идеологической эпохи, где соответствующая ценность выступала в ряду таких ценностей, как *равенство*, *отсутствие эксплуатации человека человеком*, *народовластие*, и где отсутствовали ценности с именами *свобода личности*, *демократия*, *терпимость* и т. п.

Перейдем к следующему понятию, используемому российскими и литовскими политическими силами в качестве ключевого для выражения своих установок. Противопоставление *порядок / хаос* относится к числу фундаментальных оппозиций в системе оценок человеческого восприятия вообще. Тем не менее, существуют культуры, где это понятие обладает особой ценностной значимостью, и культуры, где порядок как ценность не акцентируется. В этом, например, принципиальное отличие русской культуры от культуры немецкой, где концепт *Ordnung* ('порядок') является основой всей системы этических представлений. Романтик Шиллер называл *Ordnung* даром небес, благодаря которому возникла цивилизация, – трудно, однако, представить русского поэта, боготворящего порядок. Существование понятия «*Ordnung*» в немецком сознании, согласно сложившемуся в гуманитарных науках представлению, коррелирует с характерными для немецкой жизни

многочисленными предписаниями и запретами, отражающимися в широко распространенном бытовании в немецкой действительности запретительного знака «Verboten» (запрещено) Рассматривая систему ценностей, выражаемую концептом Ordnung в немецком сознании, А. Вежбицкая предлагает такой «культурный сценарий» представлений о ценностях (то есть как думают немцы, думая о порядке):

А. хорошо, если люди будут знать
какие вещи они должны делать
каких вещей они не должны делать

В. хорошо, если кто-то скажет
какие вещи люди должны делать
каких вещей они не должны делать

«Если английские культурные сценарии, – пишет А. Вежбицкая, – можно связать с ценностями «личной автономии», то рассмотренные ... сценарии могут быть связаны с ценностью «общественной дисциплины»...» [Вежбицкая 1999: 459].

Русская повседневная жизнь, как и литовская, в отличие от немецкой, не знает обилия запретительных и предписывающих знаков иного действия. Русская идея порядка связывается, как мне представляется, с представлениями о том, что каждый человек должен выполнять установленные функции и каждая вещь должна находиться на своем месте, т.е. в идее порядка реализуется представление о «нормальном» положении вещей. Для каждого социума складывается свое понятие нормы, отсюда существует «лагерный порядок», «государственный порядок», «воинский порядок», «уличный порядок» и т. п. Нормы социума могут изменяться, поэтому возможно существование «революционного порядка». В сущности, понятие «порядок» так же, как и понятие «справедливость», обладает высокой степенью смысловой неопределенности. Смыслы, реализуемые в выражениях *устанавливать порядок, наводить порядок, следить за порядком*, говорят о том, что *порядок* называет установленное некогда и кем-то или сложившееся само по себе положение вещей, которое может нарушаться. Отсюда необходимость в фигуре наблюдающего за порядком, занимающего иерархически более высокое положение по отношению к соблюдающим порядок. (В силу необходимости еще одной структуры – **наблюдающего за порядком** – тезис о поддержании порядка на государственном уровне также представляется вступающим в противоречие с тезисом о сокращении государственного аппарата.)

Смысловая неопределенность понятия «порядок» связана с тем, что мнения о «норме», «правильности» у людей, представляющих разные референтные группы, могут расходиться: «Но этот беспорядок, свежему человеку казавшийся хаосом, и был тот привычный

домашний порядок, нарушения которого больше всего страшился холостяк-бирюк» (И.С. Соколов-Микитов). В таком случае возникает вопрос: о каком смысловом содержании *порядка* идет речь в текстах русской и литовской политических партий? О немецком порядке, построенном на системе запретов, о русском порядке, основанном на мнении о норме, в отношении источника которого вопросом не задаются? (Одно время в Интернете мелькал *Русский Порядок* – выражение из текстов фашиствующего Русского Национального Единства: «Ведь в мире должен быть один Порядок, и он по праву Русским должен быть!» (из гимна РНЕ), при этом порядок этот признавался **базирующимся ... на справедливости**.) Литовский концепт *порядок* пока не описан литовскими лингвистами – при самом беглом взгляде создается впечатление, что *tvarka* ('порядок') фиксирует представление об очередности действий, аккуратности хранения личного имущества.

Говоря о слове *справедливость*, я определяла его идеологическое поле, то есть идеологические тексты, в которых оно употреблялось. Мне трудно сделать это в отношении слова *порядок*: практически отсутствует «интердискурс» – память не активизирует текстовых образований, в рамках которых *порядок* был бы ключевым словом, «узловой точкой» идеологического поля. Известен «честный и твердый революционный порядок» из текстов первых месяцев Октябрьской революции, однако представляется, что ключевым для революционной риторики 1917 года это слово все-таки не было именно в силу дуновения революционных ветров, которые должны были прежде всего снести «старый порядок».

Но вот для сочетания слов *порядок и справедливость* соответствующее идеологическое поле найти можно. Характеризуя немецкие слова *Blut* ('кровь') и *Boden* ('земля'), знаменитый немецкий лингвист Х. Вайнрих говорит: «...В немецком языке совершенно невозможно соединить оба эти слова. <...> Дело в том, что оба слова – *Blut* и *Boden* – будучи поставлены рядом, создают друг другу контекст. <...> Контекст *und Boden* детерминирует значение слова *Blut* до нацистского представления, и точно так же значение слова *Boden* детерминируется контекстом *Blut und* в нацистском смысле». Сказанное можно отнести и к соединению слов ***Ordnung und Gerechtigkeit*** ('порядок и справедливость'). Местом порядка и справедливости задумывался Гиммлером концентрационный лагерь Дахау – обучение, образование и труд должны были сделать заключенных полезными членами общества: «*Die NS-Propaganda präsentierte das Lager als <...> Ort der Ordnung und Gerechtigkeit*» ('Нацистская пропаганда представляла лагерь местом порядка и справедливости')

А вот еще более любопытный текст, касающийся непосредственно России: (приводится в переводе автора):

‘Русская история сообщает о том, что население России, уставшее от непрочности положения в стране, обратилось к иноземцам со следующими словами: «Наша страна велика и богата, но в ней нет ни порядка, ни справедливости. Придите и управляйте нами».

Порядок и справедливость – это вещи, на которые народы России сегодня все еще только смотрят. История повторяется. Строительство новой России должно осуществляться с помощью иностранных денег и сил. Но эта помощь должна происходить в форме, ни в коем случае не оскорбляющей национальные чувства. Лозунг должен остаться абсолютно неизменным: Порядок и справедливость!’

Слова принадлежат Видкуну Квислингу, лидеру норвежских фашистов, в качестве премьер-министра Норвегии активно поддерживавшему гитлеровский режим и расстрелянному по приговору норвежского суда в 1945 году.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что если слово *порядок* не активизирует определенного идеологического поля, то сочетание *порядок и справедливость* включается в интердискурс, соединяющий тексты различных периодов и различных идеологий. Включаясь в этот интердискурс, *порядок и справедливость* оказываются узловыми точками легко узнаваемого поля.

Я не склонна думать, что те, кто в Литве и России провозглашает **порядок и справедливость** ключевыми установками своей идеологии, знают предысторию этих выражений. Но здесь хочется привести слова одного из крупнейших философов XX века Мераба Мамардашвили: «Глубочайшая ценность европейской культуры заключается в ясном сознании: все, что происходит в мире, зависит от твоих личных усилий, а значит, – ты не можешь жить в мире, где неизвестными остаются источники, откуда к тебе «приходят» события» [Мамардашвили 1992: 130].

В заключение мне хотелось бы обратить внимание на еще одно «веяние времени» – цинический дискурс власти. Славой Жижек в статье «Власть и цинизм» приводит в качестве циничного следующее высказывание Жириновского о самом себе: «Если бы в России была здоровая экономика и социальные гарантии для народа, я бы потерял все» [Жижек 1998: 169]. Отсюда следует, что сохранение нездоровой экономики и социально нестабильного положения народа – в интересах лидера ЛДПР. Субъект открыто проговаривает свои интересы, неблагоприятные с точки зрения того большинства, чьи интересы он якобы защищает.

Известный журналист Дм. Быков как-то заметил, что прагматизм в современной жизни есть просто иное название цинизма. Думаю, следует развести прагматизм как стимул к совершению

поступков, дающих, по мнению субъекта, благоприятные для него результаты, и публичную вербализацию, а соответственно – легитимизацию мотивов, противоречащих сложившимся этическим нормам. Последнее и есть цинизм.

Когда поддержка США в войне против Ирака обосновывается малыми государствами необходимостью примкнуть к могущественному государству (таковы высказывания некоторых литовских политиков) или европейские лидеры в момент штурма Багдада совещаются о необходимости принять участие в послевоенном устройстве Ирака, а предприниматели высказываются о своих ожиданиях относительно послевоенных заказов по восстановлению разрушенного Ирака, то мы имеем то, что принято было называть «открытым цинизмом». «Открытым», поскольку всегда существовавшие прагматические мотивы действий принято было подавать в словесной упаковке, призванной навести морально-этический флер на несправедливое (с точки зрения того добра, которое человек «чувствует» благодаря заложенному в нем нравственному императиву) деяние: вспомним, что даже агрессия против Польши в 1939 г. была подана как «оборонительная война». Цинический дискурс осознается в качестве такого на фоне существующих (еще существующих) в сознании общества заповедей и норм. И здесь возникает два вопроса. Дискурс, который скрывал подлинные императивы действий, отличался лицемерием, но он сохранял возможность для существования определенного двоемрия: мира ценностей, идеала, задающего духовное движение, и мира практических действий, эти ценности нарушающих. Второй подлежал осуждению, поскольку противоречил первому. Первый – мир идеала, утверждаемых моральных ценностей – мог осознаваться и как мир будущего, и как мир настоящий, существующий где-то в другом месте (подобно миру, создаваемому в искусстве соцреализма). На фоне этого мира мир несправедливых деяний осознавался как преходящий. Утверждение же цинического дискурса означает вытеснение дискурса моральных ценностей (ср. осуждение в Литве недавно ушедшего из жизни литовского политика и ученого Р. Павилениса за его антиамериканские высказывания, способные, по мнению осуждающих, «нанести вред отношениям с государством-покровителем». Думаю, что сегодня Павилениса можно назвать литовским Сахаровым). Что же лучше: лицемерный дискурс (примером его можно считать высказывание В. Ландсбергиса о необходимости поддержать действия США в Ираке: «Мы никогда не поддерживали тиранию и у нас нет оснований поддерживать ее сейчас», – здесь утверждается благородный мотив поддержки США. При этом Европе и антивоенному мировому движению отводится роль сторонников тирании) или цинический? Второй вопрос: отомрет ли этический дискурс? Если человечество действительно

«чуёт» добро, если поразивший Канта нравственный императив дан нам как «образу и подобию», то, видимо, этический дискурс не отомрет. Вопрос в том, какие имена ценностей он будет внедрять в сознание своих адресатов. Так, В. Клемперер в «ЛТИ» отмечал, что в третьем рейхе весьма частым словом, называющим истинно немецкую ценность, было слово «фанатический» [Клемперер 1998: 95]. И даже противники третьего рейха произносили это слово для обозначения позитивного качества, называя уже антифашистов немцами, фанатически преданными Германии. Вопрос о том, как будут именоваться позитивные ценности, возможно, не совсем лингвистический. В конечном счете, как говорит Шалтай-Болтай, «важно, кто здесь хозяин», чтобы заставить слово значить то, что ему предназначено этим хозяином. Но указать тенденцию смены наименований лингвисты могут.

Думается, что сказанное позволяет оценить лингвистику, способную делать заключения об искренности/неискренности говорящего, об истоках предлагаемых идей, об этическом характере дискурса, как науку, ставящую диагноз состоянию общественного сознания и, в частности, состоянию политических умов, призванных устанавливать ориентиры движения государств. Все это не может не побуждать лингвиста, занятого анализом дискурса, к некоторой аксиологической деятельности: так, если текст обнаруживает близость с совокупностью текстов, выражающих осужденную человечеством идеологическую практику (фашизм, сталинизм и т.п.), то задача исследователя – сказать об этом и тем самым предупредить общество об обнаруженных им «опасных» установках субъекта анализируемого дискурса. В этом смысле лингвистическое знание является «ангажированным»: вынося оценку, оно играет роль в своеобразной «агитации» общества «за» или «против» того или иного политика. К лингвистам применимо то же, что сказал Пьер Бурдьё о социологах: «Социологи находятся в уникальном положении. От других интеллектуалов их отличает то, что они обычно (хотя и не всегда) умеют слушать и знают, как расшифровать то, что они услышали, как это записать и передать дальше. <...> Если мы хотим получать результат, мы должны сделать так, чтобы наша критика была услышана широкой общественностью» [Беседа..., 2000: [http](http://)].

Это особенно важно в период, когда подобные исследования могут противоречить «духу времени», которое исследователь анализирует и в котором живет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983.
2. Бурдьё П. За ангажированное знание. 2002. // [http:// magazines.russ.ru /nz/2002/5/burd.htm](http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.htm)

3. Беседа Пьера Бурдьё и Гюнтера Грасса. 2000. // [www.russ.ru /list_sovr/other_lang/20000811.html](http://www.russ.ru/list_sovr/other_lang/20000811.html)
4. Вайнрих Х. Лингвистика лжи. // Язык и моделирование социально-го взаимодействия. М., 1987.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. Жижек С. Власть и цинизм. // Кабинет: картина мира. – СПб., 1998.
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
8. Клемперер В. Язык третьего рейха. М., 1998.
9. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
10. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования. 1991. // [http://www.philosophy.ru /library/ortega/idea/html](http://www.philosophy.ru/library/ortega/idea/html)
11. Роллз, Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
12. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1979. Вып. 18.

© Лассан Э.Р., 2006

Моисеева Т.В.
Челябинск

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК СФЕРА-МАГНИТ ДЛЯ МЕТАФОР СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ПРИРОДА»

Abstract

Moiseeva T. Russian-American Relations as the Target Domain for the Metaphors with Source Domain «Nature». The theory of metaphorical modeling of reality is the basis of the author's approach to the study of political metaphors. The analysis of the metaphorical model Russian-American relations is the World of Nature (wildlife) showed that it is one of the most productive models in Russian press. Metaphor is one of the instruments of cognition. Therefore it helps create a model of relations between Russia and the USA in the mind of a Russian addressee. It also enables us to understand general laws and economic dialogue between the countries. Among the aims of the researcher is transformaing (not onle reflecting) the ways of thinking about the USA in Russian linguo-culture.

****

Метафора является одним из основных средств, используемых в газетных текстах для создания экспрессивного эффекта, оценочного смысла и новых образов. В данной работе политические метафоры рассматриваются на основе теории метафорического моделирования действительности – направления, развивающегося в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М.Джонсон; А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов; Е.С. Кубрякова; А.П. Чудинов и др.). Когнитивная лингвистика представляет метафору не просто как образное средство, а как ментальную операцию. «Метафоры человека – это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001].

Политическая система представляет собой основополагающую форму организации всех сфер жизни современного общества. Мир политики оказывает влияние на экономическое, социальное и

культурное пространство нации. Методика исследования метафорического моделирования позволяет структурировать знания о мире, описывать процессы метафоризации с помощью языка фреймов и слотов. «Метафора, используемая в сфере политики, – это сильное средство постижения, рубрики и оценки какого-то фрагмента политической действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к политической сфере. В соответствующих ситуациях очень важен прагматический потенциал метафоры, ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира, к переносу рациональных и эмоциональных оценок на политические феномены» [Чудинов 2003]. С помощью метафор и выстроенных посредством их метафорических моделей можно получить представление об образе определенного народа и страны, которую он населяет. Особый интерес для политической лингвистики представляет анализ политдискурса, поскольку с его помощью можно сформулировать представления о тех основаниях, на которых строится политическая коммуникация в российском и американском социуме.

Тематика публикаций, связанная с отношениями России и Америки, не выходит из поля зрения отечественных журналистов. Внимание российских СМИ начала XXI века сфокусировано на отражении главным образом политических и экономических событий, происходящих в обоих государствах. Большая часть проанализированных статей российской прессы посвящена определению места двух стран в системе международной иерархии, выборам президента США в 2004 г., войне в Ираке, новому витку взаимоотношений России и Запада на постсоветском пространстве. В дискурсе масс-медиа России все чаще встречается метафорическое представление отношений России и США при помощи метафорической модели РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это МИР ПРИРОДЫ. Метафоры, составляющие рассматриваемую модель, обладают различным прагматическим потенциалом, они помогают выявить типичные для представителя российской лингвокультуры метафорические представления об отношениях двух стран. Рассмотрим данную модель в российском политическом дискурсе.

ФРЕЙМ «АТМОСФЕРА. ВОЗДУХ»

Слот «Атмосфера». В основе рассматриваемого слота лежит представление о том, что процессы, происходящие в жизни России и Америки, подобны природным, а поэтому важно их строить, исходя из реальных условий, а не из идеалистических представлений. *Ср.: Поэтому предстоит задача – спустить сотрудничество с верхнего уровня на землю, сделать его повседневным.* (Кухня злословия. Н. Зимин. Итоги. Ру).

Конфликты и отсутствие взаимопонимания во внутренней политике США образно представлены словосочетанием *отравленная атмосфера*. Наведение порядка Джорджем Бушем номинируется лексемой *очистить*. Ср.: *Еще в ходе предвыборной кампании Буш пообещал очистить отравленную атмосферу Вашингтона с ее бесконечными разборками между республиканцами и демократами, между Белым домом и конгрессом. (Пиррова победа. Е. Русаков. Ж/Л Новое время, № 51 (2878), 2000).*

Слот «Облачность как атмосферное явление». Облако, туча, туман – наиболее частотные образы рассматриваемого слота. Опасная, проблемная ситуация, в которую попадает президент США, метафорически представляется концептом *туча* – «большое, обычно темное густое облако, несущее дождь, снег или град» (С.И. Ожегов). Номинативная метафора «тянет» за собой метафорическое употребление глаголов *надвигаться*, *сгущаться*: *туча надвигается / тучи сгущаются* – «приближается, надвигается опасность, возникает угроза». Ср.: *На президента надвигается еще одна туча – со стороны компании “Хэллибертон”, связанной с Диком Чейни. (Разбор полетов на Восток. И. Бараникас. МН, 2004); В конце сентября над российско-американскими отношениями начали сгущаться тучи. (Операция «Медведь» в пустыне. Д. Сидоров. Ж/Л Власть, №45, 2004).*

Таким образом, в сознании российского реципиента акцентируются коннотации неприятности, угрюмости, мрачности, пессимистичного настроения во взаимоотношениях России и США.

Концепт *облако* – «скопление сгустившихся водяных паров в атмосфере» (С.И. Ожегов) – в российских публикациях иллюстрирует препятствие, отсутствие ясности и взаимопонимания в отношениях между государствами. Степень отчужденности двух стран усиливается за счет метафорической фразы *превращать в тяжелые тучи*. Ср.: *Увы, конкретные дела, на которые возлагал надежды министр, в течение года последовательно превратили облака в тяжелые тучи. (Окно Европу. С. Строкань. Ж/Л Власть, №50, 2004).*

Предикат *развеять* иллюстрирует наметившееся прояснение в отношениях двух стран. Ср.: *Отвечая коллеге «статьей на статью», тогдашний министр иностранных дел Игорь Иванов призвал не драматизировать ситуацию: «Конкретные дела помогут развеять облака, которые заприметили США». (В окно Европу. С. Строкань. Ж/Л Власть, №50, 2004).*

Туман – «непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами, а также загрязненный пылью, дымом, копотью и. т.п.» (С.И. Ожегов). Метафорическое употребление концепта *туман* имеет в нижеприведенном контексте коннотацию сомнения, неясности, запутанности, которые обуяют не только самого президента США, но и всю Америку. Ср.: *В тумане, однако, не только судьба несчастного*

Дж. Буша. (Кто и как будет воспитывать Америку. С. Эдуардов. [www. utro. ru](http://www.utro.ru)).

Слот «Погода». Неустойчивость и нестабильность экономической ситуации в стране номинируется концептом *непогода*. Все же такая *экономическая “непогода”* наступила после четырех месяцев умеренных улучшений. (Дж. Купер. Ж/Л Профиль №45, 2002).

Таким образом, прагматический смысл, формируемый метафорическими выражениями фрейма «Атмосфера» в том, что пути и направления политического и экономического взаимодействия России и США пока неясны, расплывчаты, а иногда оторваны от реальной жизни. Оценочный потенциал метафорических выражений анализируемого фрейма определяется фоновыми знаниями внеязыковой действительности. Характеризуя различные процессы, происходящие в обеих странах, российский адресант формирует в ментальном пространстве отечественного реципиента прагматические смыслы, связанные с цикличностью в развитии отношений государств; атмосфера налаженных отношений сменяется периодом трудностей, однако, как бы тяжело ни было, и России, и США придется идти на уступки, чтобы иметь возможность развивать конструктивный диалог.

ФРЕЙМ «ВРЕМЕНА ГОДА»

Слот «Пейзаж». Мы находимся сейчас в ситуации, когда могущественный мировой лидер – Соединенные Штаты – постепенно, но верно втягиваются в Ираке в свой новый “Вьетнам”. Это и *окрашивает пейзаж американо-российских отношений осени 2003 года*. (Круглый стол “НГ”: Россия и США – как трудно быть партнерами. [www. ng. ru](http://www.ng.ru)).

ФРЕЙМ «ТЕМПЕРАТУРА ВОЗДУХА»

Слот «Холодный – теплый». Особенно ярко метафорический потенциал концептов в указанном слоте проявляется в противопоставлении «оттепель/потепление – охлаждение». Оно подчеркивает наличие проблемных моментов в организации отношений России и Соединенных Штатов.

Концепт *застыть* со значением и в источниковой сфере «сгуститься, отвердеть от холода, охлаждения» (С.И. Ожегов.) выражает отрицательную оценку и неоптимистичный настрой в отношениях обеих сторон. Ср.: *За последние годы объем взаимной торговли между нашими странами застыл примерно на одном уровне – 8-9 млрд. долларов. (Вашингтон держит Москву на “коротком поводке”. В. Супян. [www. ng. ru](http://www.ng.ru)).*

Вероятность конфликта между странами усиливается за счет употребления метафоры *охлаждение*. В тот момент *угроза серьезного охлаждения между Москвой и Вашингтоном была как никогда реальной*. (Операция «Медведь» в пустыне. Д. Сидоров. Ж/Л Власть, №45, 2004).

Концепты *потепление* и *оттепель* в источниковой сфере характеризуют тепловое состояние чего-либо: потепление – наступ-

ление теплой погоды, повышение температуры воздуха; оттепель – «теплая погода (зимой, ранней весной) с таянием снега, льда» (С.И. Ожегов.). В отечественных СМИ используется позитивный потенциал данных концептов: улучшение международной обстановки метафорически проиллюстрировано концептом *потепление*; вера в общее будущее обоих государств – концептом *оттепель*. *Закончилась пауза в наших с такими усилиями налаженных отношениях и сегодня можно сказать, что длившееся почти четыре месяца похолодания сменилось оттепелью, столь необходимой для мирового климата в целом. (Россия – США: оттепель после похолодания. В. Лапский. РГ, 2003).*

Таким образом, представление отношений России и США в качестве погодных изменений моделируют образ непостоянной действительности. В дискурсе российских СМИ особо значимой становится бинарная оппозиция «хороший – плохой», созданная при помощи метафорического противопоставления концептов *оттепель* – *похолодание*.

Прагматический смысл метафор этого слота можно сформулировать следующим образом: кризисные ситуации в отношениях государств возможны, даже в какой-то степени закономерны, однако официальные представители обеих стран могут влиять на них, тем самым стремиться к достижению консенсуса.

ФРЕЙМ «СВЕТ»

Слот «Луч». Образное представление двусторонних отношений с использованием метафоры света актуализирует позитивный ассоциативный смысл, положительная коннотация данной лексики при переходе из источниковой сферы в сферу – мишень сохраняется: *свет* – «лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым» (С.И. Ожегов). *Луч света* номинирует российско-американские отношения с положительной стороны, однако, вероятность прийти к соглашению по всем вопросам мала и это подчеркивается введением в контекст публикации атрибута *единственный*. Ср.: *Пожалуй, единственным лучом света, или как говорят у них, silver lining in clouds, стало 2 сентября, когда по инициативе Совбез ООН провел экстренное заседание в связи с событиями в Беслане. (В окно Европу. С. Строкань. Ж/П Власть, №50, 2004).*

ФРЕЙМ «ЗЕМЛЯ»

Слот «Земля, почва». Концепты *поле, почва, земля* представлены в метафорической модели «Современная российская действительность – это царство растений» [Чудинов, 2003]. Широко распространенный в отечественных печатных средствах массовой информации метафорический образ *поля* как области деятельности является традиционным. Вид поля (предназначенность для различных культур, обработка и возделывание) вносит колорит в концептуальную метафору «Российско-американские отно-

шения – это поле». Атрибут *целинный* со значением «непаханный, не подвергшийся обработке» актуализирует мысль о том, что в пространстве российско-американских отношениях есть еще не проработанные участки, и для начала работы в этом направлении созданы все условия. Масштаб деятельности двух государств номинируется лексемой *колоссальный*. Ср.: *Я как раз и говорю, что надстроечную, политическую составляющую наших отношений надо подкреплять экономически. Тут колоссальное целинное поле.* (Кухня злословия. Н. Зимин. Итоги. Ру).

В дискурсе российских СМИ состояние американского общества может ассоциироваться с образом *почвы* как основы каких-либо, чаще всего негативных явлений. Отечественные журналисты чаще оценивают ее качественные характеристики. *Шаткая почва* имеет негативную оценку и номинирует неустойчивость, ненадежность экономического положения. Ср.: *Если после террористических актов в Вашингтоне и Нью-Йорке экономика Америки войдет в штопор, вся мировая экономика ступит на шаткую почву.* (Америка в ожидании. www. СМИ. Ру).

ФРЕЙМ «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА»

Природная метафора, включающая концепт *среда*, со значением «окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов» (С.И. Ожегов), занимает в общественном сознании не последнее место, и номинирует события в США политического и социально-экономического характера. В нижеприведенном контексте трудности, с которыми сталкивается президент США, метафорически представляются как *неблагоприятная среда*. Ср.: *Но в зале собрались опытные политики, умеющие не обращать внимания на мелочи. Их оценки опирались на факты иного рода. И было заметно, что Буш попал в не очень благоприятную для себя среду.* (До и после Буша. В. Дымарский. РГ, 2003)

Проведенный анализ метафорической модели «РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО МИР ПРИРОДЫ» показал, что в российской прессе наблюдается активное использование природных концептов. Благодаря способности когнитивной метафоры служить орудием познания мира, в сознании российского адресата создается пространственно-структурная модель отношений с США, позволяющая понять общие закономерности и особенности политического, экономического диалога двух государств. Одной из основных целей подобного моделирования является не только отображение, но и преобразование представлений о США в ментальном пространстве представителя русской лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лучинина Е. Н. Российский и американский: опыт сопоставительного исследования этнонимов в политическом дискурсе. // Известия УрГПУ. / Лингвистика / УрГПУ. Екатеринбург, 2003. Т. 11.

2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры: Монография // УрГПУ. Екатеринбург, 2001.

3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография // УрГПУ. Екатеринбург, 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

МН – Московские новости

НГ – Независимая газета

АиФ – Аргументы и факты

РГ – Российская газета

© Моисеева Т.В., 2006

Андреас Мусолфф

Дарем, Великобритания

Перевод С.Л. Глуховой

ПОЛИТИЧЕСКАЯ «ТЕРАПИЯ» ПОСРЕДСТВОМ ГЕНОЦИДА: АНТИСЕМИТСКИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В КНИГЕ ГИТЛЕРА «МАЙН КАМПФ»

Abstract

Musolff A. Political "Therapy" by Way of Genocide: Anti-Semitic Conceptual Imagery in Hitler's *Mein Kampf*. The study applies methods of cognitive metaphor analysis to Hitler's anti-Semitic imagery in *Mein Kampf*, especially to the conceptualization of the German nation as a (human) body that had to be cured from a deadly disease, which was caused by Jewish parasites. The relevant expressions from the conceptual domains of biological and medical categories form a partly narrative, partly inferential-argumentative source "scenario", which centered on a notion of blood poisoning that was understood in three ways: a) as a supposedly real act of blood defilement, i.e. rape, b) as a part of the source scenario of illness-cure, and c) as an allegorical element of an apocalyptic narrative of a devilish conspiracy against the 'grand design of the creator'. The conceptual differences of source and target levels were thus short-circuited to form a belief-system that was no longer open to criticism. The results cast new light on central topics of Holocaust research, such as the debates between more 'intentionalist' and more 'functionalist' explanations of the origins of the Holocaust, and the question of how the Nazi metaphor system helped to gradually 'initiate' wider parts of the German populace to the implications of the illness-cure scenario as a blueprint for genocide. The Nazi anti-Semitic metaphor system thus provides a unique example of the cognitive forces that can be unleashed in the service of racist stigmatization and dehumanization.

****

1. Введение

Сейчас, когда «опровержение Холокоста» снова стало предметом политических споров, особенно в форме заявлений о том, что Гитлер ничего о нём не знал, т.к. по мнению таких ревизионистских историков, как Дэвид Ирвинг, не существует никаких письменных документов автора (Lipstadt 1995, Evans 2001, Guttenplan

2001, Ingram 2006), обращение к его образам может показаться странным.

Конечно, метафоры Гитлера известны своей жестокостью и исключительным расизмом – но в какое сравнение они идут с его реальными акциями геноцида? Кроме того, более 40 лет назад Алан Буллок утверждал, что метафоры эти были не новы, а лишь являлись «отражением антисемитских изданий и памфлетов, которые он читал в Вене до 1914 года» (Bullock 1962: 39). Однако если они были такими избитыми и клишированными, почему так много людей подверглось убеждению? Этот вопрос мы и будем исследовать, взяв за основу предположение, разработанное в когнитивной семантике о том, что метафора не является лишь фигурой для украшения речи, а, обладая способностью концептуализации, может создавать общественную «реальность».

Идеологическая функция и пропагандистский эффект образов, использовавшихся Гитлером и другими нацистами в соответствующих текстах, не раз подвергались анализу как усилиями историков и исследователей общественного дискурса (Hilberg 2003, vol.1: 2-19; Fest 1974: 292-304, Jäckel 1981: 57-59, 89-91; Burrin 1994: 27-28, 31-36; Friedländer 1998: 87-88; Kershaw 1999: 244), так и усилиями лингвистов (Burke 1939; Klemperer 1946; Sternberger, Storz and Süskind 1986; Steiner 1979: 136-151; Seidel, Seidel-Slotky 1961; Ehlich 1989; Schmitz-Berning 1998; Polenz 1999: 541-554; Rash 2005). Детально изученные примеры сложились в следующие метафорические образы: «Пробуждение» Германии под властью нацистов, предположительный «очищающий» эффект «кровавой бани» войны и болезнетворный паразитический статус евреев, славян, цыган и других народов, не принадлежащих к Арийской расе. Теоретической парадигмой таких исследований стало представление о метафоре исключительно как фигуре речи, основанной на имплицитном переносе значения, что противоречит современным представлением о метафоре как особой форме коммуникации (Lakoff, Johnson 1980; Johnson 1981; Musolff 2005).

Хотя главная цель такого подхода (критика демагогического использования образов) видится безупречной в моральном плане, мы можем задать вопрос о том, помогает ли традиционный подход выявлять наиболее существенные аспекты политической метафоры. Когнитивный подход к изучению метафоры, развивавшийся на протяжении трёх десятилетий (Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2002; Fauconnier, Turner 2002), показал, что было бы ошибкой считать метафору признаком лишь для высоко художественной речи; поскольку в действительности, метафоры важны и частотны в любом дискурсе. Методы когнитивного анализа метафоры сосредотачивают внимание не столько на стилистической, сколько на концептуальной роли метафоры. Задача такого анализа – показать,

как различные сферы знания и опыта («domains») смешиваются и понятия одной сферы трактуются в понятиях другой. Метафорический перенос из сферы-источника («source domain») в сферу-мишень («target domain») формирует наше представление о мире с точки зрения того, как мы категоризируем собственный опыт в общественной практике. В метафорической аргументации концепты сферы-источника без труда дают возможность сделать предположительный вывод о концептах сферы-мишени. Они функционируют как часть сценария (Mussolf 2004, 2005), который обеспечивает внутреннюю логичность и обоснованность переноса значения. Настоящее исследование призвано свидетельствовать о том, что метафоры, использованные Гитлером для описания своего мировоззрения, и в особенности своих антисемитских взглядов, были не просто украшением речи, а сформировали концептуальную систему, послужившую оправданием и образцом для каждого серьёзного последователя, и требующую претворения в жизнь путём осуществления программы Холокоста.

2. Тело и Болезни как сфера-источник политической идеологии

Основой для политических взглядов Гитлера было представление о немецкой нации как о (человеческом) теле, которое нужно было оградить, а в случае заболевания, вылечить от болезни. Все «евреи», которых Гитлер относил к одной суперкатегории, являлись главной причиной, а точнее, самой болезнью в форме «паразита». Избавление от этой «угрозы жизни нации» находилось в руках самого Гитлера и его партии как единственных компетентных «целителей». Модель **«политическая структура – это человеческое тело»** отнюдь не является изобретением ни Гитлера, ни нацистов, ни даже антисемитов или расистов. Она была и остаётся частью огромной системы метафор, известных как «Великая цепь бытия», основные идеи которой были отражены Западной философской традицией в «Истории идей» (Lovejoy 1936, Tillyard 1982, Kantorowicz 1997, Hale 1971; Sontag 1978). Эта группа метафор достигла расцвета в политической философии в эпоху Ренессанса, когда их использовали такие выдающиеся мыслители, как Макиавелли, Мор, Бэкон и Хоббс. Однако, как показывают современные когнитивные исследования, традиция переноса значений из области тела, жизни и здоровья на область государства и общества продолжается по сегодняшний день и находит частое применение в политическом дискурсе (Johnson 1987; Lakoff, Turner 1989; Hawkins 2001: 27-50; Musolf 2003: 327-352).

Эти выводы не претендуют на то, чтобы считать все заимствованные из этого комплекса метафоры идентичными в когнитивном плане. Если бы Гитлер использовал в своих работах лишь образы эпохи Ренессанса, он бы выставил себя на посмешище, а не при-

влёк те огромные массы последователей, которые помогли ему прийти к власти и осуществить на практике план геноцида. Для того, чтобы понять, что отличает «диагноз» национального кризиса Германии, поставленный Гитлером, от других концептуальных образов государства как «тела», нам нужно более детально рассмотреть соответствующие политико-метафорические словоупотребления. С этой целью был проведён анализ таких словоупотреблений на материале «*Майн Кампф*». Базу данных составляют около 380.000 слов немецкого текста (Hitler 1933) и его перевода на английский язык, сделанного Р. Манхаймом в 1943г. (Hitler 1992). В анализируемом материале были обнаружены 207 (93 немецких и 114 английских) выражений из следующих концептуальных областей: (1) общие биологические категории, (2) части тела и его органы, (3) физиологические функции, (4) болезни и другие патологические явления, (5) возбудители болезней, (6) лечение и выздоровление. В ходе анализа мы сосредоточим внимание на ключевых высказываниях, отражающих главную линию в построении аналогии **тело – государство** в произведении «*Майн кампф*». Первую группу цитат можно обнаружить в рассуждениях Гитлера о факторах, по его утверждению вызвавших падение Германской империи в 1918 году:

(1) *[Этот военный крах] был первым катастрофическим и очевидным для всех следствием нравственного и морального отравления [einer sittlichen und moralischen Vergiftung], ослабления инстинкта самосохранения, которые на протяжении многих лет подрывали стабильность Рейха. (Hitler 1933: 252; 1992:210).*

(2) *Этот яд [еврейской прессы] сумел беспрепятственно проникнуть в кровь нашего народа [Blutlauf unseres Volkes] и сделать своё дело, а государство не было сильно настолько, чтобы справиться с болезнью [Krankheit] (Hitler 1933: 268; 1992: 224).*

(3) *Почти удачей для граждан Германии можно считать то, что период медленного развития болезни [schleichende Erkrankung] был внезапно прерван такой ужасной катастрофой [крахом 1918 года], так как иначе падение нации было бы более медленным, но, тем не менее, неизбежным. [...] Не случайно человек скорее справился с чумой, чем с туберкулёзом. [...] Это справедливо и по отношению к заболеваниям тела нации [Erkrankungen von Volkskörpern]. Если болезнь не проявляет форму катастрофы с самого начала, человек постепенно начинает к ней привыкать и, в конце концов, хоть на это и может потребоваться какое-то время, неизбежно погибает (Hitler 1933:252-254; 1992: 211-212).*

(4) *[Еврейство] есть и будет типичным паразитом, который распространяется подобно заразной бацилле [der typische Parasit, ein Schmarotzer, der wie ein schädlicher Bazillus sich immer ausbreitet]*, как только попадает в благоприятную среду. Да и само его существование подобно существованию паразитов: где бы оно не появилось, народ-хозяин рано или поздно вымирает (Hitler 1933: 334; 1992: 277).

Из этих цитат можно выделить предварительное представление Гитлера на предмет перспективы состояния здоровья немецкой нации. Ведь ещё до первой мировой войны *тело нации* страдало от болезни, что и привело к военному краху, и было следствием заражения «*крови тела*» евреями, в особенности их прессой. Гитлер также утверждает, что он является более авторитетным в постановке «*диагноза*» болезни Германии, чем довоенные политики, которые в лучшем случае могли идентифицировать какие-то общие симптомы, игнорируя при этом скрытую причину (Hitler 1933: 360; 1992: 298). Гитлер не даёт воображению читателя возможность подумать о том, кто в действительности способен справиться с этой смертельной угрозой в борьбе за «*жизнь*» «*тела нации*». В одном из самых пресловутых заявлений он чётко указывает на себя и того, чьим командам он подчиняется:

(5) *[...] сегодня я верю, что действую в соответствии с волей Всемогущего Создателя: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божье [Indem ich mich des Juden erwehre, kämpfe ich für das Werk des Herrn]*. (Hitler 1993: 70; 1992: 60)

При первой же попытке проанализировать концептуальное поле вышеперечисленных примеров нам удалось выделить следующие модели:

(6.1) НЕМЕЦКАЯ НАЦИЯ – ЭТО ТЕЛО.

(6.2) ОСЛАБЕВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИНКТА САМОСОХРАНЕНИЯ – ЭТО ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ.

(6.3) ВОЕННЫЙ КРАХ 1918 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ – ЭТО СИМПТОМЫ БОЛЕЗНИ.

(6.4) ВЛИЯНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЫ – ЭТО ПРИЧИНА ЗАБОЛЕВАНИЯ (ОСОБЕННО ЗАРАЖЕНИЯ).

(6.5) «ЕВРЕИ» – ЭТО ВОЗБУДИТЕЛЬ ЗАРАЗЫ (т.е. МИКРОБ, ВИРУС, ПАРАЗИТ).

(6.6) «ЗАЩИТА» ПРОТИВ (=ПОЛНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ) «ЕВРЕЕВ» – ЭТО ИЗЛЕЧЕНИЕ ОТ БОЛЕЗНИ.

Все выше перечисленные модели определяют основные параллели сопоставлений, но едва ли передают их систематические значения. Такая группа понятий из сферы-источника, как ТЕЛО – БОЛЕЗНЬ – ЛЕЧЕНИЕ, использованных в идеологии Гитлера, формирует сложный и неоднозначный сценарий, мини-историю, дополненную изложением мотивов и выводами о её исходе, а

именно, историю о ТЕЛЕ, СТРАДАЮЩЕМУ ОТ БОЛЕЗНИ ВСЛЕДСТВИЕ ЗАРАЖЕНИЯ И ПОЭТОМУ НУЖДАЮЩЕМУСЯ В ЛЕЧЕНИИ. Такой сценарий содержит «структуру событий» для соответствующего построения различного рода предположений о причинах и следствиях, предполагаемых и прогнозируемых событиях. Именно перенос такого сценария целиком на «сферу-мишень» приводит читателя к ряду умозаключений, например, к ожиданию того, что ПОЯВИТСЯ ЦЕЛИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ИЗЛЕЧИТ БОЛЕЗНЬ НАЦИИ.

Выражение основных политических идей Гитлера зависят от параллелей, идущих от сценария сферы-источника.

Единственным политически релевантным «фактом», на который мог ссылаться Гитлер, стал кризис Германии после первой мировой войны. Метафорическая интерпретация этого кризиса как «болезни» позволяет говорить о двух логически обоснованных видах сценария с обязательным наличием эквивалентных событий в сфере-источнике:

(7) Сценарий-источник

А) ЗАРАЖЕНИЕ ЧУЖЕРОДНЫМ ТЕЛОМ (БАЦИЛЛОЙ, ВИРУСОМ, ПАРАЗИТОМ) – ЭТО ПРИЧИНА

В) ТЯЖЁЛОЙ СМЕРТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ (ЗАРАЖЕНИЕ КРОВИ) ТЕЛА НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ, КОТОРУЮ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ

С) ЛЕЧЕНИЕМ ЭТОЙ БОЛЕЗНИ, СОСТОЯЩЕМ В УНИЧТОЖЕНИИ ЕЁ ВОЗБУДИТЕЛЯ.

(8) Сценарий-цель I

А') ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА ЕВРЕЙСКОЙ ПРЕССЫ И ВЛИЯНИЕ ЕВРЕЕВ НА НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В ЦЕЛОМ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ

В') НАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ГЕРМАНИИ, КАК УЖЕ ПОКАЗАЛ ВОЕННЫЙ КРИЗИС 1918 ГОДА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ УПАДОК, КОТОРЫЙ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ ЛИШЬ

С') ПУТЁМ УСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЕВРЕЕВ НА ГЕРМАНИЮ.

Для того чтобы прийти к таким антисемитским выводам, Гитлер тщательно подбирает слова в соответствии со сценарием-источником. Рассматривая причину заболевания, он пользуется термином «заражение». В итоге такое сопоставление вызывает мысль о том, что влияние «евреев» на немецкую нацию подобно влиянию исключительно опасного возбудителя заболевания. И это в свою очередь подталкивает к соответствующему выводу, а именно, необходимости радикального избавления от заразы. Гитлер вновь прибегает к уловкам, основанным на простом человеческом опыте: болезнь требует вмешательства квалифицированного врача. Таким образом, ему удаётся прийти к желаемому выводу о том, что он является единственным компетентным «целителем»

«пациента» в лице Германии. Этот вывод влечёт за собой ряд дальнейших предположений: болезнь, в общем-то, излечима, и цель оправдывает средства, применяемые врачом, само лечение является вполне целесообразным и т.д. На уровне сферы-источника (медицинской практики) такие умозаключения казались относительно простыми, тогда как применимо к сфере-мишени (обществу) они были, по меньшей мере, проблематичными и требовали серьёзного подкрепления в ходе обсуждения. Однако, являясь частями общего сценария-модели, такие предположения являются приукрашенными, но, тем не менее, принимаются как должное. Предположительный интерес человека к теме болезней и ожидание излечения ещё на уровне сферы-источника исключительно важны для идей Гитлера в силу своей яркой очевидности. И только если БОЛЕЗНЬ принимается в качестве подходящего сценария для описания политической системы Германии после первой мировой войны, то и необходимость найти подходящее лечение, и сам врачеватель принимаются как само собой разумеющееся. Без всего этого модель НЕМЕЦКАЯ НАЦИЯ – ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО стала бы лишь упражнением в перераспределении категорий. Но она, напротив, выступает в качестве самостоятельного прогноза: нация *становится* пациентом, которому срочно требуется *лечение*; есть и *целитель*, и точный *диагноз*: правильность курса лечения не подлежит сомнению.

Такой сценарий можно применить при описании идеологии Гитлера как особой «избавительной», «истребляющей» и «устраняющей» формы антисемитизма, о чём свидетельствуют и недавние исследования (Browning 1992a, b, 2004; Goldhagen 1996; Freiländer 1998; Bauer 2001). Все эти характеристики относятся к прогнозируемому исходу Холокоста как «*терапии*», которую Гитлер планировал предпринять в отношении «*тела немецкой нации*». Определение антисемитизма Гитлера как истребляющего и устраняющего больше применимо к описанию конечного результата геноцида, тогда как понятие «избавительный» характерно для представления Гитлером самого себя и своих действий. Оно также организует концепты в систему, находящую своё продолжение в следующем разделе. Идея «избавления» относится не просто к национальному кризису, а к всемирной катастрофе, для преодоления которой и требуется предполагаемый спаситель.

3. Сады мироздания и замысел Творца

Попытку Гитлера дать божественное подкрепление своему сценарию «**болезнь – лечение**» можно обнаружить в 11 главе «*Майн кампф*» «Народ и раса» (*"Volk und Rasse"*). Если бы неподготовленный и неискушённый в вопросах истории читатель открыл книгу наугад и начал читать с этой главы, он бы мог подумать, что читает супер-упрощённую теорию о передаче наследственности в

«царстве зверей», нежели политический трактат. Начало главы представлено звучащим очень по-детски предисловием к процессу разномыслия среди животных:

(9) *На свете есть много истин, казалось бы, совершенно очевидных, но в силу их очевидности обычные люди их не замечают или, во всяком случае, не понимают их значения. [...] все без исключения люди каждый день так или иначе общаются с природой; они воображают, что им понятно почти всё, а между тем за редким исключением люди совершенно слепо проходят мимо одного из важнейших явлений: строгого разделения на виды всего живущего на земле. [...] Синичка идёт к синичке, зяблик к зяблику, аист к аисту [...]* (Hitler 1933: 311; 1992: 258).

Даже самый неискущённый читатель будет удивлён заявлению Гитлера о том, что эти «истины» не известны «простым людям», которые «бродят по садам мироздания» – ведь, в конце концов, его наблюдения за жизнью синичек и зябликов далеко не оригинальны. Быстро расправившись с некоторыми заведомо ложными исключениями из вселенского закона, Гитлер возвращается к своей основной идее. Людям, принадлежащим к разным расам, как и животным разных видов, недопустимо скрещиваться между собой:

(10) *Исторический опыт [...] с ужасающей ясностью доказывает, что каждое смешение крови арийцев с кровью более низко стоящих народов неизбежно приводило к тому, что арийцы теряли свою роль носителей культуры. [...] Таким образом, можно сказать, что результатом каждого скрещивания рас является:*

а) снижение уровня более высокой расы;

б) физический и умственный регресс и, как следствие, медленный, но верный процесс вырождения.

*Содействовать такому развитию не означает ничего иного, как грешить против воли всевышнего Творца [**Sünde treiben wider den Willen des ewigen Schöpfers**].* (Hitler 1933: 313; 1992: 260).

Помимо отвращения к такому сочетанию расизма и богохульства любой более или менее разборчивый читатель стал бы противиться двум совершенно нелогичным выводам в этом месте: сопоставление «видов» и «рас», и отождествление эволюции культурной с эволюцией биологической. Даже такой историк, как Е. Еккель (Jäckel 1981: 89), пытавшийся со всей серьёзностью отнестись к мировоззрению Гитлера, находил совершенно гнусным смешивание биологии и культуры в гитлеровском понятии «человеческие расы»: «Нет никакой нужды в комментировании нелепости таких доводов». Однако логическая или научная нелепость его теории рас не имеет ни малейшего отношения к её убедительности в плане предположений посредством метафор/аналогий. Объ-

единяя, хоть и абсурдно с научной точки зрения, представление наций в виде тел в единый концепт человеческих рас, Гитлеру удалось усилить внутренние связи в основном сценарии и соотнести его с псевдо-религиозной теорией. Может показаться, что такая интерпретация недооценивает «натуралистическое», научное обращение к понятию «нация», что привело к множеству толкований нацистского антисемитизма как формы социального дарвинизма. (Zmarzlik 1963; Kelly 1981; Weindling 1989, Evans 1997, Weikart 2004). Тем не менее, даже если Гитлер считал своё видение «рас» совместимым с генетикой и евгеникой того времени, оно имело слишечем мало общего с идеей эволюционного развития, чтобы его можно было поставить в один ряд с научным дарвинизмом.

В действительности Гитлер не имел понятия об эволюции в дарвиновском представлении, а именно, что «виды изменились и всё еще изменяются, сохраняя и накапливая благоприятные признаки» (Darwin 1901: 646). Напротив, он имел целью прямо противоположное такой теории, т.е. подчёркивание контраста между человеческими расами и представление их как можно более разобщёнными. С его точки зрения расы – коллективные существа с постоянными характеристиками и предназначением согласно замыслу Творца фундаментально отличны друг от друга (как задумал Гитлер). Автор *«Майн кампф»* не оставил сомнения о том, что он думал по поводу родства *«Человека»* и животных:

11) *Народное государство [...] должно начать с того, что поднимет брак с уровня непрерывного осквернения расы и придаст ему должный статус, призванный являть людей в образе Господа [Ebenbilder des Herrn], а не помесь человека и обезьяны [Mißgeburten zwischen Mensch und Affe]* (Hitler 1933: 444-445; 1992: 365-366).

В противовес научному дарвинизму, даже малейшая возможность посредничества, связи или скрещивания среди представителей разных рас являлась отвратительной в глазах Гитлера. Он считал результаты такого смешения уродством и нарушением замысла «всевышнего Творца». Этого нельзя было допустить, а если в результате какой-то жуткой случайности они всё-таки появлялись на свет, то долгом каждого, *«кто радел за дело Божье»* (см. выше примеры 5 и 10), было их уничтожение. Заявляя, что он лишь выполняет свой долг, Гитлер не подвергает сомнению то, что он осознал принципы, лежащие в основе всего мироздания. И в этой серьёзной ситуации национальная БОЛЕЗНЬ Германии – это лишь пробный случай перед вселенским кризисом мироздания. В этой грандиозной версии основного сценария БОЛЕЗНЬ/ЗДОРОВЬЕ все группы существ пытаются сохранить и улучшить здоровье, чтобы усилить и укрепить видовую ценность своей расы в иерархии тво-

рения. И наоборот, «любое смешение высокой расы с более низкой» ведёт к деградации и ставит под вопрос работу Творца над созданием «человека более высокой породы» (Hitler 1933: 313; 1992: 60). Гитлер даже допускал возможность полного провала этого важного замысла:

12) *Если еврейство при помощи своей марксистской веры одержит победу над другими нациями мира, то корона его станет погребальным венком всего человечества, и эта планета, как и тысячи лет назад, уйдёт в небытие, лишившись людей* (Hitler 1933: 70; 1992: 60).

Учитывая такое апокалипсическое видение прошлого и будущего человечества, необходимо выделить третью группу в базовом сценарии **болезни и лечения**, где и концентрируются основные антисемитские концептуальные метафоры, использованные Гитлером в «*Майн кампф*». Эта группа может быть представлена в виде сценарных моделей второго порядка на уровне «сферы-мишени».

(13) Сценарий-мишень II

А") ДЬЯВОЛЬСКИЕ СИЛЫ СПОБОБСТВУЮТ НЕЕСТЕСТВЕННОМУ СМЕШЕНИЮ РАС, И ПОТОМУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

В") УГРОЗУ ПЛАНУ ТВОРЦА ПО НЕПРЕРЫВНОМУ УЛУЧШЕНИИ РАС, И ПРЕДОТВРАТИТЬ ЭТО МОЖЕТ ЛИШЬ

С") ВМЕШАТЕЛЬСТВО СПАСИТЕЛЯ, КОТОРЫЙ ОБЕСПЕЧИТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ЗАМЫСЛА.

По сравнению с моделями первого порядка, опиравшихся на жизненный опыт человека, сценарий-мишень II является совершенной экстраполяцией даже в системе концептов Гитлера, сравнивая национальный кризис со всемирной драмой. Тем не менее, логичность его метафор при сопоставлении, даже в таком фантастическом сценарии, кажется правдоподобной. Здесь сохраняется само основание для переноса значения, заимствованное из сценария-цели I, а именно, БОЛЕЗНЬ, за которой следуют ДИАГНОЗ и ЛЕЧЕНИЕ. На этом же уровне такое основание исчезает, если можно так выразиться, но соответствующая структура событий, хоть уже и не такая очевидная, всё-таки прослеживается как когнитивное эхо. И, вдобавок ко всему, мировое значение системы антисемитских метафор Гитлера можно считать упрощённой версией библейского сценария о падении и избавлении Человека.

Именно в этом значении Фрайлендер (1998) говорит об особом «избавительном» аспекте антисемитизма гитлеровских нацистов, а Берш (2002) приписывает им создание «политической религии». Берш (2002: 277-318, 380) сравнивает библейские аллюзии в «*Майн кампф*» с мистическими аспектами работ других ведущих идеологов национал-социализма, таких, как Дитрих Эккарт, Йозеф Гёббельс и Альфред Розенберг, и приходит к выводу о том, что

«религиозная составляющая» идеологии была одной из самых ведущих. Однако спорным является то, насколько неконкретное и единичное использование Гитлером религиозных понятий (*дьявольское еврейство, богоподобные или божественные арийцы, создание Божье, Божья воля, провидение, вера, грех*) способно было создать логическую структуру, чтобы считаться «политической религией». На наш взгляд, более содержательные и систематические отсылки к мистическим текстам Библии в работах Розенберга и Эккарта дают им больше шансов претендовать на ведущую роль в раскрытии религиозного содержания нацизма, чем Гитлеру. С другой стороны, библейские отголоски в самой идее дьявольской угрозы человечеству и всему мирозданию с их последующим избавлением в «*Майн кампф*» Гитлера несомненно смогли предоставить хорошо знакомую большинству читателей последовательность событий, дав возможность провести параллели с другими группами его концептуальных метафор. Эти параллели заметно усилили логичность и доказательность всего сценария.

4. Заражение «расы» и крови

Апокалипсический прогноз Гитлера по поводу состояния здоровья нации и мироздания всё ещё не было строгой гарантией полного истребления расовой группы – потенциального ВОЗБУДИТЕЛЯ БОЛЕЗНИ. Для лечения даже самого страшного заболевания совсем необязательно полное истребление возбудителя. Это справедливо и по отношению к «болезням общества», которые воспринимаются как серьёзная, но преодолимая угроза «телу политики». По утверждению Зонтага (1978: 71-76), метафора БОЛЕЗНИ в политических теориях эпохи Ренессанса и Просвещения имела своей главной целью «воодушевление правителей на поиски более рациональной политики», когда совсем не предполагалось уничтожение социальных групп, наций и рас. Полной противоположностью оказались радикальные выводы Гитлера из наилучшего возможного сценария, а его апокалипсический взгляд на угрозу всем видам ещё больше поднял ставки.

Живущие представители еврейства были в представлении Гитлера никем иным, как марионетками в мировом заговоре. Гитлер твёрдо верил в существование «Договора старейшин Сиона», но даже он допускал, что евреи могут не знать о той роли, которую им предстоит сыграть (Hitler 1933: 337; 1992, 279). Для того, чтобы вплести эту теорию заговора в свой антисемитский сценарий **болезни и лечения**, ему требовалось объединить абстрактный образ «еврейства» с конкретным актом заражения крови как причины заболевания, который уже был употреблён им ранее (пример 3) по отношению к еврейской прессе. Понятие ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ находилось в центре целой серии вариантов для придания большей жестокости в «*Майн кампф*». В основной версии Гитлер уподобля-

ет евреев гадюке или ядовитой змее (*Viper, Kreuzotter, Schlange*), при укусе которой яд (*Gift, Völkergift, Vergiftung*) сразу проникает в кровеносную систему (*Blut, Blutzufuhr, Blutlauf*) жертвы (Hitler 1933: 268, 316, 346, 751; 1992: 223-224, 262, 268-269, 288, 605). В другом случае «еврейство» представлено как кровопийца, пиявка (*Blutegel, Blutsauger*) или простой паразит (*Parasit, Schmarotzer*) (Hitler 1933: 334, 335, 339, 340; 1992: 276, 281, 282, 296). Хоукинс (2001: 46), особым образом относившийся к стилю письма Гитлера и других последователей нацизма, ярко осветил контраст между высокой ценностью существа, «которое имеет самое прямое отношение к жизни внутри тела» и крайне негативной оценкой паразитов, «поддерживающих жизнь в своём теле, высасывая питательные вещества из другого». По третьей версии «еврейство» является бациллоносителем (*Bazillus, Bazillenträger, Erreger*) (Hitler 1933: 62, 334, 360; 1992: 54, 277, 298). Эта версия связана с ещё одним вспомогательным сценарием разложения (*Fäulnis*), где евреи предстают в роли разлагающего фактора (*Ferment der Zersetzung*), такого, как грибок (*Spaltpilz*) или личинка (*Made*), либо способного к размножению возбудителя: паразита, особенно крысы (*Ungeziefer, Ratten*), разносчиков губительных продуктов гниения (*Leichengift*) (Hitler 1933: 135, 186, 331, 361; 1992: 113, 155, 274, 298). В свою очередь сценарий инфекции схож с общим понятием эпидемии (*Seuche*), которым Гитлер также пользуется для описания влияния «еврейства» на общество, а именно, эпидемии чумы (*Pest*) и сифилиса (*Versyphilitisierung*) (Hitler 1933: 63, 269, 272; 1992: 54, 224, 226).

Кровь для Гитлера также была носителем расовой наследственности, и рождение общих детей у представителей разных рас, являясь кровосмешением, вело к «физическому и умственному регрессу и, как следствие, медленному, но верному процессу вырождения» (см. пример 10). Вера в то, что мы бы назвали «генетическими» различиями крови была основана не на особом суеверии Гитлера, а соответствовала околону научной теории о том, что в крови ребёнка присутствует кровь, и, следовательно, наследственность обоих родителей. Такое отношение к крови как «четырёх видам темперамента» сохранялась до XIX века, и только в XX веке получила общее признание «генетика» Менделя (Jones 2000: 38-40). Таким образом, Гитлер мог рассчитывать на то, что его аудитория поймёт равенство «КРОВЬ = НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ» как традиционное при обсуждении наследственности. Неизбежным выводом станет следующий: «ЗАРАЖЁННАЯ КРОВЬ» значит «ЗАРАЖЁННАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ». В рамках этой конструкции потенциальный «ВОЗБУДИТЕЛЬ ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ» «ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛА» Германии, как и арийской расы и мира в целом, т.е. «еврейство», представляло опасность не только для од-

ного поколения, а для будущего всего человечества. Такая продолжительная угроза делала ещё более необходимым истребление всех потенциальных возбудителей: *бацилл, ядовитых змей, пиявок и паразитов*.

Однако в приводимой Гитлером аргументации всё ещё не хватало ключевого элемента в сценарии ЛЕЧЕНИЕ ПУТЁМ УНИЧТОЖЕНИЯ для того, чтобы сделать нужный исход моральной необходимостью. Согласно терминологии сферы-источника, т.е. биологического или медицинского дискурса, *бациллы, ядовитые змеи, пиявки и паразиты* обычно и называются «возбудителями заболевания». Но, будучи организмами, лишёнными сознания и сознательности, они не могут нести ответственности за результат своей «деятельности». Гитлер же, напротив, приписывает еврею полное осознание того, что оно является возбудителем заражения крови, и, прежде всего, объясняет, каким образом им удавалось совершать такое губительное расовое кровосмешение. Всё это раскрывает нам очень низкую, порнографическую сторону антисемитизма, которая едва заметна за консервативными фразами текста, но очевидна в речи и монологах правящих кругов (Picker 1965; Jochmann 1992). В одном из отрывков, пользующихся особо дурной славой, Гитлер открыто говорит о том, как он представляет себе такое «кровосмешение»:

(14) *Черноволосый молодой еврейчик вертится около нашей невинной, ничего не подозревающей девушки, и на его наглom лице можно прочесть сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить её кровь [das er mit seinem Blute schändet] и тем самым лишить наш народ ещё одной здоровой немецкой матери. Всеми средствами стараются евреи разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим народам (Hitler 1933: 357; 1992: 295).*

Неотъемлемым компонентом этой ужасной версии «заражения крови» является резкий контраст между заведомо порочной агрессией «черноволосого молодого еврейчика» и абсолютной невинностью «ничего не подозревающей девушки». Таким образом, осквернение «евреями» не-еврейской крови признаётся односторонним актом преступной агрессии. Это подразумевает оправдание любых оборонных действий, как со стороны самой жертвы, так и спасителя, пришедшего ей на помощь. Понятие ОСКВЕРНЕНИЕ КРОВИ обычно имело значение нежелательных половых связей (Grimm 1984: 190-191), и само по себе не являлось очень ярким образом, но становилось очень ярким и важным в метафорической версии Гитлера о ЗАРАЖЕНИИ КРОВИ КАК ПРИЧИНЕ БОЛЕЗНИ

НАЦИИ. Здесь Гитлер проводил параллель между сферой-мишенью и биологической сферой-источником, добавляя моральный аспект сексуального нападения еврея на жертву другой расы. Такой поворот событий является спорным, и поэтому нам придётся внести последнюю поправку к сценарной схеме, а именно ввести промежуточное звено между исходными сценариями сферы-источника и сферы-мишени:

(15) Промежуточный сценарий II

А''') НАМЕРЕНИЕ ЕВРЕЕВ УНИЧТОЖИТЬ ОСНОВНЫЕ УСТОИ ДЕВСТВЕННОЙ РАСЫ/НАРОДА ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ

В''') ОСКВЕРНЕНИЯ РАСЫ НЕВИННОЙ ДЕВУШКИ ЕВРЕЙСКИМ НАСИЛЬНИКОМ, ЧТО МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ/НАКАЗАТЬ ПУТЁМ

С''') НАКАЗАНИЯ ЕВРЕЯ-ПРЕСТУПНИКА.

По версии этого сценария «евреи» рассматриваются в качестве особо чуждого человечеству вида *паразитов*, которые в отличие от природных паразитов, действующих бессознательно, намеренно пытаются проникнуть в наибольшее количество рас. И так как заражение имеет для жертвы летальный исход, потенциальная «победа» поработителей станет и своего рода возмездием им: вместе с побеждённым народом умрёт и паразит: *конец свободе поработенных евреями народов становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир* (Hitler 1933: 358; 1992: 296). Следовательно, евреи становятся всеобщими супер-паразитами, у которых есть не только желание уничтожить другие расы, но которые будут это делать, так сказать, из принципа, даже рискуя уничтожить самих себя. Гитлеру удалось провести параллели между биологическим понятием ЗАРАЖЕНИЯ КРОВИ и нравственным ОСКВЕРНЕНИЕМ КРОВИ, успешно стирая тем самым границы между биологическим и общественным. Это позволило ему без особых усилий и доказательств миновать различные уровни в сфере-источнике и сфере-мишени. Называя «еврейство» заразным паразитом, Гитлер, по его мнению, даёт «достоверную» характеристику, соответствующую сценариям и сферы-источника, и сферы-мишени.

5. Заключение

Проследив развитие образов в биолого-медицинском сценарии «*Майн кампф*», мы пришли к тому, что можно назвать «гранитным фундаментом» идеологии Гитлера (Hitler 1933: 22; 1992: 21). Он включает в себя рассмотрение предполагаемого расового конфликта между арийцами/немцами и евреями, где последние предприняли смертельную атаку по осквернению крови тела немецкой нации. Как уже говорилось выше, термин ЗАРАЖЕНИЕ КРОВИ может пониматься в трёх значениях: а) как реальный акт оскверне-

ния крови через изнасилование евреем девушки арийской расы, б) как составная часть исходного сценария заболевания и излечения и в) как элемент аллегории в псевдо-религиозном, апокалипсическом повествовании о дьявольском заговоре против великого замысла Творца. Такой анализ позволяет объяснить метафорическую природу антисемитизма Гитлера, признавая его предвестником Холокоста. Метафорические модели, по которым строится образ евреев как *паразитов*, становятся внешне очень логичными и связными не по причине своего особенного содержания, а через введение их в состав сценариев, обладающих чёткой внутренней логикой. Таким образом, стал возможным перенос выводов, полученных на уровне сферы-источника о био-гигиенических мерах (необходимости полного уничтожения причины болезни) на уровень сферы-мишени («борьбы против так называемого влияния еврейства»). Более того, Гитлер не остановился на моделях, находящимся лишь в одном измерении, а дополнил их идеей о всеобщем «избавлении путём уничтожения» и промежуточным звеном между сферой-источником и сферой-мишенью. Это позволило ему утверждать о достоверности преступления против чистоты крови и о справедливости системы соответствующих метафор для описания роли «еврейства» в немецком обществе и мире в целом.

Внутри такой всеобъемлющей «суперсистемы» антисемитских метафор концептуальные границы между сферой-источником и сферой-мишенью были стёрты: для Гитлера любой контакт между немцами и евреями становился *кровосмешением*, и, следовательно, *осквернением и заражением крови*. Разница концептов сферы-источника и сферы мишени сложилась в систему убеждений, не поддающихся критике, так как теперь разные уровни сценария стали взаимодополняющими. Спорные утверждения на уровне сферы-мишени были «доказаны» на уровне сферы-источника и наоборот. Посторонние факты, не соответствующие нужному сценарию, могли быть просто отвергнуты как обманный трюк, использованный «великим мастером лжи», т.е. «еврейством» (Hitler 1933: 253, 335; 1992: 277, 289). И если бы при разработке идеологических метафор в духе Макиавелли нужно было добиться наибольшего эффекта, то гитлеровская многослойная модель национального и всеобщего избавления путём геноцида, несомненно, могла бы считаться наиболее эффективной концептуальной системой всех времён.

Эти результаты проливают новый свет на основные аспекты исследования Холокоста, которые обсуждались и историками и широкой публикой. Разрешить спор о происхождении Холокоста, преднамеренном или больше функциональном (Browning 1992a: 86-121; Cesarani 1996: 1-29; Kershaw 2000: 93-133), помогает проникновение в саму суть системы концептуальных метафор Гитлера

в «*Майн кампф*»: казалось бы, для него полная ликвидация была наиболее благоприятным «решением» того, что он называл «еврейским вопросом», причём уже в 1924-25гг, когда и была написана книга. И если это действительно так, то реализация его планов по осуществлению геноцида была скорее вопросом времени и обстоятельств, а не просто одним возможным вариантом из нескольких. Это требует от нас серьёзно относиться к метафорам «*Майн кампф*», понимать их в широком смысле и не пренебрегать ими. Хорошо известно, что многие современники Гитлера 20-30-х годов не понимали их истинного значения. Однако веским контраргументом может считаться тот факт, что далеко не все поняли прогнозы, изложенные Гитлером в «*Майн кампф*», такие, как, например, военная экспансия и завоевание «жизненного пространства» на Востоке, однако это не помешало им претвориться в жизнь.

Предметом дальнейшего эмпирического исследования может стать определение того, каким образом и на какой ступени на «пути к геноциду» (Browning 1992) разные слои немецкого общества поняли значение сценария *лечения немецкой нации путём уничтожения евреев – разносчиков заразы*. По данным исследования общественного мнения 1930 года (Bankier 1992, Friedländer 1998, Evans 2005), толкование значений на различных сценарных уровнях системы метафор Гитлера не было одинаковым. Вполне понятно, что они с самого начала полностью «понимались» ближайшим кругом соратников Гитлера, тогда как обществу, включая и будущих жертв, они представлялись сумасбродной вульгарной болтовнёй. Даже те сторонники нацистского движения, которые не гнушались ни крепкого словца, ни акций агрессии против еврейского народа, могли и не видеть в сценарии БОЛЕЗНЬ – ЛЕЧЕНИЕ намёков на геноцид. Для них, как и многих других (офицеров и солдат вермахта), посвящённых в истинный смысл идеи до и во время вторжения в Советский Союз (Bartov 1991; Burrin 1994: 115-131, 140-147; Browning 1996: 137-174), полное осознание всех значений такого сценария оказалось бы фактически новой информацией, но вместе с тем к ним пришло бы и понимание концептуальной модели, которая на их глазах «становилась реальностью».

Предметом дальнейшего исследования будет и определение того, каким образом немцы получали сведения о реальных зверствах (Bankier 1992, 1994) и как относились к ним в нацистской Германии, стране, где на евреев было поставлено клеймо «заразного паразита», причём пропаганда такого образа глубоко проникла в разные слои общества. И снова результаты могут колебаться между толкованием сценария как более или менее сознательного способа несколько приукрасить неприятные воспоминания свидетелей событий, и тем, что он цинично использовался в качестве прикрытия самими преступниками и их сообщниками. Последнее

бы хорошо сочеталось с маскировочным жаргоном, характерным для периода Холокоста, в который входили «сосредоточение», «депортация», «особое обращение», «окончательное решение» и т.д. Тогда первый вариант прочтения сценария мог бы стать выгодным для преступных руководителей Холокоста, встав на защиту их действий по уничтожению (истреблению евреев *как возбудителя заражения крови*). В этом случае различные слои общества могли бы и сами догадаться, что за *лечение* требуется в случае такого заражения.

Проведённый анализ ключевых антисемитских метафор в «*Майн кампф*» показал, что когнитивное воссоздание метафорических образов в такой расистской идеологии, как нацизм, не может ограничиваться отношением к метафорически употреблённым выражениям лишь как приёму украшения речи. Более того, требуется их тщательное изучение на предмет понятийных связей, заключённых в сценариях, в особенности того, как они способствуют переключению сознания между уровнями буквального и переносного значений, когда речь идёт об оправдании геноцида и его подготовке. Система антисемитских метафор, разработанная нацистами, представляет собой яркий пример того, как сила когнитивных смыслов может сослужить службу расистскому клеймению и последующему геноциду, являясь «предупреждением истории» о том, насколько высока цена непонимания и недооценки метафор в политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bankier D. The Germans and the Final Solution: Public Opinion under Nazism. Oxford: Blackwell, 1992.

Bankier D. German public awareness of the Final Solution // The Final Solution. Origins and Implementation / D. Cesarani (ed.). London/New York: Routledge, 1996.

Bärsch C.-E. Die politische Religion des Nationalsozialismus. Munich: Fink, 2002.

Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. New York: Oxford: Oxford University Press, 1991.

Bartov O. (ed.). The Holocaust: Origins, Implementation, Aftermath. – London/New York: Routledge, 2000.

Bauer Y. Rethinking the Holocaust. New Haven/London: Yale University Press, 2001.

Browning C. The Path to Genocide. Essays on Launching the Final Solution. Cambridge: Cambridge University Press, 1992a.

Browning C. Ordinary Men. Reserve Battalion 101 and the Final Solution in Poland. New York: HarperCollins, 1992b.

Browning C. Hitler and the Euphoria of Victory // The Final Solution. Origins and Implementation / Ed. D. Cesarani. – London/New York: Routledge, 1996.

Browning C. The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942 / With contributions by Jürgen Matthäus. London: Heinemann, 2004.

Bullock A. Hitler. A Study in Tyranny. – Harmondsworth: Penguin, 1962.

Burke K. The Rhetoric of Hitler's 'Battle' // The Southern Review. 1939. Vol. 5.

Burrin P. Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust. London: Edward Arnold, 1994.

Cesarani D. (ed.). The Final Solution. Origins and Implementation. London/New York: Routledge, 1996.

Darwin C. The Origin of Species by Natural Selection or the Preservation of favoured Races in the Struggle for Life. London: John Murray, 1901.

Ehlich K. (ed.). Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989.

Evans R.J. In Search of German Social Darwinism // Rereading German History, 1800-1996. From Unification to Reunification. London: Routledge, 1997.

Evans R.J. Lying about the Holocaust. History, holocaust and the David Irving trial. New York: Basic Books, 2001.

Evans R. J. The Third Reich in Power, 1933-1939. London: Penguin, 2005.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.

Fest J.C. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt am Main/Berlin/Vienna: Propyläen, 1974.

Friedländer S. Nazi Germany and the Jews. – Vol. 1: The Years of Persecution, 1933-1939. London: Phoenix, 1998.

Goldhagen D. J. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Knopf, 1996.

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Vol. II (originally 1860). Munich, 1984.

Guttenplan D.D. The Holocaust on Trial. History, Justice and the David Irving libel case. London: Granta Books, 2001.

Hale D.G. The Body Politic. A Political Metaphor in Renaissance English Literature. The Hague/Paris: Mouton, 1971.

Hawkins B. Ideology, Metaphor and Iconographic Reference // Language and Ideology. Volume II: Descriptive Cognitive Approaches / Eds. R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Hilberg R. The Destruction of the European Jews. 3 vols. – New Haven/London: Yale University Press, 2003.

Hitler A. *Mein Kampf* / 23rd ed. Munich: Franz Eher Nachfolger, 1933.

Hitler A. *Mein Kampf* / Translated by Ralph Manheim. With an introduction by D.C. Watt. London: Pimlico, 1992.

Ingram R. Irving: the author of his own downfall. The Independent, 25 February 2006.

Jäckel E. Hitler's Worldview: A Blueprint for Power / Translated from the German by Herbert Arnold. Foreword by Franklin L. Ford. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

Jochmann W. (ed.). Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier 1941-1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. Munich: Heyne, 1982.

Johnson M. (ed.). *Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1981.

Johnson M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Jones S. *The Language of the Genes. Biology, History and the Evolutionary Future*. London: Flamingo, 2000.

Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*. With a new Preface by William Chester Jordan. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.

Kelly A. *The Descent of Darwin. The Popularisation of Darwinism in Germany 1860-1914*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981.

Kershaw I. *Hitler, 1889-1936: Hubris*. London: Penguin, 1999.

Kershaw I. *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*. London: Arnold, 2000.

Klemperer V. *LTI. Notizbuch eines Philologen*. Leipzig: Philipp Reclam jr., 1946.

Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Lakoff G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G., Turner, M. *More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago/London: University of Chicago Press, 1989.

Lipstadt D. *Denying the Holocaust: The Growing Assault on Truth and Memory*. London: Penguin, 1995.

Lovejoy A. O. *The Great Chain of Being. A Study of the History of an Idea*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936.

Musolff A. Ideological functions of metaphor: The conceptual metaphors of health and illness in public discourse // *Cognitive Models in Language and Thought: Ideologies, Metaphors and Meaning* / Dirven, R., Frank, R., Pütz, M. (eds.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. – Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2004.

Musolff A. Ignis fatui or apt similitudes? – the apparent denunciation of metaphor by Thomas Hobbes // *Hobbes Studies* XVIII. – 2005.

Musolff A. *Metaphor Scenarios in Public Discourse* // *Metaphor and Symbol*. 2006. Vol. 21(1).

Picker H. (ed.). *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942*. Berlin/Vienna: Ullstein, 1997.

Polenz P. *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart III: 19. und 20. Jahrhundert*. Berlin/New York: W. de Gruyter, 1999.

Rash F. A Database of Metaphors in Adolf Hitler's *Mein Kampf*. http://www.qmul.ac.uk/%7Emlw032/Metaphors_Mein_Kampf.pdf. 2005.

Schmitz-Berning C. *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin/New York: de Gruyter, 1998.

Seidel E., Seidel-Slotky I. *Sprachwandel im Dritten Reich*. Halle: VEB, 1961.

Sontag S. *Illness as Metaphor*. New York: Vintage Books, 1978.

Steiner G. *The Hollow Miracle // Language and Silence. Essays 1958-1966*. –Harmondsworth: Penguin, 1979.

Sternberger D., Storz G., Süskind W.E. Aus dem Wörterbuch des Unmenschlichen. – Frankfurt am Main/Berlin: Ullstein, 1986.

Tillyard E.M.W. The Elizabethan World Picture. Harmondsworth: Penguin, 1982.

Weikart R. From Darwin to Hitler. Evolutionary Ethics, Eugenics, and Racism in Germany. Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2004.

Weindling P. Health, Race and German Politics Between National Unification and Nazism, 1870-1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Zmarzlik H.-G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland als geschichtliches Problem // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1963. Bd. 11.

© Мусолфф А., 2006

Нахимова Е.А.

Екатеринбург

ИНТЕРТЕКСТЕМЫ, ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА, ТЕКСТОВЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ И МЕТАФОРЫ

Abstract

Nakhimova E. Intertextems, Precedent Names, Text Reminiscences, and Metaphors. The correlation between the terms «intertextemes», «precedent names», «text reminiscences» and «historical and political metaphors», often referring to similar phenomena in contemporary political linguistics, is considered in the article. Each of the terms is used in its own scientific paradigm and reflects the viewpoint specific to its paradigm. The article also deals with the interrelation of the regarded terms within the text, their functions in the discourse, author's intentions and pragmatic effect on the addressee.

****

В современной политической коммуникации широко распространено использование для обозначения политического лидера имени совсем иного человека. Этот прием (он используется и в других дискурсивных сферах) позволяет провести те или иные параллели между деятельностью, взглядами, личными качествами соответствующих субъектов политической деятельности, выразить отношение автора к этим людям и оказать эмоциональное воздействие на адресата текста. Названный прием используется, в частности, в следующих контекстах, объединенных тем, что они тематически связаны с деятельностью президента Российской Федерации В.В.Путина: все авторы, размышляя о личности и деятельности руководителя страны, стремятся найти те или иные исторические аналоги. *Путину нечего сказать народу. В 2008 году мы уже не досчитаемся нашего «Петра Великого», и путинские «прилипалы» станут панически метаться в поисках новой акулы* (А.Проханов). *Вы, Владимир Владимирович, будете тем Рихардом Зорге, работая в российском правительстве, который будет стоять на стороне национальной экономики и на стороне трудового народа России* (Н.Харитонов). *На Руси все Владимиры были мудрыми – от Владимира Красное Солнышко и Владимира Мономаха до Владимира Ильича. А вы мудры на генетическом уровне, потому что вы Владимир Владимирович* (М.Бобаков, руководитель новосибирских профсоюзов). *Наполеон*

чики нам больше не нужны (Г.Зюганов). Сегодня либералы шьют для В.Путина чуть ли не кафтан **Ивана Грозного** (В.Костиков). _Нынешняя избирательная кампания представляет собой фундаментальный поворот путинского Кремля к формированию нового типа госустройства, в рамках которого все вопросы будут решаться силами фактически однопартийной системы, возглавляемой лично **«русским Пиночетом»** (А.Нагорный, журналист).

Известны различные термины, которые используются для обозначения подобного словоупотребления, – интертекстема (интертекст, проявление интертекстуальности), прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентный культурный знак), историческая (политическая) метафора, текстовая реминисценция и др. Каждый из этих терминов используется в своей научной парадигме и отражает характерную для этой парадигмы систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых имен, на взаимоотношения этих имен с текстом и их функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие на адресата. Единственное, в чем соглашаются представители различных научных направлений, так это в том рассматриваемое явление имеет давние традиции, но особенно характерно для современной политической коммуникации.

Термин *интертекстуальность* был введен в современный научный оборот французским исследователем Юлией Кристевой под влиянием идей М.М.Бахтина [Ильин 1999]. По определению И.В.Арнольд «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 376]. В соответствии с современными научными представлениями к числу проявлений интертекстуальности (которые чрезвычайно разнообразны) относится и рассматриваемая разновидность использования имени собственного. Манифестация интертекстуальности в конкретных текстовых условиях получила наименование интертекстема [Мокиенко 2003, Сидоренко 1999, Фатеева 2000 и др.].

В соответствии с представлениями другого научного направления – теории прецедентности – рассматриваемые случаи использования имен собственных могут быть определены как прецедентные антропонимы. К этой группе относятся широко известные имена собственные, которые могут использоваться в качестве особых культурных знаков, своего рода символов определенных качеств [Гудков и др. 1997; Гудков 2003; Красных 2002; Кузьмина 2004; Кушнерук 2006; Нахимова 2004, 2005; Слышкин 2000, 2004; Смулаковская 2004 и др.]. Теория прецедентности впервые была сформулирована Ю.Н.Карауловым, который предложил настолько

широкое определение прецедентного текста, что в число этих феноменов оказалось возможным включить самые разнообразные единицы – лексемы, фразеологизмы, предложения, в том числе невербальные феномены [Караулов 1987]. К числу прецедентных Ю.Н. Караулов относит «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации.

Рассматриваемый прием активно используется и в зарубежной политической коммуникации: так и в исследовании И. ван дер Валка ярко показано, что в правой прессе Франции лидер Народного Фронта А. Ле Пен метафорически обозначается как современная Жанна д'Арк и французский Уинстон Черчилль, что позволяет представить Ле Пена как потенциального спасителя Франции, защитника национальных интересов, смело выступающего против иноземных захватчиков. Соответственно в рамках рассматриваемой парадигмы иммигранты метафорически представляются как своего рода продолжатели худших традиций немецких и английских оккупантов, пытавшихся в свое время лишить Францию ее независимости и национальной самобытности [Valk 2001].

Следует, однако, подчеркнуть, что в зарубежной лингвистике подобное использование имен собственных обычно рассматривается как особая разновидность метафоры, особенно в публикациях, созданных в рамках когнитивной теории Дж. Лакоффа. Так, Й. Цинкен [Zinken 2002] выделяет в отдельную группу *интертекстуальные метафоры* (intertextual metaphors), показывая их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. При таком подходе подчеркивается, что метафоры со сферами-источниками «Литература», «История», «Кино» – это важный культурный конститuent национальной концептосферы, который необходимо принимать во внимание при анализе политической метафорики, чтобы избежать редукционизма. Подобным образом Й.Цинкен рассматривает образное представление процесса пополнения Европейского экономического сообщества как «путь в Освенцим» [Zinken 2002], а Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах, связанных с новой войной в Персидском заливе. Как показывает Р. Пэрис [Paris 2001], в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса по проблемам войны в Югославии преобладали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». В частности, мюнхенское соглашение обычно рассматривалось как пример нежелания остановить агрессора. Ссылаясь на уроки Вьетнама, противники военного вмешательства говорили об

ужасах войны, тогда как сторонники войны считали, что американская армия воевала в Юго-Восточной Азии «со связанными за спиной руками».

Отметим, что подобное понимание рассматриваемого феномена присутствует и в концепции А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, которые наряду с метафорами «Сталин – это старший брат» и «мавзолей Ленина – это айсберг» включили в свой словарь и такие примеры, как «Сталин – это Берлиоз» и «мавзолей Ленина – это Мекка» [1991: 110]. Действительно, руководствуясь гипотезой о когнитивном механизме метафоризации, целесообразно рассматривать подобные метафоры в качестве реализаций одного и того же когнитивного процесса – концептуальной операции над двумя фреймами, проекции знаний из одной понятийной области в другую или их смешивания (в соответствии с теорией блендинга).

В исследованиях А.Е.Супруна и его последователей используется термин *текстовые реминисценции* [Супрун 1995, Алексеенко 2003 и др.], который определяется как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17]. К текстовым реминисценциям автор относит цитаты, «крылатые слова», имена персонажей, имена автора произведений, прямые и косвенные напоминания о разного рода ситуациях и их участниках. В соответствии с этой концепцией рассматриваются не только семантически преобразованные имена, но и такие имена, которые используются в традиционном значении. Ср.: *У русских с грузинами есть Дanelия и Товстоногов, Габриадзе и Кикабидзе, да мало ли всего... Над рекой стоит гора, под горой течет Кура... Такую личную неприязнь испытываю к потерпевшему, что кушать не могу... Расцветай под солнцем Грузия моя... Цвет небесный, синий цвет полюбил я с малых лет...* (Елена Ямпольская. Вина Грузии. Куда поставить ударение в первом слове).

В данном контексте имена *Дanelия, Товстоногов, Габриадзе и Кикабидзе* использованы в традиционном (денотативном) значении, то есть обозначают конкретных людей, но вместе с тем эти имена выступают как своего рода символы культурных связей России и Грузии. Подобными символами стали и представленные в рассматриваемом тексте прецедентные высказывания.

В выступлении Геннадия Зюганова имена его политических оппонентов выступают в обобщенном смысле, указывая на всех, кто, по мнению коммунистического лидера, «ненавидит все русское, советское, народное»: *И как бы ни пытались гайдари, чубайсы и прочие, кто ненавидит все, русское, советское, народное, загнать нас в ширпотребовский, интеллектуально-бытовой концлагерь, у них ничего не выйдет* (Г.Зюганов).

В следующем контексте фамилия *Сталин* сначала выступает в своем денотативном варианте, а затем – как обобщенное обозначение всякого диктатора: *Сталиным* была создана грандиозная пирамида власти. А она стала опасна для истинных хозяев мира. А вдруг *Сталин* (или *Иванов*, *Рабинович*, *Нечипорэнко*, *Оглы-Балды* – любой, кто на вершине) не с той ноги встанет (И.Глазунов).

Важно подчеркнуть, что прецедентные имена, выступающие в неденотативном значении как обозначения конкретных людей, безусловно, относятся к числу *текстовых реминисценций*, но не являются историческими метафорами. К числу прецедентных феноменов обычно относят далеко не все единицы, которые А.Е.Супрун рассматривает среди текстовых реминисценций, однако в теории прецедентности рассматриваются не только метафоры. Таким образом, между названными концепциями обнаруживаются существенные различия не только в методологии, но и в объеме рассматриваемого материала.

Представленный обзор показывает как разнообразие подходов к рассматриваемому явлению, так и объединяющие его признаки. К числу последних относится прежде всего интертекстуальность, использование соответствующей единицы как своего рода культурного знака, связывающего различные тексты, эпохи, пространства.

Другие признаки интертекстемы (прецедентного феномена, текстовой реминисценции, исторической или литературной метафоры) могут быть охарактеризованы только в рамках столь характерной для когнитивистики категории «семейного сходства». Эти признаки воспринимаются как типичные, характерные, распространенные, но они не относятся к числу обязательных, несомненных.

Говоря о факультативных признаках рассматриваемых феноменов, следует прежде всего назвать осознание рассматриваемых элементов как «чужеродных», «вторичных». Вместо того, чтобы описать свойства соответствующего политического лидера, автор обращается к аналогиям, ищет нечто похожее в других исторических обстоятельствах, в литературных произведениях и т.п.

Еще одно свойство рассматриваемых феноменов – это их семантическая трансформация, использование в не совсем обычном смысле (степень трансформации может быть различной). Очевидно, что «новый Сталин» – это уже не Иосиф Виссарионович Сталин, а совсем иной политический лидер, который лишь отчасти похож на прототип. С другой стороны, «эпоха Сталина» – это и время правления Иосифа Виссарионовича, и эпоха тоталитаризма, которую позднее назвали «периодом культа личности».

Следует также учитывать, что абсолютное большинство прецедентных феноменов не относится к числу глобально прецедент-

ных (хорошо известных во всем мире) или хотя бы национально прецедентных (хорошо известных большинству носителей соответствующего национального языка). Использование прецедентного феномена как основы для метафоры предполагает презумпцию определенного уровня эрудиции у адресата. Ср.: *Для Саакашвили, который сначала требовал прибытия Абашидзе в Тбилиси, а пришлось все же самому прибыть в Батуми, это была своего рода «дорога в Каноссу»* (Э. Капба / Советская Россия).

Прецедентные имена изначально связаны с единичными и уникальными феноменами, которые известны далеко не всем представителям лингво-культурного сообщества. «Дорога в Каноссу», несомненно, относится к числу культурных знаков, известных лишь немногим интеллектуалам. Как ярко демонстрирует С.Л.Кушнерук, функционирование и восприятие прецедентных имен тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа [Кушнерук 2006]. Например, как отмечает В. Кеннеди [Kennedy 2000] во время войны в Косово сербские СМИ апеллировали к *битве на Косовом поле*, но эта метафора мало о чем говорила жителям США и Западной Европы.

Вместе с тем специальный анализ показывает, что создатели современных российских политических текстов стремятся использовать прецедентные имена собственным таким образом, чтобы читатели достаточно легко обнаружили специфичность контекстуальной семантики соответствующего имени. К числу этих знаков относятся следующие.

1. Использование эпитетов *новый, другой, современный*. Этот прием используется в тех случаях, когда для обозначения нашего современника используется имя политического лидера, ставшего известным в прошлые исторические эпохи. Ср.: *Нам нужны новые Столыпины, а не поджигатели народных бунтов* (В.Бочков). *Русское сердце бьется в тайной надежде – вот он выстрадавший лидер России, новый Иосиф Сталин, до времени скрывавшийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет божий* (А. Проханов). *Где он, современный Сергей Радонежский, благословляющий борцов за народную свободу? Почему наши СМИ оказались во вражеской власти?* (А.Зуев).

По существу к этой же группе можно отнести и следующие фразы с прецедентными антропонимами: *Эдуард Лимонов, потенциальный Робеспьер «ситцевой» революции, принял меня соответственно – в типовой квартире подпольщика* (В. Ворсобин). *Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет Сталиным и Сергеем Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым. Пушкиным и Королевым. Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы* (А.Проханов).

Подобное использование имен собственных позволяет проводить регулярные исторические параллели, используя при этом общеизвестные реалии былых времен для образной оценки современных политических лидеров.

2. Использование существительных и прилагательных, указывающих на национальную принадлежность политического лидера, отличающуюся от национальной принадлежности его прототипа. Ср.: *Я русский Клинтон. То же образование, те же манеры, тот же возраст* (В.Жириновский). *В 80-х годах в КНР активно проводилась политическая перестройка и либерализация по советскому образцу. В КНР были и «китайский Горбачев», и даже «китайский Ельцин»* (В.Лещенко). *В Киргизии быстро обнаружился местный Ющенко и даже тьянь-шаньская Тимошенко. Майданы запылали гневом* (В.Воробьев).

В подобных случаях проводятся своего рода «межнациональные политические параллели», в рамках которых политическая реальность одной из стран становится сферой-источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства. В результате возникают такие обозначения, как «Российский Пиночет», «Вьетнамский Горбачев» или «Чеченский Талибан».

3. Использование местоимений, указывающих на то, что имеются в виду именно российские политики, а не их зарубежные прототипы. Ср.: *В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяо-пини? Почему все наши вожди на исторической дистанции проиграли «забег» и оказались политическими банкротами?* (В.Костиков). *К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяо-пина, как и своего Людвига Эрхарда* (Ф.Бурлацкий).

По существу этот же способ обозначения национальной принадлежности используется в следующей фразе: *Кроме Пиночета, в нашей стране всегда были Матросовы и Космодемьянские* (Г.Зюганов).

Коммуникативные смыслы подобных словоупотреблений также служат основой для создания межнациональных параллелей, в рамках которых и существует международный политический ин-тердискурс.

4. Использование форм множественного числа, что акцентирует переход антропонима в разряд имен нарицательных, возможность его использования по отношению к различным людям. *За счет наших детей, пенсионеров, ветеранов труда и войны мы растили Арафатов, кредитовали Саддамов Хуссейнов. У нас и до сих пор что ни план – то «громадьё». Мы еще не расселили коммуналки, не накормили беспризорников, а рвемся возводить показательные «сити» или строить «либеральную империю»* (В.Костиков). Главные спонсоры «демократической оппозиции» – *павшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это – их личные проблемы* (Л.Радзиховский).

5. Написание фамилии политического лидера со строчной буквы, что нередко служит своего рода знаком выражения негативного отношения. Ср.: *Демократия – это «щит» и для самих силовиков, привика от соблазна поучаствовать в «играх власти»». Гарантия того, что после очередной смены «**кучмы**» их не поволокут на майдан и не найдут, как Кравченко, в служебной пристройке с пулей в затылке (В.Костиков). Россия – родина слонов, **жириновских и шандыбиных** (В.Устюжанин). Зашевелились и всплыли на телеэкране, казалось бы, позабытые **немцовы с хакамадами** и даже жгучая брюнетка Новодворская прошепелявила что-то с какой-то там наспех сколоченной трибуны. Экранное явление этих политических теней в высшей степени симптоматично (П.Владов).*

Отметим, что в двух последних примерах сочетаются два рассмотренных приема – использование форм множественного числа и написание со строчной буквы.

6. Еще одним показателем функционирования прецедентного имени в качестве культурного знака, лишь косвенно связанного с носителем соответствующего имени собственного, могут служить кавычки, которые, как известно, способны свидетельствовать об использовании слова в каком-то необычном смысле. Ср.: *Нынешняя война либералов с властью – это путь маргинализации демократического движения. Да и не годятся наши оранжевые «**немцовы**» на роль плакальщиков за Россию (В.Костиков). Пока же на боевом счету наших спецслужб наберется немного удачных агентурных операций, связанных с внедрением чеченских «**Штирлицев**» в штабы террористических бандформирований (В.Баранец).*

В данных примерах, помимо кавычек, используются также уточняющие определения: автор пишет об *оранжевых «немцовых»* и *чеченских «Штирлицах»*.

В современной политической коммуникации нередко встречаются тексты, в которых использование прецедентных имен становится ведущим средством установления межнациональных и исторических параллелей. Примером может служить статья Владимира Лещенко «Взгляд на Китай, где ГКЧП победил», опубликованная в газете «Советская Россия» 25 сентября 2004 года. Данная публикация организована таким образом, что хорошо известные современным российским читателям феномены играют роль прецедентных при описании китайских событий. В результате обнаруживаются следующие параллели:

- «Геронтократы» из руководства Компартии Китая – ГКЧП;
- Ху Яобан – Б.Н.Ельцин;
- Дэн Сяопин – Ю.В.Андропов;
- Чжао Цзыян – М.С.Горбачев;
- Фан Личжи – Г.А.Явлинский.

Указанные параллели позволяет российским читателям лучше понять факты китайской истории, сопоставить итоги развития двух

в чем-то похожих государств, а также задуматься о том, насколько правильным был выбор пути развития руководителями нашей страны.

Обращение к прецедентным феноменам – традиционная черта политической коммуникации в самых различных национальных дискурсах. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим истокам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. По своим функциям и свойствам прецедентные антропонимы, используемые в политических текстах, обнаруживают значительную близость к метафорическим наименованиям. Яркий образ обладает значительным прагматическим эффектом и способен служить сильным аргументом в любой политической дискуссии. Вместе с тем легко заметить, что неудачное использование прецедентных имен обнаруживает косноязычие и низкую эрудицию адресанта, что особенно бросается в глаза на фоне его значительного общественного положения.

Представленные в настоящей статье материалы свидетельствуют, что интертекстемы (прецедентные имена, исторические и литературные метафоры, текстовые реминисценции) активно используются в современной политической коммуникации. Различия между рассматриваемыми терминами отчасти связаны с различным объемом соответствующих понятий, но не менее важным является и то, что названные термины относятся к различным научным парадигмам, каждая из которых предполагает особую систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых единиц, на их взаимоотношения и функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие на адресата. Вместе с тем различные подходы к изучению рассматриваемого явления, использование эвристик различных научных школ и направлений способствуют более глубокому его исследованию и более полному пониманию сущности соответствующих феноменов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. Ред. П.Е.Бухаркин. СПб, 1999.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 1999.
5. Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.

6. Ильин И.И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999.
7. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Ред.-сост. С.Г.Шулежкова. Магнитогорск, 2003.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994, № 1.
10. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
11. Кузьмина. Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004.
12. Кузьмина Н.А. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности // Язык. Человек. Картина мира. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. I. Омск, 2000.
13. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе. Автореф. дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
14. Мокиенко В.М. Интертексты и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Магнитогорск, 2003.
15. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.
16. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в политической коммуникации // Вестник УГТУ– УПИ. Серия «Филология», № 60 (8). Екатеринбург, 2005.
17. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. СПб, 1999.
18. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
19. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дис... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
20. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 12. Екатеринбург, 2004.
21. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6.
22. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.
23. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc - 2004.
24. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15. № 4.

25. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 3.

26. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001.

27. Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.

© Нахимова Е.А., 2006

Сергеева Е.В.

Санкт-Петербург

ПРИЕМЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

**(на материале ораторских произведений
В.И. ЛЕНИНА и И.В. СТАЛИНА)**

Abstract

Sergeeva E. Means of Manipulation in Political Discourse (on the Material of Oratorical Works of Lenin and Stalin). The subject of this article is one kind of political discourse – political oratorical work. As the material for the research the author has chosen oratorical works of world-known politicians V. Lenin and I. Stalin. The author notes that political orator-demagogue manipulates the audience by means of some methods that can be singled out and correlated with any kind of political discourse. The discourse of its functioning can be named demagogic political discourse. The author found the following methods of manipulation in political discourse of Lenin and Stalin: “sham conclusion”, violation of logic, falsehood, false charge with lie, substitution of logic and facts with stylistic means, presentation of desired as real, simplification of situation, appeal to mercantile interest of the audience, change of names, use of impersonal “we”, creation of “false clearance”, exclamatory and interrogative constructions. Given examples show that manipulation methods are directed at a listener who cannot recognize the manipulation because of poor knowledge of rhetoric. At the same time these political leaders created the basis for Soviet political discourse and, as a result, modern political manipulation.

****

Рассмотрение политической коммуникации стало одной из важных проблем в лингвистике последнего десятилетия. В частности, политическому дискурсу посвящена монография Е.И. Шейгал [Шейгал 2004], где представлена общая характеристика этой разновидности дискурса, рассмотрены его системообразующие признаки и интенциональные характеристики и описано жанровое пространство. В книге А.П. Чудинова [Чудинов 2004] рассматривается прежде всего метафора в политическом языке.

Представляется, что совершенно необязательно выделять как специальное направление языкознания политическую лингвистику, которую А.Н. Баранов определяет как лингвистическое направление, изучающее политический дискурс как совокупность дискур-

сивных практик, а А.П. Чудинов – рассматривающее политическую коммуникацию, то есть речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям. Главной функцией политической коммуникации А.П. Чудинов считает борьбу за политическую власть [Чудинов 2003: 10-11]. Однако функцией определенного вида общения может быть скорее некое воздействие – воздействие на интеллектуальную и эмоциональную сферу сознания адресата, который вследствие этого совершит (или не совершит) какие-либо поступки. Данная функция не выделяет политическую коммуникацию как некий особый ее вид и не позволяет считать политическую лингвистику специфическим научным направлением. Представляется, что общая теория дискурса может, наряду с научным, художественным, религиозным, философским и другими видами дискурса, на тех же основаниях рассматривать и политический.

А.Н. Баранов в статье «Речевое воздействие и аргументация» дифференцирует термины «политический язык» и «политический дискурс», утверждая, что политический язык – это «особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации», а политический дискурс – представляет собой совокупность «всех участников политической коммуникации, речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященной традициями и проверенной опытом» [Рекламный текст 2000: 110-111]. С нашей точки зрения, не обязательно разделять эти понятия, если под дискурсом понимать связный текст или группу текстов в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими – факторами, рассматриваемых как целенаправленное социальное действие. Дискурс – не только «коммуникативное событие», но и «связная последовательность предложений» (Т. ван Дейк), реализация определенной языковой стратегии, совокупность текстов одной сферы жизни, имеющих свой тематический репертуар и обладающих общими языковыми характеристиками. Таким образом, предметом нашего рассмотрения становится одна из разновидностей политического дискурса – политическое ораторское произведение.

К сожалению, в политической коммуникации адресант часто не ограничивается рациональным убеждением, а стремится манипулировать сознанием адресата. В связи с этим можно утверждать, что изучение политического языка в конце XX-нач. XXI вв. было инициировано не только «внутренними потребностями лингвистической теории», «чисто политологическими проблемами изучения политического мышления» и «попытками мыслящей части общества освободить политическую коммуникацию от манипуляций поли-

тиканов, обманывающих народ» [Рекламный текст 2000: 118], но и желанием этих «политиканов» познакомиться с более изощренными методами манипулирования.

Под манипуляцией в психологии обычно понимают воздействие, нацеленное на изменение активности человека в интересах манипулятора, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им. В книге Е.Л. Доценко «Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита» называются основные признаки психологической манипуляции (обман, эксплуатация, управление, принуждение, структурирование мира и использование другого в качестве объекта в интересах манипулятора) [Доценко 2003]. Для манипуляции характерно отношение к другому как к средству, стремление получить односторонний выигрыш от коммуникации и скрытый характер воздействия. При этом важная составляющая манипулятивного воздействия – это целенаправленное преобразование информации, то есть ее искажение или утаивание с помощью того, как подается эта информация. Таким образом, языковые средства, используемые манипулятором, становятся принципиально важными для достижения им успеха.

П.Б. Паршин определяет манипулирование как “такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом... Причем делается это таким образом, что манипулируемый не осознает себя объектом контроля”. При этом языковым называется манипулирование, “осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка” [Рекламный текст 2000: 57-58]. Сходным образом определяет языковую манипуляцию Ю.К. Пирогова: «Языковое манипулирование – это использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении...» [Рекламный текст 2000: 77].

О.Н. Паршина разграничивает манипуляцию и демагогию, считая целью первой прежде всего навязывание выгодного для манипулятора действия, а ко второй относят различные «высокопарные рассуждения, использование пустых обещаний... и недоказанных фактов» [Паршина 2004: 36], что, в принципе, все равно используется для воздействия на адресата, который далее будет иметь определенное мнение и совершать в соответствии с ним некоторые поступки. К.Ф. Седов подразделяет манипуляцию на два вида: продуктивную, направленную на благо адресата, и непродуктивную [Седов 2004], что, с нашей точки зрения, в целом не меняет сущности этого приема, поскольку даже само название статьи этого исследователя однозначно представляет *любую* манипуляцию

как «стремление к власти над человеком». Сама суть подобного взаимодействия связывает его прежде всего со сферой политической коммуникации.

Политический оратор-демагог манипулирует сознанием человека с помощью определенных приемов, которые могут быть выделены и соотнесены фактически с любой разновидностью политического дискурса. Подобный дискурс может быть назван демагогическим политическим дискурсом.

В качестве материала исследования избраны ораторские произведения таких известных всему миру политических лидеров, как В.И. Ленин и И.В. Сталин, поскольку среди текстов русских политических ораторов первой половины XX в. они наиболее доступны и изданы наиболее полно, и это позволяет обработать большой объем материала и привести не единичные, а наиболее частотные и показательные примеры. Кроме того, речи этих государственных деятелей – яркий пример того, как манипулятивные приемы были применены заведомо успешно, а также того, как советский политический дискурс влияет на современную политическую коммуникацию.

Хотя идеологические соображения в советское время заставляли преувеличивать успех Ленина-оратора, убедительность того, о чем он говорил, для слушателей была велика. С первого взгляда его речи воспринимаются как абсолютно последовательные, однако часто при внимательном рассмотрении можно заметить, что выводы из сказанного совсем не являются собственно следствиями приведенных фактов, которые нельзя назвать аргументами. Подобный прием можно назвать *“мнимый вывод”*.

Приведем примеры: Положение разоренной, обескровленной страны, ходом истории выдвинутой впереди всех на поле мировой революции — чрезвычайно тяжело, — и нас раздавят, если мы развалу, дезорганизации и отчаянию не противопоставим железную диктатуру сознательных рабочих. Мы будем беспощадны как к нашим врагам, так и по отношению ко всем колеблющимся и вредным элементам из нашей собственной среды... (Речь в московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г.)

Мы говорили, что война в тех размерах и в той неслыханной мучительности, в каких она ведется, грозит полной гибелью европейской культуры. Единственное спасение может быть только в переходе власти в руки рабочих для организации железного порядка. ...

Но с каждым днем эти иллюзии рушатся, и становится все более очевидным, что мировая война грозит голодом и вырождением целых стран, если рабочий класс своей мобилизованностью не победит этой разрухи. (Речь на П Всероссийском съезде комиссаров труда)

Необходимость «железной диктатуры» рабочих и «беспощадности» не только к врагам, но и «ко всем колеблющимся и вредным элементам» не является необходимым следствием тя-

желого положения страны. Во втором примере слово «очевидно» заменяет доводы, которые следовало бы привести в доказательство того, что лишь рабочий класс может победить голод и разруху после мировой войны.

Разновидностью этого приема можно считать вывод, сделанный на основании недоказанного положения. Так, в речи на митинге в Политехническом музее В.И. Ленин, выдвигая главный тезис – «В настоящий момент мировой войны выхода из этой войны, помимо победы социализма, нет» – мотивирует его другим еще не доказанным положением – «Капитализм уперся в тупик», хотя то, что мировую войну развязал «капитал», еще не означает, что этот строй не имеет никаких перспектив развития. Другой подобный пример – главное положение и вывод речи «Что такое советская власть?»

Вот почему, как ни клеветают на Россию представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся. И вот почему Советская власть, каковы бы ни были преследования сторонников коммунизма в разных странах, Советская власть неминуемо, неизбежно и в недалеком будущем победит во всем мире.

... Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому – верный и потому – непобедимый.

Говорящий нарушает законы логики, приводя аргументы, фактически таковыми не являющиеся: он обманывает слушателей, ибо популярность Советской власти среди трудящихся отнюдь не должна обеспечивать победу этой власти «во всем мире»: кроме любви рабочих, требуются экономические и политические основания для победы. Помимо этого, то, что Советская власть – путь, «найденный массами трудящихся», совершенно не обеспечивает непогрешимости этого пути (скорее, наоборот: «трудящиеся» не экономисты и политологи) и его непобедимости.

Заявление оратора-демагога может быть вообще не мотивированным, как, например, в речи Ленина на I Всероссийском съезде работниц: Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называют рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм. Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин.

Действительно, не называются никакие обоснования того, что общественная обработка земли может освободить женщину от домашнего труда.

Второй прием, который может использовать политический оратор, желающий вести в заблуждение слушателей, – нарушение логики. Так, В.И. Ленин в речи на Втором всероссийском съезде советов крестьянских депутатов сначала утверждает, что

«выборы в Учредительное собрание» были «одним из самых передовых способов выбирать, потому что выбираются не отдельные люди, а партийные представители», а буквально через несколько слов, оправдывая желание большевиков распустить Учредительное собрание, заявляет: «Когда происходили выборы, народ выбирал не тех, кто выражает его волю, его желание». Следовательно, если рассуждать в соответствии с нормальной логикой, получается, что самый передовой способ выбирать, – это способ, при котором выбирают не тех, кто выражает волю народа.

Иногда вывод делается абсолютно вопреки логике, будучи прямо противоположным логическому следствию посылки. Например, в речи на торжественном заседании пленума московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, посвященном третьей годовщине Октябрьской революции, оратор сначала заявляет: Мы тогда знали, что наша победа будет прочной тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию.

Итак, тезис достаточно ясен: настоящая победа возможна только при условии мировой революции. Однако дальше следует заявление о том, что борьба затянулась «дольше, чем можно было ожидать» и неожиданный вывод: Теперь, после трех лет, оказывается, что мы неизмеримо сильнее, чем были до этого, но всемирная буржуазия тоже еще очень сильна, и, несмотря на то, что она неизмеримо сильнее нас, все же можно сказать, что мы победили.

Вывод абсолютно парадоксален: всемирная революция, совершенно необходимая для победы, не произошла, но мы все-таки победили.

Третий прием, чрезвычайно удобный для политика-демагога, манипулирующего толпой, – *ссылка на мифическую «волю народа»*. Так, разъясняя слушателям причины разгона Учредительного собрания, в речи о его роспуске В.И. Ленин говорит: «Народ хотел созвать Учредительное собрание – и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы выполнили волю народа, которая гласит: вся власть Советам. А саботажников мы сломим». Указание, что данное действие вызвано желанием народа – несомненно, типичный для любого манипулятора прием.

Следующий прием, который используется в той же речи, риторический *троп* (в данном примере – метафора), *подменяющий логические доводы и факты*: «Когда я попал из бьющего ключом, полного жизни Смольного – Таврический дворец, я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий». Доводы, подтверждающие устарелость, мертвенность методов и взглядов членов Учредительного со-

брани, не приводятся, оратор лишь стремится воздействовать на чувства слушателей.

Нагнетание эмоций – чаще отрицательных – очень сильный способ воздействия на слушателей. Для этого используется прежде всего определенный набор слов. Например, в речи на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний Ленин вместо обоснования тезиса, что зажиточные земледельцы – «страшные враги», просто старается вызвать отрицательное отношение к обеспеченным крестьянам, для чего называет их не только нейтральным словом кулаки, но и явно негативными – «кулачье», «мироеды», «злейшие преступники».

Еще один прием – *высказывание, в котором желаемое выдается за действительное*, как это делает Ленин-оратор в речи при открытии памятника Марксу и Энгельсу: «Несказанные ужасы империалистической бойни народов вызывают всюду героический подъем угнетенных масс...» Этот прием дополняется повышенной эмоциональностью, создающейся благодаря употреблению слов, воздействующих на чувства: несказанные ужасы, бойня.

Близок к названному и прием элементарный и существующий тысячелетия – *использование лжи*, как, например, в уже упомянутой речи на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний, где оратор совершенно бездоказательно утверждает, что кулаки «охотно посадили бы нового царя», что не может соответствовать действительности, ибо при новом царе пришлось бы вернуть помещичьи земли.

Фактически манипулятивным средством является использованный в этой же речи прием *сознательного упрощения описываемой ситуации*, создание явной, но необоснованной, не подкрепленной фактами антитезы: Вопрос стоит так и только так. Либо диктатура буржуазии, прикрытая учредилками, всякого рода голосованиями, демократией и т. п. буржуазным обманом, которым ослепляют дураков и которым могут теперь козырять и щеголять только люди, насквозь и по всей липни ставшие ренегатами марксизма и ренегатами социализма, — либо диктатура пролетариата для того, чтобы железной рукой подавить буржуазию, натавливающую самые несознательные элементы на лучших вождей всемирного пролетариата.

Следует выделить еще один прием демагогически-манипулятивного речевого воздействия – *использование лживого обвинения во лжи*, как это делается в речи на конференции железнодорожников Московского узла.

Ложь, которую они распространяют про нас, рассеивается; сказкам, что большевики насильно свергли правительство и насильем держатся, уже не верит никто...

Ясно, что перед нами ложь: о том, что большевики свергли правительство после вооруженного восстания, писали даже все советские учебники истории.

В этой же речи мы видим другой манипулятивный прием – *обращение к меркантильному интересу слушателей*, который заставит их внять любому сомнительному призыву: ...На фронте – а мы ведем войну в наиболее хлебородных и сытых местностях – люди, двинутые туда десятками тысяч, получают возможность прокормиться и что, путем развития почтовых посылок, они получают возможность немедленно помочь оставшимся дома семьям...

Ясно видна установка на то, чтобы голодные железнодорожники, мечтающие накормить свои столь же голодные семьи, не противились мобилизации.

Манипуляция сознанием слушателя происходит также при использовании приема *замены наименования*. Так, в речи на четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий В.И. Ленин требует применения карательных мер для налаживания движения транспорта. Сначала словосочетание «революционное насилие» произносится в контексте, связанном с реалиями Гражданской войны, где оно может быть более или менее уместно. Далее же речь идет о мирном строительстве, и оратор не повторяет слов, которые могли бы показаться неуместными, оттолкнуть слушателей, заменяя их синонимическими выражениями: А применяемое революционное насилие превращает эту дисциплину в реальность... Так же, как в эпоху самой трудной борьбы с Юденичем, Колчаком и Деникиным, мы ... создавали дисциплину, карали шкурников – мы достигали максимума напряжения народной энергии, и мы побеждали. И такой же цели, теми же испытанными приемами мы во что бы то ни стало добиться и сейчас, чтобы спасти транспорт.

Замену наименования можно выделить и в речи на Московской широкой конференции металлистов. Оратор использует слова «наладить отношения», «объединить крестьян», прикрывая ими другое, наиболее важное – «заставить».

Надо направить все усилия к тому, чтобы наладить отношения рабочих и крестьян... Нас подкарауливает вооруженный враг, и, чтобы он нас не свалил, надо наладить правильные взаимоотношения рабочих и крестьян.

... У нас диктатура пролетариата, это слово пугает крестьян, но это единственное средство объединить крестьян и *заставить* идти их под руководством рабочих. Мы думаем, что это правильное решение, рабочий класс объединит крестьян.

Как видно, эффективность манипулятивных приемов, использованных Лениным, во многом связана с не очень высоким культурным и образовательным уровнем слушателей. На таких же слушателей ориентируется также И.В. Сталин, сделавший все, чтобы наиболее интеллектуальная часть старой партийной элиты не принимала более участия в управлении государством.

Его речи предельно упрощены и с точки зрения содержания, и с точки зрения композиции, и с точки зрения речевых средств.

В монографии «Писатель Сталин» Михаил Вайскопф, называя своей целью «фронтальный и системный обзор» всей сталинской стилистики «во всем объеме его – доступных нам – сочинений» [Вайскопф 2002: 10], выделяет наиболее характерные, с его точки зрения, черты стиля этого автора в целом, многие из которых связаны с православной традицией: литургическую лексику, богословскую ясность и точность изложения, проповедническую тягу к доверительно-разъяснительной устной речи, ступенчатую форму аргументации, пристрастие к вопросам и ответам, а также «вербальный фетишизм», элементы русско-революционной или кавказско-фольклорной мифологии. Не претендуя на исчерпывающую полноту этого обзора всего «творчества» Сталина, мы акцентируем внимание только на специальных средствах манипуляции слушателями в ораторских произведениях.

Однако в некоторых случаях наши выводы совпадают, например, относительно того, что М. Вайскопф называет «тавтологией», «эффектом одуряющего вдальблывания» [Вайскопф 2002: 38]. Действительно, *повтор* – прием, чрезвычайно характерный для Сталина и становящийся в его ораторских произведениях приемом манипулятивным. Так, в речи «О трех особенностях Красной армии» слова освобождение и освобожденный повторяются 6 раз, слово сила – 4, а сочетания «сила и могущество» и «сила и мощь» (оратору важно не объяснить, в чем состоят особенности Красной Армии, а «вдолбить» в головы слушателей положение о ее силе и отличии ото всех других армий) – 5 раз. В докладе «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦЦК» слово интервенция повторяется 14 раз, а в речи на 15 Московской губернской партийной конференции слово правильный (о политике партии) – более 20 раз!

Так же, как в речах В.И. Ленина, в выступлениях И.В. Сталина немало специальных манипулятивных приемов-уловок, в которых используется *нарушение логики*, например, утверждение, что Красная Армия является армией рабочих всех стран из-за воспитания в духе интернационализма. И именно потому, что наша армия воспитывается в духе интернационализма, в духе единства интересов рабочих всех стран, именно поэтому она, наша армия, является армией рабочих всех стран. (О трех особенностях Красной Армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г.)

Еще один пример: оратор утверждает, что главный виновник взвинчивания цен на хлеб – кулак, несмотря на то, что основной владелец хлеба – середняк.

Секрет состоит в том, что кулак поучил в этом году возможность использовать эти трудности для того, чтобы взвинтить цены на хлеб, повести атаку против советской политики цен и затормозить тем самым нашу заготовительную работу... Это не значит, конечно, что кулак является главным держателем хлеба. Главная и основная масса, которая держит большую часть хлеба – это середняк. Но у кулака имеется известный хозяйственный авторитет в деревне, и в вопросах о ценах он может иногда вести за собой середняка. (О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦЦК).

Говорящий может делать немотивированный вывод, основываясь на ложных посылах, которые подаются как само собой разумеющиеся истины:

Есть наивные люди, которые думают, что ежели есть империалистический пацифизм, то значит не будет войны. Наоборот, кто хочет добиться правды, тот должен повернуть это положение и сказать: так как процветает империалистический пацифизм с его Лигой наций, то наверняка будут новые империалистические войны и интервенции.

А что такое громадное усиление социал-демократизма? Это есть усиление и укрепление капитализма, ибо социал-демократия является главной основой капитализма в рабочем классе. (О правой опасности в ВКП(б))

Использование безлично-обобщенного «мы», которое упоминает в своей книге М. Вайскопф [Вайскопф 2002: 65], также можно причислить к сталинским манипулятивным приемам воздействия на слушателей.

Мы даем крестьянству не только ситец. Мы даем ему еще машины... (Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г.); Мы говорим часто о союзе с середняком. (О смычке рабочих и крестьян и о совхозах. Из речи 11 июля 1928 г.); Но мы не разрешим этого вопроса о правом уклоне... (О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК ВКП(б) 19 октября 1928 г.)

Обобщенное «мы», указывающее на причастность всех слушателей к тому, о чем говорит оратор, может многократно повторяться в одном фрагменте выступления:

Мы виноваты в том, что не разглядели отрицательных сторон колхозной торговли хлебом и допустили ряд грубейших ошибок.

Мы виноваты в том, что целый ряд наших партийных организаций оторвался от колхозов, почил на лаврах и отдался стихии самотека.

Мы виноваты в том, что целый ряд наших товарищей все еще переоценивает колхозы...

Мы виноваты в том, что не разглядели новой обстановки... (О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г.)

Вопросительные конструкции, которые употребляет И.В.Сталин, – чрезвычайно сильное средство воздействия на аудиторию. В самой формулировке вопроса уже содержится ответ, который в такой форме воспринимается как априорная истина – в этом и состоит сущность манипулятивного приема. Обратимся к конкретным примерам.

В чём состоят те особенности, которые коренным образом отличают нашу Красную Армию от всех и всяких армии, когда-либо существовавших в мире? В чём те особенности, которые составляют источник силы и могущества пашой Красной Армии? (О трех особенностях Красной армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвящённом десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г.)

Но как можно в разгар революции поддерживать правительство, которое путается в ногах и тянет назад революцию? Не лучше ли будет поставить вопрос о том, чтобы Временное правительство не мешало Совету рабочих и солдатских депутатов в деле дальнейшей демократизации страны? (О временном правительстве. Речь на митинге на Васильевском Острове 18 апреля (1 мая) 1917 г.).

Кто будет отрицать, что бюрократизма в профсоюзах хоть отбавляй?.. Кто будет отрицать, что наши хозяйственные органы не страдают отсутствием бюрократизма? (Речь на 8 съезде ВЛКСМ)

Иногда целый фрагмент речи представляет собой ряд вопросительных конструкций, не оставляющих места для ответа, вернее, программирующих этот ответ заранее: Кто решится утверждать, что сомнительная дружба кучки фабрикантов ценнее для революции, чем действительная, кровью закреплённая, дружба миллионов рабочих? Или ещё: разве Всероссийское совещание Советов, решив поддерживать крестьян, не оттолкнуло от себя помещиков, связав крестьянские массы с революцией? Кто решится сказать, что сомнительная дружба кучки помещиков ценнее для революции, чем действительная дружба многомиллионной крестьянской бедноты, переодетой ныне в солдатские шинели? (О временном правительстве. Речь на митинге на Васильевском Острове 18 апреля (1 мая) 1917 г.).

Разве мы не опоздали с отменой продразверстки? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов, для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно? Разве сам Ильич не признал, что мы на этом фронте потерпели более серьезное поражение, чем любое поражение на фронтах Деникина и Колчака? (Заключительное слово на 13 конференции РКП(б))

Очень часто в качестве манипулятивного приема Сталин использует вопросно-ответные комплексы, характерные для христианской проповеди и предназначенные для того, чтобы не дать слушателю задуматься, найти самостоятельный ответ на вопрос, дать этот ответ ему в готовом виде – таком, как это выгодно манипулятору.

А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия является непобедимой.

Что такое армия без крепкого тыла? Ничто. (О трех особенностях Красной армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвящённом десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г.)

Что это значит? Это значит, что одной из основных задач нашего строительства является выработка в рабочем классе навыков и уме-

ня управлять страной...(О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦЦК)

Чем объясняются эти позорные факты разложения и развала нравов в некоторых звеньях нашей партийной организации? Тем, что монополию партии довели до абсурда... (Речь на 8 съезде ВЛКСМ)

Подобный прием может становиться одним из главных средств воздействия в целой речи или организовать ее значительную часть:

...Что это значит? Это значит, что в данный исторический момент вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством является для нас главным вопросом.

...Что требуется для того, чтобы политика партии была правильной в этом основном вопросе? Для этого требуется, во-первых, чтобы политика партии обеспечивала смычку, союз между рабочим классом и крестьянством.

...А что требуется для того, чтобы обеспечить за пролетариатом руководство крестьянством? Для этого необходима индустриализация страны. Для этого необходимо, чтобы наша социалистическая индустрия росла и крепла. Для этого необходимо, чтобы наша растущая социалистическая индустрия вела за собой сельское хозяйство.

...А чем это объясняется? Объясняется это тем, что политика Советской власти является единственно правильной политикой.

Но достаточно ли одной лишь правильной политики для того, чтобы побеждать все- и всякие трудности, возникающие на нашем пути? Нет, недостаточно.

...Но что это значит? Это значит, что для того чтобы широкие массы впряглись в дело нашего строительства, необходимо, чтобы этими массами руководили правильно, гибко, не опрометчиво. А кто должен руководить массами? Массами должна руководить партия.

...Хорошо ли это? Конечно, хорошо... (Речь на 15 московской губернской партийной конференции. 14 января 1927 г.)

Но что значит уничтожение «ножниц», скажем, в этом году или в будущем году? Это значит затормозить индустриализацию страны... Можем ли мы пойти на это? Ясно, что не можем. Нужно ли уничтожить «ножницы» между городом и деревней, все эти недоплаты и переплаты? Да, безусловно нужно уничтожить. Можем ли мы их уничтожить теперь же, не ослабляя нашу промышленность, а значит, и наше народное хозяйство? Нет, не можем.

В чем должна состоять, в таком случае, наша политика? Она должна состоять в том...

Может ли крестьянство выдержать эту тяжесть? Безусловно, может... (Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г.)

К манипулятивным приемам можно также отнести *создание эффекта «ложной заведомой ясности»*, создаваемое повторением слов «ясно» и «понятно».

Ясно, что линия нашей партии есть единственно правильная линия...
Понятно, что после всего этого нет нужды распространяться о правильности тех положений, которые были развиты в отчетном докладе...

...Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развёрнутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма... (Заключительное слово по политическому отчету ЦК 16 съезду ВКП(б). 2 июля 1930 г.)

Понятно, что ежели подойти к делу с точки зрения удельного веса тех или иных форм сельского хозяйства, то на первое место надо поставить индивидуальное хозяйство... (Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.)

Вариантом подобного приема можно считать слова «факты говорят», но без перечисления самих фактов.

Факты говорят, что шахтинское дело есть экономическая контрреволюция... (О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦЦК)

Естественно, подобные приемы могут сочетаться. В некоторых речах Сталина либо ответ на вопрос начинается со слова «ясно», либо сам вопрос начинается с утверждения «ясно» или «верно».

Итак, кого же мы будем поддерживать? Кого мы можем считать своим правительством: Совет рабочих и солдатских депутатов или Временное правительство? Ясно, что рабочие и солдаты могут поддерживать лишь избранный ими Совет рабочих и солдатских депутатов. (О временном правительстве. Речь на митинге на Васильевском Острове 18 апреля (1 мая) 1917 г.)

Разве это не верно, что армия подавляет там рабочих, что она служит там оплотом господ? (О трех особенностях Красной армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г.)

Не ясно ли, что бюрократизм в профсоюзах плюс бюрократизм в парторганизациях не дают развиваться этим важнейшим организациям рабочего класса? (Речь на 8 съезде ВЛКСМ)

Не ясно ли, что Временное правительство скрывает от народа подлинные цели войны, а, скрывая их, упорно не доверяет народу? (О временном правительстве. Речь на митинге на Васильевском Острове 18 апреля (1 мая) 1917 г.)

И, наконец, весьма сильный прием воздействия на аудиторию — *использование восклицательных конструкций*, возбуждающих эмоции слушателей и изобильных ораторов от необходимости приводить какие-либо логические доводы.

А договоры всё же не опубликовало и по собирается опубликовать! (О временном правительстве. Речь на митинге на Васильевском Острове 18 апреля (1 мая) 1917 г.)

Да здравствует наша Красная Армия! Да здравствуют ее бойцы! Да здравствуют ее руководители! Да здравствует диктатура пролетариата, родившая Красную Армию, давшая ей победу и увенчавшая её славой! (О трех особенностях Красной армии. Речь на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном десятой годовщине Красной Армии 25 февраля 1928 г.)

Хороша была бы советская власть, если бы она привела сельское хозяйство к деградации на одиннадцатом году своего существования!

(Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.)

Таким образом, приемы манипулятивного воздействия в ораторских произведениях И.В. Сталина ориентированы не только на извращение классической системы аргументации, но и на средства, связанные с эксплуатацией эмоциональной сферы адресата.

Итак, основными приемами, используемыми в манипулятивном политическом дискурсе В.И. Ленина и И.В. Сталина, можно считать "мнимый вывод", нарушение логики, использование лжи, а также лживого обвинения во лжи, подмена логических доводов и фактов тропами, представление желаемого как действительного, сознательное упрощение описываемой ситуации, обращение к меркантильному интересу слушателей, замена наименования, использование безлично-обобщенного «мы», создание эффекта «ложной заведомой ясности», вопросительные и восклицательные конструкции,

Приведенные примеры показывают, что средства манипулятивного воздействия в ораторских произведениях В.И. Ленина и И.В. Сталина обладают чертами сходства, подразделяются на несколько разновидностей и рассчитаны на слушателя, не очень хорошо владеющего основами риторики и поэтому не могущего заметить манипуляции. В то же время приемы, использованные этими политическими лидерами, заложили основы не только советского политического дискурса, но отчасти и современного политического языкового манипулирования.

ИСТОЧНИКИ:

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958 -1965
2. Сталин И.В. Сочинения Т 1-13. М., 1946-1951.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
2. Вайскопф Михаил Писатель Сталин. М., 2002.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб, 2003.
4. Мухарамова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань, 2003.
5. Паршина О.Н. Степень риторической грамотности политика как один из факторов его авторитетности // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004.
6. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000.
7. Седов К.Ф. Речевая манипуляция как стремление к власти над человеком // Проблемы речевой коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004.
8. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

© Сергеева Е.В. , 2006

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

Solopova O. The Image of Future in Political Discourse. The present paper is concerned with metaphors used to create the image of future in political discourse. The article focuses on a) the prospective function of political communication; b) the ability of metaphors to create the images of "positive" and "negative" future; c) the pragmatic potential of metaphors, i.e. their influence on the reader. The results of the study show that metaphorical representation of future is frequent and efficient means used by mass media and politicians in discourse interaction.

****

Очевидно, что прогнозирование будущего – особенность нашего восприятия времени в целом, и политического дискурса в частности, поскольку будущее является одной из имплицитных категорий, которые определяют прогрессивную культуру, прогрессивную форму правления, дают начало всем прогрессивным политическим курсам [Lakoff http].

Большинство исследований метафорического моделирования политической действительности посвящено изучению образного представления настоящего, либо конкретного события в настоящем. Однако во время предвыборной кампании в прессе, в программных документах политических партий, в выступлениях политических лидеров дается не только характеристика современного положения страны, но также политическая оценка перспектив будущего развития. Чтобы проиллюстрировать данное положение, обратимся к политическим программам некоторых российских и британских партий периода парламентских выборов, поскольку именно этот жанр «отражает сущностные характеристики политического дискурса» [Бабаева 2003: 10-20] в целом. Ср.:

- Сегодняшний выбор гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны...Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! Сделаем 7 декабря шаг к этому («Единая Россия»).

- Теперь нам предстоит победить в 2003 году. Потому что Россия опять оказалась перед исторической развилкой. Один путь ведет в сторону развития демократии и рынка, формирования открытой политической системы и инновационной экономики, экономики знаний, то есть – к демократическому рынку. Другой – к полицейско-бюрократическому капитализму, где основной и монопольный игрок на рынке - государство, институты демократии декоративны, демократические процедуры не работают, а лишь имитируются. Нам снова предстоит сделать исторический выбор. И «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» готов исполнить свою историческую миссию – удержать Россию на

столбовой дорожке цивилизации. Мы должны защитить демократические завоевания прошлого. И тем самым защитить будущее России (СПС).

- Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (ЛДПР).

- Now is the chance to build the future properly, to make the second term the basis for a radical programme of British renewal... We need the second term to do all this. That is the choice: to make progress or to dismantle the foundations laid (The Labour Party) (Сейчас существует возможность строить будущее должным образом, сделать второй срок фундаментом для радикальной программы возрождения Британии... Нам нужен второй срок, чтобы выполнить все это. Вот он выбор: продолжить успешное развитие или демонтировать заложенный фундамент).

- A Conservative Government will be optimistic about Britain's future because we are comfortable with Britain's past (the Conservative Party)(Правительство Консерваторов уверенно смотрит в будущее Британии, поскольку его устраивает ее прошлое).

- The Green Party is reaching for the future. We are working to create a secure society in Britain, a multicultural society, in harmony with nature, where justice underpins every aspect of national life. We are reaching for a future that is sustainable and just. Join us. Vote Green (The Green Party) (Партия Зеленых стремится в будущее. Мы работаем над созданием в Британии безопасного общества, общества, в котором сосуществуют разные культуры, которое находится в гармонии с природой, общества, основанного на справедливости. Мы стремимся в приемлемое справедливое будущее. Присоединяйтесь к нам. Голосуйте за Зеленых.

В период массового разочарования результатами деятельности власти, в образе лидера «будущего» привлекает способность «навести порядок», «восстановить поруганную честь отечества», готовность к чрезвычайным мерам. Как показывает анализ, предполагаемые мероприятия распределяются в рамках противопоставления «за/против» и адресату навязывается один возможный выбор: он должен согласиться с аргументами «за» «светлое/(реже) прекрасное будущее» («утопия») и «против» «ужасного будущего» («антиутопия»). На полюсе «за» и «против» у разных политиков находятся одни и те же проблемы, затрагиваются сходные аспекты, несмотря на принадлежность к различным партиям, на различную идеологическую основу. Политики в основном выступают за хорошую зарплату, пенсию, профессиональную армию, реформы, против высоких налогов, повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги, коррупции, стремясь объять все предполагаемые преобразования некоторым конечным списком задач, гарантирующим «светлое будущее» в случае прихода к власти их партии.

В политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по преимуществу, потому что вступает в сложную коллизию с целесообразной природой самого политического действия [Иваненко 2002: [http](#)]. Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира, мобилизовать избирателей для проведения конкретных акций [Чудинов 2003: 584]. Одной из ее функций является «проекция в будущее» [Graber 1981: 198], «фактор коммуникативного будущего», наличие которого отмечают Т.В. Шмелева, разрабатывая «анкету речевого жанра» [1997: 92], Е.А. Артемова, рассматривая жанр политической карикатуры [2002: 153-155], В.А. Даулетова, диссертационное исследование которой посвящено жанру политической автобиографии [2004: 79]. Исследователи коммуникативных стратегий политического дискурса неизменно включают в число тактик – тактику создания образа «светлого/темного будущего» [Judge [http](#), Миронова 2003, Руженцева 2004], суть которой состоит в том, чтобы предсказать возможное будущее и показать, как в будущем отразится настоящее.

Результат любого политического действия (поскольку оно актуально и незавершенно) с неизбежностью отсылает к будущему – к тому, чего еще нет. В этой перспективе видится любое настоящее событие. С одной стороны, политическое предвидение, будучи перформативным высказыванием, есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в создание реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести [Бурдые 2005: 34]. С другой стороны, избыточность, нагромождение, всеохватность обещаний, на базе которых практически полностью строятся программные документы и предвыборные листовки, отвлекают внимание адресата от того факта, что политик может преувеличивать, искажать свои возможности, обещая избирателям «всевозможные блага, которые зависят только от прихода этого человека к власти» [Anderson [http](#)]. Перенесение способов решения проблем в будущее позволяет политике избежать фактологической аргументации, поэтому делается расчет в основном на эмоциональную сферу адресата: «будущее – время, о котором мы не знаем ничего, но питаем иллюзию, что можем его изменить» [Коста де Боригар; цит по.: Подольный 1989: 56-57].

Именно поэтому политические деятели часто используют метафору, чтобы аргументировать свои представления о будущем, так как яркие, близкие, «цветные» репрезентации последствий вызывают более сильную реакцию и с большей вероятностью мотивируют поведение адресата, убеждая его в реальной возможности

преобразований, исправления накопленных ошибок, в том, что «будущее» может быть «пересмотрено, переработано и исправлено» современностью [Sola Pool; цит. по.: Judge [http](#)]. Сополагая определенные реалии окружающего мира, метафора, устремленная в будущее, позволяет заглянуть за кулисы производства образов, которые формируются в сознании народа.

В политической коммуникации дифференцируются следующие функции метафорических наименований, задействованных в создании образа «будущего»: (1) Человек не имеет возможности физически ощутить измерения времени, поэтому он пользуется метафорой, чтобы понять, что ожидает его в будущем [Judge 2001]. (2) Метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта [Чудинов 2003]. (3) Метафора указывает, что ожидать и как себя вести [Kelling [http](#)]. (4) Метафора дает «возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в создание его реальности» [Бурдые 2005]. (5) Метафора «противопоставляет парадоксальное предвидение, утопию, проект, программу обыденному видению» [Бурдые 2005]. (6) Метафора «запугивает и успокаивает избирателей, заставляет их поддержать политика или замолчать» [Edelman [http](#)]. (7) Метафора выполняет двойственную функцию: она отстаивает и подвергает сомнению существующий порядок, поддерживает и перестраивает его [Kennedy 2000]. (7) Метафора «позволяет политике довольно произвольно обращаться с предоставляемой адресату информацией» [Миронова 2003].

Будущее, по сути, не может восприниматься нейтрально, так как тогда бы оно стало неразличимым на фоне настоящего [Иваненко 2002]. Экзистенциально человек относится к будущему с надеждой и пониманием. Интеллектуально он строит его, экстраполируя в будущее тенденции настоящего, выявляя «вызовы» будущего и возможные ответы на них.

В политическом дискурсе будущее выступает, как правило, в двух ипостасях: ему даются условные метафорические определения «светлое/темное», «ужасное/прекрасное». Стереотипное преподнесение проблемы с полюсами «светлое – темное» предназначено для коррекции представлений адресата, касающихся ситуации в политике и экономике страны [Миронова 2003]. Прогнозирование будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «благополучного» и «неблагополучного» будущего [Judge 1992], от их способности пробуждать в человеке рациональное и иррациональное, а также эмоциональные ассоциации, связанные с ожиданием будущего. В темпоральных метафорах будущее часто предстает как грядущий Золотой Век по аналогии с Золотым Веком прошлого: оптимисты рисуют образ «прекрасного

будущего», «сказочники» предсказывают «долгую и счастливую жизнь», создатели политических утопий разных стран и эпох используют атемпоральную, вечную метафору «времени мечты» [Judge 1992]. Создается картина лучшего мира, контрастирующего с настоящим положением дел, а его потенциальная устроенность определяется заслугами автора. Поэтому атрибуты будущего наиболее ярко обнаруживается в текстах предвыборных программ [Миронова 2003]. С другой стороны, политическому дискурсу по природе свойственно апокалиптическое настроение. Поэтому будущее неизбежно оценивается не только с позиций ожидаемых благ (атрибуты Небесного Иерусалима), но и с позиций возможного вреда [Иваненко 2002]. Используя метафоры для создания образа «темного будущего», политики часто апеллируют к чувству страха, ориентируют избирателя на будущие беды, что нацелено на дискредитацию политических противников. Будущее представляется в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания не допускает иного варианта развития событий [Руженцева 2004]. В метафорическом представлении будущего могут звучать фаталистические нотки конца света и Страшного суда, лейтмотив которых – «что посеешь, то и пожнешь» [Judge 2001].

Выбор метафор, посредством которых репрезентируется будущее – театр возможностей, интенций и предпочтений, ключ к установлению закономерностей развития общества, логическое продолжение и развертывание настоящего и прошедшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Дисс ... к.ф.н. – Волгоград, 2002.
- Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. Т. 11.
- Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности (пер. с франц. А. Бикбокова) // Логос. 2005. № 4-5.
- Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе: Дисс. ... к.ф.н. Краснодар, 2004.
- Иваненко А. Испытание террором. <http://old.russ.ru/politics/20020115-iv-pr.html>, 2002.
- Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дисс. ... к.ф.н. Омск, 2003.
- Подольный Р.Г. Освоение времени. М. 1989.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003.
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.

Anderson R. Encouraging Democratic Participation in Russia: Pragmatic Ambiguity and Identification with Political Speakers. <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/modcautx.htm>

Edelman M. J. Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. London: Sage Publications, 1981.

Judge A. Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors. <http://www.laetusinpraesens.org/docs/coping.php>, 1992.

Judge A. Presenting the Future (Part 1) Presentation and Representatives. <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001.

Kelling G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing. <http://www.city-journal.org/article01.php?aid=1577>

Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo. <http://www.usis.it/wireless/wf981006/98100601.htm>, 2000.

Lakoff D. Framing the Dems. How conservatives control political debate and how progressives can take it back. <http://www.prospect.org/web/page.ww?section=root&name=ViewPrint&articleId=6862>

© Солопова О.А., 2006

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Анета Банашек-Шаповалова

Катовице (Польша)

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ

БРАЧНЫХ АНКЕТ В ИНТЕРНЕТЕ:

ПАРАМЕТРЫ ОПИСАНИЯ В ЦИФРАХ

Abstract

Banashek-Shapovalova A. The Image of Men and Women in Russian and Polish Internet Marriage Advertisements in Figures. The author chose the Internet marriage advertisements in the Russian and Polish language for the study. The researcher makes an attempt to find out the most significant parameters to characterize modern matrimonial relationships between the research is the description of ethnic and sociocultural differential characteristics of the sexes. Discovery and classification of such hufumtnters will make it possible to describe Russian and Polish native speakers' ethnocultural notions about husband / wife and in general man / woman.

****

Отношения между представителями противоположных полов можно рассматривать как проблему лингвокультурологическую. Деление общества на мужчин и женщин отражается в гендере, т.е. в совокупности социальных и культурных норм, предписываемых его членам в зависимости от биологического пола. Поскольку «в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов» [Маслова 2001: 124], отношения мужчин и женщин сопровождаются сложными, иногда противоречивыми особенностями.

Интерес к проблеме пола (гендера) в науке имеет свою традицию. К освещению гендерного вопроса подходили исследователи в рамках социологии, психологии, культурологии, а также других, смежных и междисциплинарных наук. В лингвистике данная проблема начала исследоваться с 70-х годов XX века, оформившись в отдельную область, так называемую гендерную лингвистику, занимающуюся языком и отражением в нём полового признака, а также речевым поведением мужчин и женщин.

Появившийся в конце XVII столетия в Англии жанр брачных объявлений [В этот день..., www] представляет собой в настоящее время довольно распространенную форму знакомства во многих странах. На протяжении трех веков тексты данного типа подвергались своей эволюции. Изменялись как их форма, так и способ подачи самой информации – от кратких сообщений в газетах или в виде распространяемых на улицах листовок, до объявлений в форме анкет, которые стали появляться в том числе и в Интернете, вместе с распространением данного информационного средства.

Брачные объявления как источник материала для анализа языковой и культурной стороны отношений мужчин и женщин оп-

ределяются возможностью проводить синхронные и диахронные исследования, позволяя затрагивать этно- и социокультурные аспекты. Среди исследователей, занимающихся жанром и текстами объявлений, следовало бы назвать М. Wojtak [Wojtak 1990], K. Sobstyl [Sobstyl 1997], В.Н. Базылева [Базылев 2000]. Вопрос интернетовских брачных объявлений был поднят в анализах М. Sławskiej-Murmyło [Sławska-Murmyło [www](#)] и А. Протопопова [Протопопов [www](#)].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть, какие параметры на современном этапе развития общества можно определять как наиболее существенные при характеристике брачно-половых отношений. Цель анализа состояла в описании параметров этно- и социокультурного взаимодействия между представителями разного пола (следующий этап – изучение единиц, характерных для выделенных параметров). Выявление таких параметров и их классификация позволяют, в нашем случае, описать социо- и этнокультурные представления носителей русского и польского языков о муже / жене и более широко – о мужчине / женщине.

Анализу подвергались русско- и польскоязычные брачные объявления, помещённые в Интернете. Нас интересовали сайты, предполагающие поиск партнёра внутри данной страны, в отличие от специализированных Интернет-агентств, помогающих заключить международные браки (данный вопрос требует отдельного изучения). Из десяти просмотренных сайтов было отобрано 500 объявлений на русском и 500 на польском языке, среди которых по 250 объявлений распределялось по половому признаку их авторов в каждом из языков. Следует заметить, что каждый сайт предполагает свой тип анкеты, имеющий иной состав вопросов.

Задача брачного объявления – завязать контакт, предопределяя в самом начале характер дальнейших взаимоотношений. Отношения будущих возможных партнёров находят свое отражение в анкетах прежде всего на основе и с помощью характеристик. В изучаемых текстах можно выделить четыре характеризующих образа: мужчина, каким он сам себя создает (своего рода автопортрет) и мужчина глазами женщины (портрет), аналогично – женский автопортрет и портрет женщины глазами мужчины.

Описание лиц в анализировавшихся объявлениях происходило в рамках трёх основных идеографических полей – внешняя, внутренняя и социальная характеристика, которые далее подразделялись на категории и подкатегории. Следует обратить внимание на то, что каждое брачное объявление в виде анкеты имеет двух авторов. Соавторами текстов были, с одной стороны, создатели сайтов, на которых анкеты помещены, а с другой, сами муж-

чины и женщины, которые, заполняя их, ищут себе таким образом предполагаемых брачных партнёров.

Отобранные из текстов единицы, отображающие искомые параметры, чаще всего находились в рубриках, предусмотренных создателями сайтов, в некоторых случаях они были выявлены в ответах тех, кто заполнил анкеты. Встретились также случаи игнорирования (оставления незаполненными) рубрик, предлагаемых создателями анкет. Многие рубрики имели отношение только к самопредставлению заполняющих, в связи с чем некоторые параметры не появлялись в качестве требований, выдвигаемых к партнеру, или появлялись в других местах.

Принятая нами схема анализа и подачи данных требует некоторых уточнений. Основным параметром дифференциации языкового материала был семантический параметр пола. Отдельно характеризовались единицы портрета и автопортрета. Первое из приводимых далее чисел будет относиться к мужчинам, второе, после двоеточия, к единицам, определяющим женщин. Каждое число единиц, актуализирующих данный параметр, следует сопоставлять со всем количеством проанализированных анкет (250), т.е. общим числом данного типа объявлений (мужских или женских, на русском или на польском языке). Числа, превышающие это количество, являются следствием представления данной категории в отдельном объявлении более чем одной единицей.

Наибольшей регулярностью при характеристике лиц в текстах брачных объявлений обладают 15 категорий. Так, внешний вид партнёров определяется посредством параметров „возраст”, „рост”, „вес”, „цвет глаз”, „волосы”, „привлекательность”. Внутренняя характеристика манифестируется при помощи параметров „черты характера и особенности поведения”, „привычки”, „предпочтения”. Последнюю группу параметров составляют такие социальные аспекты, как „семейное положение”, „дети”, „образование”, „работа”, „обеспеченность”, „исповедание”. Все перечисленные категории подразделяются далее на подкатегории.

Наиболее важным, как представляется, появляющимся первым, среди категорий, относящихся к идеографическому полю физической характеристики, является параметр возраста. Для него создатели русскоязычных сайтов выделили рубрики с названиями „возраст” и „дата рождения”. Наряду с различными случаями упоминания о возрасте, т.е. вне рубрик, число актуализаций данной категории составило 302:325 единиц (302 – для мужчин и 325 – для женщин). В трёх случаях предусматривалась также возможность определения данного показателя в отношении объекта в рубриках с семантическими маркерами „возраст”, „возраст партнёра”, „искомый возраст”. Всего определений возраста партнёра было обнаружено 178:159.

В объявлениях на польском языке в трёх типах анкет при самопредставлении и одном для партнёра также имелась специальная рубрика „wiek”. В одной из анкет было выделено место для подстановки числа перед словом „... lat”. Общее количество упоминаний о своём возрасте в польских объявлениях составляет 241:278 единиц, о возрасте партнёра 95:46.

Параметр роста реализуется главным образом в рамках выделенных рубрик. В русскоязычных объявлениях при самопредставлении имеются рубрики с названиями „рост” или „рост (см)”, для характеристики предполагаемого партнёра по этому параметру отведены места с названием „рост” и „искомый рост (см)”. Количество единиц, определяющих собственный рост, соответственно, 242:273; единиц, обозначающих рост искомого партнёра – 103:89.

В объявлениях на польском языке определение роста предусмотрено в виде специальной рубрики только для заполняющего анкету: „wzrost” или „wzrost (cm)”, а также „mam ... cm”. Количество таких единиц – 252:273. Не предлагая рубрики для определения роста партнёра, создатели анкет предоставили этот параметр воле и ведению заполняющих. Встретившееся количество упоминаний возраста в этой связи составляет 15:3.

Для определения себя по признаку веса в брачных объявлениях на русском языке выделены рубрики: „вес” и „вес (кг)”. Для обозначения веса партнёра только в двух анкетах встретились рубрики „вес” и „искомый вес (кг)”. Общее количество упоминаний о своём весе насчитывает 240:264 единицы, о весе партнёра 85:93.

Создатели польскоязычных анкет предусмотрели рубрики „waga” и „waga (kg)”, имеющие отношение только для самохарактеристики. Для определения своего веса было использовано 186:195 единиц. Был выявлен единичный случай определения веса будущего партнёра – *мужчина ищет женщину без лишнего веса (bez nadwagi)*.

Категория характеристики волос при самопредставлении реализуется в русскоязычных анкетах в виде рубрик с названием „цвет волос”. В объявлениях на польском языке выделяются рубрики „kolor włosów” и „włosy”. Соответствующие единицы, характеризующие волосы, при самопредставлении встречаются также в других местах. Общее число реализаций данной категории в русских анкетах составило 212:267, в польских – 211:245.

Характеристика партнера по признаку цвета или других качеств волос в анкетах в виде специальных рубрик не предполагается, однако наблюдались отдельные случаи подобной характеристики в других местах объявлений. Их число составило 2:0 для русскоязычных объявлений и 3:3 для польскоязычных.

Создатели русско- и польскоязычных сайтов знакомств предусматривают возможность характеристики самого себя с точки зре-

ния цвета глаз. С этой целью созданы специальные рубрики: „цвет глаз”, „kolor oczu” и „oczy”. Общее количество упоминаний о цвете глаз составляет 211:270 единиц в объявлениях на русском языке и 205:240 в объявлениях на польском.

Параметр цвета глаз при характеристике искомого партнёра в виде рубрики не представлен. Заполняющие анкету также, как правило, за исключением очень редких случаев (1:2 – в русскоязычных и 0:1 в польскоязычных текстах), не пользуются возможностью высказать свои требования, касающиеся цвета глаз у партнера.

Специфической, по сравнению с предыдущими, категорией физической характеристики является „привлекательность”, в рамках которой пишущие оценивают себя или партнёра. Она не нашла отражения в структуре анкет, однако появляется в ответах пишущих. Так, в ответах русскоговорящих встретилось 8:15 единиц, актуализирующих данную категорию в рамках самопредставления, и 9:12 при определении партнера. Для польскоязычных объявлений такое соотношение выражается в цифрах 10:18 и 9:6.

Определение черт характера и особенностей поведения, по сравнению с другими параметрами, проявляется в анализируемых анкетах наиболее свободно, в рамках рубрик с довольно широкими в семантическом отношении маркерами: „ещё обо мне”, „комментарий”, „о себе и о том, кого я ищу”, „о себе”, „о том, кого я ищу”, „черты характера”, „что мне хотелось бы найти в вас”, „kim jestem”, „kogo szukam”, „o partnerze”, „o sobie”, „oczekiwania od przyszłego partnera/ki”, „opis”.

Такая свобода предполагает, что ответы в рамках указанных рубрик допускают довольно широкое описание, вследствие чего число единиц, актуализирующих данную категорию, намного выше числа самих объявлений. Для самопредставления в русско- и польскоязычных текстах число их реализаций превысило 1000 единиц в каждом из типов характеристик.

Параметр вредных привычек нашел свое отражение в двух типах объявлений на русском языке, в виде рубрик „курение” и „выпивка”, определяя, тем самым, две соответствующих подкатегории. Общее количество упоминаний о своих привычках составило 208:197, о привычках партнёра только 6:14.

В польскоязычных объявлениях данная категория представлена в виде рубрик: „nałogi” – в одном из типов объявлений, „alkohol” и „papierosy” – в двух типах анкет, „stosunek do papierosów” и „stosunek do alkoholu” – в одном типе анкеты одновременно, в части, предназначенной для самопредставления и определения своих требований. Вместе с появившейся в других местах характеристикой всего встретилось 342:367 единиц самохарактеристики по этому признаку и 72:78 – определяющих будущего партнера.

Для категории предпочтений в русскоязычных объявлениях предусмотрены довольно подробные рубрики: „хобби, увлечения”, „увлечения”, „хобби”, а также „любимый фильм” „любимый вид отдыха” „любимая еда” „любимое животное” „любимый вид спорта”. Все эти рубрики предусмотрены в одном типе анкет. Ещё один ряд рубрик – „моя любимая музыка”, „я люблю читать”, „свободное время я провожу”, „моя любимая еда”, „мой любимый вид отдыха” – был выделен в другом типе русскоязычных объявлений. Общее число единиц, встретившихся в рамках данной категории, составило 536:542 для самопредставления и 7:3 в отношении к предполагаемому партнёру.

Рассматриваемая категория была представлена в виде рубрик „ulubiona forma wypoczynku” и „zainteresowania” только в одном из польскоязычных объявлений. Однако репрезентирующих данную категорию единиц встретилось 311:606 для самохарактеристики и 31:5 – в отношении к партнёру.

Создатели всех рассматриваемых русскоязычных анкет предусмотрели рубрики с названием „семейное положение”. Общее число единиц самохарактеристики по этому показателю в анкетах составило 247:255. В отношении партнера, соответственно, 5:3.

В польскоязычных анкетах рассматриваемому параметру соответствуют рубрики „stan cywilny” и „stan”. Встретилось 226:269 упоминаний о своём семейном положении. Семейное положение партнера в виде рубрики „stan cywilny” характерно для одного только типа анкеты. Число единиц характеристики по данному параметру для партнёра составило 50:22.

Во всех объявлениях на русском языке имеются рубрики „дети” и „наличие детей”. Общее количество упоминаний о своих детях составило 214:262 единиц. Встретились случаи (3:9) определения наличия детей у партнера.

Среди анализировавшихся пяти польскоязычных типов анкет только в двух отведено специальное место для определения наличия детей в виде рубрики „dzieci” и предложений на выбор „tam x dzieci/nie tam dzieci”, где x заменяется соответствующим числом. Реализация данного параметра по отношению к себе составила 113:148 единиц, а в отношении будущего партнёра 3:7. Большое число единиц в отношении женщин подтверждает принятое в обществе представление о роли матери.

Категория образования реализуется в виде специально выделенных рубрик во всех русскоязычных объявлениях при самопредставлении, в анкетах на польском языке – в четырёх для самохарактеристики и в одной для определения требований к будущему партнёру. Во всех типах анкет данная рубрика называется одинаково: „образование” – в русскоязычных анкетах и „wykształcenie” –

в анкетах польских. Число таких единиц составило, соответственно, 246:260 и 209:258.

Требования в отношении образования у партнера нашли свое отражение в основном в рамках рубрик, предназначавшихся для характеристик другого рода. Число таких единиц составило 6:3 в русских текстах и 43:15 в польских.

Среди исследованных нами русскоязычных сайтов в трёх специальное место было отведено для определения себя с точки зрения характера трудовой деятельности с названиями „работа” или „место работы”. Специальной рубрики для такого определения в отношении партнера нет ни в одном объявлении. В числовом отношении данный параметр выглядит так 115:109 (для себя) и 0:0 (для партнера).

Из пяти типов польских анкет только один предлагает пишущему высказаться по данному поводу, причём как в отношении себя, так и будущего партнёра, в выделенных для этого рубриках с названием: „aktualne zażęcie”. Специально отведённые места заполняются обычно кратко, о своей работе подробнее сообщают в других местах объявлений. Всего единиц характеристики своей работы встретилось 39:27, а единиц, определяющих трудовую деятельность будущего партнёра, 17:10.

Параметр материальной обеспеченности не был предусмотрен создателями как русско-, так и польскоязычных анкет. Реализация его осуществляется только по собственному желанию в разных местах объявлений. На эту тему высказываются и мужчины, и женщины, как при самопредставлении, так и при определении искомых качеств партнера: 14:6 единиц самопредставления и 12:2 для партнера в русскоязычных анкетах; 8:17 и 32:15 – в польскоязычных.

Работа и материальное обеспечение как параметры чаще актуализируются в анкетах мужчин, что соответствует представлению о роли мужа – содержателя семьи.

Вероисповедание предусмотрено создателями трёх русскоязычных сайтов в виде рубрики „религия”. Случаев упоминания о своих религиозных убеждениях встретилось 120:127. Одна из анкет предоставляет возможность охарактеризовать по этому признаку также предполагаемого партнёра. С этой целью выделена рубрика „искомая религия”. Характеристика по признаку вероисповедания партнера обнаружилась в количестве 20:13.

Среди просмотренных нами польскоязычных объявлений только в одном была предусмотрена рубрика с названием „wyznanie” для определения вероисповедания как пишущего, так и партнёра. Единичные случаи упоминания о религии, своей и партнера, встретились при характеристике других показателей. Всего

таких единиц оказалось 30:23 для самопредставления и 12:4 в отношении партнера.

Взаимоотношения между полами в текстах брачных объявлений определяются на основе признаков, приписываемых себе и параллельно – выдвигаемых по отношению к предполагаемому партнёру. Признаки эти укладываются в рамки определённых параметров (категорий). Их лингвокультурный характер, свойственный данному типу текстов, определяет их типизированность, имеющую своё языковое выражение и соответствующую представлениям данного общества.

Сопоставив число реализаций таких параметров между собой и с общим числом рассмотренных объявлений, можно сделать вывод о том, что поиск мужа или жены, а также определение брачных взаимоотношений осуществляется на основе критериев, которые 1) могут представлять примерно равную актуальность как для самопредставления, так и в отношении партнера (параметр „черты характера и особенности поведения”, к примеру), либо 2) относиться предпочтительно или исключительно к характеристике себя самого (параметры внешней характеристики, работа, семейное положение).

Сравнивая числа, представляющие позицию женщин в отношении себя или партнера-мужчины, с такими же, отображающими позицию мужчин, можно прийти к общему выводу, что женщины характеризуют себя и партнёра более основательно: число единиц, ими употребляемых, превышает обычно число в мужских объявлениях. Однако в этой закономерности есть исключение в отношении категорий работы и материальной обеспеченности, которые по количеству единиц можно определить в первую очередь как мужские.

Сопоставление по языкам позволяет увидеть отличия в количестве представлении некоторых категорий. Русскоговорящие заметно больше внимания при поиске партнёра уделяют таким параметрам, как работа и вероисповедание, тогда как в анкетах на польском языке чаще актуализируется категория вредных привычек.

Представленный в статье материал следует рассматривать как первый этап лингвокультурного исследования отношений мужчин и женщин как предполагаемых брачных партнеров на основании избранного типа текстов. Была предложена схема последующего анализа, смысл которого состоит в более подробном исследовании языковых единиц, встречающихся в брачных объявлениях в рамках названных категорий с целью выявления частных лингвокультурных параметров мужского и женского типов самопредставления, а также характеристики представителя противоположного пола для установления с ним возможных в дальнейшем контактов

и отношений. Одну из проблем, предполагающих специальное изучение, составляет определение характера взаимозависимости между употребляемыми в рамках выделенных категорий системными единицами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базылев В.Н. Брачное объявление – опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания. М., 2000.
  2. В этот день 309 лет назад было опубликовано первое брачное объявление. Новое телеграфное агентство. Приволжье. 19.07.2004. <http://www.nta-nn.ru/?id=61386>
  3. Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва, 2001.
  4. Протопопов А. Некоторые статистические данные по эффективности брачных объявлений. <http://protopop.chat.ru/adseff.html>
  5. Sobstyl K. Socjolingwistyczna charakterystyka nadawcy w niemieckich i polskich ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych // Socjolingwistyka. XV.
  6. Spławska-Murmyło M. Nadawca i odbiorca w internetowych anonsach towarzyskich. Od struktury językowych ku obrazowi świata. <http://www.cyberforum.edu.pl/teksty.php3?ITEM=57>
  7. Wojtak M. Z problematyki opisu stylu tekstów użytkowych na podstawie analizy ogłoszeń matrymonialnych // Poradnik Językowy. Z. 2.
- © Анета Банашек-Шаповалова, 2006

Кайгородова Н.Г.
Екатеринбург

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Abstract

Kajgorodova N.G. Sociocultural Stereotypes in Communicative Behaviour. Lingvocognitive Aspect. The article presents an analysis of sociocultural stereotypes and their influence on the pattern of speech behaviour. The author has chosen two well-known stories by A.P. Chekhov «The death of the bureaucrat» («Смерть чиновника») and «The stout and the thin» («Толстый и тонкий») as the basis of the research. The above-mentioned stories attracted the author's attention by the vividness of the sociocultural background which helps discover the social status of the participants of communication, their relationship, communicative intentions and personal characteristics.

****

На современном этапе развития когнитивной лингвистики, – когда коммуникативная и когнитивная функции языка признаны нерасторжимыми и активно формируется когнитивно-дискурсивный подход в анализе различных языковых явлений, – представляется перспективным исследование факторов когнитивного характера, влияющих на выбор человеком той или иной коммуникативной модели поведения и дальнейшее ее варьирование в ходе коммуникации. Языковая личность вступает в общение всегда со своим особым ментально-лингвальным комплексом, включающим типичное и индивидуальное одновременно, причем ти-

пичное в нем задано тем или иным социально-лингвокультурным сообществом и тем социумом, в котором происходит становление языковой личности. Одним из следствий этого является наличие в когнитивном пространстве личности фреймовых структур – стереотипных представлений, – влияющих на речевое поведение.

В связи с этим нам представляется интересным исследовать стереотипы-представления и их влияние на модель речевого поведения. Приведем некоторые теоретические положения в качестве исходной точки нашего исследования.

Каждая личность обладает собственной картиной мира – *индивидуальным когнитивным пространством*. Но при этом становление личности происходит в обществе (в процессе социализации), и каждый человек входит в некоторые группы, объединенные либо одним каким-либо признаком (профессией, возрастом, конфессией, уровнем образования, или чем-либо другим) – социумы, либо группы, в основе которых лежит совокупность признаков (язык, культура, история, религия и т.д.) – национально-лингвокультурные сообщества. А потому, помимо индивидуального когнитивного пространства, каждый «человек говорящий» обладает еще и *коллективными когнитивными пространствами* тех социумов, в которые он входит, и *когнитивной базой* того национально-лингвокультурного сообщества, членом которого он является.

Исследование ментально-психической природы когнитивных феноменов привело к необходимости выделения фрейм-структуры, которая «есть когнитивная единица, формируемая клише сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» [Красных 2002: 167]. Как фреймовая структура рассматривается стереотип – «некоторое “представление” фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типового” фрагмента реального мира» и обусловленная национально-культурной спецификой [Красных 2002: 177-178]. Выделяются сценарные стереотипы, стереотипы-ситуации и стереотипы-образы.

Стереотипы формируются под влиянием коллективного когнитивного пространства, в опоре на когнитивную базу с характерными для нее национальными и культурно-историческими параметрами. Однако, т.к. возможность общности когнитивной базы коммуникантов достаточно велика, в коммуникации решающую роль, скорее, будет играть специфика стереотипов, заданных *социумом*, проявляющихся как в форме стереотипа мышления, так и стереотипа поведения личности, – те отраженные в сознании личности как «норма» схемы поведения (в том

числе и речевого), которые осознанно или неосознанно будут использоваться говорящим в зависимости от «образа» собеседника, значимых для данного коммуниканта особенностей речевой ситуации и собственно дискурсивных качеств. Учитывая специфику формирования и функционирования данных стереотипов, воспользуемся термином Ю.Е. Прохорова «социокультурный стереотип».

Включенность в коллективное когнитивное пространство собеседников тех или иных социокультурных стереотипов может отражаться на нескольких компонентах коммуникации: 1) это напрямую заданные социумом статусные роли, предписывающие некие стратегии речевого поведения, включая и этикетные формулы, тему и акустические параметры дискурса, жестово-пространственное поведение коммуникантов и т.п.; 2) социумом в немалой степени задается апперцептивная база человека – тот жизненный опыт, знание и представления о мире, что накоплены человеком в процессе социализации; 3) принадлежность к определенному социуму формирует некоторые типичные черты способа языкового представления картины мира (безусловно, с учетом индивидуальных, личностных качеств коммуниканта).

Рассмотрение коммуникации в данном аспекте позволяет включить в описание анализ не только собственно языковых свойств, но и релевантных социопрагматических факторов, детерминирующих речевые стратегии и конкретные языковые выборы коммуникантов в процессе общения таких, как тип социального контекста, актуализируемый интерактивный фрейм, ситуативно-ролевые, статусные и дистантные отношения, социально значимые ценностные установки и т.д. [Цурикова 2000: 205].

Имеющиеся в сознании участников дискурса стереотипные представления могут активизироваться, оказывая влияние на представление о модели текущего дискурсивного события, основанное на интерпретируемых семантических и интеракциональных значениях, а также на социокультурно разделяемых знаниях как языкового, так и неязыкового характера, составляющих оперативный фундамент коммуникативного поведения человека и входящих в фонд общих знаний собеседников (что и называем, вслед за М.М. Бахтиным, апперцептивным фоном собеседников, являющимся одним из решающих факторов исхода коммуникации). Успешность дискурсивного взаимодействия коммуникантов во многом зависит от того, насколько совпадают их когнитивные модели текущего речевого события: отсутствие у одного собеседника социокультурного стереотипа, актуализированного в речевом поведении другого, или его осознанное нежелание следовать стереотипным «предписаниям» могут привести к коммуникативному сбою. В некоторых случаях такое несоответствие моделей становится причиной коммуникативного провала (что мож-

но наблюдать в речевых событиях, в большей степени регламентированных статусно-ролевыми нормами поведения).

Продemonстрируем влияние социокультурных стереотипов на ход коммуникации на примере анализа диалогов в художественных текстах (принимая во внимание, что художественная литература способна весьма полно воссоздать речевую деятельность людей, причем мы имеем возможность составить представление и о экстралингвистических факторах, включая и социокультурный контекст текущего речевого события).

Для наибольшей наглядности способа и последствий реализации социокультурных стереотипов в коммуникативном поведении остановим выбор на двух рассказах А. П. Чехова – «Смерть чиновника» (1883) и «Толстый и тонкий» (1883), – привлекающих нас явностью социокультурного контекста, ярко представляющих социально-ролевые характеристики коммуникантов, их отношения, интенции, личностные частные демографические особенности, социальную принадлежность и т.д. Благодаря комическому ракурсу рассказы (как и многие комические тексты вообще) моделируют гипотетическую игровую ситуацию, в гиперболизированном виде воплощающую стереотипы, сложившиеся на протяжении веков в определенном социуме.

Рассказ «Смерть чиновника» включает пять коротких диалогов, объединенных коммуникативной целью одного из героев – принести свои извинения за якобы нанесенное оскорбление вышестоящему лицу. Рассмотрим первое речевое событие, значимые для нас компоненты которого мы можем выделить из додиалоговой части рассказа: происходит диалог «в один прекрасный вечер» в театре, его участники – экзекутор Иван Дмитрич Червяков и статский генерал Брижжалов. Отметим, что социальные статусы героев в данной ситуации – во время театрального представления – должны отступить на второй план, оттесняемые общей для коммуникантов социальной ролью «театральный зритель», что обуславливает паритетность в общении. Как видим, изначально речевая ситуация не является конфликтной, и извинение Червякова за чихание («Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...») вполне естественно принимается Брижжаловым («Ничего, ничего...»).

На том бы диалог и закончить, однако неспроста автор рассказа в первую очередь вводит социальные характеристики персонажей. Дело в том, что Червяков выстраивает свою коммуникативную модель не на позициях «театральный зритель» – «театральный зритель» («личность» – «личность»), а в рамках взаимодействия социальных статусов «экзекутор» – «статский генерал» («подчиненный» – «начальник»), что исключает паритетность в отношениях. Именно в соотносении с социальной принадлежностью в коллективном когнитивном пространстве Червякова выявляется сте-

реотип-образ *'начальник'*, формировавшийся веками и, в силу историко-культурных особенностей развития России, в конце XIX века четко актуализирующий такие предсказуемые ассоциации, как *'власть, наказание, зависимость, необходимость угождать'*.

Такой «сбой» в восприятии собеседника объясняется тем, что свою модель мира Червяков выстраивает в соответствии с социальной иерархией – картина мира, в основу которой положена «Табель о рангах», является для него первичной, а потому общечеловеческие нормы поведения, обуславливаемые речевой ситуацией, вытесняются в сознании Червякова социальными стереотипами поведения, причем даже в тех случаях, когда условия коммуникации не предполагают актуализации данного стереотипа. Для Червякова принцип социальной дифференциации исключает мысль о том, что люди могут быть равны и могут проявлять общечеловеческие свойства. Чихание – это тоже свойственно всем людям: «Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков нисколько не сконфузился...»; однако ему «пришлось сконфузиться» при виде «статского генерала, служащего по ведомству путей сообщения», в присутствии которого сам Червяков осознает себя не человеком, а лишь чиновником, и потому выстраивает свою модель коммуникации по «чиновничьему» сценарному стереотипу. Социокультурный стереотип-образ *'чиновник'*, означенный уже в названии рассказа и раскрывающий социальную самоидентификацию главного героя (учтем культурно-исторический фон повествования) актуализирует такие ассоциативные связи, как *'маленький человек, подчиненность, незначительность, обесцененность личности'*, и влечет за собой реализацию сценарного поведенческого стереотипа, основой которого является самоуничижение, самообесценивание, демонстрация своей зависимости от «значительного лица»: «Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Активизация данных стереотипных представлений на когнитивном уровне (стереотипов-образов *'чиновник'* и *'начальник'*, стереотипа-ситуации *'провинность перед начальником'* и сценарного стереотипа *'заслужить прощение начальства'*, находящихся в отношениях причинно-следственной связи) диктует определенную организацию вербально-семантической составляющей коммуникации, отражаясь на:

а) лексико-семантическом уровне организации реплик Червякова: выражение своей провинности, причем непреднамеренной, и просьба о прощении («Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...», «Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!», «...Простите... Я ведь не то чтобы...» и т.п.), подчеркивание статусной дистанции с помощью грамматических форм в обращении («ваше-ство»), употребления частицы «-с», присоединяющейся к слову «для придания речи

оттенка подобострастия, вежливости» [Ожегов 1997: 691]. Выражение своей незначительности и, напротив, важности лица собеседника («...ежели припомните, ваше-ство...», «Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!...», «Я вчера приходил беспокоить ваше-ство...», «...а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...»);

б) интонационном уровне, несущем огромную прагматическую нагрузку, реализующем все то же заданное стереотипом стремление к самоуничтожению и самообесцениванию, – интонационная сбивчивость, прерывистость фраз, интонация прошения, выраженные синтаксическими особенностями построения реплик, обилием пауз, графически обозначенных многоточием, а также акустическими особенностями речи («кашлянул», «зашептал генералу на ухо», «пробормотал», «начал докладывать», «спросил шепотом, млея от ужаса»);

в) усиливает и дополняет интонационный уровень (в силу «неозвученности» речи) жестово-мимическое и пространственное поведение Червякова («подался туловищем вперед», «skonфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену», «походил вокруг него и, поборовши робость, пробормотал...», «бледнея»).

Далее отметим, что стереотипный сценарий предписывает определенные психологические реакции и – на их основе – поведенческие модели всем участникам коммуникации, в связи с чем можно говорить об ожидаемости реакции собеседника и некоторой предопределенности исхода коммуникации. Червяков, ожидая от Бризжалова «начальнического» поведения (гнева вышестоящего лица), даже отсутствие такового интерпретирует все-таки в рамках стереотипа: «Забыл, а у самого *ехидство* в глазах, – подумал Червяков, *подозрительно поглядывая* на генерала. – И говорить не хочет...», «*Говорить не хочет!* – подумал Червяков, бледнея. – *Сердится*, значит...» – что воспринимается им как ситуация «непрощения» и заставляет снова и снова предпринимать попытки заслужить прощение генерала, доводя ситуацию до абсурда.

Печальная комичность рассказа в аспекте когнитивно-дискурсивного его анализа на том и основана, что стереотипное поведение Червякова, живущего в мире не человеческом, а чиновном, абсолютно не оправдано самой коммуникативной ситуацией. Коммуникативная модель Бризжалова в этой же ситуации базируется не на социальной иерархии, а на общечеловеческих нормах, что, кстати, не исключает наличия в его когнитивном пространстве стереотипной модели «начальник – подчиненный», но говорит о гибкости, подвижности этих моделей, актуализирующихся только в определенных коммуникативных ситуациях, т.е. только тогда, когда они уместны. В театре Бризжалов в первую очередь осознает себя человеком, зрителем, но не статским генералом, потому он и извиняет

Червякова, проявившего свою «человеческую природу». Однако при столкновении с назойливым и, по сути, неуместным поведением Червякова коммуникативная модель Брижжалова, поначалу выстраивающаяся на паритетных позициях «театральный зритель» – «театральный зритель» (на вербально-семантическом уровне это проявляется в использовании «Вы»-общения и общепринятой лексики, не несущей экспрессивной нагрузки гнева; и даже последующие реплики Брижжалова, выражающие недовольство, раздражение («Какие пустяки... Бог знает что!», «Да вы просто смеетесь, милостисдарь!»), все еще остаются в рамках общечеловеческих отношений), перестраивается в модель, основанную на социальных стереотипах «начальник» – «подчиненный» – в тот момент, когда собеседник не оставляет ему иного выбора, кроме как действительно проявить «начальнический гнев»: «Пошел вон!!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал», «Пошел вон!!! – повторил генерал, затопав ногами». Повторим, что такая «метаморфоза» коммуникативной модели Брижжалова является вынужденной, в основе своей имеющей все-таки человеческие мотивы (эмоции человека, доведенного до гнева), а не социокультурные стереотипы, однако само коммуникативное поведение этим стереотипам полностью соответствует.

Изменение коммуникативной модели под влиянием социокультурных стереотипных представлений, базирующихся на социально-классовой иерархии, ярко представлено и в коммуникативном поведении персонажа другого, не менее известного рассказа А. П. Чехова – «Толстый и тонкий». В этом рассказе смена коммуникативной стратегии тонкого, – имеющего так же, как и Червяков, четко выстроенную по социальным критериям картину мира, закрепляющую место и значение каждого человека в зависимости от его статуса в обществе, – в сравнении с предыдущим примером еще больше противоречит исходным компонентам коммуникативной ситуации, что приводит так же к абсурдному исходу диалога, в морально-нравственном отношении равному трагедии.

В диалоге толстого и тонкого тоже можно выделить две коммуникативные модели поведения. Первая строится на социальных ролях «друг детства» – «друг детства», в рамках которой диалог представляет собой гармоничное паритетное общение. Во второй же части диалога коммуникативная модель тонкого резко меняется после введения информации о социальном статусе толстого («Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею»), что актуализирует в когнитивном пространстве Тонкого социокультурный стереотип «вышестоящий по чину», по ассоциативному полю близкий к стереотипу «начальник», анализируемому выше.

В целом, трансформация коммуникативной модели тонкого и ее причина (влияние социокультурного стереотипа) аналогичны тем

изменениям коммуникации, что мы наблюдали в диалоге героев рассказа «Смерть чиновника», поэтому кратко рассмотрим, как реализуется стереотип «вышестоящий по чину» на различных уровнях данной коммуникации.

Как уже говорилось выше, первая часть диалога, строящаяся на позициях «друг детства» – «друг детства», представляет собой гармоничное общение, что реализуется: 1) в типичном для встречи старых друзей «наборе» тем диалога: от первого удивления и радости («Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!»)/«Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?») к общим воспоминаниям («В гимназии вместе учились!... Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил... Детьми были!») и к расспросам о настоящей жизни («Ну, как живешь, друг?... Служишь где? Дослужился?...»); 2) на лексико-семантическом уровне организации реплик: «Ты»-общение, употребление слов, экспрессивно окрашенных, выражающих взаимное расположение и дружескую симпатию («Голубчик мой!», «Друг детства!», «Милый мой!», «ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи!»); 3) на интонационном уровне, что передается и синтаксическим оформлением речи (обилие восклицаний, вопросов, короткие реплики «бегут» друг за другом, «подгоняемые» всплеском эмоций); 4) в жестово-мимическом поведении собеседников («Приятельи троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез», «спросил толстый, восторженно глядя на друга»).

Но коммуникативное поведение тонкого адекватно коммуникативной ситуации только до тех пор, пока он не узнает о том, до какого чина «дослужился» толстый. Эффект, произведенный этой новостью, автор выразил гротескно: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился...». Конечно, это художественный прием, но нам он дает возможность увидеть «переворачивание» сознания героя, переставшего быть «другом детства» и превратившегося в «низшего по чину» чиновника. Резко меняется коммуникативная модель тонкого – слишком глубоко в его сознании закреплены социальные стереотипы чиновной иерархии, что реализуется в его речевом поведении: подобострастие и угодничество, «предписываемые» стереотипами «вышестоящего» тайного советника и «низшего по рангу чиновника», «маленького человека» на всех уровнях организации реплик: обращении («Я, *ваше превосходительство...*», «*Что вы-с...*»), употреблении частицы «-с», дистанцировании и демонстрации своего «ничтожного» положения («Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с...»), употреблении шаблонных,

стереотипных фраз («Милостивое внимание вашего превосходства... вроде как бы живительной влаги...»).

Толстый предпринимает попытку вернуться на позиции друзей детства («Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!»), но ему это не удается, и диалог рушится: «Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал...»).

Надо сказать, что влияние стереотипных представлений на ход коммуникации может быть как негативным, так и весьма положительным – при условии, если один и тот же стереотип актуализируется в когнитивном пространстве обоих (или всех) коммуникантов. У того же А. П. Чехова мы можем найти примеры, когда рассмотренные социокультурные стереотипы «начальник», «подчиненный» актуальны для обеих сторон коммуникации и их коммуникативные модели, таким образом, совпадают (примерами могут служить диалоги в рассказах «Торжество победителя», «Справка», «Альбом», «Хамелеон», «Маска» и др.).

Итак, на примере двух рассказов А. П. Чехова мы попытались продемонстрировать влияние социокультурных стереотипов на моделирование коммуникативной ситуации собеседниками. Однако здесь нужно обозначить круг проблем, возникающих при подобном лингвокогнитивном анализе. Первый и, как нам кажется, самый проблематичный – вопрос о соотношении подобного лингвокогнитивного анализа и собственно литературоведческого. Как уже говорилось выше, диалог в художественном произведении мы принимаем за вполне полноценное речевое событие, позволяющее анализировать основные составляющие коммуникации. Анализ языкового материала художественной литературы в когнитивно-дискурсивном аспекте, притом, что имеет иные задачи, не только не разрушает художественного замысла автора, но порой становится подспорьем в его раскрытии, как, например, в нашем случае: гипертрофированная стереотипность сознания и, как следствие, жесткость, ригидность, непластичность, неоправданность и неуместность поведения, в том числе и коммуникативного, являются катастрофичными, лишая человека гармонии в отношениях с миром и с собой, – а в художественном мире А. П. Чехова ведя к смерти и духовной, и физической. Однако нельзя полностью исключать присутствие в тексте автора, творящего свой – художественный – мир по особым законам искусства и воплощающего свою концепцию, реализующуюся и в субъектной организации текста в том числе. Важно найти ту точку баланса, или пересечения, в которой оба вида анализа, не нарушая границ «территории» друг друга, позволят наиболее полно раскрыть механизм развития коммуникации и принципы моделирования ком-

муникативного поведения. Данному вопросу будет уделено должное внимание в дальнейших исследованиях.

Следующий вопрос – лингвокультурологический фон создания и функционирования социокультурных стереотипных представлений. Стереотип всегда формируется в социуме, отражая его историко-культурные особенности, и характеризует степень социализации личности, являющейся частью этого социума. Ж. Пиррот считает, что «стереотип общественного сознания всегда социально организован, функционирует на основе какого-то определенного социального заказа. Смена стереотипов... всегда связана со сменой коллективных убеждений, которые в свою очередь являются результатом коллективных действий, определяющих качественное изменение жизни целого социума» [Прохоров 1996: 72]. Такую смену стереотипных представлений можно продемонстрировать и на примере анализируемого нами стереотипа «чиновник»: с изменением историко-культурного фона несколько изменилось и ассоциативное поле данного стереотипа – набор «негативных» ассоциаций еще сохраняется в нашем обществе, но «угодничество», «подобострастие», «самоуничтожение» и подобные ассоциации уже не являются частотными, жестко закрепленными в сознании носителей современного языка, что подтверждает, например, исследование «Образ чиновника в современной России» Е.В. Харченко [Харченко 2003: 173-183]. Поэтому исследование влияния социокультурных стереотипов на моделирование коммуникации невозможно проводить без учета историко-культурного фона их создания и функционирования. (В случае рассмотрения с этой точки зрения диалогов в чеховских рассказах этот вопрос, кстати, не стоит столь остро, так как социальная проблематика, и проблема «чиновника», «маленького человека» в том числе, исследована в полной мере литературоведами – и не только в творчестве А. П. Чехова, – что в сочетании с данными исторической науки представляет весьма полную картину истории формирования стереотипа «чиновник» в XIX веке.)

Далеко не в каждой коммуникации мы можем наблюдать столь явное влияние стереотипных представлений на выстраивание модели события, однако можно с уверенностью говорить о том, что в когнитивное пространство каждого человека входят сценарные фреймы коммуникативных событий (основанные на национально-культурных, социокультурных, гендерных стереотипных представлениях), включающие представления о последовательностях действий, составляющих эти события, информацию об условиях успешности реализующих эти действия речевых актов, а также культурно обусловленные оценки значимых для данных коммуникативных событий социальных факторов.

Исследование дискурса в означенном направлении позволит проследить репрезентацию в коммуникации стереотипных пред-

ставлений личности, их детерминантную роль при выборе той или иной стратегии речевого поведения, возможность трансформации самого дискурса в зависимости от интерпретации стереотипов собеседниками, что, в рамках теории речевых актов, позволит углубить представление о механизме речевого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и толковых выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник. 1997.
4. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
5. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
6. Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003.
7. Цурикова Л. В. Когнитивный анализ социопрагматических аспектов дискурса // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. Шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11 – 14 сент. 2000 г.: В 2 ч. Ч. 1. Тамбов, 2000.
8. Чехов А. П. Толстый и тонкий: Рассказы. – М.: Художественная литература, 1985.

© Кайгородова Н.Г., 2006

Ларионова А.Ю.

Екатеринбург

ОТНОШЕНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ДИСКУРСЕ: АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Abstract

Larionova A. Discourse preferences: Aspects of analysis. The article is a survey of the main aspects of informal students' discourse. This article is by no means a complete survey of the students discourse. It presents only essential fragments of the mental lexicon of the students community. The author has chosen texts relating to comparative value of various social situations (referential aspect of preferences). The main pragmatic purpose of such texts is adjustment to comparatively changeable environment. Socially oriented graffiti texts served as material for the investigation.

****

Когнитивная лингвистика как ветвь лингвистического функционализма сосредоточена на разных типах функций, в частности, на коммуникативных установках [Кибрик 1994: 126], представляющих собой «ментальные» основы понимания и продуцирования речи. Согласно когнитивным целям и задачам человек изучается не просто как система переработки информации, но как система мобили-

зации информации для рационального решения разумно формулируемых задач [Демьянков 1994]. Мобилизация информации зависит от ряда факторов, таких, как 1) ситуация, 2) установки социума, 3) личностные установки. Личностные установки представляют собой совокупность фиксированных и альтернативных фиксированных установок. Под первыми понимаются все возможности субъекта, под вторыми – лишь некоторые, достаточные для решения определенной задачи [Гелашвили 1990: 34]. Формирование альтернативных фиксированных установок базируется на отражении тех составляющих, которые представляются продуценту речи наиболее важными, т.е. не мира в целом, а лишь его пиков, в противном случае выражение всех свойств объекта в каждый отдельный отрезок времени затрудняло бы общение [Почепцов 1990; Роль ... 1988: 88]. Способность говорящего фокусировать свое сознание на отдельных свойствах, т.е. на ограниченном фрагменте мира, в каждый данный момент У. Чейф обозначил термином активация [Кибрик 1994: 130]. Благодаря активации конкретный речевой акт отражает только определенное свойство или часть свойств объекта и только те средства номинации, которые актуальны для продуцента речи в конкретный момент в конкретной ситуации. С приведенными тезисами тесно связано положение о разной «глубине залегания» культурных установок в языке [Опарина 2004: 60; Плисецкая 2003], а также обоснование принципа приоритета, первичная прагматическая функция которого состоит в усилении коммуникативно наиболее значимых и ослаблении менее значимых компонентов смысла [Бергельсон, Кибрик 1981: 342].

На основании сказанного можно говорить о том, что установка представляет собой некую внутреннюю программу реализации способностей личности, зависящую от ментальности и проявляющуюся в общей направленности индивидуального внутрисоциумного речетворчества. В рамках установки реализуются предпочтения, представляющие собой некоторое универсальное свойство, качество личности, которая всегда находится в состоянии выбора, т.е. должна что-то предпочесть чему-то. В процессе выбора индивид стремится ощущать себя свободным, стесненным лишь чисто неофициальным контролем [Белл 1980: 138]. В результате в рамках социума он «выбирает наиболее благоприятный для себя путь, который в то же время является одним из реализуемых в данной среде», т.е. индивидуальные установки и предпочтения «уподобляются» социумным [Князева, Курдюмов 1997; Слышкин 2000] (уже в этом есть факт выбора). Постоянная ориентированность на свершение выбора является одной из наиболее значимых черт личности как социокультурного типа [Пелипенко, Яковенко 1998: 333].

Данные положения закономерно проецировать на исследование любого дискурса, т.к. продукт его речетворчества как единого процесса мышления и продуцирования текста иллюстрирует предпочтения социума, репрезентированные в актуальных темах и средствах их материализации. Так как акты выбора и организации языковых средств зависят от менталитета, национального характера, личностных свойств, коммуникативного намерения, предпочтения нельзя считать чисто языковым явлением. Их исследование может интерпретироваться в разных аспектах: лингвистическом, социолингвистическом, лингвокультурологическом, психолингвистическом, когнитивном. В рамках данной статьи предпочтения рассматриваются в синкретичном аспекте ментальности и языковой когниции конкретного социума (несмотря на размытость понятия *когниция*, в данном случае мы используем трактовку В.З. Демьянкова, понимающего под языковой когницией отбор индивидом из богатства языка именно данных его средств). Предпочитаемый подход к решению проблем, или когнитивный стиль, как предмет рассмотрения интересен тем, что «характеризует поведение индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей» [Демьянков 1994]. Таким образом, когнитивный стиль есть одновременно результат установок и руководство в формировании языковых стереотипов, репрезентирующих, в частности, отношения предпочтения.

Каждый коллектив представляет собой социум, обладающий локальной культурой. Несмотря на то, что коммуникация «напоминает» индивидам о существовании общепринятых норм и правил (и не только языковых), она все же работает на закрепление и стабилизацию *реального* социокода [Петров 1991: 41; *выделено нами – А.Л.*]. В связи с этим особенностью локальной культуры являются «достаточно жесткие регламентации, жанровые и речевые стереотипы» [Караулов 1989], базирующиеся на определенной системе установок и предпочтений.

Материалом для наблюдений послужили социумно ориентированные тексты, фиксируемые в форме граффити на «территории» вуза, отражающие одну из сфер неформального студенческого общения. Текстовые граффити вуза могут быть отнесены к так называемым малоформатным текстам (термин см. Гурочкина, Руберт 2000), характеризующимся визуальной краткостью. В связи с коммуникативным предназначением языка малоформатные тексты представляют собой лингвистические структуры, развитие и использование которых находится под влиянием когнитивных структур. Это обстоятельство определяет языковую стратегию (формирование языковой картины мира) и языковую тактику, связанную с формированием связей между планом содержания и планом выражения [Шахнарович 2000: 55]. Малоформатные тексты в сово-

купности со всеми вариантами внутри разновидностей, выражающими отношения предпочтения (советы, рекомендации, наставления), соотносятся с более или менее стереотипными ситуациями реального мира, что вызывает различной степени стереотипизацию представления сообщения и значительно предопределяет языковой стереотип [Гурочкина, Руберт 2000: 335].

Таким образом, в любом социуме изыскиваются способы и средства формирования актуальных для него смыслов, а сами члены социума являются не просто носителями языка, а носителями определенной «концептуальной системы, на основе которой индивид понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [Павиленис 1983: 260] и в рамках которой имеет место особая направленность мысли на определенные объекты (обозначаемая термином *интенциональность*). Интенциональность реализуется в актуальных ситуациях, т.е. при таком развитии событий или тех объективных условиях, которые «субъекту ставят задачу» [Гелашвили 1990: 33].

В связи с изложенным, а также с учетом того, что «ментальный словарь» организован иначе, чем какой-либо из имеющихся ныне печатных словарей [Залевская 1990: 48], разработка различных сторон организации ментального лексикона (*включая обусловленные установками и предпочтениями*. – А.Л.) является исключительно важной [Залевская 1990: 15].

Одним из аспектов организации ментального лексикона студенческого социума является рассмотрение текстов неформального студенческого дискурса о сравнительной ценности жизненных ситуаций (референциальный аспект предпочтений). Основное прагматическое назначение текстов данной тематической сферы – путем описания необходимых или предпочтительных действий адаптироваться в относительно постоянной или меняющейся среде [Гурочкина, Руберт 2000: 335-336]. Принимая во внимание, что в языковую способность человека входит способность представлять и описывать наблюдаемое явление или ситуацию по-разному [Langacker 1987, цит по: Кубрякова 2000: 26; Телия 1996:128-129], возможно предполагать разные языковые стереотипы для описания предпочтительных действий (лингвокогнитивный аспект предпочтений). Таким образом, при разграничении признаков следует иметь в виду, что предпочтения касаются как самих пропозиционных действий (опора на логическую противопоставленность), так и средств их вербализации: конструктивных, лексических, коннотативных – экспрессивно и стилистически маркированных (опора на семантическую – шире, лингвистическую – противопоставленность). Следует также учитывать, что отношения предпочтения, когнитивные по природе, в языковом стереотипе имеют разные

аспекты характеристики и соответственно могут быть выявлены и описаны на основе разных оппозитивных признаков.

В связи со сказанным попытаемся представить обзор аспектов рассмотрения отношений предпочтения в неформальном студенческом дискурсе, позволяющих хотя бы фрагментарно описать одну из сфер организации ментального лексикона студенческого социума.

1. Формулы предпочтения с точки зрения структурной организации:

- лучше-предложения (термин Н.Д. Арутюновой) как общие формулы предпочтения, основанные на контрасте двух ситуаций: эксплицированная двухчастная структура «лучше ..., чем ...», в которой одна ситуация признается лучше другой: *Лучше выпить банку ртуту, чем учиться в институте* (наиболее частотные случаи); эксплицированная одночастная структура «лучше ...», в которой репрезентируется та ситуация, которая признается лучшей, а название отвергаемой ситуации отсутствует: *Старый коньяк лучше новых двух*. Пропозиции высказывания соединены компаративом лучше и имеют разные способы выражения: инфинитив (*Лучше вскрыть на ж...е вены, чем дожидаться перемены*), слова категории состояния, наречия (*Лучше плохо, чем никогда*; *Иногда – лучше, чем никогда*), сравнительная степень прилагательных (*Старый друг лучше двух подруг*), имена существительные как «свертки» пропозиций (*Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке*), иные способы (*Лучше нет красоты, чем пописать с высоты*);

- императивные конструкции, фиксирующие более категоричные (в силу семантики императива), чем в лучше-предложениях, «рекомендации» делать так, а не иначе. В таких конструкциях обычно несколько пропозиций, одна из которых включает совет, рекомендацию, а другая отражает отвергаемую альтернативу (как правило, это последствия «неследования» совету). Если императив может быть трансформирован в лучше-предложение без потери смысла, его можно в конкретном случае квалифицировать как формулу предпочтения: *Учитесь на ошибках своих родителей! Пользуйтесь презервативами!* → лучше пользоваться презервативами, чем допускать ошибки родителей (вероятно, собственное появление на свет трактуется как «недогляд» родителей и ошибка природы), *Забудьте о родах, чтобы не было уродов!* → лучше не рожать совсем, чем рожать неполноценных детей; *Сторонники однополрой любви, откликнитесь, остальным просьба не беспокоить!* → лучше, чтобы для общения откликнулись люди нетрадиционной сексуальной ориентации, и нежелательно, чтобы откликнулись «традиционники»; *Пусть стены этого сортира украсят юмор и сатира!* → возможна вариативная интерпретация: лучше, если на стенах туалета будут юмористические граффити, чем

похабные; лучше, если на стенах туалета будут граффити, чем без них; *Послать бы на х...й всех поэтов, кто пишет здесь, а не в газетах* → лучше писать не на стенах, партах и пр., а в предназначенных для публикаций изданиях (хотя то, что представлено в граффити, вряд ли возможно в полном объеме опубликовать в официальном издании), но вот парадокс: «разумное пожелание» само фиксируется в форме граффити; *Студент! Спи спокойно! Родине нужны здоровые специалисты!* → лучше быть здоровым специалистом, чем больным (здоровый специалист принесет больше пользы); *Не пейте водку: в ней есть вода* → лучше пить просто спирт, чем спирт, разбавленный водой и пр.

Приведенные примеры свидетельствуют, что императивные конструкции способны выполнить функцию формулы предпочтения и представляют собой языковой стереотип выражения предпочтения. Иногда подобные смысловые конструкции могут объединить в себе компаратив *лучше* и императивную форму, которая легко переводится в инфинитивную: *Лучше не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут* → *Лучше не верить девичьим слезам: ....*

2. Конкуренция нормативных / табуированных языковых средств как свидетельство их ценностного неравенства. Тексты составлены

- с помощью нормативных средств языка: *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке; Лучше выпить банку ртуту, чем учиться в институте; Лучше пиво на стройфаке, чем девчонки на химфаке.* По наблюдению В.Г. Костомарова, среди молодежи из двух возможностей обязательно выбирается то, что непривычнее [Костомаров 1999: 51] и, мы бы добавили, «сниженнее»;

- с привлечением вульгарных и обценных номинаций: *Лучше ж...ой съехать с тёрки, чем учиться на пятёрки!; Лучше нет красоты, чем пописать с высоты; Лучше лечь на гору шлака, чем на девуку из химфака.* Примерно половина анализируемых текстов данной тематической группы содержит подобную лексику.

3. Источник «нового» текста с точки зрения прецедентности. Тексты созданы

- на основе устойчивых сочетаний и выражений. Активное пополнение обширным, прецедентным по природе пластом текстов является ярким признаком речевой практики современного студенческого социума [Химик 2000, Голев <http://>]. В «новых» текстах, по наблюдению В.З. Санникова, исходные значения не исчезают полностью, а «слабо мерцают» и потому могут быть усилены и обыграны [Санников 1995: 68];

- самостоятельно составленные предложения, энергетически близкие к прецедентным текстам за счет действия «принципа аналогического распространения языковых элементов и структур»

[Шахнарович 2000: 56]: *Лучше быть единственным у многих, нежели одним из многих у единственной.*

И те и другие тексты по жанру близки рекомендациям, заповедям, советам и созданы в соответствии с указанными выше структурами.

4. Абсурдность / логичность / подтекстовость первого плана содержания:

1) тексты абсурдные, где противопоставление опирается на нелогичные оппозиции:

- лучше КАК, чем КОГДА: *Лучше подло, чем никогда. Лучше плохо, чем никогда* → абсурдность в приведенных примерах базируется на противопоставлении «разноплоскостных» атрибутов;

- не связанные между собой физиологические состояния: *Лучше переест, чем недоспать* → противопоставление опирается на реальные физиологические состояния с оценочной коннотацией «плохо», однако срабатывает стереотипное мышление: лучше иметь чего-то больше, даже в ущерб здоровью, чем меньше; *Лучше синица в руке, чем дятел в ж...е* → вторая пропозиция неясна, хотя на основе экспликации лексики низа можно предполагать некое физиологическое состояние.

Нелогичные, абсурдные тексты фактически являются полиситуативными, т.к. большинство из них составлены на основе прецедентных текстов, и возникающие образы, намеки требуют личного распознавания и интуитивного достраивания, домысливания текста. В результате они могут быть развернуты до сколь угодно количества пропозиций и, соответственно, текстов в зависимости от фантазии реципиента и интерпретационного потенциала текста. В этом смысле абсурд рассматривается как тайная кладовая рационального, его стимул. Отсутствие предметной темы, судя по его распространению в речевой практике и прагматическому приятию собеседников, представляет собой нормальную речевую акцию в разговорном общении, одной из причин которой видится реализация права личности на речевое перманентное лидерство [Князева, Курдюмов 1994]. В условиях социумного общения такое лидерство в соответствии с общей тенденцией конца XX – начала XXI века обеспечивается непохожестью, нестандартностью, продолжением смешения несоразмерного, вплоть до увлечения абсурдом [Костомаров 1999: 36]. Кроме того, существование подобных текстов в дискурсе объективно и потому, что соответствует представлению об «особой» русской лингвистической традиции, в которой язык предстает живой, динамичной структурой с элементами алогичности, стихийности, загадочности [Плисецкая 2003];

2) тексты логичные, не содержащие явного второго плана. Среди них фиксируются и самостоятельно составленные речения, и тексты, составленные на основе прецедентных (их большинство)

- с сохранением структуры первичного текста и заменой одного-нескольких компонентов референциально иными: *Старый коньяк лучше новых двух*. Следование структуре первоисточника позволяет формально уйти от традиционной и однозначной формулы предпочтения «лучше ..., чем ...», но сохранить ее с точки зрения пропозиций, вербализованных в тексте (известно, что ценность коньяка зависит от времени его выдержки). Такие формулы предпочтения Н.Д. Арутюнова называет инвертированными [Арутюнова 1985: 169]. В инверсии ценностных отношений участвуют обычно антонимические пары: в приведенном примере это старый–новый. В утверждении *Жить хорошо, а жить в кредит еще лучше*, созданном на основе известных сентенций «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше» / «И жизнь хороша, и жить хорошо», стереотипному атрибуту *хорошо* противопоставлен атрибут *в кредит*, отражающий активно пропагандируемую, заимствованную на Западе идею жизни в кредит;

- с расширением структуры первичного текста за счет экспликации дополнительно введенной пропозиции а) созданной на основе каламбурного противопоставления пропозиций: *Лучше с любовью заниматься трудом, чем с трудом заниматься любовью* → устойчивые конструкции типа «заниматься чем-либо» использованы для распространенного в последние 20 лет и востребованного в речи эвфемистичного сочетания *заниматься любовью* для обозначения табуированных для публичной коммуникации интимных отношений; *Лучше быть как все, чем все как один* → каламбурное противопоставление в данном случае дополняется приемом нанизывания прецедентных текстов; б) соответствующей значению «отрицательные последствия», которые могут наступить при невыполнении совета и которые содержат в себе его обоснование: *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, так как, услышав сто раз, можно сойти с ума*. В текстах такого рода в целом сохраняется закрепленная в пословицах логика народной мудрости «что лучше, а что хуже» (ср.: *Лучше говорить обдуманно и потом не раскаиваться в сказанном, чем говорить необдуманно и потом раскаться в сказанном*). Очевидно, что распространенный контекст оказывается сильнее простого, т.к. прагматический фокус именно в обновлении уже знакомого текста;

3) тексты, содержащие явный второй план, обычно составленные с помощью приема недосказанности: *Лучше один раз попробовать*. Учитывая логику первичного текста «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», можно предположить продолжение *чем сто раз слышать о какой-л. еде*. И это было бы логично с учетом основного значения глагола *пробовать* – *есть, пить для пробы*. Однако в конкуренцию вступает процесс домысливания на основе неосновного значения глагола *попробовать* – *попытаться что-*

то сделать. Отсутствие актантных позиций, репрезентирующих пропозиционную схему, потенцирует вариативность трансформаций ПТ за счет домысливания ситуации, происходящего в соответствии с интенцией автора и условиями презентации текста. Как способ реализации игровой установки, данный прием активизирует пусковой механизм речетворчества, результатом которого являются довольно частотные в студенческом дискурсе квазипреcedентные серии текстов. Например, первичный текст «Лучше поздно, чем никогда» провоцирует ряд трансформаций различного смыслового наполнения, одни из которых являются либо абсурдными (см. примеры п. 1), либо структурно логичными, обобщающего свойства, с возможными вариациями пропозиций (*Иногда – лучше, чем никогда; Лучше поздно, чем никому; Лучше позже, чем навсегда*), обуславливающими вариативность трансформаций прецедентных текстов. Тексты данной квазипреcedентной серии формально сохраняют безличную структуру первичного текста «лучше ..., чем ...» и в левой, и в правой частях. Однако первичные частные смыслы в зависимости от установок могут быть заменены, отчего в целом меняется вся ситуативная картинка. Например, в соответствии с правилом минимального контраста изменен знак только одного признака [Кларк 1970, цит. по: Залевская 1990: 24], а именно: в правой пропозиции безличный предикат *никогда* заменен на объектно-субъектную позицию *никому*. В целом текст узнаваем, но не тождествен первичному. Благодаря отсутствию дополнительного распространения ритмика текста сохраняется и он воспринимается как аналогичный первоисточнику (количество общих с текстом-стимулом признаков то же). Данная формальная особенность довольно частотна в трансформационных парадигмах, однако очевидно, что вторичные социумно ориентированные тексты включают иные пропозиции.

5. Приемы языковой игры. Анализируемый материал позволяет говорить о сознательной стратегии создания двусмысленных текстов, особенностью которой является обязательное предположение из нескольких вариантов интерпретации «нового» текста хотя бы одного неприличного. Если исходить из тезиса об общей оппозитивности молодежного (в т.ч. студенческого) дискурса [Химик 2000, Голев <http://>], то возможно утверждать, что именно этот неприличный вариант интерпретации является своего рода прагматическим фокусом малоформатного неофициального речетворчества. В качестве способов создания двусмысленности выступают разные приемы языковой игры, понимаемой как неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая продуцентом речи:

- сознаваемая безграмотность, например отсутствие кавычек: *Лучше скажи мало, но хорошо* → в прямом значении высказыва-

ние похоже на народную мудрость, возможную как в форме императива, так и инфинитива, с усеченной структурой второго дизъюнкта *Лучше сказать мало, но сказать хорошо*. Однако специфика дискурса (оппозитивность, бравада, подтекст, детабуизация средств и смыслов) не позволяет остановиться только на нейтральном с точки зрения этикета и риторических норм восприятии и интерпретации текста, репрезентирующего предпочтение. Обобщенный смысл приведенного варианта при восстановлении возможных кавычек существенно изменяет текст, конкретизируя его за счет актуализованной личностной семантики (приближенности к субъекту): *Лучше сказать: «Мало, но хорошо»*. Очевидно, что знак кавычек выполняет функцию специального актуализатора: «закавыченная» пропозиция имеет потенциал множественной интерпретации, и одним из вариантов направления интерпретации является актуальная для неформального студенческого дискурса тематика интимных отношений;

- омонимия и многозначность: *Лучше синица в руках, чем утка под кроватью* → парафрастическое высказывание с актуальным смыслом «Лучше вести активную жизнь, чем быть прикованным к постели». Восприятие и интерпретация текста происходит на основе контраста: потенциально возможная реализация прямого значения слова *утка* «птица», обуславливающая создание абсурдного текста (водоплавающая птица под кроватью), контрастирует с реализацией неосновного значения слова *утка* «сосуд для мочи с большим носом, подаваемый лежащим больным (мужчинам)», обеспечивающего создание логичного текста (реальная референциальная отнесенность, маркированная табуированной темой физической немощи, связанной с «территорией низа»). В данном случае, прежде чем, омонимия снимается посредством использования специального актуализатора *под кроватью*, контраст абсурдного и логичного вариантов текста достигает прагматического эффекта; *Лучше иметь синицу, когда она в руках* → возможная множественная интерпретация с очевидностью включает и вульгарный вариант, связанный с востребованным значением глагола *иметь* «использовать в своих целях; использовать для коитальных отношений», значением, которое, вопреки распространению в речи, не фиксируется в современных толковых словарях. Несмотря на то, что для русской речи омонимия «слабо характерна», русские любят выискивать ее, поэтому обыгрывание омонимии и многозначности слов и словосочетаний является одним из самых распространенных и никогда не надоедающих видов языковой игры [Костомаров 1999: 31; Санников 1995: 67];

- антонимия: *Лучше Танька в руках, чем Синди Кроуфорд в небе! Лучше пить водку маленькими стопочками, чем кидать дерьмо большой лопатой*. Контраст, формируемый на базе антонимов, существенно

усиливается благодаря явлению двойного-тройного противопоставления элементов пропозиций в условиях одного текста: *Танька – Синди Кроуфорд / "простая девчонка, без особых претензий" – "красивая, богатая, с претензиями", в руках – в небе / "близко, рядом" – "далеко, недоступно"; пить – кидать / "отдыхать – работать", водку – дерьмо / "приятное – неприятное", маленькими стопочками – большой лопатой / "удовольствие, смакование – тяжелый труд";*

- каламбурные трансформации: *Лучше стакан в зубах, чем зубы в стакане*. Подобные высказывания В.З. Санников относит к каламбурам – "маскам", сутью которых является резкое столкновение обыгрываемых слов, борьба двух смыслов [Санников 1995: 65]. В "каламбурной упаковке" даже тривиальность становится любопытным соображением [Санников 1995: 59].

6. Смысловое наполнение сентенций неформального студенческого дискурса. Анализируя русские пословицы, включающие компаратив *лучше*, Н.Д. Арутюнова выделяет формулы предпочтения со значением предписания и формулы предпочтения со значением оценки (когда смысл сентенции состоит в усилении отрицательной оценки) [Арутюнова 1985:167]. Среди зафиксированных студенческих граффити есть примеры той и другой группы:

1) тексты со значением предписания включают обычно парфрастические высказывания, построенные

- на контекстном противопоставлении паронимов: *Лучше погрязнуть в формализме, чем в формалине* → лучше жить хоть как-то, чем не жить вообще, паронимы в данном примере являются «свертками» ситуаций *при* и *после* жизни;

- на противопоставлении контекстных антонимов: *Лучше пузо от пива, чем горб от работы* → отдыхать лучше, чем работать, контекстные антонимы *пузо* и *горб* обозначают нездоровые выпуклости на человеческом теле: одна – пузо, в соответствии с русским менталитетом обычно от лени и обжорства, другая – горб – от большого количества работы в наклон; *Лучше иметь пузо от пива, чем геморрой от учебы*: помимо противопоставления контекстных антонимов *пузо* и *геморрой* высказывание экспрессивизируется за счет табуированного в публичном общении названия заболевания, связанного с темой низа. Специфика подобных контекстных антонимов заключается в возможной интерпретации их и как контекстных синонимов, имеющих общий идентификатор «выпуклость» и различающихся множественной дифференциальной семантикой;

2) тексты со значением оценки, составленные на основе прецедентных и осовремененные за счет лексики, отражающей интерес социума к определенным явлениям и «предметам» действительности, таким, как:

- явления новой России: *Новый миллион лучше старых двух* (тема материального, денежного благополучия), *Старый друг лучше новых русских двух* (тема новых русских как людей, для которых святы только деньги), *Старый труп лучше новых двух* (тема криминализации России) → Используется социально и эмоционально маркированная лексика *миллион* (тема миллионщиков в России, тема потерянных народом денег из-за общественных реформ и прочие ассоциативные связи), *новые русские* (ассоциации с незаконно разбогатевшими людьми, не очень культурными, но удачливыми в бизнесе и пр.), *труп* (тема преступности в России);

- женщина: *Старый друг лучше двух подруг; Лучше не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут*. В подобных утверждениях очевидна мужская корпоративность в отрицательной оценке женщин (специфика граффити «мужских» вузов). Высказывания носят констатирующий характер, без экспликации обоснования оценки (пример 1), с использованием нелицеприятных сравнений, обычно имеющих юмористические, иронические и др. коннотации (пример 2).

Часто тексты граффити содержат утрированно жестокие референциальные картинки, в которых предпочитаемая ситуация вовсе не означает, что кто-то хотел бы «вскрыть на ж...е вены, тр...ть кенгуру, лбом колоть орехи» и т. д., она лишь подчеркивает степень нежелательности реализации второй пропозиции и служит для усиления отрицательной оценки: *Лучше вскрыть на ж...е вены, чем дожидаться перемены; Лучше ж...ой съехать с тёрки, чем учиться на пятёрки!; Лучше быть бомжом вонючим, чем потеть тут, в институте; Лучше выпить банку ртути, чем учиться в институте; Лучше х...ем бить орехи, чем учиться в политехе; Лучше ж...ой грызть орехи, чем учиться на Физтехе; Лучше лбом колоть орехи, чем учиться на Физтехе; Лучше лечь на гору шлака, чем на девку из химфака; Лучше лечь на груду шлака, чем на телку с теплофака; Лучше с телкой со стройфака, чем один на груде шлака; Лучше вые...ть быка, чем студентку ФФК; Лучше в поле тр...ть эхо, чем девчонку с политеха; Лучше тр...ть кенгуру, чем девчонку из УРГУ!* По поводу подобных текстов Н.Д. Арутюнова пишет, что они представляют собой условный конструкт, предназначенный для целей эмфазы и не обозначающий реальной альтернативы [Арутюнова 1985: 167], и далее: «многообразие вариантов поляризовано в виде наиболее острой коллизии, чаще реализуемой в художественном, чем в действительном мире» [Арутюнова 1985: 167].

Н.Д. Арутюнова обращает внимание на то, что оценки указывают на соответствие или несоответствие положения дел в мире интересам человека [Арутюнова 1987]. По нашим наблюдениям, в отдельных оценках находит отражение т.н. «прежняя ментальность», соответствующая традиционным представлениям (в мужских компаниях принято говорить о женщинах с точки зрения жен-

ской глупости, необъяснимой женской логики, сексуальной привлекательности / непривлекательности и под.). Однако есть и существенные расхождения с традиционными представлениями: в русских пословицах материальные блага и физические преимущества легко сдают приоритетную позицию [Арутюнова 1985: 171, Стернин 1996: 18]; в текстах неформального студенческого дискурса мы довольно часто фиксируем осознанную абсолютизацию физических и физиологических «предметов», потребительское отношение ко многим «вещам» (в т.ч. людям). Прогноз того, что в неформальном студенческом дискурсе вообще могут исчезнуть тексты, включающие интеллектуальные, эмоциональные портреты, характеристику духовных качеств человека, пусть даже в вульгарной репрезентации, не кажется нам столь нереальным. Возобладание отмеченной тенденции в малоформатных текстах — свидетельство формирования иных ментальных установок, не совпадающих с традиционными или противоречащих им. Так, например, когда речь идет о сознательном действии, ценностные сравнения часто формируют нравственные или практические принципы принятия правильного решения [Арутюнова 1985: 164]. Текстов с констатацией нравственных принципов в нашем материале не выявлено. Однако есть ряд примеров, в которых отражена контаминация нравственного (идеологического) (в подтексте) и практического (в вербализованной форме): первое является основанием второго: *Гаси педарасов, спасай землю!* → лучше без них, чем с ними, чтобы в мире торжествовала традиционная сексуальная ориентация; *Не блюйте под столом, там гости!* → лучше не плевать, чем плевать, потому что может на кого-нибудь попасть (хотя человеку под столом, вероятно, уже все равно, что с ним случится в ближайшее время — наступят на голову или наблюдают, тем более что и «накушаться» до столь некрасивого физического состояния может человек примерно такого же уровня культуры, как и тот, что под столом); *Лучше нет красоты, чем пописать с высоты* → вся эстетика (духовное) сводится к голой физиологии. Зафиксировано также несколько текстов, провозглашающих исключительно практические принципы: *Искореним девственность как порок половой безграмотности!* → предпочтение отдается физиологической жизни; *Маша, не грусти, а то грудь не будет расти* → лучше не испытывать отрицательных эмоций, иначе это скажется на развитии физического «предмета», являющегося одним из условий сексуальной привлекательности женщины; *Студент, учёба тебе не товарищ! Да здравствует хлюпанье влажных вп...лиц!* → бравадное отвержение интеллектуальной деятельности и натуралистичное провозглашение физиологических отношений (духовное, в противовес традиционным представлениям, уступает материальному); *Дайте денег на*

студенческую жизнь → лучше с деньгами, чем без них (особенно студенту).

В процессе анализа мы обратили внимание, что во многих текстах граффити имеет место два существенных отличия от пословиц: во-первых, противопоставление нематериального идеальному, а материального материальному; во-вторых, противопоставленность материального материальному имеет иной характер, чем нематериального идеальному в пословицах: в пословицах одно предпочитается, а другое отвергается, в аналогично построенных предложениях неформального студенческого дискурса и то и другое приемлемо, желаемо и социумно актуально, предпочтение, выбор диктуется не отказом от чего-либо, а степенью доступности желаемого. Судя по текстам в целом, предмет особого интереса – спиртное, девушки, интимные отношения: *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке; Лучше пиво на стройфаке, чем девчонки на химфаке; Лучше выпить пива литр, чем лизать соленый кл...р; Лучше съесть кусок гранат, чем увидеть деканат; Лучше х...й в руке, чем п...да на горизонте; Лучше нет вл...ща, чем очко товарища*. Как пишет В.Г. Костомаров, в предпочтениях – свидетельство состояния духа, интеллекта, нравственных побуждений, коммуникативных интенций, свойственных времени и обществу [Костомаров 1999: 170].

Заканчивая обзор аспектов и способов репрезентации отношений предпочтения в неформальном студенческом дискурсе, выскажем некоторые предварительные тезисы по этому вопросу.

1. В студенческом дискурсе находят отражение традиционные для русской ментальности сопоставительные предложения.

2. Отношения предпочтения в языковом стереотипе неформального студенческого дискурса имеют разные (глубинные и поверхностные, логические и лингвистические) основания характеристики, а именно:

- структурная организация формул предпочтения: преимущественно лучше-предложения и императивы, способные трансформироваться в лучше-предложения;

- конкуренция нормативных / табуированных языковых средств как свидетельство их ценностного неравенства при организации текста: высокая частотность вульгарных и обсценных слов и выражений и связанных с ними смыслов;

- источник социумно ориентированных текстов с точки зрения прецедентности: переделка системного текста и «уподобление» оригинального текста прецедентному является сознательной установкой социума, способствует осуществлению креативной функции языка, так как служат постоянному обновлению и обогащению коммуникативных возможностей языка;

- абсурдность / логичность / подтекстовость первого плана содержания социумно ориентированных текстов: тенденция доми-

нирования текстов с потенциалом множественной интерпретации, одна из которых предполагает «неприличную» маркированность;

- приемы языковой игры: создаваемая безграмотность, омоimia и многозначность, антонимия, каламбур;

- смысловое наполнение сентенций неформального студенческого дискурса: формулы предпочтения повторяют традиционные значения предписания и усиления отрицательной оценки, но характер соотношения материальных и идеальных пропозиций иной, чем в традиционных пословицах.

3. Каждый социум обладает локальной культурой и реальным социокodem, отражающим стереотипизацию представлений и языковых средств. Стереотипизация вызывает активизацию некоторых черт языка, создающих особый "ментальный мир", свойственный данному социуму и влияющий на коммуникативное поведение его членов.

4. Установки пооригинальничать, произвести впечатление, похулиганить, быть услышанным, а также способы и средства репрезентации установок препятствуют нейтральному употреблению социумно ориентированных текстов, делая их энергетически близкими устойчивым сочетаниям, а также эмоционально и стилистически маркированными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Что мы предпочитаем? // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М.: Наука, 1985.

2. Арутюнова Н.Д. Практическое рассуждение и язык // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.

3. Белл Р. Социоллингвистика. М.: Международные отношения, 1980.

4. Бергельсон М.Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

5. Гелашвили М.А. Установка как функция // Логика, психология и семиотика: аспекты взаимодействия. Киев: Наук.думка, 1990.

6. Голев Н.Д. Обыгрывание табуизмов в русском лингвистическом фольклоре. <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z53.html>

7. Гурочкина А.Г., Руберт И. Б. Становление и развитие английских малоформатных текстов нехудожественной коммуникации // Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

8. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ, 1994. № 4.

9. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психоллингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1990.

10. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989.

11. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ, 1994, № 5.

12. Князева Е.Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодостраивание // ВФ, 1994. № 2.

13. Князева Е.Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // ВФ, 1997. № 3.
  14. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: «Златоуст», 1999.
  15. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология / Под ред. Н. С. Бабенко. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
  16. Павлиленис Р. И. Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
  17. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М., 1998.
  18. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
  19. Плисецкая А. Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности. Варна, 2003 // <http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.ht...>
  20. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // ВЯ, 1990. № 6.
  21. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира М.: Наука, 1988.
  22. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // ВЯ, 1995, № 3.
  23. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
  24. Стернин И. А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
  25. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филолфакультет СПбГУ, 2000.
  26. Шахнарович А. М. Когнитивные и коммуникативные компоненты грамматики //Язык: теория, история, типология М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- © Ларионова А.Ю., 2006

Лесных Таиса

Катовице (Польша)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Abstract

Lesnykh T. Lingual Resources of Social Role's Realization in the Literary Text. The article discusses the lingual behavior models of family members which are representatives of XIX century's Russian trader-class. The main aim of the article is to define the lingual resources of social role realization in the text. The author proposes defining role as a normative linking of function and position of a family member. The role is connected with the model of behavior: what the man has to do and what he is allowed to do playing his role. The article analyses pragmatic fragments of different speech acts with some specific aim. The author proves that the results achieved by speech are important for playing the role. Finally, the article examines the lingual recourses which allow to define social and national behavioral features of trader-class family representatives.

****

Одно из достоинств реалистического художественного текста, представляющего поэтому особенный интерес для лингвокульту-

рологического анализа, является его способность сохранять и передавать наследие прошлого в его вербальном, языковом оформлении. То, что не сохранилось в памяти данной нации, будучи вытеснено и замещено другим, в частности формы речевых проявлений, типичные для представителей разных социальных слоев, особенности построения ими высказываний, употребление слов и фразеологем, сохраняется, хотя, естественно, не в полном и не в доскональном виде, будучи также подчинено эстетическим функциям, в текстах художественной литературы, для русского языка – классического ее периода, т.е. XIX века.

Настоящая статья будет посвящена рассмотрению одного из таких социально-временных срезов русского языка и культуры на примере моделей речевого поведения представителей купеческой семьи XIX столетия – среды весьма интересной и специфической, и, прежде всего, с точки зрения лингвокультуры. Конкретно нас интересовало то, каким образом через призму речи, т.е. с помощью каких языковых средств, реализуется роль того или иного ее представителя – носителя семейных традиционных установлений и норм.

Основу анализа, отнюдь не случайно, составил роман П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», текст которого заслуживает особого внимания в силу своей национально-языковой специфичности и этнографической точности изображаемого, вплоть до деталей, в том числе и в интересовавшем нас отношении. В центре изображения находится старообрядческая купеческая семья, строго блюдущая правила, мировоззрение, образ мысли, речи и поведения традиционной купеческой семьи. Купечество XIX века, как известно из литературы в связи с драматургией А.Н. Островского прежде всего, было сословием, руководствовавшимся собственными нормами, характеризовавшимся своеобразным патриархальным укладом, бытом и нравами, нашедшими свое отражение и сохранившимися потому для нас в «Домострое». Быт купечества определяют как косный, застывший, отсталый и неподвижный. Купеческая среда верна старине, консервативна, прочно и всеми силами держится за древний уклад, сложившийся до нее, поддерживавшийся столетиями, укоренившийся и глубоко сидящий в сознании старших, передаваясь по поколениям к младшим.

Глубоко в сознании купечества укоренились и определились, как данность и изначальное, семейные *роли*. Доминирует непременно отец – повелитель и покровитель, последнее слово всегда за ним. Второстепенную роль на фоне отца играет мать – хранительница очага, заботливая жена и хозяйка, наделенная нередко сильным и волевым характером, не позволяющая поэтому, если она полноправна, собой управлять. Поскольку власть мужа над женой в купеческой семье всегда очевидна, она хорошо знает

свою роль и позицию. Дочери воспитываются в атмосфере строгости и набожности, хотя не обделены любовью родителей. В исследуемом романе каждая из них обладает своим характером, старшая, Настя, сопротивляется отцовской воле и погибает, младшая, Параша, внешне послушна, ленива, однако себе на уме.

Для исследования обозначенной темы важно было определить понятие социальной роли, связываемое, в свою очередь, с составляющими ее понятиями позиции и функции. Позиция определяется общим положением человека в социальной среде – позиция отца, матери, сына и т.д.; позиции присущи специфические функции, которые занимающий ее призван исполнять. Социальная роль – это нормативное сочетание позиции и функции, при этом та или иная роль связывается с образцом поведения, с ожиданиями того, что человек в данной роли обязан делать и на что он имеет право. Следовательно, позиция, функция, права, обязанности, ожидания – все это, складываясь, составляет обобщенный нормативный образец той или иной социальной роли [Формановская 1989: 31]. Речевое поведение, как следует здесь заметить, прямо связано с ролевым поведением.

Понятие роли необходимо также рассматривать с точки зрения психологии, согласно которой *роль* непосредственно связывается с *игрой*. Эрик Берн в своей известной работе «Люди, которые играют в игры» рассматривает понятие игры как серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Этот повторяющийся набор трансакций обладает скрытой мотивацией; как правило, это серия ходов, содержащих подвох [Берн 2000: 42]. Отличительная черта игры – скрытый мотив и стремление к выигрышу.

Психология игр, как социальных и индивидуальных взаимоотношений, тесно связывается с прагматикой. Для настоящей работы интерес будут представлять прагматические аспекты высказывания, содержащиеся в них цели и намерения, поскольку для члена семьи, занимающего, скажем, доминирующую позицию, важна результативность его высказываний. Например, цель некоторых речевых актов могут составлять испуг, унижение либо похвала адресата, в зависимости от речевой ситуации.

Как определяет прагматика речи, сначала возникает намерение (интенция) что-либо сделать, получить, потом что-то сказать для того, чтобы осуществить эту первоначальную интенцию. И только потом – проблема подобрать соответствующую форму для того, чтобы сказать то, что задумано. Каждая игра, так же как и высказывание, имеет свою задуманную цель. Каждая игра, опять-таки так же как и высказывание, ориентирована на удачу. Удачным можно считать акт речи, в котором адресат выполняет задуманную цель адресанта.

Собранный языковой материал исследуется в статье на фоне речевых актов. Формулы обращения, на которых основывался наш материал, можно подразделить на следующие акты речи: обращения, благодарность, возражения, вопросы, восклицания, дезапробаты, запреты, наставления, обещания, приветствия, предостережения, позволения, приказы, просьбы, советы, поучения, сообщения, угрозы.

Для исследования обозначенной в работе темы потребовалось также понятие иллокутивности – аспекта, определяющего задуманную цель говорящего, связанную с тем, чего он желает достичь своим высказыванием [Zdunkiewicz 1993: 260]. Следовательно, просьба, предостережение, обещание, требование составляют иллокутивную силу того или иного высказывания. Заметим, что иллокутивность измеряется категориями результативности. Иллокутивный аспект в исследовании данного материала был важен, поскольку он непосредственно связан с проявлением социальной роли участника диалога.

Немаловажными для решения нашей задачи были также так называемые «ситуационные модели» – т.е. роли того или иного члена семьи в тексте, места его появления и цели.

По мнению Т. ван Дейка, в основе ситуационных моделей лежат личностные знания носителей языка (как представителей той или иной эпохи, их культурная принадлежность), аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Т. ван Дейк исходил из тезиса, что мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой в нем идет речь [Дейк 1989: 9].

Ситуация является также важным элементом проявления силы исполнительного (иллокутивного) акта. Как отмечает К. Писаркова, сила такого акта определяется, с одной стороны, входящими в его состав языковыми формальными показателями, с другой, показателями внешними, сопровождающими, например, ситуацией, которую составляют окружение коммуникантов, их роли в нем, либо, в более широком контексте, имплицированные ролями возможности говорящих [Pisarkowa 1976: 265].

Собранный языковой материал будет представляться в ситуативных моделях, типичных для каждой семьи: разговор за столом, проявление беспокойства о детях, разговоры об их будущем, ссоры, выяснения отношений. В основном, это общение без свидетелей, с глазу на глаз. Контекст высказывания (коммуникативная ситуация) вписывается в более широкий социокультурный контекст, обусловленный принадлежностью персонажей купеческому слою, что влияет на их поведение, в том числе речевое. Контекст включает в себя тип ситуации, участников, их функции и роли, а также характерное для них поведение. Контексты укладываются во

фрейм, в рамках которого протекает коммуникативный акт [Gajda 1993: 250].

Необходимо отметить, что роли реализуются в тексте с помощью языковых средств, описание которых позволит определить особенности социально и национально ориентированного поведения представителей изучаемой среды. Рассмотрим это на следующих примерах:

Модель речевых отношений: МУЖ – ЖЕНА (ОТЕЦ – МАТЬ)

Речевой акт (далее РА): Обращение: *Эх, Аксинья, Аксиньюшка!*

Конструкция носит эмоционально-экспрессивный характер. Междометие с оттенком сочувствия, удвоенное обращение – повтор с оттенком ласкательности.

Цель: Проявить сочувствие к жене.

Роль: Муж, сочувствующий нелегкой доле Аксиньи, как матери и жены одновременно проявляет к ней чувства расположения, участия.

Проницательный муж.

РА: Наставление: *Особенно по весне, как дома меня не будет – смотри ты, Аксинья, за ней хорошенько. Летом до греха не долго.*

Императивная конструкция выражена повелительным наклоном *смотри*. Местоимение *ты* носит определительный характер, за ним следует личное имя (усиление определения), чем создается повтор.

Цель: Возложить ответственность за поведение дочери на мать, ожидая от нее исполнения данной обязанности.

Роль: Обеспокоенный отец.

РА: Возражение: *Не дело говоришь, Захаровна.*

Выражено речевым клише со значением несогласия.

Цель: Выразить свое несогласие с собеседником, представив, тем самым, свою точку зрения как образцовую.

Роль: Муж, уверенный в своей правоте, не допускающий альтернативных вариантов.

РА: Приказ: *Пустого не мели! Пустых речей не умножай! Ты горла-то зря не распускай.*

Молчи да слушай! Ну же, не хныкать, покуда не бита; чтоб я не видал бабьих слез! Слушай, что приказывать стану... слова не смей проронить; все в точности исполни!

В актах речи представлены устойчивые обороты со значением неодобрения, неприятия. Обороты носят подчеркнуто императивный характер.

Цель: Проявить свою доминирующую позицию, заставить собеседника беспрекословно подчиниться своей воле.

Роль: Муж – тиран.

РА: Наставление: *Ты, Аксинья, жди гостей. Хорошенько надо изготавиться, не ударь лицом в грязь на угощении. Народу, чтоб вдо-*

воля всего было: студень с хреном... заедок девкам да подросткам купить: рожков, орехов кедровых...

Категорическая природа императивных конструкций слегка сглаживается за счет изъяснительных конструкций, следующих одна за другой. Данный вид высказывания исключает возможность отнесения его к группе приказов.

Цель: Предостеречь семью перед позором.

Роль: Думающий, распорядительный, предусмотрительный муж, не желающий прославиться скрягой.

Констативы *Что сказал, то и сделаю, когда захочу. Перечить мне не смеет никто* имеют целью запугать собеседников (членов семьи), в них также проявляется желание говорящего показать, что именно он диктует правила в доме, неподчинение которым чревато последствиями. Роль мужа и отца в такой ситуации имеет авторитарный характер.

В речевом поведении отца возможно заметить и благородство. В ситуации, когда Аксинья (мать) выгоняет из дома своего брата-пьяницу, он старается воздействовать на нее, используя аргументы религиозного характера, пытается пробудить в ней любовь к ближнему: *Хоть и пьяница Никифор, хоть и вором приличился, хоть «волком» по деревням водили его, все же он тебе брат. Велик перед богом грех родного человека из дому выгнать.*

Роль его, как хозяина дома, в ситуации подобного рода можно определить как роль мудрого человека (не только отца и мужа), живущего по Божьим установлениям.

Рассмотрим модели речевых отношений МАТЬ – ОТЕЦ (ЖЕНА – МУЖ).

Стоит заметить, что немаловажное значение в определении отношений, а также ролей описываемых персонажей, играет способ их обращения друг к другу. В диалогах Аксиньи с мужем нередко ее обращения к нему по отчеству (по имени-отчеству – если о нем: *Патап Максимыч приехал. Матренушка, собирай поскорей самоварчик.*). Выбор той или иной формы имени в том или ином контексте дает возможность увидеть оттенки взаимных ролевых и личных взаимоотношений, обратить внимание на степень знакомства, официальность или неофициальность обстановки общения. [Формановская 2004: 350]

Для сферы современных семейных речевых отношений обращение жены к мужу по отчеству не характерно, однако в купеческом мире это являлось нормой. Сегодня, обращаясь по имени-отчеству к кому-либо, мы обозначаем возраст, статус и роль, во всяком случае, выражаем уважительное отношение к собеседнику. Несомненно, купеческий слой руководствовался теми же правилами, что распространялось на отношение супруги к мужу, как повелителю и главе семьи, для выражения особо почтительного лично-

го отношения к нему. Усеченная форма – обращение по отчеству, с одной стороны, отмечает статус, возраст, а с другой, подчеркивает и фамильярность, близость говорящего к своему собеседнику: *Уж что не скажешь ты, Максимыч. Никак ошалел ты, Максимыч.*

РА: Просьба: *Ох, Патапушка, голубчик ты мой, кормилец ты наш, не кори за... - Кто тебя глупую корит?*

Конструкция эмоционально окрашена, для нее характерно нагромождение эмоционально-экспрессивных обращений с оттенком ласкательности. Перечисление соответствующих качеств имеет целью уmolить адресата, заставить его сmlловаться над женой. (Судя по ответу, цель можно считать достигнутой.)

Цель: Вымолить прощание.

Роль: Послушная раба.

РА: Просьба: *Не приставай к Настасье, Максимыч. И без того девке плохо можется. Да полно ж тебе, Максимыч, мучить ее понапрасну!*

Совет: *Не греши попусту, Максимыч.*

Императивный замысел конструкций в обоих случаях сглаживается наступающим сразу после повелительного наклонения обращением по отчеству. Жена не позволяет себе вербально доминировать над мужем, поскольку боится вызвать его гнев и усложнить ситуацию. Позиция Аксины слабее, и она это осознает.

Цель: Защитить дочь.

Роль: Заступница.

В речевом поведении жены встречаются также и довольно резкие восклицания. Нередко коммуникативным фоном таких высказываний являются семейные ссоры, выяснения отношений. Жена, в таких ситуациях, уповает на Бога, старается пробудить в муже уважение к себе через уважение к Богу.

Зачастую используются такие языковые средства, как устойчивые обороты, фразеологизмы, слова с оттенками экспрессии и эмоциональной оценочности. С точки зрения речевых актов это вопросы, восклицания:

Никак ошалел ты, Максимыч! С ума что ли спятил? Убирайся прочь, непутный. Не молоденький, батько, заигрывать.

Какое слово про меня молвил! По сердцу ровно ножом полоснул! Бога нет в тебе! Право, бога нет!

Повелся с баташниками-то? Вот и скружился. На святые обители хулу нести, а? Бога-то видно в тебе не стало.

Полно, батько, постыдись!

Роль Аксины приобретает новую окраску, из послушной жены она превращается в поучающую. С прагматической точки зрения она использует всевозможные ходы: с одной стороны, старается затронуть амбицию мужа, с другой, поставить под сомнение его качества как глубоко верующего человека для того, чтобы добиться своей цели – доказать свою правоту.

Рассмотрим еще несколько примеров противопоставления воли жены воле мужа:

РА: Вопрос: *Совесть есть, аль на базаре потерял?*

Коммуникативно-речевые стандарты: *А наш то хозяин больно уж бесстрашен!*

Экспрессивные конструкции: *Что ты, Максимыч! Бога не боишься, что говоришь! Слушать-то грех!*

С точки зрения речевого поведения в представленных ситуациях муж ведет себя активно, иногда резко (*Плети захотела?*), стоит на страже своей позиции властелина и покровителя (*перечить мне не смеет никто*), однако ему не чуждо сочувствие (*Кто тебя глупую корит?*) и беспокойство за дочь (*Смотри ты, Аксинья, за ней хорошенько*).

Жена не пассивна (*Совесть есть, аль на базаре потерял?*), однако она побаивается мужа, что проявляется в обращениях к нему (*голубчик ты наш, кормилец ты наш, Патап Максимыч*), защищает и оправдывает перед ним дочерей (*А уж что не скажешь ты, Максимыч? А по-твоему девицам бирюком надо глядеть, слова ни с кем не сметь вымолвить?*). Аксинья не боится и резких эмоционально оценочных эпитетов (*Полно тебе, старый хрен, хульные словеса нести!*).

Проанализировав модели речевых поведений на уровне МУЖ – ЖЕНА и ЖЕНА – МУЖ, представив языковые средства, с помощью которых проявляются их семейные позиции, можно сделать следующий вывод:

Муж – имеет позицию покровителя и кормильца, проявляющуюся в описанных языковых средствах и актах речи. Следует заметить, что в речевом поведении Патапа преобладают устойчивые конструкции с императивным значением, такие речевые акты, как приказы, требования, наставления, просьбы. С помощью этих средств проявляется его роль (позиция) – не терпящего возражений хозяина и господина.

Позиция Жены представляется следующим образом: она подпечная мужа, хранительница очага, ответственная, покорная в известных рамках, набожная. В ее речевом поведении можно заметить преобладание экспрессивных конструкций со значением неприятия, несогласия, а также в ласкательно-уважительных обращениях к мужу и коммуникативных клише со значением констатации значимой для него роли отца. На уровне речевых актов преобладают просьбы.

Перейдем к анализу речевых поведений и средствам реализации роли ОТЕЦ – ДОЧЬ (отец по отношению к дочерям).

Отец – Груня:

РА: Обращения: Коммуникативные формулы: *Ох, родная ты моя! Что ты, дочка моя милая? Что ты, что с тобой, Грунюшка? Сядем-ка,*

голубонька. Голубушка! Святая душа! Ангел господень! Полно, полно моя ясынька, полно, приветная, полно...

Ах ты Грунюшка моя, Грунюшка! Чистая святая твоя душенька!

Обращения эмоционально-экспрессивны имеют ласкательный характер. Значение сочувствия, утешения, соучастия, расположения и приветливости.

Роль: Утешитель, опекун.

Отец – Настя:

РА: Приказ: *Подь-ка сюда, Настасья!*

РА: Вопрос: *Ровно ты не в себе? Чтой-то с тобой творится, Настя?*

РА: Предостережения выражены императивом наставления с оттенком угрозы: *Да у меня дурь-то из головы выкинь, не то смотри!*

РА: Просьбы, выраженные устойчивыми оборотами: *Изрони словечко. Скажи хоть на ушко* – это формулы соучастия, предполагают вызов на откровенность.

РА: Поговорка в форме призыва к соучастию и совместности: *Сядь-ка рядом, потолкуем ладком.*

Разговорно-речевые клише: *Молви отцу. Может, что и присоветует? Чего молчишь?* Доверительный тон, вызов на откровенность, желание помочь.

Из представленного материала следует, что отношение отца к дочерям далеко не одинаково. Известно, каждая из дочерей обладает своим неповторимым характером. Груня, по своей доброте, готова принести в жертву свою молодость и красоту, посвящая себя воспитанию детей одного вдовца. Отец считает ее ангелом и соответственно относится к ней.

По отношению к Насе отец строг, о чем свидетельствуют предостережения с оттенком угрозы (*Да у меня дурь-то из головы выкинь, не то смотри!*). Отец пытается остудить пыл своей непокорной дочери, но это не свидетельствует о том, что он не способен проявлять к ней искренних отцовских чувств. Патап обеспокоен состоянием Насти, пытается хоть что-то узнать у нее о ее переживаниях. Это можно заметить в просьбах (*Изрони словечко. Скажи хоть на ушко*), а также в вопросах, обнаруживающих его заботу и беспокойство.

Роль отца-попечителя реализуется в устойчивых оборотах и выражениях, имеющих характер просьбы, а также в форме предостережений и наставлений. Благорасположение – в ласкательных обращениях и поговорках.

Рассмотрев типы речевых поведения ОТЕЦ – ДОЧЬ, перейдем к анализу речевого поведения противоположного типа ДОЧЬ – ОТЕЦ.

Интересной представляется позиция Насти, отличительной чертой характера которой является непокорность, неподчинение

отцу, проследим, каким образом это проявляется в речи:

РА: Противопоставление: *Да я не таковская, замуж неволей меня не отдашь...*

РА: Угроза: *Сказала: уходом уйду... Так и сделаю. Не пойду за Снежкова, хоть голову с плеч.*

Тогда руки на себя наложу....

Устойчивый оборот: *Коль я что решила, тому так и быть.*

РА: Угроза: *Вздумают силой замуж отдавать, свяжусь с самым лядящим из тятиных работников. Кто всех пьяней, кто вороватей, того и возьму в полюбовники. Не то уходом венчаться убегу, к самому паскудному работнику ночевать пойду... Вот что!*

В речи Насти по отношению к отцу преобладают устойчивые обороты и фразеологизмы с оттенком угрозы. В этих средствах проявляется позиция дочери, которую можно охарактеризовать как противящуюся воле отца. Настя обладает сильным характером и своим речевым поведением пытается достичь определенной цели – не позволить отцу руководить своей судьбой, настоять на своем решении.

В статье были рассмотрены особенности и типы речевого поведения, характерные для представителей описываемой купеческой семьи. Были представлены языковые средства, с помощью которых реализуется роль членов семьи. Языковые средства позволяют лучше понять проявления персонажей в исследуемом романе, открывая при этом новые средства многоаспектного описания литературного текста с позиции прагматического, теории речевых актов, этнопсихолингвистики и других направлений, характерных для современной науки о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Берн Э. Игры в которые играют люди. Люди которые играют в игры. Москва, 2000.
2. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. Москва, 1989.
3. Формановская Н.И. Национально-культурная специфика личного имени и современные СМИ // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Варшава, 2004.
4. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. Москва, 1989.
5. Gajda S. Gatunkowe wzorce wypowiedzi. // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku T.2: Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993.
6. Pisarkowa K. Pragmatyczne spojrzenie na akt mowy // POLONICA II. 1976.
7. Zdunkiewicz D. Akty mowy // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T.2: Współczesny język polski / Red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993.

© Лесных Т., 2006

Прокопьева А.А.
Екатеринбург

**СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В.В. НАБОКОВА НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Abstract

Prokopjeva A. Sociomorphic Metaphor in Nabokov's Works. This article is devoted to the problems of metaphorical modeling in Russian and English language. The research is based on the works of V. Nabokov, written in Russian and English. The author of this article singles out sociomorphic metaphor with a source domain "Social life" as one of the basic metaphorical models in Nabokov's works. In the first part of the article the author discusses basic Russian metaphors of V. Nabokov. There are five models, subdivided into several frames and slots. The second part represents English metaphors, which include some additional metaphorical models, except those found in Russian novels. The author comes to the conclusion that there are differences between Russian and English metaphorical systems in Nabokov's works. Some of them are the result of existing distinctions between the languages and some appeared as author's preferences in different periods of creative work.

****

Произведения В.В. Набокова обладают богатой метафоричностью. Одним из способов метафорического проецирования является применение социоморфной метафоры. В рамках социоморфной метафоры представлены модели, использующие в качестве сферы-источника различные явления социальной жизни. По сравнению с антропоморфной и природоморфной метафорой в произведениях В.В. Набокова, данная группа метафорических моделей немногочисленна, что объясняется негативным отношением В.В. Набокова ко всем проявлениям социальной жизни: «Мне наплевать на группы, сообщества, массы и тому подобное» [Набоков 2004: 576].

В русскоязычных произведениях В.В. Набокова большую часть метафор данной группы входят в состав моделей со сферой-источником «ИСКУССТВО» («ТЕАТР», «ЖИВОПИСЬ», «ЛИТЕРАТУРА», «МУЗЫКА»); несколько метафор представлены в группе со сферой-источником «ИГРА» («СПОРТ»). В качестве сферы-цели выступает, как правило, достаточно абстрактная сущность («ЖИЗНЬ»); в рамках спортивной метафоры сферой-цели выступает речь человека. Наибольшее распространение получили социоморфные метафоры, представленные следующими пятью моделями.

1. ЖИЗНЬ – ЭТО ТЕАТР. Данная метафорическая модель является наиболее частотной в рассматриваемой группе метафор и включает следующие фреймы:

1) Фрейм «Представление». Персонажи В.В. Набокова часто исполняют определенные роли, участвуют в представлении, задуманном автором. *Но хотя я актером в узком смысле слова никогда не*

был, я все же в жизни всегда носил с собой как бы небольшой складной театр, играл не одну роль и играл отменно, — и если вы думаете, что суфлер мой звался Выгода, — есть такая славянская фамилия, — то вы здорово ошибаетесь, — все это не так просто, господа. (Отчаяние, с. 388)

2) Фрейм «Декорации». Для исполнения пьесы необходимы декорации, и в некоторых случаях персонажи замечают, что окружающие их предметы напоминают скорее театральный реквизит, а не реальные объекты. Этот прием наиболее полно реализован в романе «Приглашение на казнь». Г. Савельева отмечает, что в этом произведении автор «рисует картину ненастоящего, пародируемого, театрально-фальшивого кукольного мира, что решается, в первую очередь, на уровне метафор» [Савельева 1999: 346]. Театральная метафора оказывается достаточно активной и в анализируемых произведениях. *Я снял комнату в гостинице второго разряда. — огромную, с каменным полом и картонными на вид стенами, на которых словно была нарисована рыжеватая дверь в соседний номер и гуашевое зеркало. Было ужасно холодно, но открытый очаг бутафорского камина был непригоден для топки, и когда сгорели щепки, принесенные горничной, стало еще холоднее. (Отчаяние, с. 442)*

3) Фрейм «Репетиция». Для того чтобы представление прошло успешно, необходимо тщательно отрепетировать все сцены, в произведениях В.В. Набокова одна и та же ситуация зачастую повторяется как репетиция главного представления. *Уже однажды они Драйера удалили. Был покойник; были даже все внешние признаки смерти; тошнота смерти, похороны, опустевшие комнаты, воспоминание о мертвом. Все было уже проделано на голой сцене, перед темным и пустым залом. (КДВ, с. 214)*

4) Фрейм «Опера». В некоторых случаях применения театральной метафоры используется конкретное указание на разновидность исполняемого произведения: оперу или оперетту. *Сегодня, кстати, познакомился я с местным жандармом, — совершенно опереточный персонаж! (Отчаяние, с. 460)*

2. ЖИЗНЬ – ЭТО ЖИВОПИСЬ. В данной метафорической модели сложно выделить составляющие фреймы, поскольку она весьма немногочисленна и слабо структурирована.

В.В. Набоков использует ссылки на создателя жизненного произведения – художника, а также на сами произведения, чаще всего это «портрет», однако встречается общее наименование «картина», а неудачное произведение получает название «кариكاتур». *В каждом окошке, как тусклый портрет, виднелось лицо чиновника. (Отчаяние, с. 403)*

3. ЖИЗНЬ – ЭТО ЛИТЕРАТУРА. В.В. Набоков уделял большое внимание уподоблению реальной жизни литературному произведению; возможно, причина этого кроется в том, что большую часть собственных ощущений и воспоминаний он подарил своим литера-

турным героям. По замечанию самого писателя, «в “реальной” жизни» он часто сталкивался «с людьми или событиями, которым самое место в романе» [Набоков 2004: 595]. В составе данной модели можно выделить следующие фреймы:

1) Фрейм «Книга». Естественно, что жизнь при метафорическом уподоблении литературному произведению сравнивается, прежде всего, с книгой. *Но не думай, я не стесняюсь возможных недостатков, мелких опечаток в книге природы. (Отчаяние, с. 342)*

2) Фрейм «Части произведения». В некоторых случаях в книге выделяются отдельные части, главы или различные издания. *Первая часть дороги, — первая глава путешествия — всегда подробно и медлительна. (КДВ, с. 124)*

3) Фрейм «Литературные персонажи». В данном случае живые люди уподобляются литературным персонажам; а литературные персонажи оживают благодаря читательской крови. *Бледные организмы литературных героев, питаюсь под руководством автора, наливаются живой читательской кровью; гений писателя состоит в том, чтобы дать им способность ожить благодаря этому питанию и жить долго. (Отчаяние, с. 342)*

4. РЕЧЬ – ЭТО ИГРА (СПОРТ). В состав данной модели входят метафоры, в которых речь персонажей уподобляется спортивному соревнованию. В произведениях В.В. Набокова чаще всего встречаются метафоры, со сферой-источником «ТЕННИС» (любимая спортивная игра писателя). *Письма чередуются, — это вроде мяча, летающего через сетку туда и обратно. (Отчаяние, с. 367)*

Иногда игра приобретает более жестокий характер и скорее напоминает бокс. *В первый же раз, как Франц пришел ужинать, он начал тонко издеваться над ним. Франц давно обмертвел, — только поворачивал туда-сюда лицо, как будто получая по щекам невидимые удары. (КДВ, с. 249)*

5. РЕЧЬ – ЭТО МУЗЫКА. Данная модель оказалась наименее частотной, что объясняется крайней нелюбовью В.В. Набокова к музыке и музыкальным произведениям: «...увы, для меня музыка всегда была и будет лишь произвольным нагромождением варварских звучаний» [Набоков 1994].

Музыкальная метафора, таким образом, крайне редко встречается в его прозе, и представлена только несколькими окказиональными метафорами. *Как часто случается с полуграмотными, тон его письма совершенно не соответствовал тону его обычного разговора: в письме это был дрожащий фальцет с провалами витиевой хрипоты, а в жизни — самодовольный басок с дидактическими низами. (с. 368)*

В англоязычных произведениях В.В. Набокова социоморфная метафора становится более активной; как и в русскоязычных произведениях, данную группу составляют метафорические модели со сферой-источником “ART” (ИСКУССТВО). Дополнительные модели

используют сферу-источник "TELEVISION AND CINEMA" (КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ).

1. LIFE IS A THEATRE (ЖИЗНЬ – ЭТО ТЕАТР). Данная метафорическая модель в англоязычных произведениях более структурирована; что позволяет выделить некоторые дополнительные фреймы и слоты.

1) Фрейм "Performance" (Представление). В данный фрейм входят следующие слоты.

Слот 1. Kind of Performance (Вид представления). В зависимости от содержания, разыгрываемое представление может быть комедией (comedy), трагедией (tragedy), драмой (drama) или фарсом (farce). *This pistol-packing farce is becoming a frightful nuisance.* (Lolita, c. 338)

Слот 2. Actors and Audience (Актеры и публика). В представлении обычно задействованы актеры (actors), исполняющие роли (playing parts), их игру наблюдает публика (audience). *Quietly resurrected, Miss Opposite was being wheeled out by her nieces, onto her porch, as if it were a stage and I the star performer.* (Lolita, c. 324)

2) Фрейм "Rehearsal" (Репетиция). Репетиции главного «представления» - характерный прием в произведениях В.В. Набокова. *I had my little black chum with me, and as soon as I reached a secluded spot, I rehearsed Mr. Richard F. Schiller's violent death.* (Lolita, c. 299)

3) Фрейм "Setting" (Декорации). Нередко обстоятельства и предметы окружающего мира представляются героям декорациями к разыгрываемому представлению. *The setting was really perfect for a brisk bubbling murder...* (Lolita, c. 92)

4) Фрейм "Additional Kinds of Performance" (Дополнительные виды представлений). К дополнительным видам представлений относятся "ballet" (балет), "circus performance" (цирковое представление) и "puppet-theatre" (кукольный театр). *It was like some dreadful silent ballet, the male dancer holding the ballerina by her foot and streaking down through watery twilight.* (Lolita, c. 93)

2. LIFE IS FINE ARTS (ЖИЗНЬ – ЭТО ЖИВОПИСЬ). Как и в русскоязычных произведениях В.В. Набокова, чаще всего используется концепт "PICTURE" (КАРТИНА), а также его отдельные части: "portrait" (портрет), "canvas" (холст) и т.д. *In the midst of all this, our Person, in his discreet little way (though actually he was half an inch taller than big R.), had happened to nibble, too, at the corner of the crowded canvas.* (TT, c. 510)

3. LIFE IS A CINEMA, TELEVISION (ЖИЗНЬ – ЭТО КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ). Появление данной метафорической модели в англоязычных произведениях В.В. Набокова объясняется временем написания произведений (1955, 1972 гг.), когда кино и телевидение завоевали необычайную популярность.

В романах В.В. Набокова метафорически используются приемы кинематографа ("slow-motion", "cutting" etc.). *She walked up to the open suitcase as if stalking it from afar, at a kind of slow-motion walk, peering at that distant treasure box on the luggage support. (Was there something wrong, I wondered, with those great gray eyes of hers, or were we both plunged in the same enchanted mist?)* (Lolita, c. 131)

Интересно отметить тот факт, что кинематографическая метафора, задействованная В.В. Набоковым в литературном произведении получила реальное воплощение. *I seemed to have shed my clothes and slipped into pajamas with the kind of fantastic instantaneousness which is implied when in a cinematographic scene the process of changing is cut...* (Lolita, c. 141)

В экранизации «Лолиты» режиссер Эдриан Лайн «дословно» воссоздал метафору на экране, действительно вырезав процесс переодевания Гумберта.

Кроме использования приемов кино, в произведениях В.В. Набокова имеются ссылки на «типичных» кинематографических героев, как в следующем случае. *"Say!" he drawled (now imitating the underworld numskull of movies), "that's a swell little gun you've got there."* (Lolita, c. 333)

4. LIFE IS A FAIRY-TALE (ЖИЗНЬ – ЭТО СКАЗКА). Данная метафорическая модель появляется в англоязычных произведениях В.В. Набокова. *With a petulant snarl, I pushed the front door — and, how nice, it swung open as in a medieval fairy tale.* (Lolita, c. 330)

Кроме того, в рамках данной метафорической модели герои произведения могут уподобляться традиционным сказочным героям. *And, as if I were the fairy-tale nurse of some little princess (lost, kidnaped, discovered in gypsy rags through which her nakedness smiled at the king and his hounds), I recognized the tiny dark-brown mole on her side.* (Lolita, c. 38)

Метафоры, использующие в качестве сферы-источника спорт и спортивные состязания, в англоязычных произведениях В.В. Набокова обнаружены не были.

Таким образом, на примере социоморфной метафоры можно проследить эволюцию метафорических концептов в творчестве В.В. Набокова. Как в русскоязычных, так и в англоязычных произведениях наиболее активной остается театральная метафора, которая получает большее развитие в произведениях английского периода. Использование произведения литературы в качестве источника метафоризации в англоязычных произведениях получает особую конкретизацию: наиболее часто происходит отсылка к сказке как литературному жанру. Специфическими метафорическими моделями для русскоязычных произведений являются метафоры со сферами-источниками «СПОРТ» и «МУЗЫКА»; для англоязычного периода такие модели представлены в рамках телевизионной и кинематографической метафоры. Различия, выявлен-

ные в структуре социоморфной метафоры в разные периоды творчества В.В. Набокова, могут свидетельствовать как об изменениях когнитивной картины мира самого писателя, так и о специфических отличиях метафорической системы русского и английского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
2. Набоков В.В. Приглашение на казнь. Лолита / Вступ. ст. В. А. Прокина. – М.: Пресса, 1994.
3. Набоков В.В. Собрание сочинений в 4-х томах. / Сост. В.В. Ерофеева. М.: Правда, 1990. (Т. 1-4).
4. Набоков В.В. Собрание сочинений в 5 томах. Пер. с англ. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Комментарии А. Люксембурга, С. Ильина. СПб.: «Симпозиум», 2004. Т. 3.
5. Савельева Г. Кукольные мотивы в творчестве Набокова / В.В. Набоков: pro et contra. Том 2 / Сост. Б.В. Аверина. СПб.: РХГИ, 2001.
6. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

© Прокопьева А.А., 2006

Сергиенко Н.А.
Сургут

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Abstract

N. Sergienko Comparative Investigation of the Russian and English Adjectives. The main aim of the article is comparative investigation of the dominant adjectives of the lexicosemantic groups «чистый vs грязный» and «clean vs dirty». The author of the article used the procedure of massive selection from the following lexicographic resources: «Dictionary of the Russian Language in Four Volumes edited by... (1981-1984) and «The New Shoret Oxford English Dictionary» (1993). The research was divided into article stages. First the author of the article investigated regular meanings of the Russian adjectives of the above-mentioned group, then the same procedure (massive selection) was applied to the English adjectives of the given group, and finally the author compared the received data.

****

Одной из центральных проблем лингвистики на протяжении многих десятилетий остается изучение многозначного слова. В контексте этого направления семасиологии значительный интерес лингвистов вызывает исследование регулярной многозначности, нацеленной на выявление типовых направлений преобразования словесной семантики в рамках определенной группы слов (Стернин И.А. 1985, Чудинов А.П. 1988, Погорелова С.Д., 2002 и др.).

Основная задача настоящей статьи состоит в сопоставительном исследовании регулярной многозначности прилагательных-доминант ЛСГ «чистый/грязный» и «clean/dirty» русского и английского языков. Материалом для исследования послужила

сплошная выборка из авторитетных лексикографических изданий: «Словаря русского языка в четырех томах» (1981-1984) и «The New Shorter Oxford English Dictionary» (1993).

На первом этапе проводилось исследование регулярных значений русских прилагательных, на втором этапе по той же схеме были рассмотрены значения английских прилагательных, на заключительном этапе были сопоставлены регулярные значения русских и английских вышеназванных прилагательных из вышеназванных ЛСГ.

Сопоставительный анализ вторичных значений русских прилагательных *чистый* и *грязный* позволил выделить три однотипных значения:

- 1) «связанный с чистой/грязной работой»;
- 2) «однородный/неоднородный (по цвету)»;
- 3) «морально безупречный/ущербный».

При сопоставлении значений прилагательных *чистый* и *нечистый*, было выделено десять однотипных значений:

- 1) «однородный/неоднородный по составу (общее значение)»;
- 2) «чистый/нечистый (о воздухе)»;
- 3) «чистый/нечистый (о коже)»;
- 4) «однородный/неоднородный (о цвете)»;
- 5) «сделанный тщательно, точно /нетщательно, неточно»;
- 6) «правильный/неправильный, неточный (о языке)»;
- 7) «морально безупречный/ущербный»;
- 8) «честный/нечестный»;
- 9) «незапятнанный/запятнанный поступками»;
- 10) «чистокровный/нечистокровный (о породе)».

Представленные данные свидетельствуют, что вторичные значения прилагательного *чистый* имеют гораздо больше аналогов среди значений прилагательного *нечистый*, чем среди значений прилагательного *грязный*. Так, например, антоним для прилагательного *чистый* в значении «свободный от примесей» - это прилагательное *нечистый*, тогда как у прилагательного *грязный* такого значения нет. Подобным образом антоним к значению «сделанный тщательно, аккуратно и искусно», мы находим среди значений прилагательного *нечистый* - «сделанный, выполненный недостаточно тщательно, недостаточно точно», а в словарных дефинициях прилагательного *грязный* такого значения не обнаружено.

Для систематизации вторичных значений прилагательных ЛСГ «*чистый* / *грязный*» используется классификация А.П.Чудинова (1988), разработанная на материале глагольной лексики. Согласно указанной классификации разграничиваются общие, специальные и частные модели многозначности.

В основе построения общих моделей лежит сочетаемость прилагательных ЛСГ «чистый/грязный» с существительными различных классов согласно семиологической классификации (таксономии), разработанной Ю.С. Степановым [Степанов 1981]. Развитие вторичных значений, соответствующих общим моделям, основано на переходности признаков «предметность - абстрактность», «предметность - антропонимность», «антропонимность - предметность» и т.д.

Специальные модели многозначности строятся на основе семантических признаков, характерных только для этой ЛСГ. Однотипность вторичных значений, соответствующих специальным моделям, более заметна, чем семантическая близость значений, соответствующих частным моделям.

В основе частных моделей лежит актуализация ассоциативных признаков, периферийных, фоновых, иногда факультативных сем. Связь между первичным и вторичным значениями в этом случае воспринимается как более опосредованная; соответствующие однопользовательные преобразования лексических значений часто относятся к числу слабо предсказуемых.

В соответствии с вышеуказанной классификацией вторичные значения, обозначенные как «морально безупречный/ущербный», следует рассматривать как проявление общей модели многозначности, поскольку в основе ее построения лежит признак «предметность-антропонимность» (*чистая совесть, нечистые намерения, грязные мысли*). Этот вариант модели, как было определено выше, характерен для вторичных значений прилагательных *чистый, нечистый, грязный*. Также в качестве варианта общей модели можно трактовать вторичные значения прилагательных «чистокровный/нечистокровный», которые строятся по принципу «предметность-зоонимность» (*чистый текин, нечистая порода*).

Однотипные вторичные значения, которые можно обозначить как «однородный/неоднородный по составу (о цвете)» следует рассматривать как проявление СПЕЦИАЛЬНОЙ модели многозначности. Также в качестве вариантов этой модели следует рассматривать следующие значения:

- 1) «однородный/неоднородный по составу (общее значение)»;
- 2) «чистый/нечистый(о воздухе)»;
- 3) «чистый/нечистый (о коже)»;
- 4) «чистокровный/нечистокровный (о породе)»;
- 5) «сделанный тщательно, точно /нетщательно, неточно»;
- 6) «правильный/неправильный, неточный (о языке)».

При построении частных моделей многозначности на первый план выходят оценочные компоненты семантики, на основании чего мы выделили несколько значений. Примером могут служить

значения «морально безупречный/ущербный» (прилагательные-доминанты *чистый, грязный, нечистый*), основанные на актуализации положительной/отрицательной моральной оценки. К одному из вариантов частной модели также можно отнести и значение «правильный/неправильный (о языке)», основанное на актуализации эстетической оценки.

На втором этапе исследования были рассмотрены регулярные значения английских прилагательных *clean, dirty, unclean*. При анализе многозначности прилагательных *clean* и *dirty* было выделено 6 однотипных значений:

- 1) «morally clean/unclean (морально чистый/нечистый)»;
- 2) «uninvolved/involved in dishonest or criminal activity (не замешанный/замешанный в криминальной деятельности)»;
- 3) «not obscene/obscene (приятный/противный)»;
- 4) «distinct/indistinct to the sight (of color) четкий/нечеткий для восприятия (о цвете)»;
- 5) «having regular/irregular shape (четко/нечетко очерченный)»;
- 6) «producing little/much fallout (of nuclear weapon) (с небольшими/большими осадками (о ядерном оружии))»

Подобным образом были выделены и регулярные значения прилагательных *clean* и *unclean*:

- 1) «morally pure/impure (морально безупречный/ущербный)»;
- 2) «free from /with ceremonial defilement (без заражения/с заражением)»;
- 3) «fit/unfit to be eaten (пригодный/непригодный в пищу)».

Сравнительный анализ английских прилагательных-доминант *clean, dirty, unclean* показал, что значения прилагательного *clean* имеют аналоги как среди значений прилагательного *dirty*, так и среди значений прилагательного *unclean*. Например, антоним для прилагательного *clean* в значении «having a simple, well-defined form or line» (с правильными, четко очерченными формами, линиями) – это прилагательное *dirty*, тогда как у прилагательного *unclean* такого значения нет. Соответственно, антоним прилагательного *clean* в значении «of animals: not prohibited as food; suitable for use as food» (о животных: пригодный для употребления в пищу) мы находим среди значений прилагательного *unclean*.

Единственным регулярным значением для всех трех английских прилагательных-доминант является значение «morally pure/impure» (морально безупречный/ущербный).

Эти значения следует рассматривать как проявление общей модели многозначности, поскольку в основе их построения лежит изменение признака «предметность-антропонимность». Также в качестве варианта общей модели следует рассматривать значение «uninvolved/involved in criminal activity» (не замешанный / замешан-

ный в криминальной деятельности)», поскольку в основе его построения лежит преобразование признака «предметность–антропонимность».

Однотипные вторичные значения «producing little/much fallout (of nuclear weapon)» (дающее мало/много осадков (о ядерном оружии)) относятся к проявлениям специальной модели. Еще двумя вариантами этой модели следует считать следующие значения:

1) «distinct/indistinct to the sight (of color) четкий/нечеткий для восприятия (о цвете)»;

2) «having regular/irregular shape (четко/нечетко очерченный)».

Ср.: CLEAN - 6 having a simple, well-defined form or line (с правильными, четко очерченными формами или линиями).

DIRTY - 7 Shape: not smooth, irregular (о форме: с изъемами, неправильная).

Однотипные вторичные значения прилагательных *clean*, *unclean*, которые можно обозначить как «fit/unfit to be eaten (пригодный/непригодный в пищу)» и «free from/with ceremonial defilement (без заражения/с заражением)» также строятся по типу специальной модели.

Вторичными значениями, которые строятся по принципу частной модели, следует считать значения «morally pure/impure (морально безупречный/ущербный)», поскольку в них акцентируется позитивная и негативная оценка морального облика человека. Этот вариант модели характерен для всех трех прилагательных-доминант *clean*, *dirty*, *unclean*. Ранее было отмечено, что это значение также можно рассматривать как проявление общей модели. Следует отметить, что модели могут комбинироваться, в результате чего одно и то же значение может анализироваться как проявление нескольких моделей, что является закономерным явлением.

На заключительном этапе было проведено общее сопоставление многозначности прилагательных ЛСГ «чистый/грязный» и «*clean/dirty*» русского и английского языков. Сопоставительный анализ прилагательных-доминант *чистый* и *clean* русского и английского языка, позволил выделить следующие особенности:

1) общее количество значений и оттенков прилагательного *грязный* равняется шести, прилагательного *dirty* – одиннадцати;

2) доминантное значение «физически грязный» отмечено в первом и во втором значениях прилагательного *грязный*, и только в первом значении прилагательного *dirty*;

3) прилагательные *грязный* и *dirty* имеют 5 однотипных значений;

4) значение прилагательного *грязный*- 5. («предназначенный для мусора, отбросов») не имеет аналога среди значений прилагательного *dirty*; среди значений других русских и английских прилагательных-доминант его аналога также не обнаружено.

Однотипные вторичные значения, которые обобщенно можно назвать «моральная оценка», развиваются по общей модели многозначности. Ср.: ГРЯЗНЫЙ – 3. Вызывающий моральное отвращение, гнусный.

DIRTY – 2a Morally unclean or impure (морально нечистый).

Значения «оценка цвета» следует рассматривать как проявление специальной модели многозначности. Ср.:

ГРЯЗНЫЙ – 4. серовато-мутный (о цвете).

DIRTY – 6. Of colors: tinged with what destroys purity or clearness, inclining to a brownish or grayish color (О цвете: с примесью того, что нарушает чистоту и ясность, коричневато-серый).

Вторичными значениями, которые строятся по принципу частной модели, можно считать значения «морально ущербный /morally unpure», поскольку в них акцентируется позитивная и негативная оценка морального облика человека. Ср.:

ГРЯЗНЫЙ – 3. Вызывающий моральное отвращение, гнусный.

DIRTY – 2a Morally unclean or impure (морально нечистый).

Сопоставительный анализ прилагательных-доминант *нечистый* и *unclean* позволил сделать следующие выводы:

1) количественный состав значений и оттенков прилагательного *нечистый* равняется четырнадцати, количественный состав значений и оттенков прилагательного *unclean* – трем;

2) доминантная семантическая тема «физическая грязь» представлена в толкованиях прилагательного *нечистый* в первом значении, в толкованиях прилагательного *unclean* – в третьем;

3) двум значениям прилагательного *нечистый* (5-е и 6-е), с семантическими темами «моральный нечистый» и «нечестный» соответствует одно «сжатое» значение прилагательного *unclean*, в котором представлены обе темы;

4) трем значениям прилагательного *нечистый* «отвечают» 2 значения прилагательного *unclean*.

Проведенное сопоставление многозначности русских и английских прилагательных позволило выделить общие закономерности в развитии регулярных значений названных прилагательных и вместе с тем зафиксировать те особенности, которые свойственны только для одного из указанных языков, что будет способствовать еще более полному осознанию свойств прилагательных в группах «чистый / грязный» и «clean / dirty».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Погорелова С.Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках (по материалам лексикографии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

2. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

3. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.

4. Чудинов А.П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988. Свердловск, 1988.

Червиньски П.
Катовице (Польша)

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ НЕ- И ПОЗИЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Abstract

The Communicative Strategy "не-" and the Position of Speaker in the Language of the Second Half of XXth Century. In the article there are examined the opportunities of use of denying in conditions of speech. On a material of meanings of words with a component *не-* there are deduced the types of communicative strategies, urgent for language of the second half of the XX-th century. The strategies are connected to the positions of speaker and corresponded with time (temporal factor) and with environment (social factor). There are investigated the opportunities of speech and communicative meanings study through the parity with components of language semantics of a word in its deep propositional projection. The characteristic of four possible strategies - identification, discrepancy, application of exclusiveness and assumption is given.

****

Отрицание в логике рассматривается как операция, связанная с противопоставлением двух высказываний (суждений), при котором "истинному высказыванию (суждению) противопоставляется неистинное высказывание (суждение) или ложному высказыванию (суждению) противопоставляется неложное высказывание (суждение). В результате этой операции вместо данного высказывания (напр., А) получается новое высказывание (не-А) или вместо не-А образуется А. Вновь образующиеся высказывания называются отрицанием исходных высказываний» [Кондаков 1975: 421]. Логически отрицание, тем самым, оперативное и процедурное, представляет собой процесс и, следовательно, внутренне динамично, предполагает бинарность (участие двух суждений-высказываний, связываемых и соотносимых между собой по признаку противоположности), и предикативно, имея исходное и образующееся, т.е. новое, утверждение, что, в свою очередь, дает основание анализировать отрицание также в терминах коммуникативного (актуального) членения, выделяя тему и ремю, основу и предикацию. Отрицание связывается к тому же, как следует из определения, с представлением об истинности и ложности, становясь одновременно утверждением о реальности, примыкая, тем самым, к категориям предикативности и модальности: «Отрицание в естественном языке – мыслительная операция, устанавливающая то обстоятельство, что связь между членами предложения реально не существует» [Кондаков 1975: 423].

Как понятийная категория, отрицание рассматривается в ряду универсальных и основных (Бондаренко В.Н. 1983; Grzegorzczukowa R. 1993; Taylor J.R. 2001), связываясь с представлениями о реальной действительности в их выражении со стороны субъекта, составляя суть его речевой реакции на воспринимаемое им проявление другого субъекта, на иную систему ценностей, на существующее либо предлагаемое положение вещей [Antas 1991: 8]. Отрицание, таким образом, устанавливает отношение субъекта к кому-либо или к чему-либо и опирается на существующую в его сознании систему ценностей и представлений о мире. Отрицание, следовательно, релятивно и аксиологично [Stróżewski 1981]. В языке оно проявляется и отражается в различных формах, разными средствами и на разных уровнях, от морфемного [Grzegorzczukowa, Szymanek 1993] до синтаксического, охватывая как сегментные, так и суперсегментные единицы – приставки, лексемы, свободные и устойчивые словосочетания, предложения, фрагменты текста, контекст, коммуникативную ситуацию, интонацию и т.п.

Категориальная природа отрицания как такового, следовательно, характеризуясь универсальностью и пронизывая собой различные составляющие языковой системы, обнаруживается в способности быть категорией семантической, словообразовательной, грамматической, предикативной, коммуникативной, что, впрочем, во многом является следствием ее свойства как категории понятийной (О различении соответствующих категориальных свойств, категорий понятийных и языковых см., напр.: [ЛЭС 1990: 215, 385]). Способность эта, воплощающаяся в семантической множественности выражаемых отношений (А. Пстыга, определяя негацию, в частности, как категорию словообразовательно-семантическую, подходит к понятию поля, охватывающего, по ее мнению, сетку пересекающихся семантических отношений, связанных своеобразным сходством и обладающих общими дефинитивными признаками. На основе анализа толкования словарных лексем она выделяет отображаемые в префиксах значения противоположности, отсутствия, противодействия, препятствия, противоречия, устранения, удаления, прекращения, противопоставления, обратности, а также враждебности, несоответствия, неодобрения, невозможности, несовершения. [Pstyga 2003]), предполагает условием связь отрицания как с внутренними, системно-языковыми, единицами и компонентами, так и с широким полем коммуникативности и языковой прагматики, выражаясь в соотношении с речевыми актами и речевой деятельностью в целом как таковой.

Указанная особенность позволяет рассматривать отрицание не только в его отношении к структуре слова и предложения и их семантике, но и в соотношении с такими явлениями, как речевая стратегия, позиция говорящего, речевой акт, оценочность, коннотации, связывая вербально отображаемые элементы (эксплицитное) с не прямыми (Ср. косвенные речевые акты, по Дж. Сёрлю, реальный практический смысл которых вытекает из ситуации речи (напр. *На улице дождь* =

'Возьми с собой зонтик'). [Сёрль 1986]), имплицитными смыслами, находящими свое отображение в речи. Имплицитность неизбежно выводит категорию отрицания в сферу коммуникативного акта, коммуникативных и когнитивных моделей и ситуаций, сферу языкового и речевого сознания, связывая его с выражаемыми в речи и воплощаемыми языком представлениями о мире, миропониманием, мировосприятием, мироощущением, выходя, тем самым, в философию и психологию языка и его носителей. Понимаемое как своего рода стратегия отрицание может стать явлением и знаком времени, общественно занимаемой позицией, способом выразить и отразить свое отношение к наблюдаемому, переживаемому, происходящему (Отрицание, будучи по своей природе двойственно и реактивно, выступает ответной реакцией на соответствующий стимул, подразумевая свое исходное, в ряде случаев способное восприниматься очень объемно и широко, доходя до размеров опровержения социальных установлений, строя, отрицания самой действительности: явление русского нигилизма и анархизма второй половины XIX века, к примеру, ничевоки как литературное направление начала XX века, название и общественная позиция польского еженедельника „Nie”. Эмоциональная и концептуальная сила неприятия, непризнания может стать плакатной (лозунги типа *Нет, Прочь, Долой, Вон*) и публицистической. Отражаясь в морфемной структуре слова, явлениях словообразования и неологии, отрицание становится языковой тенденцией, воплощающей тенденции переходного времени, времени неприятия и разочарований: „Obserwacje słownictwa współczesnego języka rosyjskiego wykazują wzrost aktywności wykładników negacji oraz wartościowania negatywnego”, – начинается своя статья А. Пстыга [Pstyga 2003: 91] и, ссылаясь на обширную литературу предмета, так завершает затронутую проблему: „na poziomie tekstu (wypowiedzi) równie widoczna staje się wyraźna negatywność, obserwowana m.in. w aktualnym dyskursie publicystycznym... która w określonym stopniu narzuca stosowanie negatywów oraz różnorodnych strategii negatywizujących.” По замечанию И.Л. Муханова, анализирующего речепорождающие свойства пропозитивных имплицитных смыслов, «именно отрицание с наибольшей очевидностью проявляет скрытые смысловые элементы реплики-стимула» [Муханов 1999: 89]). Как категория, уходящая в эксплицитно не отображаемые, но имплицитно воспринимаемые и понимаемые смыслы, отрицание связывается с мыслительной деятельностью слушающего (Авторы монографии по имплицитности в качестве определяющего критерия имплицитной информации, связанной с языковой системой и ее функционированием (семантика полнозначных и служебных слов, значение ряда грамматических категорий, значение синтаксических конструкций и интонации, семантика некоторых речевых формул и текстовых фрагментов) прямо указывают на речемыслительную деятельность слушателя: «имплицитная информация ... это та информация, для получения которой требуются усилия слушателя... Для определения сущности имплицитной информации следует представить понимание слушающим текста как речемыслительный процесс ... такой процесс включает в себя сопоставление обнаруженных в речевом потоке единиц со словарем (или списком строевых средств языка) и установлением их значения, что ведет к созданию семантического представления у слушающего, т.е. к передаче информации от говорящего к слушающему» [Имплицитность 1999: 10]), апеллируя к ней (апеллятивная функция) и отображая «фрагменты, для восстановления которых слушателю мало знать значения слова, а требуется приложить дополнительные умственные усилия» [Борисова 1999: 31] К таким фрагментам Е.Г. Борисова отно-

сит 1) компоненты значения неденотативного характера (коннотативные, ассоциативные, эмотивные); 2) пресуппозицию (презумпцию); 3) коммуникативное значение, соотносящее значение лексемы (обычно служебной) с коммуникативными и текстовыми явлениями; 4) факультативную информацию, следующую из внутренней формы слова и фраземы, культурной ауры (происхождение, использование в прецедентных текстах и т.п.) [Борисова 1999: 31].

Выделенные четыре аспекта в условиях употребления способны соединяться и проявляться совместно. К примеру, во фразе *Ты мне не друг* для русского восприятия трудно увидеть только нейтральную констатацию факта отсутствия дружеских, близких, приятельских отношений у говорящего с собеседником. Мало этого, тот, к кому эта фраза обращена, может быть, денотативно, *другом*, – говорящий не столько определяет действительное положение вещей (реальный, фактический компонент значения), сколько высказывает свое субъективное негативное отношение (компонент оценочный, эмотивный), возможно, не столько к объекту речи, сколько к его поступку и поведению, имея в виду *Ты мне не друг после этого*. Понять и правильно интерпретировать сказанное возможно с опорой на коммуникативную ситуацию, в которой фраза произнесена (предшествующее проявление-событие); на коннотативные, эмотивные и ассоциативные компоненты значения слова: *друг* – всегда *близкий, искренний, задушевный, испытанный, не подведет, не предаст, познается в беде, друг детства, до гроба, старый, проверенный, единственный, милый, любимый, сердечный*, – слово в очень значительной степени заряжено положительно; на факультативную информацию, следующую из внутренней формы и происхождения (*друг* – это я *другой*, мое второе я, alter ego), использование в прецедентных текстах культуры (поговорки и пословицы, художественная литература, кино, публицистика). Само отрицание фактически своим содержанием оказывается утверждением правила, социально-культурного стереотипа, нормы. Говорится не то, что данное лицо не является тем, что названо в предикате, а то, что *Настоящие друзья так не поступают*, отрицается не предметность и даже не предикат, а ценность некоего проявления-поступка, коннотируемая неким числом актуальных и значимых, социально-культурных, добавочных смыслов. В то же время во фразе *Он мне не друг* (но без *после этого* и подчеркнутых голосом интонаций) такого эмоционального сопровождения скорее всего не будет, называемое отношение тяготеет со всей вероятностью к дескриптивному смыслу 'мы с ним не в дружеских отношениях, я с ним только знаком'.

Другая, близкая фраза *Ты мне не приятель* возможна, скорее всего, как ответная реплика, реакция на замечание собеседника типа *Мы (же, ведь) с тобою приятели, Ты мой приятель, Мы, как при-*

ятели, ... и т.п. Как самостоятельная или иницирующая она не типична в силу меньшей коннотативной, ассоциативной и эмотивной значимости слова *приятель* по сравнению со словом *друг* (*приятели* – люди просто знакомые, встречающиеся в общем кругу, вместе проводящие время), а также в силу дословного совпадения с *неприятель* (т.е. враг), что было бы в определяемом речевом контексте совсем не уместно (с *недруг* такого совпадения не происходит в силу различия в ударении). На употребление отрицания, тем самым, могут влиять и системные отношения в лексике. И ситуативная, иногда исторически, временем обусловленная, соотношенность: ср. в подобном ситуативном контексте фразу *Ты мне не товарищ*, которую в современных условиях можно интерпретировать в значении 'у меня не может быть с тобой никаких общих дел, я на тебя не могу положиться, нас ничего не объединяет, ты плохой приятель, никудышный из тебя человек и друг', в то время как несколько десятилетий назад ее можно было бы понять и в значении 'мы с тобой не принадлежим к одной социальной и политической группе, ты мой классовый враг, ты человек неблагонадежный, опасный, общественно вредный'.

Из всего сказанного складывается системно-коммуникативная вертикаль и горизонталь, а также языковая синхрония и диахрония (историзм) анализируемой категории, позволяющая судить о природе отображаемых в языке смысловых явлений, связываемых с сознанием, эмоциями, поведением, знаниями и представлениями человека, т.е. со сферой субъекта речи и языка, субъекта как индивида и субъекта как социума.

Помимо указанных свойств и проекций, помимо различий в семантическом поле, в степени, эмоциональности и коннотативности выражаемых с помощью отрицания смыслов, возникает еще одна смысловая проблема – что отрицается. Отрицаться, как следует из примеров, может предметная и ценностная (системоценностная) составляющая обозначаемого в словоупотреблении. К примеру, *Это не человек*, в зависимости от обозначаемого, может предполагать отрицание по роду, если действительно определяет не человека, а, скажем, увиденное животное, и отрицание ценностных (моральных, духовных, поведенческих) качеств: плохой из него человек, в нем нет ничего человеческого, он не добрый, жестокий, нечуткий, сухой, безвольный и пр., в зависимости от замысла и ситуации. Вместе с тем, подобное проявление не составляет правила. Нельзя сказать, что любая такая конструкция, в зависимости от коммуникативных условий своего проявления, будет обозначать либо предметное, либо ценностное отрицание как свою конструктивную обусловленность. В отдельных случаях подобная обусловленность будет определяться природой лексического значения – что называется, признаковая, предметно-родовая, ролевая

или другая какая-нибудь составляющая в обозначаемом. Но может быть также связана с тем, что не совсем ясно и неоднозначно определяется как ассоциативный компонент коннотаций у слова (1), как фоновые знания, или фоновая информация, общая для всей социальной группы (2) и как так называемый факультативный компонент значения (3), встречающийся не во всех употреблениях слова и потому не обязательный, обуславливаемый контекстом [Борисова 1999: 34-36].

Если в примере *Это не рыба* контекстом можно предположить отрицание по роду – не рыба, а что-то другое, кто-то другой, т.е. отрицание дефинитивного признака, или же отрицание ценности: плохая рыба, никуда не годная рыба, то во фразе *Это не кот* дефинитивное отрицание будет нормальным, в то время как ценностное вряд ли возможно. *Это не кот* не будет означать плохой, никуда не годный кот, но может быть эмоционально оценочным обозначением поведения животного, с оттенками возмущения, негодования (т.е. неприятия), либо, напротив, восторга и восхищения (одобрения), либо того и другого одновременно: *Это не кот, а обормот какой-то! Это не кот, а обжора! Это не кот, а обезьяна (мартышка) какая-то! Это не кот, а просто как человек! Это не кот, а нечистая сила! Это не кот, а волшебник!* Следствиями различия будут, по-видимому, ассоциативные и факультативные признаки: *рыба* – потенциальный продукт питания, который может оцениваться как хороший либо плохой, пригодный либо непригодный к употреблению (Как определяет в своей монографии Е.М. Вольф (Функциональная семантика оценки 2002: 16-18) оценка зависит от характера называемого объекта и становится возможной, если предмет оказывается функционально значимым, при этом должны предполагаться и критерии, т.е. признаки, по которым выносится оценочное суждение); *кот* – как животное близкое к человеку, подвижно активное, самостоятельное, и потому определяемое прежде всего в отношении поведения.

В примере другого рода, скажем, *Это не холостяк* отрицание предметного родового 'взрослый неженатый мужчина' в целом становится невозможным, отрицается только один его компонент – неженатый, воспринимаемый как пресуппозиционная часть. В то время как в близкой фразе *Это не жених* значения, в зависимости от контекста употребления, могут быть самые разные: *Это не жених (а другой, гость, приглашенный, дружка на свадьбе)* – предметно-денотативная обусловленность; *Это не жених (какой из него жених, совсем не жених, не годится на роль жениха)* – социально-ролевая и оценочная обусловленность; *Это не жених (еще не жених, потому что юн, или уже не жених, потому что стар)* – возрастная, темпоральная обусловленность; *Это не жених (а друг, брат, приятель, знакомый)* – релятивная обусловленность. Указанные соотношения будут зависеть от оценки способностей, временной, простран-

венной или векторной соотнесенности субъекта – носителя социальной роли (*жены*), в отличие от субъекта – носителя классификационного признака (*холостяк*). Ср. аналогичные соотношения: *Это не отец* (отцом является другой, это плохой отец, это не твой, его, мой отец и т.п.), *Это не мать*, *Это не мужчина*, *Это не брат*, с одной стороны, и *Это не армянин*, *Это не старшина*, *Это не бригадир*, с другой.

Бинарность, двойственная природа отрицания, проявляющаяся в наличии соотношения с исходным и отрицаемым, обнаруживает себя, тем самым, также в способности, с одной стороны, определять и через противоположное идентифицировать (не А), а с другой, определяя, но не обязательно, субъективно оценивать, отрицая, отвергать или, напротив, в каких-то случаях одобрять.

Объектом анализа в настоящей работе были слова, содержащие в своем составе словарное *не-* (как префикс или словарно отмеченную частицу). Материал ограничивался позицией не новейшее, не последнее времени, не неология, с тем чтобы увидеть и пронаблюдать не столько быстро меняющиеся явления и процессы переживаемой современности, сколько освоенное и принятое языком в аспекте живого употребления в речи и сохранившееся в современности. Отсюда, с одной стороны, возникала известная временная ретроспектива – определялось то, что было уже свойственно языку во второй половине XX века; с другой, возникающий взгляд и с ним материал имел своего рода перфектный смысл – то, что было усвоено и, может, отчасти сформировалось, в недавнем, не полностью пережитом прошлом, и остается как результат в языке современности, отчасти переосмысляясь в нем, отчасти уходя или меняя актуальность, отчасти сохраняясь в нем без изменений. Известная стабилизированность анализируемого материала, словарно проверенная и в словарях отраженная, давала возможность видеть то, что было и есть, наблюдая явления в их реализации и определенности, а не в движении и неустойчивости. Новейший, последнего времени материал, характеризующийся, как уже отмечалось, активностью негативирующих стратегий, будучи слишком активно и субъективно заряжен, не устоявшийся, часто сиюминутный, мешал бы видеть типичное и характерное. Одновременно с этим, негативирующие стратегии недавнего прошлого, может быть менее интенсивные и заостренные, дают возможность лучше понять и новейший, последнего времени, материал в его отношении к близкому и далеко еще не пережитому состоянию.

Для представления процедуры анализа речевых стратегий, отражаемых в материале образований с *не-*, и связанных с этим возможных позиций потенциального говорящего начнем с объяснения отличия семантики языковой, описываемой дефинициями

толковых словарей, и той семантики, которая проявляет и актуализирует себя в речи, речевом употреблении, типичном для определенного времени и среды. Сразу следует оговорить, что это не отличие как таковое, поскольку между тем, что словарно, и тем, что принято в речевом использовании, наблюдаются соотношения другого рода. Их можно было бы интерпретировать как уточнение, профилирование, акцентуацию одних смысловых компонентов значения при нейтрализации других, определяя в представлении „чаще говорится так, обычно (Об этом *обычно*, используемом нередко в словарных определениях, Е.Г. Борисова пишет как о показателе факкультативного, нейтрализуемого в употреблении, компонента лексического значения [Борисова 1999: 36-37]) используется в таком значении”, при этом *чаще, обычно* как раз и характеризуют фактор времени и/или среды, определяющей позицию говорящего, делающей возможной то или иное ее проявление.

Возьмем для примера прилагательное *неаккуратный*. Согласно „Большому толковому словарю” семантика данного слова трактуется следующим образом: 1. Не соблюдающий порядка, точности. *Н. плательщик, ученик, работник*. 2. Разг. Небрежно сделанный, неточно выполняемый или выполненный. *Н-ая работа. Н. чертёж*. 3. Небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный. *Н-ая хозяйка* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 611]. Согласно тому же словарю семантика *не-* как приставки концентрируется вокруг четырех значений: 1. Вносит зн.: полная противоположность того, что выражает слово без этой приставки. *Недруг* (враг), *неправда* (ложь), *небольшой* (маленький), *невесёлый* (грустный), *недобрый* (злой), *невысокий* (низкий). 2. (при образовании прил. и полных прич., при которых нет пояснительных сл.). Вносит зн.: противоположность с оттенком умеренности, ограниченности признака, качества. *Невнимательный* (недостаточно внимательный), *неглупый* (достаточно умный), *немногий* (составляющий небольшую часть чего-л.), *неплохой* (достаточно хороший), *несильный* (недостаточно сильный). 3. Вносит зн.: отсутствие того, что выражает слово без приставки. *Необоснованность, необитаемость, неприязнь, неискренний, немзыкальный, ненаучный, нечестный*. 4. Вносит зн.: лицо или предмет, не совершающие или неспособные совершить действие, обозначенное основой. *Неумеха, неуч, незнайка* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 611].

Рассматриваемый случай (*неаккуратный*) относится, по всей видимости, к значению приставки *не-*, определяемому под цифрой 3, т.е. отсутствию признака, выражаемого прилагательным *аккуратный*. Интересно при этом то, что отображенная в трех значениях семантика слова *неаккуратный* обнаруживает симметрию, но неполную, переакцентированную, к семантике отрицаемых призна-

ков в слове *аккуратный*: 1. Склонный к чистоте и порядку; чистоплотный, опрятный. *А-ая хозяйка. Мальчик попрос, стал аккуратнее.* || Сдержанный в порядке, тщательно сделанный. *А. домик. А-ая причёска. А-ая работа.* 2. Исполнительный, пунктуальный. *А. ученик. А. почтальон.* || Выполняемый регулярно, в установленные сроки. *А-ая уплата членских взносов. А-ая доставка заказов на дом* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 32]. При отрицании, следовательно, возможно перераспределение компонентов значений, факультативное или периферийное может стать основным, а основное отойти на второй план: 1-е значение *неаккуратный* (не соблюдающий точности и порядка) соответствует 2-му значению *аккуратный*, делая его при этом более общим, захватывая отчасти семы 1-го значения и его оттенка у *аккуратный*, связанные с 'порядком'. 2-е значение *неаккуратный*, развиваясь из оттенка 1-го значения у *аккуратный*, акцентирует признак результата действия (*сделанный*), а не свойства действующего лица, как в значении, данном под цифрой 1 (*склонный*). 3-е значение у *неаккуратный* (небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный) соотносится с 1-м у *аккуратный*, выступая одновременно более частным его проявлением: не просто не склонный к чистоте и порядку, а в отношении к одежде, вещам.

В целом проявленная при отрицании в данном слове тенденция отмечает смещение в сторону от характеристики носителя свойства к его агентивности – характеристике субъекта как действующего (значение 1), привычного результата известного действия (значение 2), внешнего вида лица, являющегося следствием определенного поведения, привычек (значение 3). Выявленная тенденция не может, однако, рассматриваться ни как всеобщая, ни как типичная, она характерна для рассмотренного случая, следуя из особенностей лексического значения слова. Важно отметить сам факт очевидности смещения, перестановки и переориентации компонентов значения при отрицании. Исходное и образующееся из него с помощью *не-* не обязательно и далеко не всегда симметричны, противоположны не прямо и развиваются и существуют нередко самостоятельно и не параллельно (Асимметрию положительного и отрицательного при "хорошо / плохо" Е.М. Вольф определяет как особенность оценки в естественном языке, отмечая, что симметрия "+" / "-" представляет в языке лишь частный случай [Вольф 2002: 19]).

Процессы и смещения, происходящие в лексической семантике при отрицании во многом оказываются сходны с тем, что наблюдается и описывается исследователями при оценке. Наличие сравнения, парность, асимметрия, модальностный и модусный характер свойственны и отрицанию, и оценке. Объединяет их еще одна особенность. Рассматривая сочетаемостные возможности частнооценочных слов, Е.М. Вольф на примере того же прилагательного *аккуратный*, называющего свойства, в картине мира

оцениваемые как хорошие, выводит основание признака, общего у слов, способных вступать в сочетание с *аккуратный* как определяемым. Основание это, по ее словам, “представляет собой пропозициональный компонент глубинной структуры определяемого (класс свойств, действие с его актантами и сирконстантами)”. Таким пропозициональным компонентом для *аккуратный* будет признак активного действия, направленного на получение определенного положительного результата, “который может иметь качественные характеристики, относящиеся к исполнению этого действия (как следует, в срок и т.п.). Эти слова могут именовать лицо (*мальчик*), деятеля по виду деятельности (*почтальон*), само действие (*исполнение, оформление*), результат действия (*запись*), а также предметы по внешнему виду (*одежда, садик* и др.)” [Вольф 2002: 65-66].

Показательно в данном случае то, что именно глубинная пропозициональная структура, имеющая отношение к роду и классу (классу свойств, определяющих действие с актантами и сирконстантами), а не поверхностная, обнаруживающая себя в устройстве лексического значения, проявляет себя в сочетаемостях, оценочном потенциале, и она же действует в условиях отрицания, предопределяя тип и характер негативизирующего отношения. Отрицание, тем самым, определяется теми же правилами, что и оценка, а многие случаи и проявления отрицания (неприятие, противодействие, противоречие, враждебность, несоответствие) следовало бы характеризовать как разновидности оценки.

Из этого возможны два следствия для понимания речевой стратегии, проявляемой при отрицании: 1) стратегия может быть прямо не связана с семантикой мотивирующего слова без *не*; 2) стратегия может строиться и, скорее всего, будет строиться на компонентах глубинной пропозициональной, а не поверхностной, структуры значения слова.

Прежде чем перейти к рассмотрению негативизирующих стратегий и связанных с ними позиций говорящего, имеет смысл уточнить характер обуславливаемой ими речевой семантики, несколько смещенной по сравнению с отображаемой словарями. Семантика эта – семантика типичных контекстов и словоупотреблений, связанных с вербальными проявлениями во времени и в среде. Выбранное время второй половины XX века представляет картину весьма широкую и неоднородную. Однозначно определить среду тех или иных узуальных проявлений также не всегда возможно, поскольку коммуникативные среды взаимодействуют, пересекаются, не исключают друг друга. Реально, т.е. в действительном употреблении в речи, следовало бы говорить о вероятных выборах и предпочтениях, определяющих оба параметра – темпоральный и социальный, которые, как в случае с рассмотренным действием в

поле отрицания, сочетаемости и оценки, могут быть выявлены и объяснены по принципу соотношения основного и дополнительного, факультативного и периферийного, нейтрализуемого и пропозиционального в семантике.

Возьмем для иллюстрации несколько отстоящий от рассматриваемого времени узуальный случай использования соотносимого с *неаккуратный* и семантически похожего прилагательного: - *Сильный ты, любят тебя, наверно, девки, только неосторожный, - она наклонилась над ним, заглянула в глаза, - рожу тебе черноглазенького, не боишься?* (А. Рыбаков, Дети Арбата). Узуальное речевое значение *неосторожный* в данном контексте и употреблении можно было бы определить как 'не умеющий себя контролировать во время полового акта, не думающий о возможных последствиях (как правило, молодой) мужчина'. Автор вкладывает эти слова в уста молодой героини, девушки из деревни, недавно живущей в городе, простой, не имеющей образования, работницы. Изображаемое время – начало 30-х годов XX века. Речь и контекст подчеркнуто простонародно типизированы: *сильный ты* (девушка о молодом человеке), *любят тебя девки, рожу тебе, черноглазенького, не боишься?* Типично показано и поведение, сопровождающее слова: *наклонилась над ним, заглянула в глаза*. Для языка второй половины XX века в подобном узуальном значении и аналогичном контексте слово *неосторожный* было бы не типично, привычнее было бы встретить *неаккуратный*. Семы 'непредусмотрительный', 'несдержанный', 'не думающий о возможных последствиях' (отнюдь не случайные в контексте 30-х годов, времени всеобщей подозрительности и чисток) заменяются в языке второй половины XX столетия на 'небрежный', 'не знающий порядка', 'неумело действующий' (совсем иначе социально обозначенного), а речевая стратегия сочувствующей характеристики внутреннему, потенциально опасному для субъекта, несовершенству – на стратегию неодобрения, неприятия, раздражения по поводу нарушения нормы, незнания правил и признаваемого в данной среде норматива.

Рассмотренный интимный контекст и следующее из него значение, однако, выступает не как порождающий, а как проявляющий по отношению к более общему узуально-речевому смыслу. Социально обусловленные тенденции времени, отображающиеся в речевых контекстах и коммуникативных средах, имеют некое объединяющее их общее. Для интересующего нас слова такое значение, применительно к языку второй половины XX века, можно было бы определить примерно следующим образом: *неаккуратный, неаккуратно, неаккуратность* 'своими действиями в отношении чего-л. дающий возможность обнаружить то, что желательно скрыть; неумело действующий, дающий возможность раскрыть скрываемое'.

Указанное значение проявляется во фразах, негативно заряженных и оценивающих, в первую очередь, поведенческую составляющую характеризуемого лица: *Какой Вы, право, неаккуратный! Нельзя быть таким неаккуратным. Он в отношениях с другими (начальством, сослуживцами, знакомыми) очень неаккуратен (бывает неаккуратен). Вести себя неаккуратно. Показать свою неаккуратность.* Аккуратность / неаккуратность становится показателем соблюдения / несоблюдения признаваемых правил и норм не выделяющегося, не нарушающего принятый распорядок общественного проявления. Неаккуратность не одобряется в силу возможности девуалирования, потенциально опасного для данной общественной группы или лица. Затрагиваемый аспект акцентирует сему 'несоблюдения порядка при исполнении', заложенную в 1-м значении слова *неаккуратный*, переводя ее в плоскость порядка негласных общественных установлений, социальной рутины, привычки, общественно принятого к исполнению, понимаемого как действие социальных пружин и инстинктов самосохранения среды. Признак активного действия, направленного на получение определенного положительного результата, имеющий характеристики, относящиеся к исполнению действия, выведенный Е.М. Вольф как пропозиционное основание в прилагательном *аккуратный* для оценки, обращается для отрицания (*неаккуратный*) в желаемый признак 'не действия, направленного на получение не положительного для среды результата с характеристиками, относящимися к исполнению действия'. *Неаккуратный*, тем самым, выступает в вербальной стратегии среды как потенциальный девуальтив с заложенной в нем оценкой несоответствия правилам приобщенного поведения.

Соответствующая тому или иному речевому словоупотреблению среда может быть определена по признакам характерных для нее системоценностных ориентиров. Рассмотренное в связи с речевым узуальным значением *неаккуратный* как потенциального девуальтива можно было бы по таковым ориентирам, с известной долей определенности и по предпочтению, отнести к административно-функциональной среде, что не исключает, а во многом даже предполагает возможность использования данного слова в данном узуальном значении в контекстах иной коммуникативной природы в силу того, что указанная среда для языка второй половины XX века во многом играла роль доминирующей и задающей.

В связи с рассматриваемым материалом имеет смысл уточнить понятия речевой стратегии и позиции говорящего, активно используемые в последнее время в лингвистике, что вызвано повышенным интересом к проблемам языковой прагматики, теории речевых актов, коммуникативности, обучению и пониманию речи (Среди обширной литературы предмета назовем лишь некоторые работы, непосредственно связанные с изучением затронутой темы: Глаголев Н.В., *Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте*, [в] *Научные*

доклады высшей школы. Филологические науки. 1985, № 2; Дейк Т.А. ван, Кинч В. *Стратегии понимания связного текста*, [в] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988; Верещагин Е.М., *Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры*, [в] *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Ч. 1. Москва, 1991; Борисова И.Н., *Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге*, [в] *Русская разговорная речь как явление городской культуры*, Екатеринбург, 1996; Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, Омск, 1999). Т.А. ван Дейк, одним из первых введший понятие стратегии в лингвистический обиход, связывал стратегию с когнитивными планами достижения цели, представляющими собой общую организацию некоторой последовательности действий [Дейк 1989: 272], достигаемых (если говорить о речевой стратегии) в речи и диалоге. К стратегии применяется требование быть гибкой, предполагая возможность менять, в зависимости от обстоятельств, характер локальных ходов. Стратегия связана с обработкой в сознании говорящего поступающей и имеющейся у него информации "сразу на нескольких уровнях и из нескольких источников, таких, как интонация, синтаксис, интеракциональные особенности, пропозициональные значения, референция, акторечевые характеристики предыдущего хода, а также производимые выводы относительно намерений, социального положения или паравербального поведения говорящего в данный момент..." [Дейк 1989: 273]. В качестве примеров Т.А. ван Дейк приводит возможную стратегию быть добрым и вежливым, быть осторожным или честным – стратегия вежливости, позитивной самопрезентации и т.п.

Стратегии, таким образом, можно рассматривать как регуляторы речевого поведения говорящего, обусловленные его коммуникативной позицией. Это динамический и оперативный компонент управления речи. Задание быть таким-то, как речевая стратегия, реализующееся в последовательности локальных шагов, названных ван Дейком семантическими (такими, как пресуппозиция, импликация, предположение, смягчение, преувеличение, расплывчатость, косвенный речевой акт, сдвиг, взваливание вины на другого, незнание, дистанция, очевидное противоречие и т.д. [Дейк 1989: 286]), дает представление о программе, проявляемой в речи в виде логических и смысловых операций субъекта, желающего в своем поведении при коммуникативном взаимодействии быть определенным образом интерпретированным и воспринятым собеседником (собеседниками). Стратегия, тем самым, есть программа субъекта, принимаемая им для себя самого как источника сообщаемой в процессе взаимодействия информации. И как таковая, она непосредственно будет связана с его позицией, с ней соотносится, во многом из нее следовать и из нее вытекать.

Позицию говорящего можно воспринимать и интерпретировать самым различным образом. Не вдаваясь в терминологические подробности, требующие анализа когнитивных фрагментов, обильно рассыпанных в современной научной литературе, и изучения связанных с представлением о позиции классификационных параметров и систем интеракции, коммуникации и диалога, попробуем, ориентируясь на собственные исследовательские задачи, следующие из особенностей собранного негативирующего языкового материала, дать представление о позиции в связи с рассмотренным определением речевой стратегии и заявленным отношением объекта анализа ко времени и к среде. Как всякое сложное в понятийном отношении явление позицию говорящего можно рассматривать в снятом и обобщенном виде, т.е. вне применения к чему-либо и проявленности в той или иной связи, и, соответственно, в проявлениях, проекциях, модификациях к уровню, виду использования, характеру материала. Так, если стратегии у Т.А. ван Дейка могут быть речевые, текстовые, семантические, синтаксические, схематические, производства дискурса, контекстуальные, использования моделей, говорящего, ввода темы, понимания и т.п., то почему бы не быть различным, хотя и в ином отношении, позициям говорящего? Говоря о снятом и общем в определяемом понятии, позицию, следовало бы, по-видимому, соотносить с внутренним представлением (не обязательно осознаваемым) говорящего о себе как источнике речевого действия-проявления, в том числе и передаваемой, сообщаемой им информации. И.Н. Борисова, давая представление о модели коммуникативной ситуации, относит *позиции в ходе общения* к субъективным и переменным признакам коммуникантов, выделяя позицию открытую – отстраненную – закрытую [Борисова 2005: 44]. К субъективным и переменным она также относит такие параметры, как *оценка коммуникантом типичности ситуации* (привычная – непривычная), *уровень коммуникативной компетенции* (знание правил и норм, регулирующих отношения участников в данном коммуникативном событии; умение эффективно воздействовать), *психологический ролевой статус коммуниканта* (советник, судья, утешитель, родитель, дитя), *включенность в коммуникацию* (поверхностная, глубокая), *эмоциональное состояние в момент речи*. Переменные признаки коммуникантов противопоставляются ей в классификации постоянным, а субъективные – объективным интегрирующим коммуникативного события.

Позиция говорящего, как можно представить из способов ее представления и подходов к ней [см., напр., Дридзе 1980; 1984; Богомолова 1991], имея отношение к речевой и текстовой деятельности, параметр социально-психологический, связанный со способом ощущения субъекта речи в данном языковом и культур-

ном социуме, данном коммуникативном и культурном пространстве и данной среде. Говорящий как источник и генератор высказывания себя каким-то определенным образом воспринимает и чувствует в этой роли в своем (либо, напротив, чужом) речевом и культурном социуме, речевой среде, в которой он как субъект говорения действует и себя проявляет. Не случайно, по-видимому, Н.Г. Брагина связывает позицию говорящего с проблемой культурного узнавания, относя это к области "конвенционального имплицитного", проявляющегося через культурные коннотации в культурных моделях [Брагина 1999: 45]. Как таковая, позиция говорящего, видимо, соотносится с семантической категорией *своего и чужого* (Пеньковский А.Б., *О семантической категории "чуждости" в русском языке*, [в] Его же, *Очерки по русской семантике*, Москва, 2004), отражающейся в противопоставлениях типа *мы и они*, *мы и другие*, *мы и не-мы* (Ср. Мы-группа и ОНИ-группа у Т.А. ван Дейка, используемые им при изучении этнических предубеждений (Дейк Т.А. ван, *Когнитивные и речевые стратегии...*, с. 287)). Открытость, отстраненность, закрытость, тем самым, выделяемые И.Н. Борисовой для позиции коммуниканта в ходе общения вполне подходит, как механизм, к ее проявлению.

Переходя от обобщенного представления рассматриваемого понятия к его проекции к материалу, хотелось бы обратить внимание на то, что негативность и отрицание, выражаясь в служебных и полнозначных словах, также являются отображением своего рода позиции. Для того чтобы отрицать, надо иметь основание, надо знать другое, быть источником знания и иной информации, обладать мотивом и занимать позицию, допускающую такую возможность. В этом также находит свое отражение и подтверждение двойственная природа негации, ее бинарность. И отрицание, и позиция говорящего релятивны, определяясь через соотношение к другому – тому, что другое и что принимается либо, напротив, не принимается.

Стратегически *НЕ-* может действовать в плоскости номинатива, определяя, идентифицируя через структурное *не-* нечто другое (логическое и смысловое отношение пары – *A* и *не-A*): *неженатый*, *не замужем*, *незамужняя*, *недруг*, *невозвращенец*, *невыездной*, *невоенный*, *невоеннообязанный*, *небеленый*. В этой сфере своего проявления *не-*, как правило, безоценочно и служит средством ориентации в окружающем мире, раскладывая предметы, явления, состояния в две классификационные группы: тот, что женат и не женат, та, что (не) замужем, тот, кто далеко (не) друг, тот, кто (не) возвратился. Хотя заложенная бинарность (не тот, не такой), способная соединиться в сознании с упомянутой, также бинарной и так же устроенной, категорией *своего и чужого*, *мы и не-мы*, легко может переводить называемое в оценочную и идеологическую

проекцию: *недруг* – это нехорошо; *невозвращенец* – значит, в контексте официального языка второй половины XX века, предатель; *невыездной* – оценка будет зависеть от социальной позиции говорящего: либо в силу того, что зарекомендовавший себя с не одобряемой властью и обществом стороны, и потому подозрительный, неблагонадежный, либо, в силу все тех же причин, не относящийся к роду послушных и одураченных, что-то из себя представляющий, не потерявший достоинства, жертва режима и вынужденный внутренний эмигрант. Такими же, но уже в определенном контексте, и потому потенциально оценочными, оценка которых также будет зависеть от позиции говорящего, могут оказаться другие слова: *неженатый*, и это плохо или, наоборот, хорошо; *незамужняя* (пока еще или все еще, в силу чего оценка также будет различной), *невоенный* (и потому неопытный и не организованный или, напротив, гуманный, чуткий, не солдафон), *небеленый* (а надо бы побелить или, напротив, не надо, скажем, сдирать побелку).

НЕ- может действовать в плоскости утверждения несоответствия желаемому *свойству* (не такой, как надо, как хотелось бы, как желательно, не должный, не имеющий в себе того, что бы следовало, что было бы хорошо, и поэтому не одобряемый; логическое и смысловое отношение – *не-А не пара к А, не соответствует А*): *неаккуратный, неактивный, неактуальный, неаппетитный, недоимка, недоделка, не ахти, не без корысти*. Слов с *НЕ-* подобного рода в языке второй половины XX века больше всего. Потенциальная оценочность их, обусловленная отрицанием позитива, проявляет себя в этом случае с наибольшей силой. Характер оценки, ее контекстуальная и узуальная определенности будут зависеть от занимаемой позиции говорящего. На примере слова *неаккуратный*, в речевом узуальном использовании которого в определенной среде, это была оценка несоответствия правилам приобщенного поведения. В слове *неактивный, неактивно, неактивность*, определяемом как ‘не проявляющий интереса к общественно значимым видам деятельности, не инициативный; не действующий в нужном направлении, не мобилизующий, не участвующий’, с проявлением стратегии, характеризуемой как социально-групповой департитив (*какой-то он неактивный; нельзя быть такой неактивной; вести себя неактивно*), – такой оценкой могла бы быть оценка несоответствия поддерживаемому общественному запросу.

Такая же оценка, видимо, характеризует и слово *неактуальный, неактуально* ‘не отвечающий требованию момента, ненужный, отодвигаемый; не подходящий, мешающий, нарушающий правильность принятой установки’, с проявлением стратегии, определяемой как потенциальный оппозитив (*неактуальный вопрос; неактуальная тема; теперь это неактуально*). Слово *неаппетитный, неаппетитно* ‘не одобряемый в эстетическом отноше-

нии, способный вызвать реакцию неприятия, отторжения; нарушающий вкус', со стратегией эстетический дезакцептив (*неаппетитные разговоры; неаппетитный вид; выглядеть неаппетитно; все это как-то неаппетитно*), дает представление об оценке несоответствия внутреннему запросу перцептора. В свою очередь, *не ахти*, как 'недостаточный в отношении полагаемой меры качества; не удовлетворяющий требованиям вероятного значимого проявления или действия', со стратегией апеллирующий департитив (*мужичонка-то он не ахти (какой); парень он не ахти; все это выглядит не ахти; как-то все это не ахти; дела идут не ахти*) проявляет оценку, которую можно было бы определить как оценку несоответствия внутреннему запросу потенциального (со)участника.

Приближаясь к определению и представлению позиции говорящего на материале стратегических проявлений речевых узуальных значений с *НЕ-*, можно было бы увидеть эту позицию в отношении приобщенности к избираемой говорящим социальной (идеологической, коммуникативной) группе или среде, типажные характеристики которых для языка второй половины XX века необходимо впоследствии будет выявить и описать. Приобщенность эта может себя проявлять (и здесь мы выходим на уровень собственно определения позиции), в частности, на материале двух выделенных стратегических типов *НЕ-*, в идентификации, определении, классифицировании, приписывании значений – тот / не тот, такой / не такой, этот / не этот, свой / не свой и регуляции, установлении и формировании запросов, необходимого, должного, требуемого – в отношении меры, степени, вида, предела, порядка, нормы – участия, действия, проявления, состояния и т.п.

Отмеченная бинарность, как отличительная черта отрицания, проявляет себя в способности, наблюдаемой и выведенной на материале, к удвоенному расхождению исходного и полученного. В зависимости от характера мотивирующего (А) возможны, не два, а четыре номинативных и стратегических типа (точнее два типа и следующие из них и связанные с ними два подтипа, по одному при каждом, как их уточнения и расширения). Таким образом: 1) если А обозначает, получаем рассмотренный случай *идентификации*; 2) если А дает представление об обычном, привычном, не-А содержит определение *исключительности*; 3) если А называет желательный признак, не-А дает рассмотренный случай *неодобрения, неприятия*; 4) если же А, соответственно, называет нежелательный признак, то не-А будет предполагать *допущение*.

В соотношениях А и не-А это выглядит следующими образом: 1) *Не-А (НЕ констатации)*; 2) *Не-обычный (НЕ исключительности)*; 3) *Не-должный (НЕ неприятия)*; 4) *Не-недолжный (НЕ допущения)*. Соответственно: констатация положения, состояния (1) > исключи-

тельность (2); неодобрение, неприятие (3) > допущение, допустимость (4).

При этом, если идентифицирование (операция *A* и не-*A*) производится в *паре*, то связанное с ним отношение исключительности парность определяет применительно к **множеству**: не обычный, исключительный, сингулярный (Термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, определяемый ими как *идуший-вразрез-с-нашими-ожиданиями* и выводимый на основании семантики лат. *singularis* – “отличный (от обыкновенного)”, т.е. “необычный”, далее: “исключительный”, “чрезвычайный”, “небывалый”, “единственный (в своем роде)”, “достойный внимания” или “обращающий на себя внимание”, “замечательный”, “странный”, “из ряда вон выходящий” и даже “противоречащий ожиданиям”. Авторы предлагают при этом использовать термин *сингулярный* для сферы прагматической семантики при исследовании речевого поведения и исчислении рече-поведенческих тактик. (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., *В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики*, Москва, 2000, с. 8-9.)), единственный в своем роде, не как все, не рядовой, выделяющийся из множества, не из множества, не из средних, неординарный: *небывалый, невиданный, невероятный, неслыханный, негодяй, недостижимый, незыблемый, необоримый, необратимый, неиссякаемый, неисчерпаемый*. Если неодобрение, неприятие устанавливается через **несоответствие** к желаемому свойству (*не-А не пара к А, не соответствует А*), то отношение допустимости определяется как **допускаемый** в свойстве, не отличающийся от других в худшую сторону, не хуже других, через отрицание несоответствия, возможный, не-недолжный, не совсем такой, как не надо, имеющий в себе, содержащий в себе то, что может представлять интерес, давать повод, привлечь внимание: *небезнадежный, не без успеха, не без юмора, не без интереса, неброский, невинный, неглупый*.

Выделенная позиция идентифицирования, классификации, определения расширяется, тем самым, переходя в позицию прокламирования, заявления об исключительности, особенности, сингулярности определяемого, а позиция регуляции, установления и формирования требуемого переходит в позицию допущения и ограничения норм, возможности исключений из правил и норм желательного, не делающего его нежелательным, но сохраняющего в себе черты ничем особым не выделяющегося, обыденного, простого, среднего, ординарного. Идентифицирование и регуляция, таким образом, подвергаются действию механизмов ограничения – в сторону неограниченности, превышения нормальных пределов и в сторону ограниченности, проявления в слабой степени, допустимого достижения малого, которое не хуже, не слишком меньше других, имеющего, содержащего в себе нечто и от желательного.

Интересно, что выделенные на основе анализа признаки полного и частичного, ограниченного отрицания, а также противоположности как способа идентифицирования и выражения неодоб-

рения, неприятия заключены не прямым, имплицитным, неявным образом в семантике *не-* как морфемы. Ср. выделяемые в „Большом толковом словаре” при *не-* значения полной и умеренной, ограниченной противоположности, с одной стороны, и значение отсутствия (как способа идентифицировать, обозначить) или не совершения, неспособности совершения действия (как способа ограниченного соответствия), с другой. Все это, а также многое другое, чего не удалось разрешить и даже коснуться в данной статье, наводит на мысль о своего рода созвучном и соотносимом устройстве языкового и речевого, языкового и концептуального, логического и прагматического, внутрисистемного и социально-психологического в отношении к функционированию и использованию языка. Языковые, внутрисистемные, морфемно-структурные смысловые явления и компоненты в своем устройстве, организации, аранжировке можно было бы не без основания определять и рассматривать как своего рода исходные, задающие темы к ее исполнению, вариациям, модификациям и модуляциям в речи, употреблении, узуальных контекстах, применительно к говорящему, слушающему, коммуникативным условиям, моделям и ситуациям речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Богомолова И.Н., Социальная психология печати, радио и телевидения. Москва, 1991.
- Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб, 2000.
- Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
- Борисова Е.Г. Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи / ред. Е.Г. Борисова и Ю.С. Мартемьянов. Москва, 1999.
- Борисова И.Н., Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге, // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. Москва, 2005.
- Брагина Н.Г., Имплицитная информация и стереотипы дискурса, // Имплицитность в языке и речи / ред. Е.Г. Борисова и Ю.С. Мартемьянов. Москва, 1999.
- Верещагин Е.М. Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Ч. 1. Москва, 1991.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики. М., 2000.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва, 2002.
- Глаголев Н.В. Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 2.

- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988; Дейк Т.А. ван, Язык, познание, коммуникация, Москва, 1989.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиотики психологии. Москва, 1984.
- Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. Москва, 1980.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи, Омск, 1999.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Муханов И.П. О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог) // Имплицитность в языке и речи / ред. Е.Г. Борисова и Ю.С. Мартеньянов. Москва, 1999.
- Пеньковский А.Б. О семантической категории "чуждости" в русском языке // Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. Москва, 2004.
- Сёрль Дж., Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва, 1986. Antas J., O mechanizmach negowania. Kraków, 1991.
- Grzegorzczkova R. Filozoficzne aspekty kategorizacji // Językowa kategorizacja świata, red. R. Grzegorzczkova i A. Pajdzińska, Lublin, 1993.
- Grzegorzczkova R., Szymanek B. Kategorie słowotwórcze w perspektywie kognitywnej // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2: Współczesny język polski / red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993.
- Pstyga A. Z badań nad strukturą rosyjskich negatywów rzeczownikowych // Wokół struktury słowa / red. A. Pstyga. Gdańsk, 2003.
- Stróżewski W., Aksjologiczna wartość negacji // Tegoż, Istnienie i wartość, Kraków, 1981.
- Taylor J.R. Kategoryzacja w języku naturalnym. Prototypy w teorii językoznawczej, tłum. A. Skucińska. Kraków, 2001.

Шустрова Е.В.
Екатеринбург

СФЕРА-ИСТОЧНИК «ЧЕЛОВЕК» В ИДИОСТИЛЕ Р. ЭЛЛИСОНА

Abstract

Shustrova E. Conceptual Domain "Human Being" in Prose of Ralph Ellison. The article in question dwells upon the problem of conceptual metaphor. The sphere of particular interest concerns African American literary discourse and its typical features. The results of analysis in question show how the notion of a human being is conveyed in the style of R. Ellison.

****

Данная статья продолжает цикл публикаций, посвященных проблеме особенностей языковой и образной составляющих различных концептосфер в афроамериканской литературе. Нам предстоит проследить отличительные черты сферы «человек» на материале анализа романа «Invisible Man» Р. Эллисона. Изучение данных сплошной выборки позволяет говорить о следующих со-

ставляющих данной концептосферы: 1) ребенок, женщина, воин (оружие, битва); 2) часть тела, состояние (эмоциональное / физическое); 3) тюрьма (оковы), дом, город (социальный институт), тень (покров, маска), предмет одежды (ткань), кукла (предмет игры), еда, предмет быта.

Образ **ребенка** развивается в основном тропами метафорической группы с преобладанием метафорических сравнений и эпитетов. Было выделено три основных направления развертывания этого образа. Во-первых, ребенок символизирует прошлое, при этом Р. Эллисон рисует образ плачущего, недовольного, некрасивого малыша [Ср. *Ellison*, 1992: 78, 97, 227, 328 и др.]. Во-вторых, детьми называется афроамериканская диаспора – это тоже ребенок, требующий утешения и защиты. I see in my mind's eye the fatal atmosphere of that jam-packed auditorium: The Founder holds the audience within the gentle palm of his eloquence, *rocking it, soothing it, instructing it*; and there below, the rapt faces blushed by the glow of the big pot-bellied stove now turned cherry-red with its glowing; yes, the spellbound rows caught in the imperious truth of the message. [*Ellison*, 1992: 122-123, ср. также 79, 127].

Третий денотат – это отдельный человек, преимущественно черный, испытывающий страдания, гибнущий [Ср. *Ellison*, 1992: 86, 225, 246, 264, 291, 430]. Ни разу Р. Эллисон не вводит описания радости, смеха, детских шалостей.

Наиболее интересные примеры развития образа **женщины** дает смешанная группа тропов, представленная аллегорией. Подобно ребенку, женщина у Р. Эллисона символизирует либо прошлые и настоящие беды диаспоры (при этом даются описания пожилой негритянки) [Ср. *Ellison*, 1992: 246, 252, 261, 460], либо это аллегория несчастий черного мужчины (здесь задействуется образ белой женщины) [Ср. *Ellison*, 1992: 42, 57-59, 111-112, 516]. Женщина предстает либо плачущей, горюющей, либо нежеланной, либо она пытается проявить заботу, милосердие, так как она его понимает. Метафорическая и метонимическая связь в данном случае вполне традиционна и укладывается в рамки стандартных словарных дефиниций.

В метафорической группе концепты **воин / оружие / битва** имеют несколько основных денотатов: сам человек (афроамериканец), негроидная раса и афроамериканская диаспора, их история, то или иное чувство, звук или слово.

В описаниях негра, расы и диаспоры наиболее часто задействуются понятия бумеранга (*boomerang*), поражения (*defeat*), принятого ультиматума (*ultimatum accepted*), желания вырвать победу (*to snatch the victory*). I have been *boomeranged* across my head so much that I now can see the darkness of lightness. [*Ellison*, 1992: 6]; That is why I *fight my battle* with Monopolated Light & Power. [*Ellison*, 1992: 6-7]; On his death bed he called my father to him and said, "Son, after I'm gone I want you *to keep up the good fight*. I never told you, but our life is a war and I have been a *traitor* all

my born days, a spy in the enemy's country ever since I give up my gun back in the Reconstruction. Live with your head in the lion's mouth. I want you to overcome 'em with yeses, undermine 'em with grins, agree 'em to death and destruction, let 'em swoller you till they vomit or bust wide open." [Ellison, 1992: 15-16]; Around me the students move with faces frozen in solemn masks, and I seem to hear already the voices mechanically raised in the songs the visitors loved. (Loved? Demanded. Sung? An ultimatum accepted and ritualized, an allegiance recited for the peace it imparted, and for that perhaps loved. Loved as the defeated come to love the symbols of their conquerors. A gesture of acceptance, of terms laid down and reluctantly approved.) [Ellison, 1992: 108-109]; Thus I have come a long way and returned and boomeranged a long way from the point in society toward which I originally aspired. [Ellison, 1992: 564, ср. также 6, 127, 135, 324, 356, 361-362 и др.]

Из всего спектра чувств в данном случае Р. Эллисон выбирает чувства презрения (*contempt*), ненависти (*hate*), страха (*fear*), усталости (*tiredness*), а также ощущения затруднительности положения (*predicament, fretting over my identity, boomeranging my expectations*). [Ср. Ellison, 1992: 15, 47, 97, 238, 345].

Слово, звук, песня описываются в таких понятиях как акт насилия (*act of violence*), бомбардировка (*bombardment*), взрывчатка, взрываться (*to explode, blast*), отступающие войска (*to make an orderly retreat*), пули (*to strike like bullets, to explode like a rifle shot, rifling of bullets*), ядра (*to hit like a cannon ball*), ракеты (*to burst forth like a rocket*). The song burst forth like a rocket to the marching tempo of clapping hands. [Ellison, 1992: 331]; The words struck like bullets close range, blasting my satisfaction to earth. [Ellison, 1992: 543]; Songs flared between speeches, chants exploded as spontaneously as shouts at a southern revival. [Ellison, 1992: 333]; I listened carefully, trying to snatch a phrase here, a word there, from the arsenal of hard, precise terms. It was becoming a high-keyed evening. [Ellison, 1992: 333; ср. также 110, 114, 162, 274].

Дополнительно отметим такой денотат как автомобиль, при этом активно используется глагол *to stab* [Ellison, 1992: 4, 293, 522].

В метонимической группе повторяются описания палки, кнута, подневольной драки на потеху (*stick, strap, battle royal*), как атрибутов рабства, а также пистолета или курка, которые дают примеры си-некдохи и связаны либо с властью и безнаказанностью, либо с мстостью за испытанное насилие [Ellison, 1992: 92, 221, 271-272, 328].

В смешанной группе снова выбирается образ бумеранга, как символа грядущего отмщения, либо образ ножа, как аллегории избавления от иллюзий, потери надежд. Beware of those who speak of the spiral of history; they are preparing a boomerang. Keep a steel helmet handy. [Ellison, 1992: 6; ср. также 559-561].

Понятие **части тела** соотносится в метафорической группе с довольно разнообразными денотатами. Ассоциативная связь строится как на прямом сходстве объектов, так и на сенсорных и эмоциональных составляющих. Примерами прямого метафорического сравнения и переноса может служить уподобление микро-

фона черепа (*the steel skull of man*). В данном случае на первый план выходит сходство формы, хотя не исключено, что задействуются и потенциальные семы связи со смертью, гибелью, если учесть, что микрофон используется для озвучивания политических речей, которые в конечном итоге приводят к череде погромов [Ellison, 1992: 334]. Другой пример – проведение аналогии между луной и «налитым кровью глазом белого». Полагаем, что и здесь присутствуют потенциальные, скрытые компоненты значения, помогающие передать напряженность, предчувствие беды. And we drifting forward with rigid motions, limbs stiff and voices now silent, as though on exhibit even in the dark, and the moon a *white man's bloodshot eye*. [Ellison, 1992: 107]

Достаточно традиционное уподобление биения сердца звуку барабанной дробы дает пример синестезического метафорического сравнения [Ellison, 1992: 12].

Примерами метафорической связи, в большей мере построенной на эмоциональных компонентах значения, может служить сравнение потери чего-либо сокровенного с больным зубом, кровавой пеной – с прошлым диаспоры, непорядочности, бесчестности – с гноем [Ellison, 1992: 109, 110, 266, 368, 501]. Примеры эпитета ограничиваются сочетаниями *blood-red moon* и *teethy-eyed excitement* [Ellison, 1992: 107, 246].

Довольно многочисленная метонимическая группа представлена, в основном, синекдохой и реализует модель «часть тела – человек». Наиболее часто повторяется упоминание руки, лица, крови и глаза [Ellison, 1992: 41, 108, 130, 202, 203, 231, 238, 246, 432 и др.]. Последние два денотата являются компонентами метонимического переноса «кровь – беда, гибель» и «глаз (искусственный) – фальшь, неискренность, предательство» [Ellison, 1992: 51, 109, 228, 229, 231, 347, 366, 369, 467 и др.].

Аллегория представлена у Р. Эллисона описанием сна о кастрации – символа болезненного избавления от иллюзий. "Now you're free of illusions," Jack said, pointing to *my seed* wasting upon the air. "How does it feel to be free of one's illusions?"

And I looked up through a pain so intense now that the air seemed to roar with the clanging of metal, hearing, HOW DOES IT FEEL TO BE FREE OF ILLUSION...

And now I answered, "Painful and empty," as I saw a glittering butterfly circle three times around my *blood-red parts*, up there beneath the bridge's high arch. [Ellison, 1992: 559 – 561]

Описывая различные **состояния**, как нигде более, Р. Эллисон прибегает к приему метафорического олицетворения. Антропоморфными характеристиками наделяются, в основном, негативные, тяжелые эмоции, ощущения (*sickness, fear, sorrow, pain, terror, turmoil*). And seeing him I felt *the fear* balled coldly within me unfold. [Ellison, 1992: 96]; And at our throats already we felt *the cold hands* of sorrow. [Ellison, 1992: 126]; Whatever my responsibility was for what had occurred, I knew that I

would pay for it, knew that I would be expelled, and *the very idea* stabbed my insides again. [Ellison, 1992: 144]

Олицетворение надежды и силы у Р. Эллисона очень близко к европейским примерам. Это неслучайно – дальнейшее развитие сюжета ([Ellison, 1992: 124, 140]) и подбор языковых средств (*my young friends, a purple picture, a soaring vulture, noble eagle, moaning dove, confident, self-assuring, self-starting and self-stopping, self-warming, self-justifying*) позволяют в этом убедиться.

В метонимической группе описания изумления, боли, агонии, ярости и других *негативных* эмоций являются синекдохой испытаний, лишений [Ср. Ellison, 1992: 123, 236, 500].

Смешанная группа тропов для данного концепта эксплицитно не представлена, но описания различного рода эмоциональных и физических состояний сливается с аллегоричным развитием сюжетной линии в целом, и познанием себя, избавлением от иллюзий, обретением Бога, в частности.

В метафорической группе концепт **тюрьмы, цепей, кандалов, пленения** связаны в первую очередь с реалиями существования афроамериканской диаспоры и настоящим рабством, поэтому неудивительно, что наиболее частотной моделью становится метафорическая связь «каторжанин, заключенный – негр, афроамериканец». В данном случае, Р. Эллисон задействует тропы метафорической группы: метафорическое сравнение, прямую метафору, инвертированный и метафорический эпитет, а так же смешанную группу, представленную аллегорией. Отметим, что если при использовании тропов метафорической группы, Р. Эллисон рисует образ человека, реально зависящего от тех или иных обстоятельств, людей, то в аллегорической связи акцент смещается на внутреннюю несвободу, зависимость от своих собственных иллюзий.

Ahead of the radiator's gleaming curve they looked *like a chain gang* on its way to make a road. [Ellison, 1992: 70]; And here and there I saw Negroes who hurried along with leather pouches strapped to their wrists. They reminded me fleetingly of *prisoners carrying their leg irons as they escaped from a chain gang*. [Ellison, 1992: 161]; They fell in line *like prisoners*: preachers, politicians, various professionals, proving Clifton correct. [Ellison, 1992: 372; cp. 559-561]

Другая частотная связь – «оковы, тюрьма – затруднительное положение, обязательства (в основном, морального плана), память». Эта модель представлена, в основном, прямой метафорой. Then just the very thought of the fix I'm in *puts the iron* back in me. [Ellison, 1992: 60]; "I wouldn't mind, but my father would consider my revelation the most extreme treason... You're free of him now. I'm still his *prisoner*. You have been *freed*, don't you understand? I've still my battle." He seemed near tears. [Ellison, 1992: 188-189]; But the cop would be Clifton's historian, his *judge*, his *witness*, and his *executioner*, and I was the only brother in the watching crowd. And I, the only *witness for the defence*, knew neither the extent of his guilt nor

the nature of his *crime*. [Ellison, 1992: 432]; My kid died from the t-bees in that *deathtrap*, but I bet a man ain't more go'n be born in there. [Ellison, 1992: 537]; Until some gang succeeds in *putting the world in a strait jacket*, its definition is possibility. [Ellison, 1992: 567]

Стоит отметить реализацию еще одной модели «свет, луч (электрический, искусственный) – клетка, оковы». В данном случае, нам представлена трактовка, совпадающая с традиционными афроамериканскими представлениями о свете, как о вестнике беды, части враждебного мира белых. У Р. Эллисона эта модель развивается при помощи сравнения и эпитета. I went toward the microphone where Brother Jack himself waited, entering the spot of light that surrounded me *like a seamless cage of stainless steel*. [Ellison, 1992: 333]; Far ahead in the dark I saw the monumental bridge, *ropes of lights* across the dark river. [Ellison, 1992: 524]

Развитие концепта тюрьмы и оков при помощи метонимии позволяет выделить два основных образа, два афроамериканских человеческих типа, противопоставленных друг другу. Один из них – это профессор Бледсоу (*Bledsoe*), директор колледжа, который покинул Человек-невидимка. С именем профессора связаны все благие начинания в области образования диаспоры. У него много белых покровителей, готовых поддерживать его проекты. Но его забота о черной молодежи – только видимость, маска, удобная белой Америке, и символом его неискренности и откровенного лицемерия становится звено от кандалной цепи, которое он держит на столе вместо пресс-папье. Дело в том, что это звено абсолютно новое, связанное с тяготами прошлой жизни лишь условно. Глядя на него, невозможно представить, что подобные случаи действительно имели место. От прошлого можно легко отмахнуться, сделать из него затейливую игрушку, с одной стороны, и в тоже время умело им пользоваться в случае необходимости. Suddenly he reached for something beneath a pile of papers, *an old leg shackle* from slavery which he proudly called a "Symbol of our progress." [Ellison, 1992: 138]

Другой образ – это один из рядовых участников подпольной организации по имени Тарп (*Tarp*). В отличие от профессора, Тарп никогда не произносит речей о поправлении чувств диаспоры. Он вообще сдержан, никогда не выражает какой-либо неприязни, примирен со своим прошлым, но его самый заветный талисман – звено кандалной цепи, только на этот раз реальной, со следами взлома, оставленными, когда Тарп бежал из плена нечеловеческого существования. Это талисман он дарит Человеку-невидимке, как самый дорогой символ доверия. I took it in my hand, a thick dark, oily piece of field steel that had been twisted open and forced partly back into place, on which I saw marks that might have been made by the blade of a hatchet. It was such a link as I had seen on Bledsoe's desk, only while that one had been *smooth*., Tarp's bore *the marks of haste and violence*, looking as though it had been attacked and conquered before it stubbornly yielded. [Ellison, 1992: 381]

Следующий концепт – это концепт **дома, жилища**. У Р. Эллисона три основных и наиболее значимых трактовки этого понятия. Во-первых, это мелодия, музыка, обычно джазовая, соул или в стиле спиричуэл, т.е. типично афроамериканская. *I not only entered the music but descended, like Dante, into its depths.* [Ellison, 1992: 8-9]; *Then somehow I came out of it, ascending hastily from this underworld of sound to hear Louis Armstrong innocently asking, What did I do | To be so black | And blue?* [Ellison, 1992: 12]

Во-вторых, это обретение своей истории, расового братства, духовной семьи, единение с диаспорой. *I feel that here, after a long and desperate and uncommonly blind journey, I have come home... Home! With your eyes upon me I feel that I've found my true family! My true people! My true country! I am a new citizen of the country of your vision, a native of your fraternal land.* [Ellison, 1992: 339]

Эти модели развиваются при помощи тропов метафорической группы. В метонимической группе Р. Эллисон дает примеры другой модели, где реальное жилище связывается с ежедневной молитвой, и это обращение к Богу становится синекдохой самого Божественного образа [Ellison, 1992: 264-265, 266, 272].

Наконец, все три модели сливаются воедино при помощи аллегории, где обретение покоя, песни и дома становится символом обретения Господа. Так, Р. Эллисон замыкает круг тропеического развертывания и возвращает читателя к первой группе концептов, символизирующих Высшее начало. *These old ones are out in the snow, but we're here with them. Look at their stuff, not a pit to hiss in, nor a window to shout the news and us right with them. Look at them, not a shack to pray in or an alley to sing the blues! They're facing a gun and we're facing it with them. They don't want the world, but only Jesus. They only want Jesus, just fifteen minutes of Jesus on the rug-bare floor... How about it, Mr. Law? Do we get our fifteen minutes' worth of Jesus? You got the world, can we have our Jesus?* [Ellison, 1992: 272]

Из одиночных денотатов концепта «дом» отметим достаточно развернутую трактовку «гроб – дом», которая, впрочем, посредством ряда дальнейших контекстов примыкает к моделям «музыка – дом», «молитва – дом», «Бог – дом», в частности через описания звуков похоронного марша, погребальной песни-молитвы, заупокойной службы и упоминание имени Божьего [Ellison, 1992: 451 – 453].

Образ дверей, ворот представлен в романе метонимической и аллегорической связью в ограниченном ряде контекстов. Данный образ служит символом мук, бессилия, ожидания беды [Ср. Ellison, 1992: 108]. Подобная трактовка встречается в автобиографиях Ф.Дугласса – представителя ранней афроамериканской литературы. Нужно отметить, что подобное прочтение ворот, как символа лишений, страданий, нетипична для европейской традиции, согласно которой ворота являются частью возвышения, перехода в

другие (лучшие) жизненные условия, а также символизируют единение с Богом.

Основными моделями тропеического развертывания концепта **город / социальный институт** стали метафорическая модель «обретение братства, истории – обретение родины, страны» [Ellison, 1992: 339] и модель «часть города, социального института (колледжа, приюта, бара) – целое (город, социальный институт)», представленная рядом метонимических контекстов [Ellison, 1992: 78, 81, 94, 130, 218, 328, 471, 569 и др.].

Тень / покров / маска – один из наиболее развернутых и частотных образов в романе Р. Эллисона. С помощью тропов метафорической группы развиваются следующие модели: «дымка, туман – покров», «одежда – занавес», «лицо – маска», «существование – тень» [Ср. Ellison, 1992: 13, 19, 100, 109, 134, 182, 267, 274, 394, 409, 551 и др.].

В метонимической группе тень является частью смерти, маска – символом покорности, подчинения, принятия своих обязанностей. Around me the students move with faces frozen in *solemn masks*, and I seem to hear already the voices mechanically raised in the songs the visitors loved. (Loved? Demanded. Sung? An ultimatum accepted and ritualized, an allegiance recited for the peace it imparted, and for that perhaps loved. Loved as the defeated come to love the symbols of their conquerors. A gesture of acceptance, of terms laid down and reluctantly approved.); Here upon this stage the black rite of Horatio Alger was performed to God's own acting script, with millionaires come down to portray themselves; not merely acting out the myth of their goodness, and wealth and success and power and benevolence and authority in *cardboard masks*, but themselves, these virtues concretely! Not the wafer and the wine, but the flesh and the blood, vibrant and alive, and vibrant even when stopped, ancient and withered. (And who, in face of this, would not believe? Could even doubt?) [Ellison, 1992: 108 – 109].

Аллегория связывает воедино тьму и невидимость с утраченным прошлым, былыми иллюзиями, несбывшимися надеждами. I remember that *I am invisible* and walk softly so as not to awaken the sleeping ones. Sometimes it is best not to awaken them: there are few things in the world as dangerous as sleepwalkers. [Ellison, 1992: 5]; Without light I am not only *invisible*, but formless as well; and to be unaware of one's form is to live a death. [Ellison, 1992: 6]; Before that I lived in the *darkness* into which I was chased, but now I see. [Ellison, 1992: 13]

Концепт маски и покрыва тесно связан у Р. Эллисона с ощущением слепоты, лишением зрения, очками, глазами, глазными протезами. Так, все персонажи (черные или белые), претендующие на роль лидеров, способных объединить афроамериканскую диаспору, в конечном итоге оказываются либо совсем слепыми (*Homer A/Barbee*), либо частично лишенными способности видеть (*Brother Jack*). Неискренность намерений проявляется через аллегорическую связь с очками или фальшивыми глазами, пугающими и от-

талкивающими в своей искусственности. Only in the Brotherhood had there seemed a chance for such as us, *the mere glimmer of a light*, but behind *the polished and humane facade of Jack's eye* I'd found *an amorphous form* and *a harsh red rawness*. [Ellison, 1992: 499]; Discipline is sacrifice. Yes, and *blindness*. Yes. And me sitting here while he tries to intimidate me. That's it, with his goddam *blind glass eye*... Should you show him you get it? Shouldn't you? Shouldn't he know it? Hurry! Shouldn't you? Look at it there, a good job, *an almost perfect imitation that seemed alive*. [Ellison, 1992: 467]; I looked at his eye. So he knows how I feel. Which eye is really *the blind one*? [Ellison, 1992: 470][Ср. Ellison, 1992: 130, 326 – 327 и др.]

Сами афроамериканцы не раз описываются как «нация слепых (мышей)» (*a nation of one eyed (blind) mice*), «слепцы» (*dumb one-eyed brothers, totally blind men, the blind, bat blind*), «люди со слепым умом» (*blind minds*) и т.д. Сначала они не видят страданий Человека-невидимки (в данном контексте синекдоха диаспоры), не замечают его попытки изменить себя и мир, а затем невидимым становится и он сам. С другой стороны, желая затеряться в толпе, главный персонаж (пока еще видимый) надевает черные очки и, в зависимости от желания, становится либо праздным повесой, либо служащим, клерком, либо священником традиционной церкви, либо врачом. Все эти люди носят не только черные очки, но и одно имя (*Rinehart*), что в данном случае является синекдохой начавшего формироваться в Гарлеме того времени круга черной буржуазии, желавшей во чтобы-то ни стало стать частью белой Америки. Черные очки, слепота – плата за престижную работу, стабильное положение. Then three men in natty cream-colored summer suits came to stand near me at the curb, and something about them struck me like a hammer. They were all wearing *dark glasses*. I had seen it thousands of times, but suddenly what I had considered an empty imitation of a Hollywood fad was flooded with personal significance. [Ellison, 1992: 474] [Ср. Ellison, 1992: 504, 547 и др.]

Концепт **предмет одежды / ткань**, и это вполне оправданно, связан в первую очередь с самим человеком. Так, с помощью метафорического сравнения обмякшее тело уподобляется мешку тряпок (*a sack of old clothes*), волосы *белого* приравняются к шелку (*silk floss*), голос и чувства связываются с образом нити, пряжи, сплетаемой в полотно (*emotions woven into his words, voices...weaving, embroidering*). Модель «чувства, эмоции – нить, соединение» получает дальнейшее развитие и при помощи прямой метафоры. No more *flying apart at the seams*, no more remembering forgotten pains... [Ellison, 1992: 328; ср. 505, 509]

Путем метафорического развертывания получает языковую реализацию модель «ум, возможность самостоятельно мыслить – туго зашнурованный предмет одежды» (*minds laced up*), а также модель «обноски раба – прошлое». Последняя модель усиливается включением в контекст инвертированного эпитета. Smiled warmly at

his old campaigner, his loyal champion, his adjunct, that marvelous singer of the old songs, who had rallied his spirit during times of distress and discouragement, who with his singing of the old familiar melodies soothed the doubts and fears of the multitude; he who had rallied the ignorant, the fearful and suspicious, those still *wrapped in the rags* of slavery; him, your leader, who calmed the children of the storm. [Ellison, 1992: 127]

При описании типично афроамериканских черт Р. Эллисон привлекает метафорический эпитет, развивающий модель «кожа – ткань (бархат)». And now close up, leaning tall and relaxed, his arms outstretched stiffly upon the table, I saw the broad, taut span of his knuckles upon the dark grain of the wood, the muscular, sweated arms, the curving line of the chest rising to the easy pulsing of his throat, to the square, smooth chin, and saw a small X-shaped patch of adhesive upon the subtly blended, *velvet-over-stone*, granite-over-bone, Afro-Anglo-Saxon contour of his cheek. [Ellison, 1992: 356]

Из примеров метафорической связи дополнительно отметим модель «пестрые тряпки, обноски роскошной одежды – увядающие цветы». Stale and wilted flowers, rejected downtown, blazed feverishly on a cart, *like glamorous rags* festering beneath a futile spray from a punctured fruit juice can. [Ellison, 1992: 453]

Метонимическая группа изобилует примерами стандартной синекдохальной связи «предмет одежды – человек». Отметим, что наиболее частотной является модель «обувь – афроамериканец». Единственным примером метонимии, несущей символическое значение и подкрепленной примерами аллегорической и метафорической связи, можно считать упоминание (темных) очков (*dark glasses*, *Rineharts*), связанных с понятием слепоты, тьмы, невидимости для других, невозможности адекватно оценивать ситуацию, преследования корыстных целей.

В целом, помимо последней упомянутой модели и описания афроамериканских черт, концепт предмета одежды, ткани получает у Р. Эллисона прочтение, близкое к стандартной европейской трактовке.

Образ *куклы и игры* имеет у Р. Эллисона три основных прочтения. Во-первых, это становление человека (молодого афроамериканца), его будущее, которое предстает как азартная игра, обычно карточная, реже рулетка. Сам афроамериканец, в данном случае, является синекдохой коллективного понятия диаспоры. Наиболее частотными являются примеры метафорического сравнения, прямой метафоры, реже встречается олицетворение истории, которая предстает в образе одержимого картежника. Finally, I went to the mirror and gave myself an admiring smile as I spread the letters upon the dresser *like a hand of high trump cards*. [Ellison, 1992: 160]; The world moves in a circle *like a roulette wheel*. In the beginning black is on top, in the middle epochs, white holds the odds, but soon Ethiopia shall stretch forth her noble wings! Then place your money on the black! [Ellison, 1992: 80]; What if history was a *gambler*, instead of a force in a laboratory experiment, and the

boys his age in the hole? What if history was not a reasonable citizen, but a madman full of paranoid guile and these boys his agents, his big surprise! [Ellison, 1992: 434; cp. 93, 141, 151, 193, 251, 345, 408]

Вторая линия – это образ Смоляного Чучелка (*Tar Baby*), персонажа афроамериканского фольклора. Этот образ получает разную трактовку в афроамериканской литературе XX в. Так, если для Т. Моррисон это символ афроамериканской культуры, то для Р. Эллисона это метонимия рабства и унижений. В качестве прямой метафоры, Смоляное Чучелко обозначает пожилого афроамериканца, идущего на поводу у белого и противостоящего интересам собрата. Подобное прочтение образа Смоляного Чучелка близко к исходной сказке, в которой Братец Лис (белый) использовал этот персонаж, чтобы поймать Братца Кролика (афроамериканца). Подтверждает эту трактовку и частая замена главным героем Человеком-невидимкой своего (так и оставшегося тайной) реального имени эпитетом Братец Кролик, Молоденький Кролик (*Brer Rabbit, Buckeye the Rabbit*) [Cp. Ellison, 1992: 222, 235-239].

Близко примыкает к образу *Tar Baby* и третья линия, представленная у Р. Эллисона тремя основными персонажами: картонной куклой-марионеткой Самбо, куклой-копилкой в виде широко улыбающегося негра с протянутой рукой и железным роботом. Все три символизируют либо беспомощность и зависимость диаспоры, либо (робот) неизбежность, неотвратимость грядущих бед. Эти образы развиваются при помощи прямого метафорического переноса, метонимии и синекдохи, аллегории. But he knew that only in the Brotherhood could we make ourselves known, could we avoid being *empty Sambo dolls*. [Ellison, 1992: 427]; ... they (black boys – *Е.Ш.*) were outside, in the dark with Sambo, the dancing paper doll; taking it on the lambo with my fallen brother, Tod Clifton (Tod, Tod) running and dodging the forces of history instead of making a dominating stand. [Ellison, 1992: 434]; Then near the door I saw something which I'd never noticed there before: *the cast-iron figure* of a very black, red-lipped and wide-mouthed Negro, whose white eyes stared up at me from the floor, his face enormous grin, his single large black hand held palm up before his chest. It was a bank, a piece of early Americana, the kind of bank which, if a coin is placed in the hand and a lever pressed upon the back, will raise its arm and flip the coin into the grinning mouth. For a second I stopped, feeling hate charging within me, then dashed over and grabbed it, suddenly as enraged by the tolerance or lack of discrimination, or whatever, that allowed Mary to keep such a self-mocking image around, as by the knocking. (...); My brief case with *the broken image* lay on the table. I would get rid of the package later; right now I had to think about tonight's rally. [Ellison, 1992: 312, 325]; And high above me now the bridge seemed to move off to where I could not see, striding like a robot, *an iron man*, whose iron legs clanged doomfully as it moved. And then I struggled up, full of sorrow and pain, shouting, "No, no, we must stop him!" [Ellison, 1992: 559 – 561]

В группе сравнения к ним добавляется образ чертенка из табакерки, при этом игрушка часто неисправна. Yes, I thought, what about those of us,

who shoot up from the South into the busy city *like wild jacks-in-the-box broken loose from our springs* – so sudden that our gait becomes like that of deep-sea divers suffering from the bends? [Ellison, 1992: 433; cp. 23]

В группе сравнения отметим еще один частотный образ, а именно уподобление человека (его тела или части тела) и звука (музыки) мячу или шару. *Seeing their fingers coming toward me I rolled away as a fumbled football rolls off the receiver's fingertips, back into the coals.* [Ellison, 1992: 28]; *I heard the sharp intake of breath, like a toy-balloon suddenly deflated.* [Ellison, 1992: 49]; *Mr. Norton's head jerked like a jabbed punching bag.* Five pale red lines bloomed on the white cheek, glowing like fire beneath translucent stone. [Ellison, 1992: 77]; *I toss the word sounds in my breath, my bellows, my fountain, like bright-colored balls in a water spout.* [Ellison, 1992: 111-112]

В группе *еды, пищи* Р. Эллисон намеренно выбирает типично афроамериканские понятия, такие как сладкий картофель (ямс) и свиные рубцы, давно ставшие в США частью афроамериканской национальной кухни. Но если ямс у Р. Эллисона – символ юга США, безмятежной жизни, семьи, лучшего в афроамериканской традиции, истинное наследие Африки, то свиные рубцы появляются только в негативно окрашенных контекстах и сама лексема имеет исключительно отрицательный коннотативный компонент. В языковой реализации этих образов задействованы метафорическое сравнение, метонимия и аллегория. *To hell with all that, and as sweet as the yam actually was, it became like nectar with the thought.* [Ellison, 1992: 258]; *Yes, and we'd loved them candied, or baked in a cobbler, deep-fat fried in a pocket of dough, or roasted with pork and glazed with the well-browned fat; had chewed them raw – yams and years ago. More yams than years ago, though the time seemed endlessly expanded, stretched thin as the spiraling smoke beyond all recall.* [Ellison, 1992: 256]; *I saw myself advancing upon Bledsoe, standing bare of his false humility in the crowded lobby of Men's House, and seeing him there and him seeing me and ignoring me and me enraged and suddenly whipping out a foot or two of chitterlings, raw, uncleaned and dripping sticky circles on the floor as I shake them in his face.* [Ellison, 1992: 258]; *And he lugs chitterlings of them, with mustard greens, and racks of pigs' ears, and pork chops and black-eyed peas with dull accusing eyes.* [Ellison, 1992: 259]; *"He threw a hog maw," I cried, but no one seemed to understand.* [Ellison, 1992: 306]

В метафорической группе Р. Эллисон также использует понятия сахара, испорченной, несъедобной пищи, черная раса предстает как нечто ненужное, пережеванное и т.д. [Ellison, 1992: 230, 296, 358, 500, 501].

В метонимической и смешанной группах тропеическое развертывание получают понятия хлеба или его запаха – символа мира и защищенности, уверенности в завтрашнем дне, и свернувшееся молоко черных женщин, как часть или аллегория тягот прошлого, попрания прав диаспоры и т.д. [Ellison, 1992: 109 – 110, 134, 172].

Основными денотатами для построения аналогии на основе концепта **предмет быта** является либо сам человек, либо его чувства. У Р. Эллисона напряженный, взвинченный человек сравнивается с будильником, готовым зазвонить, пристально следящий за чем-либо – с объективом камеры [Ellison, 1992: 182, 333]. Метафорический перенос дает примеры традиционных моделей «человек – машина, винтик», «красота женщины – творение искусства». Чувство негодования, неприятия уподобляется неудобному матрасу или одежде [Ellison, 1992: 42, 44, 79, 92, 212-213, 389, 496-497].

В метонимической группе примеры связаны с моделью «предмет профессиональной деятельности – специальность, профессия, призвание» [Ellison, 1992: 92, 108].

Одним из наиболее развернутых является описание выселения стариков, где целый ряд разнообразных, довольно убогих, но собранных и хранимых с большой любовью, предметов обихода является метонимией прошлой жизни, былых надежд, семейных уз (Ср. *pots of green plants, a straightening comb, switches of false hair, a curling iron, a card, the lucky stone, a whiskey bottle filled with rock candy and camphor, a small Ethiopian flag, a faded tintype of Abraham Lincoln, and the smiling image of a Hollywood star, on a pillow several badly cracked pieces of delicate china, a commemorative plate celebrating the St. Louis World's Fair, old folded lace fan studded with jet and mother-of-pearl, a banjo beneath a bar of music and the lyric "Going back to my old cabin home"; a useless inhalant, a string of bright glass beads with a tarnished clasp, a rabbit foot, a celluloid baseball scoring card, an old breast pump with rubber bulb yellowed with age, a worn baby shoe and a dusty lock of infant hair tied with faded and crumpled blue ribbon, free papers...*). Следует отметить, что в данном случае Р. Эллисон описывает предметы, традиционно связанные с бытом афроамериканцев, жизнью на плантации и в городском гетто [Ellison, 1992: 264-265, 266, 272]. Другим примером подобных метонимических отношений служит соотнесение кровати с процветанием и постели на полу с бедностью, нищетой [Ellison, 1992: 305].

В смешанной группе тропов Р. Эллисон задействует образ напольных старомодных часов (*one of them tall grandfather clocks*), являющихся символом истории, прошлого, как диаспоры, так и всей страны [Ellison, 1992: 57-59].

Итак, сфера-источник «человек» представлена у Р. Эллисона тремя основными группами концептов, соотносимых с социальной, физиологической и личностной составляющими. Сферами-мишенями наиболее часто выступают: афроамериканская диаспора, негроидная раса, отдельный афроамериканец, эмоциональные состояния, время (прошое, настоящее, будущее), испытания, звук, музыка и слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988.

2. Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клиненберг и др.; общ. ред. А. К. Авеличева. М., 1986.
3. Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994.
4. Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры. (1991 – 2000). Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
6. Чудинов А. П. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. Т. 9. С. 47 – 57.
7. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Филологический анализ художественного текста. СПб: Специальная литература, 1999.
8. Galperin I. R. Stylistics. Moscow, 1971.
9. Gates H.L., Jr. Figures in Black: Words, Signs and the "Racial" Self. N. Y.: Oxford University Press, 1987.
10. Ellison R. Shadow and Act. N. Y. : Random House, 1964.
11. Ellison R. Invisible Man. N. Y. : The Modern Library, 1992.
12. Ellison R. The Collected Essays. N. Y. : Modern Library, 1995.
13. Ellison R. Flying Home and Other Stories. N. Y. : Random House, 1996.

© Шустрова Е.В., 2006

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Института русского языка им. А.С. Пушкина

БАНАШЕК-ШАПОВАЛОВА АНЕТА – аспирант Силезского университета (Катовице, Польша)

БЕНУА Л. ВИЛЬЯМ – доктор философии, профессор кафедры коммуникации Миссурийского университета (США), редактор журнала «Communication Studies»

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, старший преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

БЭЙН ДЖЕССИКА – аспирант Национального центра по исследованию Европы Кентерберийского университета (Новая Зеландия)

БЭНКС ДЭВИД – профессор Университета Западной Бретани (Брест, Франция), директор ERLA (Объединение исследователей прикладной лингвистики), председатель AFLSF (Французская ассоциация системной функциональной лингвистики)

ВИ ХОК ЭНН ЛАЙОНЕЛ – адъюнкт-профессор кафедры английского языка и литературы Национального Сингапурского университета

ВОДАК РУТ – профессор Ланкастерского университета (Великобритания), глава исследовательского центра Витгенштейна «Дискурс, политика, идентичность» в Венском университете (Австрия), член редакционной коллегии лингвистических журналов и соредактор журналов «Discourse and Society», «Critical Discourse Studies», «The Journal of Language and Politics»

ДРУЛАК ПЁТР – профессор Института политологических исследований Карлового университета, директор Института международных отношений (Прага, Чехия)

КАЙГОРОВОДА НАТАЛЬЯ ГУМАРОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

КОСТЫЛЕВ ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – студент Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ЛАРИОНОВА АЛЛА ЮРЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного технического университета – УПИ

ЛАССАН ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета (Литва)

ЛЕСНЫХ ТАИСА – аспирант Силезского университета (Катовице, Польша)

МОИСЕЕВА ТАТЬЯНА.ВАЛЕРЬЕВНА – аспирант Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

МУСОЛФФ АНДРЕАС – профессор Даремского университета (Великобритания)

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского юридического института МВД

ПРОКОПЬЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

СЕРГЕЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета (Санкт-Петербург)

СЕРГИЕНКО НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков Сургутского государственного университета

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Челябинского государственного педагогического университета

СТЭТС КАТРИНА – докторант политологии Аделаидского университета (Австралия)

ЧАБАН НАТАЛЬЯ – доктор филологии, координатор и член консультационного совета Национального центра по исследованию Европы Кентерберийского университета (Новая Зеландия)

ЧЕРВИНСКИ ПЕТР – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Силезского университета (Катовице, Польша)

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного педагогического университета

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ

ВОРОЖЦОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры английского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

ГЛУХОВА СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – преподаватель кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета.

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета

ОЛЬХОВИКОВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

ПРОКОПЬЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, старший преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии